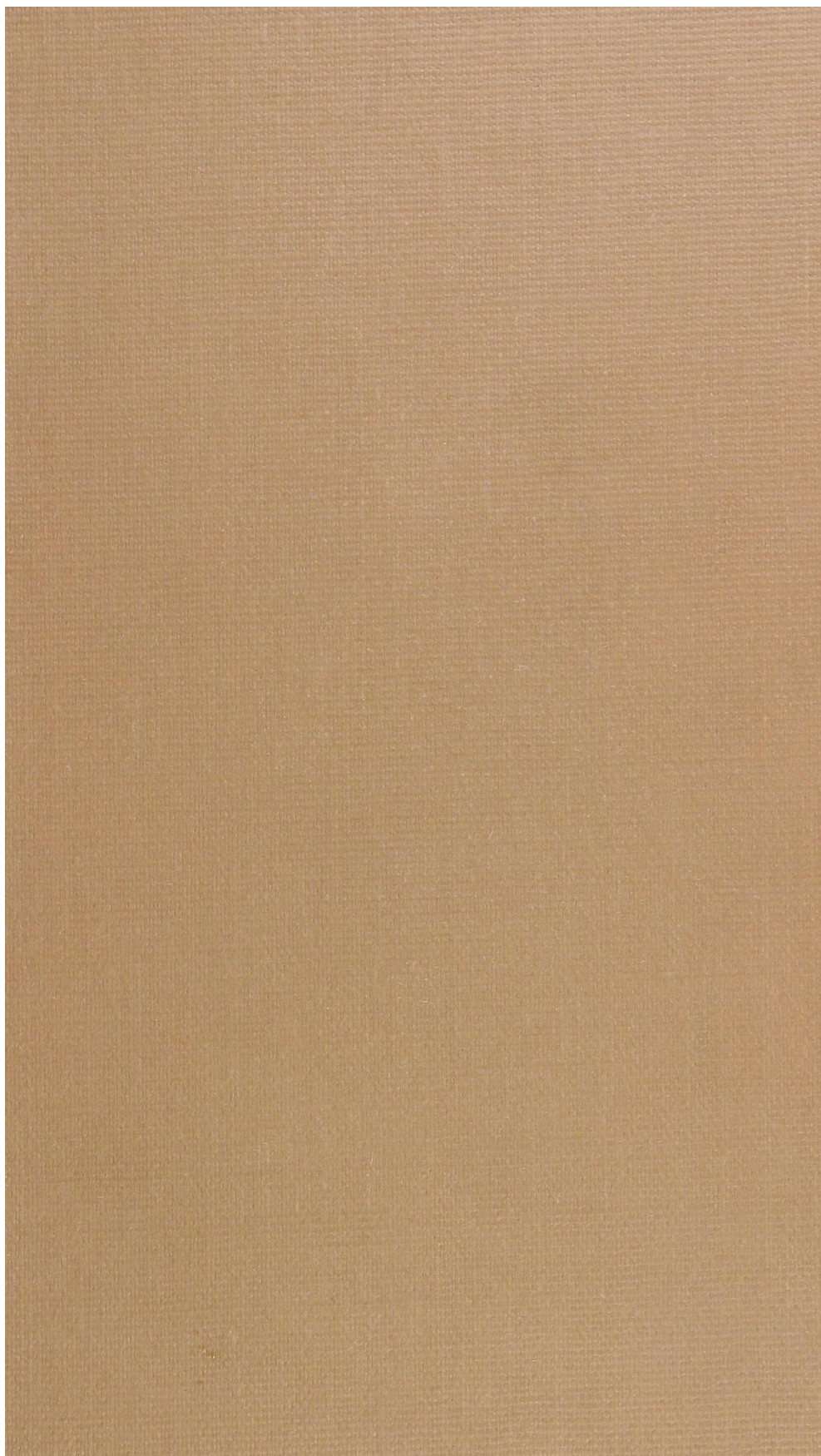

Yale University Library Digital Collections

Title	Uchenyiĭa` zapiski Imperatorskago moskovskago universiteta
Call Number	A42m 130
Creator	
Rights	The use of this image may be subject to the copyright law of the United States (Title 17, United States Code) or to site license or other rights management terms and conditions. The person using the image is liable for any infringement.
Extent of Digitization	Unspecified
Container information	ch.4 / 1834
Generated	2024-02-03 02:35:45 UTC
Terms of Use	https://guides.library.yale.edu/about/policies/access
View in DL	https://collections.library.yale.edu/catalog/31684073

Image ID: 31684074

YALE UNIVERSITY
LIBRARY

Image ID: 31684076

Image ID: 31684077

Image ID: 31684078

Image ID: 31684079

У Ч Е Н Ы Я
З А П И С К И
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 3 4.

~~~~~  
Напечатано по опредѣленію Университетскаго  
Совѣща. Апрѣля 4 дня, 1834 года. *Секретарь*  
*Совѣща Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.*  
~~~~~


УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1834. АПРѢЛЬ. № X.

I. НАУКИ.

A. М Е Х А Н И К А.

**1. О ДВИЖЕНИИ СВОБОДНОЙ НЕИЗМѢНЯЕМОЙ
СИСТЕМЫ ТѢЛЪ.**

Лекція Пр. Перевощикова.

I. Общія правила.

1. Въ *Статикѣ* доказано , что общее
правило равновѣсія многихъ произвольныхъ
силъ $P, P', P'', \dots$ приложенныхъ къ неизмѣ-
Уч. Зап. Ч. I. IV. 1

няемой свободной системою точек, выражается следующими шестью уравнениями:

$$\left. \begin{aligned} Pcs\alpha + P'cs\alpha' + P''cs\alpha'' + \dots &= 0, \\ Pcs\beta + P'cs\beta' + P''cs\beta'' + \dots &= 0, \\ Pcs\gamma + P'cs\gamma' + P''cs\gamma'' + \dots &= 0, \end{aligned} \right\} \dots (A).$$

$$\left. \begin{aligned} P(xcs\beta - \gamma cs\alpha) + P'(x'cs\beta' - \gamma'cs\alpha') \\ + P''(x''cs\beta'' - \gamma''cs\alpha'') + \dots &= 0, \\ P(xcs\gamma - zcs\alpha) + P'(x'cs\gamma' - z'cs\alpha') \\ + P''(x''cs\gamma'' - z''cs\alpha'') + \dots &= 0, \\ P(\gamma cs\gamma - zcs\beta) + P'(\gamma'cs\gamma' - z'cs\beta') \\ + P''(\gamma''cs\gamma'' - z''cs\beta'') + \dots &= 0 \end{aligned} \right\} \dots (B),$$

въ которыхъ α, β, γ ; α', β', γ' ; $\alpha'', \beta'', \gamma''$; и пр. суть углы, составляемые силами P, P', P'' , и пр. съ осями координатъ, относительно коихъ точки приложенія m, m', m'' , . . . сихъ силъ опредѣляются координатами x, y, z ; x', y', z' ; x'', y'', z'' ; и пр. Припомъ уравненія (А) суть условія для прекращенія поступательнаго движенія; а уравненія (В) выражаютъ условія, потребныя для прекращенія движенія вращательнаго около осей z —въ, y —въ и x —въ. — Уравненія сіи могутъ быть соединены въ одно общее такимъ образомъ:

а) Положимъ, что точки $m', m'', m''', \dots$ относительно точки m определяются координатами $\xi, \eta, \psi; \xi', \eta', \psi';$ и пр.; т. е.

$$x' = x + \xi, \quad y' = y + \eta, \quad z' = z + \psi;$$

$$x'' = x + \xi', \quad y'' = y + \eta', \quad z'' = z + \psi';$$

и пр.

Но какъ система точекъ предполагается неизмѣнною, то координаты $\xi, \eta, \psi; \xi', \eta', \psi';$ и пр. суть количества постоянныя; а потому

$$\delta x' = \delta x, \quad \delta y' = \delta y, \quad \delta z' = \delta z;$$

$$\delta x'' = \delta x, \quad \delta y'' = \delta y, \quad \delta z'' = \delta z;$$

и члены уравненія (А) можно помножить на $\delta x, \delta x', \delta x'', \dots; \delta y, \delta y', \delta y'', \dots; \delta z, \delta z', \delta z'', \dots;$ въ суммѣ произведеній получимъ

$$P(cs\alpha.\delta x + cs\beta.\delta y + cs\gamma.\delta z) + P'(cs\alpha'.\delta x' + cs\beta'.\delta y' + cs\gamma'.\delta z') \\ + P''(cs\alpha''.\delta x'' + cs\beta''.\delta y'' + cs\gamma''.\delta z'') + \dots = 0,$$

или, короче,

$$\Sigma.P(cs\alpha.\delta x + cs\beta.\delta y + cs\gamma.\delta z) = 0 \dots (C).$$

Представимъ теперь, что силы $P, P', P'', \dots$ влекутъ точки системы къ постояннымъ точкамъ, удаленнымъ отъ первыхъ на расстоянія $p, p', p'', \dots$; извѣстно, что при семъ условіи будутъ

$$\delta p = cs\alpha\delta x + cs\beta\delta y + cs\gamma\delta z$$

$$\delta p' = cs\alpha'\delta x' + cs\beta'\delta y' + cs\gamma'\delta z'$$

и пр.

6

МЕХАНИКА

Вспавивъ сіи величины въ урав. (С), получимъ

$$\Sigma . P \delta p = 0 .$$

б) Проложенія прямыхъ линей, проведенныхъ отъ почекъ $m, m', m'', \dots$ въ начало координатъ, изобразимъ чрезъ $r, r', r'', \dots$; углы, сосставляемые сими проложеніями съ осью x —въ означимъ чрезъ $\varphi, \varphi', \varphi'', \dots$; и примемъ, что

$$\varphi' = \varphi + \sigma, \quad \varphi'' = \varphi + \sigma', \dots$$

Отъ сихъ условій budouтъ

$$x = r \cos \varphi, \quad y = r \sin \varphi$$

$$x' = r' \cos \varphi', \quad y' = r' \sin \varphi'$$

$$x'' = r'' \cos \varphi'', \quad y'' = r'' \sin \varphi'',$$

и пр.

Попомъ

$$\left. \begin{aligned} \delta x &= -r \sin \varphi \delta \varphi = -y \delta \varphi, \\ \delta y &= r \cos \varphi \delta \varphi = x \delta \varphi, \\ \delta x' &= -r' \sin \varphi' \delta \varphi' = -y' \delta \varphi', \\ \delta y' &= r' \cos \varphi' \delta \varphi' = x' \delta \varphi', \end{aligned} \right\} \dots (D)$$

и пр.

По причинѣ же неизмѣняемости системы углы $\sigma, \sigma', \dots$ суть количества постоянныя; слѣд.

$$\delta \varphi' = \delta \varphi, \quad \delta \varphi'' = \delta \varphi, \dots$$

а потому члены перваго изъ урав. (B) можно помножить на $\delta\varphi$, $\delta\varphi'$, $\delta\varphi''$, . . . получимъ

$$P(xcs\beta - ycs\alpha)\delta\varphi + P'(x'cs\beta' - y'cs\alpha')\delta\varphi' + P''(x''cs\beta'' - y''cs\alpha'')\delta\varphi'' + \dots = 0,$$

или, по уравненіямъ (D),

$$P(ls\beta\delta y + csa\delta x) + P'(cs\beta'\delta y' + cs\beta'\delta y' + csa'\delta x') + \dots = 0.$$

Но какъ при обращеніи системы около оси z —въ ординаты z остаются постоянными, то не трудно понять, что въ семь случаевъ

$$\delta p = csa\delta x + cs\beta\delta y,$$

$$\delta p' = csa'\delta x' + cs\beta'\delta y',$$

и пр.

и предыдущее уравненіе превращается въ

$$P\delta p + P'\delta p' + P''\delta p'' + \dots = 0.$$

Примѣнивъ сіи разсужденія къ двумъ послѣднимъ уравненіямъ (E), получимъ вмѣсто ихъ паковыя же уравненія.

$$P\delta p + P'\delta p' + P''\delta p'' + \dots = 0,$$

или, короче

$$\Sigma P\delta p = 0 \dots (1).$$

2. Поелику вообще

$$\begin{aligned}\delta p &= cs\alpha\delta x + cs\beta\delta y + cs\gamma\delta z, \\ \delta p' &= cs\alpha'\delta x' + cs\beta'\delta y' + cs\gamma'\delta z',\end{aligned}$$

и пр.

слѣд. уравненіе (1) можно представить въ такомъ видѣ :

$$\left. \begin{aligned} &Pcs\alpha\delta x + Pcs\beta\delta y + Pcs\gamma\delta z \\ &+ P'cs\alpha'\delta x' + P'cs\beta'\delta y' + P'cs\gamma'\delta z' \\ &+ P''cs\alpha''\delta x'' + P''cs\beta''\delta y'' + P''cs\gamma''\delta z'' \\ &+ \dots \end{aligned} \right\} = 0;$$

или

$$\left. \begin{aligned} &X\delta x + Y\delta y + Z\delta z \\ &+ X'\delta x' + Y'\delta y' + Z'\delta z' \\ &+ X''\delta x'' + Y''\delta y'' + Z''\delta z'' \\ &+ \dots \end{aligned} \right\} = 0$$

или, короче

$$\Sigma.(X\delta x + Y\delta y + Z\delta z) = 0 \dots (2);$$

ибо $Pcs\alpha$, $P'cs\alpha'$, $\dots$, $Pcs\beta$, $P'cs\beta'$, $\dots$, $Pcs\gamma$, $P'cs\gamma'$, $\dots$ разлагаются по осямъ координатъ.

3. Въ Спашикѣ замѣчено, что въ математическомъ смыслѣ твердое тѣло есть

вещественныхъ почекъ, соединенныхъ неизмѣнно; такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ быть приведена въ движеніе особенно отъ прочихъ, и въ движущемся тѣлѣ по прямой линіи все его части имѣютъ одну скорость и параллельныя направленія. Посему сила, приводящая въ движеніе твердое тѣло, должна быть измѣряема произведеніемъ массы тѣла на его скорость. Произведеніе сіе называется количествомъ движенія, потому что оно выражаетъ сумму движеній всѣхъ частей тѣла.

4. Положимъ, что многія тѣла, принимаемая по величинѣ за почки, и коихъ массы суть $m', m'', m''' \dots$ соединены въ систему и приведены въ движеніе со скоростями $u, u'', u''' \dots$. Если на каждое изъ нихъ будутъ дѣйствовать ускорительныя силы, могущія сообщать скорости $v', v'', v''' \dots$; то въ случаѣ независимости сихъ тѣлъ количества движенія

$$r'm', r''.m'', r'''.m''', \dots (Q)$$

составились бы изъ количествъ движенія

$$m'u' \text{ и } m'v', m''u'' \text{ и } m''v'', m'''u''' \text{ и } m'''v''', \dots$$

но отъ существующей зависимости между тѣлами системы количества движенія (Q) перемѣняется въ другія

$$\rho'm', \rho''.m'', \rho'''.m''', \dots (Q),$$

которыя будутъ состоятъ изъ кол. дв. $m'u'$, $m''u''$, $m'''u'''$, . . . и ихъ измѣненій $\partial(m'u')$, $\partial(m''u'')$, $\partial(m'''u''')$, происходящихъ отъ дѣйствій приложенныхъ ускорительныхъ силъ и отъ условій системы; слѣд. отъ сихъ условій уничтожающа кол. движенія

$$k'm', k''m'', k'''m''', \dots (Q''),$$

которыя съ (Q') составляютъ (Q) . А поелику (Q'') составляются изъ (Q) и обратно взятыхъ (O') ; то количества движенія

$$- \left\{ \begin{array}{c} u'm' \\ v'm' \\ u'm' \\ \partial(u'm') \end{array} \right\}, \quad - \left\{ \begin{array}{c} u''m'' \\ v''m'' \\ u''m'' \\ \partial(u''m'') \end{array} \right\}, \dots$$

должны удовлетворять условіямъ равновѣсія. Теорема сія принадлежитъ *Деламберту*, и называется *правиломъ* сего великаго Геометра.

5. Припомнимъ, что ежели сила P въ элементъ времени ∂t сообщаетъ скорость ∂v , то

$$\partial v = P \partial t.$$

6. Пусть положеніе шѣлъ $m', m'', m''', \dots$, составляющихъ свободную и неизмѣняемую систему, будетъ опредѣляться координатами

$$x', y', z'; x'', y'', z''; x''', y''', z'''; \dots$$

Если симъ шѣламъ сообщены первоначальныя скорости $u', u'', u''', \dots$; то количества движенія, происходящія отъ сихъ скоростей, разложенныхъ по осямъ, по истеченіи элемента времени, будутъ

$$m' \frac{\partial x'}{\partial t}, m' \frac{\partial y'}{\partial t}, m' \frac{\partial z'}{\partial t};$$

$$m'' \frac{\partial x''}{\partial t}, m'' \frac{\partial y''}{\partial t}, m'' \frac{\partial z''}{\partial t};$$

$$m''' \frac{\partial x'''}{\partial t}, m''' \frac{\partial y'''}{\partial t}, m''' \frac{\partial z'''}{\partial t};$$

и пр.

Теперь, если къ каждому шѣлу приложатся ускорительныя силы, коихъ составныя разлагаются по осямъ на

$$X', Y', Z';$$

$$X'', Y'', Z'';$$

$$X''', Y''', Z''';$$

и пр.

по въ случаѣ независимости пѣлъ ихъ количества движенія, соотвѣтствующія $r'm'$, $r''m''$, ... разложились бы по осямъ на

$$m' \left(\frac{\partial x'}{\partial t} + X' \partial t \right), m' \left(\frac{\partial y'}{\partial t} + Y' \partial t \right), m' \left(\frac{\partial z'}{\partial t} + Z' \partial t \right);$$

$$m'' \left(\frac{\partial x''}{\partial t} + X'' \partial t \right), m'' \left(\frac{\partial y''}{\partial t} + Y'' \partial t \right), m'' \left(\frac{\partial z''}{\partial t} + Z'' \partial t \right);$$

$$m''' \left(\frac{\partial x'''}{\partial t} + X''' \partial t \right), m''' \left(\frac{\partial y'''}{\partial t} + Y''' \partial t \right), m''' \left(\frac{\partial z'''}{\partial t} + Z''' \partial t \right);$$

и пр.

Но по причинѣ зависимости между пѣлами сіи количества движенія превращаются въ

$$m' \left(\frac{\partial x'}{\partial t} + \frac{\partial^2 x'}{\partial t^2} \right), m' \left(\frac{\partial y'}{\partial t} + \frac{\partial^2 y'}{\partial t^2} \right), m' \left(\frac{\partial z'}{\partial t} + \frac{\partial^2 z'}{\partial t^2} \right);$$

$$m'' \left(\frac{\partial x''}{\partial t} + \frac{\partial^2 x''}{\partial t^2} \right), m'' \left(\frac{\partial y''}{\partial t} + \frac{\partial^2 y''}{\partial t^2} \right), m'' \left(\frac{\partial z''}{\partial t} + \frac{\partial^2 z''}{\partial t^2} \right);$$

$$m''' \left(\frac{\partial x'''}{\partial t} + \frac{\partial^2 x'''}{\partial t^2} \right), m''' \left(\frac{\partial y'''}{\partial t} + \frac{\partial^2 y'''}{\partial t^2} \right), m''' \left(\frac{\partial z'''}{\partial t} + \frac{\partial^2 z'''}{\partial t^2} \right);$$

и пр.

соотвѣтствующія кол. движ. $\rho'm'$, $\rho''m''$, ...
Взявъ сіи послѣднія кол. движ. обратно и со-

единивъ ихъ съ предыдущими, получимъ кол.
движенія

$$m' \left(X' \partial t - \frac{\partial^2 x'}{\partial t} \right), m' \left(Y' \partial t - \frac{\partial^2 y'}{\partial t} \right), m' \left(Z' \partial t - \frac{\partial^2 z'}{\partial t} \right);$$

$$m'' \left(X'' \partial t - \frac{\partial^2 x''}{\partial t} \right), m'' \left(Y'' \partial t - \frac{\partial^2 y''}{\partial t} \right), m'' \left(Z'' \partial t - \frac{\partial^2 z''}{\partial t} \right);$$

$$m''' \left(X''' \partial t - \frac{\partial^2 x'''}{\partial t} \right), m''' \left(Y''' \partial t - \frac{\partial^2 y'''}{\partial t} \right), m''' \left(Z''' \partial t - \frac{\partial^2 z'''}{\partial t} \right);$$

и пр. ,

долженствуюція удовлетворяють условіямъ
равновѣсія или урав. (2). Посему общее пра-
вило движенія свободной и неизмѣняемой си-
стемы содержишя въ слѣдующей формулѣ :

$$\Sigma. \left[m' \left(X' \partial t - \frac{\partial^2 x'}{\partial t} \right) \delta x' + m' \left(Y' \partial t - \frac{\partial^2 y'}{\partial t} \right) \delta y' + \right. \\ \left. + m' \left(Z' \partial t - \frac{\partial^2 z'}{\partial t} \right) \delta z' \right] = 0,$$

или

$$\Sigma. \left[m' \left(X' - \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} \right) \delta x' + m' \left(Y' - \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} \right) \delta y' + \right. \\ \left. + m' \left(Z' - \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} \right) \delta z' \right] = 0 \dots (5).$$

II. О движеніи центра тяжести системы
мѣлъ.

7. Пусть будуть $\dot{x}, \dot{y}, \dot{z}$ координаты какой нибудь точки системы; положимъ, что относительно сей точки пѣла $m', m'', \dots$ определяются координатами $\xi, \eta, \psi; \xi', \eta', \psi'; \dots$ такъ что

$$x' = \dot{x} + \xi, y' = \dot{y} + \eta, z' = \dot{z} + \psi,$$

$$x'' = \dot{x} + \xi', y'' = \dot{y} + \eta', z'' = \dot{z} + \psi,$$

и пр.

Поскольку система предполагается неизмѣнною, слѣд. какъ въ ал. 1 выйдушь

$$\delta x' = \delta \dot{x}, \delta y' = \delta \dot{y}, \delta z' = \delta \dot{z},$$

$$\delta x'' = \delta \dot{x}, \delta y'' = \delta \dot{y}, \delta z'' = \delta \dot{z}$$

и пр.

Вставивъ сіи величины въ уравненіе (3), множительный $\delta x', \delta y', \delta z'; \delta x'', \delta y'', \delta z''; \dots$ перемѣнимъ на $\delta \dot{x}, \delta \dot{y}, \delta \dot{z}$, которыя суть между собою независимы; посему найдемъ три уравненія :

$$\sum m' \left(X' - \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} \right) = 0, \quad \sum m' \left(Y' - \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} \right) = 0,$$

$$\sum m' \left(Z' - \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} \right) = 0,$$

или

$$\left. \begin{aligned} m'X' + m''X'' + \dots &= m' \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 x''}{(\partial t)^2} + \dots \\ m'Y' + m''Y'' + \dots &= m' \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 y''}{(\partial t)^2} + \dots \\ m'Z' + m''Z'' + \dots &= m' \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 z''}{(\partial t)^2} + \dots \end{aligned} \right\} \dots (4)$$

8. Ежели координаты $\dot{x}, \dot{y}, \dot{z}$ относящя къ центру тяжести системы телъ, коихъ сумма массъ $m' + m'' + m''' + \dots = M$; то извѣстно, что (см. N. IV Уч. З.)

$$M\dot{x} = m'x' + m''x'' + \dots$$

$$M\dot{y} = m'y' + m''y'' + \dots$$

$$M\dot{z} = m'z' + m''z'' + \dots$$

Дифференцируя сіи движенія относительно t , получимъ

$$M \frac{\partial^2 \dot{x}}{(\partial t)^2} = m' \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 x''}{(\partial t)^2} + \dots$$

$$M \frac{\partial^2 \dot{y}}{(\partial t)^2} = m' \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 y''}{(\partial t)^2} + \dots$$

$$M \frac{\partial^2 \dot{z}}{(\partial t)^2} = m' \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} + m'' \frac{\partial^2 z''}{(\partial t)^2} + \dots$$

И такъ

$$\left. \begin{aligned} m'X' + m''X'' + \dots &= M \frac{\partial^2 x}{(\partial t)^2}, \\ m'Y' + m''Y'' + \dots &= M \frac{\partial^2 y}{(\partial t)^2}, \\ m'Z' + m''Z'' + \dots &= M \frac{\partial^2 z}{(\partial t)^2}, \end{aligned} \right\} \dots (5)$$

Сии уравненія показываютъ, что центръ тяжести неизмѣнной системы движется такъ, какъ бы массы всѣхъ тѣлъ соединялись въ одно, и ускорительныя силы были приложены къ нему непосредственно.

9. Если система движется только отъ первоначальнаго побужденія, то

$$X' = 0, X'' = 0, \dots$$

$$Y' = 0, Y'' = 0, \dots$$

$$Z' = 0, Z'' = 0, \dots$$

и

$$\frac{\partial^2 \ddot{x}}{(\partial t)^2} = 0, \frac{\partial^2 \dot{y}}{(\partial t)^2} = 0, \frac{\partial^2 \dot{z}}{(\partial t)^2} = 0; \dots (6)$$

слѣд.

$$\frac{\partial \dot{x}}{\partial t} = a, \frac{\partial \dot{y}}{\partial t} = b, \frac{\partial \dot{z}}{\partial t} = c,$$

изъ чего по интегрированіи получимъ

$$\dot{x} = C + at, \dot{y} = C' + bt, \dot{z} = C'' + ct,$$

или

$$\frac{\dot{x}-C}{a} = \frac{\dot{y}-C'}{b} = \frac{\dot{z}-B}{c}.$$

Припомъ изъ Дифференціальныхъ уравненій
выходишь , что

$$v = \frac{\partial s}{\partial t} = \frac{V(\partial \dot{x})^2 + (\partial \dot{y})^2 + (\partial \dot{z})^2}{\partial t} \\ = V(a^2 + b^2 + c^2).$$

И такъ: если система движется только отъ первоначальнаго побужденія , то ея центръ тяжести описываетъ прямую линейю движеніемъ равномернымъ.

10. Сіе движеніе центра тяжести системы не претѣняется и отъ взаимнаго дѣйствія тѣлъ , каково есть тяготѣніе. Пусть X', Y', Z' будутъ ускорительныя силы, происходящія отъ разложенія пятошѣнія P' тѣла m' на m' по осямъ координатъ; и X'', Y'', Z'' — союзныя силы, сосставляющія пятошѣніе P'' тѣла m' на m'' . Ежели чрезъ p изобразимъ взаимное разстояніе сихъ тѣлъ, и чрезъ α, β, γ углы, копорые оно дѣлаеть съ осями координатъ; то найдемъ

$$X' = P'cs\alpha = \frac{P'(x'-x'')}{p}, \\ Y' = P'cs\beta = \frac{P'(y'-y'')}{p}, \\ Z' = P'cs\gamma = \frac{P'(z'-z'')}{p};$$

но силы X'', Y'', Z'' дѣйствуютъ обратно предыдущимъ ; слѣд.

$$\begin{aligned} X'' &= P'' \cos \alpha = \frac{P''(x'' - x')}{p}, \\ Y'' &= -P'' \cos \beta = \frac{P''(y'' - y')}{p}, \\ Z'' &= -P'' \cos \gamma = \frac{P''(z'' - z')}{p}. \end{aligned}$$

А какъ, по закону *Нютона*, тяготѣніе пропорціонально массамъ ; то

$$\frac{P'}{P''} = \frac{m''}{m'}, \quad P' = \frac{m''}{m'} P''.$$

Вставивъ сію величину P' въ первыя уравненія , и помноживъ ихъ на m' , вшорыя же на m'' , найдемъ

$$\begin{aligned} m'X' &= \frac{m''P''(x' - x'')}{p} \\ m'Y' &= \frac{m''P''(y' - y'')}{p} \\ m'Z' &= \frac{m''P''(z' - z'')}{p} \\ \text{и} \quad m''X'' &= \frac{m''P''(x'' - x')}{p}, \\ m''Y'' &= \frac{m''P''(y'' - y')}{p}, \\ m''Z'' &= \frac{m''P''(z'' - z')}{p}. \end{aligned} \quad \left. \begin{array}{l} \\ \\ \\ \\ \\ \end{array} \right\} \dots (E)$$

Сіи вираженія дають

$$m'X' + m''X'' = 0, m'X' + m''X'' = 0, m'Z' + m''Z'' = 0.$$

Разсуждая такимъ же образомъ о каждой парѣ шѣлъ, составляющихъ систему, получимъ такія же замѣчанія; слѣд. и въ семь случаевъ уравненія (5) превращаются въ (6). И такъ частныя движенія системы не имѣютъ вліянія на ея общее движеніе, происходящее отъ первоначальнаго побужденія.

III. Правило площадей.

11. Принявъ условія члена 2, b , изъ уравненія (3) потчасъ получимъ

$$\left. \begin{aligned} E.m'(X'y' - Y'x') &= E.m' \frac{y' \partial^2 x' - x' \partial^2 y'}{(\partial t)^2}, \\ E.m'(X'z' - Z'x') &= E.m' \frac{z' \partial^2 x' - x' \partial^2 z'}{(\partial t)^2}, \\ E.m'(Y'z' - Z'y') &= E.m' \frac{z' \partial^2 y' - y' \partial^2 z'}{(\partial t)^2}. \end{aligned} \right\} \dots (7).$$

Таковы суть общія формулы вращенія системы около осей координатъ.

12. Если система не подлежитъ внѣшнимъ ускорительнымъ силамъ; то $X' = 0$, $Y' = 0$, $Z' = 0$, и пр., и пошому будетъ

$$\left. \begin{aligned} E.m' \frac{y' \partial^2 x' - x' \partial^2 y'}{(\partial t)^2} &= 0, \\ E.m' \frac{z' \partial^2 x' - x' \partial^2 z'}{(\partial t)^2} &= 0, \\ E.m' \frac{z' \partial^2 y' - y' \partial^2 z'}{(\partial t)^2} &= 0, \end{aligned} \right\} \dots \dots (8).$$

13. Получатся тѣже самыя уравненія, когда силы X' , Y' , Z' , и пр. составляются разложениемъ по осямъ координатъ взаимнаго тяготѣнія системы тѣлъ. Ибо изъ урав. (E) выводимъ

$$\begin{aligned} m'X'y' &= \frac{m''P''y'(x' - x'')}{p}, & m''X''y'' &= \frac{m''P''y''(x'' - x')}{p}, \\ m'Y'x' &= \frac{m''P''x'(y' - y'')}{p}, & m''Y''x'' &= \frac{m''P''x''(y'' - y')}{p}; \end{aligned}$$

отсюда

$$\begin{aligned} m'X'y' - m'Y'x' &= \frac{m''P''}{p} (x'y'' - y'x''), \\ m''X''y'' - m''Y''x'' &= \frac{m''P''}{p} (x''y' - y''x'); \end{aligned}$$

слѣд.

$$(m'X'y' - m'Y'x') + (m''X''y'' - m''Y''x'') = 0.$$

14. И опять получатся тѣже самыя уравненія какъ силы X' , Y' , Z' , и пр. суть союзныя силъ F' , F'' ,, дѣйствующихъ на каждое тѣло m' , m'' , . . . изъ начала ко-

ординатъ. Ибо, изобразивъ чрезъ r' , r'' , . . . разстоянія сихъ пѣлъ отъ начала, найдемъ

$$X' = F \cdot \frac{x'}{r'}, \quad Y' = F' \cdot \frac{y'}{r'}, \quad Z' = F' \cdot \frac{z'}{r'};$$

$$X'' = F'' \cdot \frac{x''}{r''}, \quad Y'' = F'' \cdot \frac{y''}{r''}, \quad Z'' = F'' \cdot \frac{z''}{r''};$$

и пр.

Отсюда

$$X'y' - Y'x' = F' \cdot \frac{x'y' - x'y'}{r'} = 0,$$

$$X''z'' - Z''x'' = F'' \cdot \frac{x''z'' - z''x''}{r''} = 0,$$

и пр.

15. Принявъ, что урав. (8) относятся къ симъ двумъ послѣднимъ случаямъ, по умноженіи каждаго изъ нихъ на ∂t и по интегрированіи получимъ

$$\left. \begin{aligned} \sum m'(y'\partial x' - x'\partial y') &= C\partial t, \\ \sum m'(z'\partial x' - x'\partial z') &= C'\partial t, \\ \sum m'(z'\partial y' - y'\partial z') &= C''\partial t \end{aligned} \right\} (9).$$

Здѣсь дифференціальныя выраженія суть удвоенныя площади проложеній на плоскости координатъ дифференціальныхъ вырѣзковъ, описываемыхъ обращеніемъ пѣлъ m' , m'' , m''' , . . .

въ элементъ времени ∂t . Чрезъ интегрирование найдемъ удвоенныя площади проложеній самыхъ упомянутыхъ вырѣзковъ, описываемыхъ во время t . Припомъ $S\partial t$, $S'\partial t$, $S''\partial t$ превращаясь въ $S t$, $S' t$, $S'' t$. И такъ: ежели проложенія на плоскости координатъ вырѣзковъ, описываемыхъ тѣлами m' , m'' , m''' , ... системы, во время ихъ обращенія, помножатся на массы сихъ тѣлъ; то суммы произведеній будутъ пропорціональны временамъ. Сія теорема называется правиломъ сохраненія площадей.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Ф А Р М А Ц І Я

2. О з о л о т ъ.

Адъюнктъ - Профессора Никифора Лебедева.

Сколько Іодій способенъ и гибокъ для фармацевтическихъ составовъ; за что и поставленъ мною въ числѣ матеріаловъ, самыхъ близкихъ къ фармацевтическому идеалу: сполько, напрошивъ, золото неспособно и прудно для приготоуленія изъ него лекарствъ; отъ чего едва ли не долженъ бы былъ я включить его въ рядъ самыхъ малоспособныхъ къ фармацевтическому составленію лекарствъ, если бы оно не употреблялось еще къ произведенію составовъ, хотя не лекарственныхъ, но идущихъ въ аптеку на другія потребности. Хотя золото и малоспособно къ приготоуленію изъ него лекарствъ; но какъ оно въ фармакологіи служишь матеріаломъ сильнодѣйствующихъ средствъ: то и требуетъ отъ фармацевтического искусства для сего несокрушимаго и

доселѣ мало подчинявшагося власти фармацевтика металла найпти скорѣйшіе и вѣрнѣйшіе способы пригошовлять изъ него, годные для медицинской практики, составы въ случаѣ требованія ихъ.

Полагая, что нигдѣ такъ неужно исполнять Асклепіадово изрѣченіе: *tuto, cito et jucunde*, какъ въ аптекарскомъ искусствѣ, при воспребованіи изъ аптеки лекарствъ, немедленно нужныхъ для спасенія жизни и здоровья ближняго, за великое дѣло почишаю въ фармацевтическомъ искусствѣ одержать верхъ надъ такимъ непослушнымъ матеріаломъ, каково золото. Опъ сего даже нынѣ не всякой фармацевтикъ по волѣ своей располагать имъ можетъ, а одинъ только испытанный и совершенно понимающій и знающій сіе искусство. По сей же самой причинѣ, хопя алхимики и послѣдующіе за ними фармацевтики продолжительно и внимательно занимались золотомъ, а врачи по временамъ употребляли его въ своей практикѣ; но первые, не узнавъ надлежащимъ образомъ его свойствъ, не могли легко и скоро употреблять его на пригошовленіе годныхъ въ дѣло составовъ, а послѣдніе, не имѣя гошовыхъ и годныхъ опъ него средствъ, привыкли вмѣсто его упот-

реблять соспавы изъ другихъ матеріаловъ въ тѣхъ болѣзняхъ, въ копорыхъ бы слѣдовало употреблять соспавы золота.

Золото по сіе время спрого не испытано ни въ болѣзняхъ, ни въ здоровомъ соспояніи; а пошому и опредѣлишь, какъ оно дѣйствуетъ въ болѣзняхъ и что производить оно въ здоровомъ организмѣ, врачи птвердо не знаютъ. Не зная же дѣйствія его на тѣло, не лзя найши, развѣ только на удачу, въ какой болѣзни и въ какихъ случаяхъ будетъ оно полезно. Изъ сего видно, что золото въ Медицинѣ оспається безъ должнаго испытанія и употребленія, будучи сильнѣйше дѣйствующимъ въ фармакологіи лекарствомъ. Опъ сего-шо и вся польза, какую оно можетъ доставить Медицинѣ, еще мало извѣстна. Золото по силѣ своей заслуживаетъ, можетъ быть, такую же участь и славу, какую оно заслужило въ глазахъ другихъ любителей наукъ и какою пользуются въ Медицинѣ многіе изъ употребительныхъ металловъ, хотя не столь сильные въ дѣйствіи своемъ на тѣло.

Золото давно извѣстно было человѣчеству. Въ Фармацію же ввели его алхимики, особенно Парацельсъ. Но съ того времени

оно опять впало въ забвеніе въ Медицину и Фармацію, доколѣ наконецъ опять въ наше почти время Крепшенъ не прославилъ его въ сихъ наукахъ. Слава золота отъ Крепшеня была непродолжительна; мы гремимъ только словами объ его пользѣ въ школахъ и въ услугу ему сказать можемъ только то, что изъ него сдѣлали больше составовъ противъ прежнихъ, которые равняюща самымъ сильнѣйше дѣйствующимъ средствамъ.

И такъ Медикамъ предложитъ обязанность дать ему истинное и определенное назначеніе въ Медицину. Пусть они испытываютъ его въ тѣхъ болѣзняхъ, гдѣ никакія средства не помогаютъ или слабо дѣйствуютъ. Пусть они дадутъ ему такое же обширное употребленіе, какъ и ртуть, и тогда оценятъ его истинныя достоинства; а мы Фармацевтики покажемъ, какъ искусство наше далеко prosperlo власъ свою, что и самое золото, матеріалъ несокрушимый, смиренно повинуется власти могущественнаго искусства, и будемъ повторять, что отъ золота должно ожидать значительныхъ выгодъ Медицины. Золото, бывъ доселѣ матеріаломъ дорогихъ монетъ, многихъ золотыхъ вещей, нынѣ спавивится матеріаломъ столь

сильныхъ фамарцевшическихъ составовъ, что они въ правѣ заняты опытное мѣсто въ ряду сильно дѣйствующихъ веществъ, а посему и дѣлается занимательнымъ предметомъ Фармаціи. Оно въ сей наукѣ не есть безплодная земля, неблагодарная искусному трудолюбу его. По свойствамъ своимъ золото должно занимать мѣсто между платиною и мѣдью, и потребуешь, по новостямъ многихъ другихъ составовъ, особенно вникнуть въ его натуру.

Золото всегда почти опыскиваютъ въ природѣ особо, а весьма рѣдко въ соединеніи съ другими шѣлами, и когда находятъ его соединеннымъ, то не иначе, какъ съ серебромъ, желѣзомъ и мѣдью, и то въ маломъ ихъ количествѣ, но съ другими неметаллическими шѣлами въ соединеніи нигдѣ его не находятъ. Обстоятельство сіе предварительно насъ научаетъ, что мы изъ золота можемъ дѣлать удобнѣе самыя лучшіе составы, композиціями называемые, нежели спихіометрическіе съ неметаллическими началами. Оно обѣщаетъ намъ много композицій и довольно число аптекарскихъ составовъ, украшающихъ Фармацію и предначерпываетъ намъ неизбѣжный способъ дѣлать изъ него сіи составы — способъ соединительный.

Золопо находять въ нѣдрахъ горъ или въ ихъ оплогостяхъ слоями и полосами въ крупныхъ, иногда правильныхъ, а чаще неправильныхъ болѣе или менѣе мелкихъ, песку подобныхъ кускахъ. Быстрыя горныя рѣки, образованныя опъ воды, пробивающихся на вершинахъ горъ, спремительно съ пескомъ по наклоненію земли силою своей выносятъ мелкое золопо въ небольшомъ количествѣ. И пакъ хребты горъ во глубинахъ своихъ хранятъ его, пропаси земныя съ опасностію и погибелю жизни челоука досягаемая, въ избыткѣ и большихъ кускахъ содержатъ его. Въ Россіи золопоносныя Уральскіе пески избыточествуютъ мѣстами золопомъ. Воды, изъ нѣдръ горъ выпекающія, выносятъ намъ спремительною силою своей въ мельчайшихъ кускахъ золопо; но большіе слипки находятъся только въ кряжахъ горъ и природа намъ ихъ безъ усилій искусства и труда не даритъ. Познаніе золопоносныхъ песковъ, ручейковъ и рѣкъ можеть показатъ намъ обильныя испочки, хранящіе сокровище сіе; но это не составляетъ предмета фармацевтической науки, а есть существенный предметъ горной науки и искусства.

Золопо, какъ монетный матеріаль, вездѣ въ употребленіи, въ немъ недосадка въ

образованныхъ Государствахъ нѣтъ; а потому и заботишься о пріисканіи чистаго, особенно нужнаго для фармацевпическаго употребленія, большой надобности не настопишь. У образованныхъ народовъ находипся знаніе и искусство, какъ опдѣлишь его опъ всего посторонняго; опасаться шолько надобно, чшобы, какъ бы то ни было, не употребить нечистый для фармацевпическихъ составовъ. Правда, чшо монешное золото можно употреблять на фармацевпическія вещи, а не на составы безъ всякаго опасенія опъ него вреда; а всего лучше золотишь тѣ вещи, которыя сдѣланы изъ дешеваго матеріала, но которыя разнаго рода химическими составами безъ позолоты взаимно поршятся; на аптекарскіе же составы нужно чистѣйшее золото. Мы скажемъ, какъ золото сдѣлашь чистымъ тогда, какъ будемъ заниматься его исключительными свойствами и принаравливать ихъ познаніе къ аптекарскому искусству въ случаѣ надобности.

Не много цмѣемъ мы шѣль съ такими исключительными свойствами, какъ золото. Его сильное сопротивленіе всякому несродному съ нимъ соединенію, даже вынужденному, и некрѣпкая связь составовъ даже съ самыми удобными къ соединенію нача-

лами, дають ему другое выгодное назначеніе въ Фармаціи, а именно: употребленіе его на разныя вещи; но недоспашокъ золота, а особливо дороговизна его въ семь случаѣ дѣлають непреодолимое препящствіе.

Нѣтъ ни одного металла, который бы отличнѣйшими своими свойствами столько обращалъ на себя вниманіе цѣлаго человѣчества, какъ золото. Первоначально его особенный яркій желтый цвѣтъ и ослѣпительный блескъ заставлялъ считать его подобнымъ солнцу, и оно въ числѣ металловъ значить то же, что солнце среди планетъ, отъ чего и назывался въ воспоггахъ народами солнцемъ. Нынѣ холодный разсудокъ далъ ему названіе золота, Аурумъ. Оно было такъ важно для человѣчества, что богатѣйшіе люди, но протодушные, все свое состояніе потрапили понапрасну, изыскивая способы дѣлать его изъ другихъ дешевѣйшихъ металловъ. Они думали, что алхимическимъ знаніемъ можно всякой дешевый металлъ передѣлать въ золото.

Золото весьма ковка и пугуче: Фармація, пользуясь симъ его свойствомъ, доставляетъ намъ случай, что мы самими тончайшими его листами озолочиваемъ пилюли. Сіи же

самые листы , вмѣсто того , чѣмбы превра- щать золото въ порошокъ , доселѣ съ великимъ трудомъ въ аптекахъ приготавливаемый , нынѣ растворяють въ соляной , а лучше въ сели- тряносоляной кислотахъ , а иногда хлоренъ и дѣлають нужные составы.

Золото очищаютъ отъ песку промыва- ніемъ его водою на наклоненной деревянной доскѣ. Земля уносится водою , а золото , какъ тяжелейшее тѣло , водою не смывается , а на доскѣ остається. И такъ очище- ніе его основывается на высокой удѣльной тяжести его , кошорая вѣсиль въ 19,256 разъ больше воды. Помомъ сіе золото спира- ють со ршущю , проширають сквозъ кожу и нагрѣвають въ закрытыхъ сосудахъ: ршущъ улетаетъ , а золото чистое остається. Мелкіе кусочки золота сплавляютъ 32° жаромъ Веджвудова пирометра и куютъ на наковальнѣ въ тончайшіе листочки.

Если бы мы не имѣли такъ добычаго чистаго золота , что всего чаще случиться можеть ; то брать надобно , у насъ н. п., Русское золото , будетъ ли оно въ кускахъ , вещахъ , или иностранное , кошорые суть не что иное , какъ соединенія въ различной пропорціи золота , мѣди и серебра.

На помѣ, что золото не растворимо въ селищряной кислотѣ, основывается очищеніе, узнаваніе пробы и отдѣленіе золота иногда отъ серебра, иногда отъ мѣди каждаго порознь, а иногда и обоихъ вмѣстѣ. Если серебра въ золотомъ составѣ найдется въ довольномъ количествѣ, сплѣтитъ только привести сіе нечистое золото въ листочки и сплѣтитъ разъ пытать ихъ селищряною кислотою, пока совершенно не будетъ отдѣляться вдвоеокислоторенный азотъ. Если количество серебра будетъ весьма мало, какъ это всего чаще бываетъ въ напуральномъ золотѣ; въ такомъ случаѣ селищряная кислота изъ малости сей только малѣйшую часть онаго растворитъ, а другая заслоняясь сильно всюду золотомъ, ускользаетъ отъ дѣйствія ея: здѣсь надлежитъ соединять составное золото съ тройнымъ количествомъ по вѣсу серебра, чтобы все сіе количество въ листкахъ содержащагося серебра подверглось неминуемо повторенному дѣйствію сей кислоты. Мѣдь также мы можемъ отдѣлить сею кислотою отъ золота, даже если ея количество будетъ и довольно мало: такое золото называютъ Фармацевтики (*Aurum purum*) чистое золото.

Свойство золота никакъ опъ воздуха не повреждаеться весьма полезнымъ намъ становиться пошому, что когда будуть съ нимъ въ соспавъ металлы окислоторяемые опъ воздуха, какова на пр. мѣдь, какъ по бываетъ всегда въ монетномъ и другихъ вещей золото; то и не прибѣгая къ селипрной кислотѣ, мы можемъ опдѣлить, очистить и узнать пробу золота чрезъ пережиганіе на воздухѣ, окислоторя мѣдь вмѣстѣ съ свинцомъ въ капли, а такимъ образомъ мало помалу опдѣляя опъ золота мѣдь и свинець. Свинець береться для того, что онъ самъ окислоторяясь съ мѣдью, дѣлаетъ удобора-спонимымъ окислоторяемый соспавъ мѣди и свинца, даже въ состояніи обоихъ ихъ окислоторенномъ, и въ семъ видѣ проникаетъ въ поры капли, сквозь копорые какъ цѣдилки, или какъ сквозь полотно, жидкостъ металлическая процѣживается, а золото остается въ капли. Свойство золота расплываться и улетать не иначе какъ при 35° Веджвудова пирометра, много въ семъ случаѣ капленію пособляетъ. Надобно только замѣтивъ, что здѣсь должно брать свинца противъ мѣди всегда пропорціонально, на примѣръ 7 граммъ свинца, полграммы золота и грамму съ $\frac{3.5}{100}$ серебра или мѣди. Золото

такъ полученное называется очищеннымъ золопомъ, *aurum depuratum*.

Золото исключительно входитъ во всякое количественное соединеніе съ сродными съ нимъ металлами, откуда явились композиціи, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія для Фармаціи суть слѣдующія. Соедините золото съ девятою частію мѣди по вѣсу, съ однимъ апомомъ серебра, если оно не натуральное, а очищенное: вы получите составъ, изъ котораго дѣлаются червонцы. Соедините золото съ осмью частями по вѣсу ртути: тогда выйдетъ мягкій составъ, золотая сорпучка, которая служишь для всякой позолоты, спѣишь только къ вещамъ, какой бы ни были онѣ формы, приложивъ сорпучку и нагрѣвая, чтобы ртуть улетѣла, опчищать подъ водою такимъ образомъ позолоченную вещь и полировать. Кромѣ сего важнаго употребленія золотой сорпучки для позолоты, сей составъ служишь еще въ Фармаціи для приготовленія тончайшаго порошка изъ чистаго золота: растворяется золотая сорпучка въ селитряной кислотѣ, которая растворишь ртуть, а золото въ видѣ порошка выпадетъ на дно. Сей-то порошокъ вымываюшь и сушають, и тогда онъ называется самомельчайшее золото, *Aurum alcoholisa-*

tum, Pulvis subtilissimus auri puri, Aurum per hydrargyrum alcoholisatum.

Золото съ проспыми пѣлами шрудно соединяется, исключая самыхъ удобныхъ изъ нихъ къ соединенію, изъ числа которыхъ дѣлаются фармацевтическими :

Вдвоеокислорворенное золото

Aurum deutoxygeniatum

Охлоренное золото

Aurum chlorenium.

Охлоренные содїи и золото

Sodium et aurum chlorenium

Осѣренное золото

Aurum sulphuratum

Оіоденное золото

Aurum jodiatum.

Обамміаченное золото

Aurum ammoniatum.

Съ окислорворенными проспыми пѣлами даетъ оно одинъ фармацевтическій составъ, извѣстный подъ именемъ: оловяно-кислаго золота.

Aurum stannicum, s. stannas auri.

Purpura mineralis Cassii.

Сей составъ есть показатель золота, а золото показатель олова всюду въ распворахъ и примѣсахъ.

Водопворныя кислоты на золото дѣйствуютъ сильнѣе, особенно соленая кислота. Опъ того мы имѣемъ и составъ изъ сей кислоты и золота *aureum muriaticum*. Но соединеніе вмѣстѣ кислотворныхъ и водопворныхъ кислотъ, а особенно селипрочно-соляной, такъ сильно дѣйствуетъ, что вдругъ разрушаетъ царя металловъ, опъ чего она и получила названіе царской водки.

Охлоренное золото не растворяется иначе, какъ перейдя въ видъ водопворохлореннаго окисловвореннаго золота, и дается внупръ въ семь видѣ. Опъ чего получили составъ сей названіе. *Solutio aquosa auri muriatici*. Здѣсь два оводопворенные состава другъ друга не уничтожаютъ. Золото листовое, употребленное на позолоченіе пиллюль, не имѣетъ особенной цѣны въ такѣ, а положено взиать съ золотомъ вмѣстѣ и за работу.

Тончайшій порошокъ золота нельзя давать самъ по себѣ, а непременно надобно соединять его съ разными шѣлами. Такъ онъ съ жирными маслами и со свинымъ саломъ составляетъ мазь *unguentum auri alcoholisati*, таковую же составляетъ на пр. и охлоренное, окисловворенное, осѣрен-

ное, оіоденное, обазопенное золото и сода, съ пою только разницею, что перваго берется одинъ гранъ, а послѣднихъ $\frac{1}{10}$ часть грана на $1\frac{1}{2}$ унца свиного сала; по же можно сдѣлать съ воскомъ и спускомъ, и соспавъ будетъ называться *ceratum auri alcoholisati*. Съ сухою Аравійскою камедью смѣшивается въ видѣ порошка, равно какъ и съ сухимъ крахмаломъ, но только такъ, что берется солено-кислаго золота гранъ, а камеди или крахмала унцъ, и дѣлится на пятнадцать равныхъ долей, и дается поупру и вечеру. Или одинъ гранъ охлореннаго золота и содія съ унцомъ ирнаго корня или сѣменами плауна соединяется и дается подобно прежнимъ. Кромѣ сихъ началъ съ охлореннымъ золотомъ или окислотвореннымъ соединяются выпяжки болиголова, *extractum cicutae*, vel *extractum corticis Cnidii*, такъ что берутъ чешыре грана охлореннаго или окислотвореннаго или оіоденнаго золота, смѣшиваютъ съ драхмою выпяжки и слизи Аравійской камеди или двумя драхмами одной выпяжки, и дѣлають 60 пилюль, которыхъ по одной пилюль дають принимать поупру и вечеру.

Съ сухимъ сахарнымъ порошкомъ, какъ чистое самомельчайшее золото, такъ и

окислоторенное и охлоренное соединяется такимъ образомъ, чтобы перваго приходилось въ каждомъ порошокѣ $\frac{1}{2}$ грана, а втораго и третьяго $\frac{1}{20}$ часть грана. Они употребляются и съ сиропомъ или оводяненнымъ сахаромъ, наблюдая только ту же осторожность въ приѣмахъ, какая выше упомянута; ибо составы одинъ другаго сильнѣе, а пошому сильныхъ должны быть меньшіе приѣмы.

Чистое золото берутъ на фармацевтическіе составы скрупулами, а на медицинскіе, какъ мы выше сказали, гранами. Чистое золото не перебуеиъ никакихъ предосторожностей въ его сохраненіи, какъ листовое, такъ и порошковатое.

Сорпы золота различать трудно. Золото чѣмъ мягче и гибче, тѣмъ чище; чѣмъ менѣе гибко и мягко, тѣмъ съ большимъ количествомъ серебра или мѣди составлено; посему - то самое чистое золото шягучѣе, чѣмъ червонное, а червонное въ эшомъ опношеніи превосходитъ Французское; равнымъ образомъ и цвѣтъ, чѣмъ желтѣе, тѣмъ золото чище, а чѣмъ краснѣе, тѣмъ менѣе чистое. Здѣсь легко можно впастъ въ обманъ; а посему въ избѣжаніе сего и устаковлено клеймитъ на каждой вещи пробу.

Но если растворъ золота царскою водкою будетъ желтъ и посредствомъ соляно-кислаго пропорціонально окислѣвореннаго олова дѣлается пурпуровымъ, фіолетовымъ; если не мушится солянокислымъ же, но вдвоеокислѣвореннымъ оловомъ; если амміакъ опдѣляетъ изъ него желтоватый порошокъ, которой высушенъ и выложенъ будучи на ножикъ, подогреваемый снизу свѣчнымъ пламенемъ, сильно и съ шрескомъ вспыхиваетъ: это значить, что золото было безъ подмѣси. Здѣсь нѣтъ ничего; посторонняго; подмѣсь серебра и мѣди открывается шѣмъ, чѣмъ они распознаются. Опъ сусальнаго золота распознается болѣе по разности вѣса и разложимости сего послѣдняго; подмѣнь же имъ чистаго скоро и удобно открывается.

Таковымъ обозрѣніемъ я показалъ только значеніе золота въ Фармаціи, не входя въ область фармакологическаго и практическаго его значенія въ Медицину.

С. Г Е О Г Р А Ф И Я.

3. ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ОМИРА.

Разсужденіе М. Каркунова.

*Мы почитаемъ Омира отцемъ
свѣдѣній Географическихъ.*

Страбонъ. Кн. I гл. I.

За 900 лѣтъ до нашей эры, во времена Омира, люди еще не знали, и не могли знать, что земля имѣетъ фигуру сферическую, что она есть шаръ, по законамъ Предвѣчнаго, неушомимо носящійся вокругъ своего солнца. Эта истина открыта послѣ, доказана еще позднѣе. Греки времени Омировыхъ представляли землю плоскою. *»Homero globosam terrae figuram non in mentem venisse, sed planam ut discum eam finxisse est multis demonstrare,«* говоритъ Шлегель (1); но я почишаю не излишнимъ объяснить, почему

(1) *Schlegel. De Geographia Homerica commentatio.*
195. p.

можно думать, что Омиръ имѣлъ поняшіе, теперь ложное, о плоскости земли.

Въ концѣ XVIII пѣсни его Иліады находится прекрасное описаніе огромнаго и крѣпкаго щипа, сдѣланнаго Гефесомъ, по просьбѣ Ѳетиды, для пламеннаго Ахиллеса. На обширномъ кругѣ сего дивнаго щипа Вулканъ изобразилъ весь міръ.

*„Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
„Солнце въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
„Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вьнзается небо :
„Видны въ ихъ сонмѣ Пліады, Гіады, и мощь Оріона,
„Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый (1);
„Тамъ же два града представилъ яснорѣчивыхъ народовъ (2).*

Наконецъ, весь міръ, содѣянный имъ на семь щипѣ, онъ окружилъ рѣкою Океаномъ :

*„Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
„Коиъ подъ верхнимъ онъ ободомъ, щитъ окружилъ велилѣпный (3).*

(1) Пѣснь Иліады XVIII 483 стих. Переводъ Гнѣдича.

(2) Пѣс. XVIII. 490 стих.

(3) Пѣсн. XVIII. 606 и 607 стр.

Вопль, какимъ образомъ выражена Омиромъ мысль о земли; не положишельно, но понятно и ясно; ибо кольцеобразное положеніе сѣдаго и велемощнаго Океана несомнѣнно показываетъ круглому земли, омываемой со всѣхъ сторонъ его водами (1). Сію послѣднюю мысль, мысль, что земля окружена Океаномъ, Страбонъ подтверждаетъ еще стихами Омира, въ коихъ державная Гера говоритъ Афродитѣ:

„Я отхожу . . . къ предѣламъ земли много-
дарной

„Видѣшь отца Океана (2).

Можетъ показаться страннымъ, что Омиръ называетъ Океанъ рѣкою; но сіе названіе встрѣчается и у другихъ древнихъ Поэтовъ. Не должно понимать его буквально, и оно будетъ сообразно съ познаніями того времени, къ которому относится *Иліада*. Послѣ Омира, Гезіодъ говоритъ объ источникахъ рѣки Океана, находившихся у западныхъ предѣловъ міра; описаніе сихъ источниковъ переходило изъ вѣка въ вѣкъ, и

(1) Sans doute Homère paroît avoir soupçonné que la terre étoit environnée par la mer, à qui il donne le nom d'océan. Gosselin.

(2) Пѣсн. XIV стр. 200 и 201. Strab. t. I. ch. 1.

сохранилось въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей (1).

Геродотъ упоминаетъ, что Географы его времени оспаютъ при космографическихъ понятіяхъ Омира: землю изображаютъ кругомъ, а Океанъ — рѣкою, ее обвивающею.

Всѣ воды земли въ Океанѣ имѣютъ свое начало: 195 и послѣдующіе за нимъ два стиха XXI пѣсни *Иліады* могутъ служить доказательствомъ :

„Съ нимъ Громовержцемъ ни Царь Ахелой не
дерзаетъ равняться,
„Ни могуществомъ *страшный съдой Океанъ*
безпредѣльный ;
„Тотъ, изъ котораго всякій источникъ, и вся-
кое море,
„Рѣки, ключи и глубокіе кладязи всѣ исте-
каютъ.“

Не смѣя по произволу толковать слова древнихъ писателей, я не скажу, что Омиру извѣстенъ былъ вѣчный законъ міра, приливъ и опливъ морей ; но смѣло могу показать, что онъ имѣлъ какое - то неясное понятіе о движеніи Океана (2).

(1) *Precis de la Geographie Universelle*, par M. Brun.
Tom. I. p. 28.

(2) Страбонъ доказываетъ, что Омиръ зналъ приливъ и опливъ морей. *Strab. t. I. ch. 1.*

„Солнце лучами новыми чуть поразили долины,
 „Выйдя изъ *тихотекущихъ глубокихъ зыбей*
Океана (1).

Эпипепъ — *тихотекущій* принадлежишь не Гнѣдичу, а Омиру: всѣ стихи приведенные мною изъ *Иліады*, я повѣрялъ прозаическимъ близкимъ переводомъ Маршынова, и сличалъ ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ указаніями Шлегеля и Мальшебрюна.

Два стиха *Иліады*, приведенные нами выше :

„Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
 „Выйдя изъ *тихотекущихъ глубокихъ зыбей*
Океана,

показываютъ намъ еще, что, во времена Омира, Греки думали, что *солнце выходитъ изъ безднъ Океана*, и въ нихъ также скрывается :

„Паль между тѣмъ въ Океанъ лучезарный пла-
 менникъ солнца,
 „Черную ночь навлекая на многоплодную зем-
 лю (2).

Таково было мнѣніе Омира о печеніи солнца; о печеніи звѣздъ онъ имѣлъ то же самое понятіе, исключая Арктоса.

(1) *Иліад.* Пѣс. VII ст. 421 и 422. Schlegel. 196.

(2) Пѣс. *Ил.* VIII. 485 и 486, Маршын. час. II. стр. 89.

*'Арктосъ, сынами земными еще колесницей
зовомый,*

. вѣчно блюдетъ Оріона,
И единый чуждаешься мысься въ волнахъ Океана (1).

Другое свидѣтельство о появленіи звѣздъ изъ безднъ Океана мы находимъ въ началѣ V пѣсни Иліады, гдѣ Омиръ, говоря о Діомидѣ, упоминаетъ, что Аѳина дала ему крѣпость и смѣлость, и

„Пламень ему опъ щипа и шелома зажгла не-
угасный,

„Блескомъ подобный звѣздъ той осенней, кото-
рая въ небъ

„Вспхъ свѣтозарнѣ блещетъ, омывшись въ
волнахъ океана.

Вообще о печеніи свѣшилъ небесныхъ можемъ прибавить, что онѣ, по словамъ Омистра, совершающъ пупъ свой на колесницахъ, несомыхъ вѣпрами (2). Утромъ, какъ мы видѣли выше, солнце торжественно поднималось изъ глубокихъ водъ Восточнаго Океана; вечеромъ погружалось въ волнахъ Западнаго. Золотой корабль, чудесное твореніе Вулкана, быстро переносилъ его черезъ Сѣверъ на Востокъ.

(1) Пѣсн. Ил. XVIII. стр. 487, 488 и 489.

(2) Malte-Brun. 29 p.

Греки въ глубокой древности думали, что земной кругъ покрытъ былъ пвердымъ сводомъ, мѣднымъ или желѣзнымъ по замѣчанію нѣкоторыхъ (1).

Подъ землею Омиръ полагаетъ не жилища мершвыхъ, но сводъ, называемый шаршаромъ, *соотвѣтственно* противоположный небесной шверди.

„Кшо изъ безсмертныхъ мятежно захочешъ, и
я шо узнаю,
„Съ неба сойши, пособлять Шіонянамъ или Да-
наямъ,
„Тошъ пораженный позорно, спрадашъ на Олимпъ
возвратишся!
„Ш.и восхищу его, и низвергну я въ сумрач-
ный тартаръ,
„Въ пропасть далекую, едъ подъ землей глу-
богайшая бездна:
„Гдѣ и мѣдяный помостъ, и ворота же-
лѣзные (2).

Въ семъ шаршарѣ обижали шипаны, враги боговъ: ни дуновеніе вѣтра, ни лучи солнца не проникали въ сей подземный міръ.

(1) Брушъ ч. I. стр. 8.

(2) Иѣс. II.1. VIII. 10 стр.

Въ VIII пѣсни Иліады разгнѣванный
Кроніонъ говоришь волоокой грозной Герѣ:

Если бы даже ты въ гнѣвъ дошла до *послѣд-*
нихъ предѣловъ

„Суши и моря, туда гдѣ Япетъ и Кронъ
заточенный

„Сидя ни въ тромъ, ни въ томъ высокоходя-
щаго солнца

„Въ вѣкъ насладиться не могутъ: кругомъ
ихъ тартаръ глубокій! (1)

„Гнѣвъ твой влѣню ни во что.“

Омиръ говоришь, что разстояніе тар-
тара отъ ада было равно отдаленности не-
ба отъ земли.

Тартаръ столько далекій отъ ада, какъ
свѣтлое небо отъ дола (2).

Позднѣйшіе писатели глубину тартара и вы-
соту неба опредѣляли положительнѣе; Гезі-
одъ говоришь: наковальня летѣла бы съ не-
бесъ на землю 9 дней, и столько же потребо-
но времени упасъ ей съ земли во глубину
тартара (3).

Современники Омира, не знавшіе истин-
наго вида земли, и имѣвшіе ложныя, теперь
даже смѣшныя понятія о печеніи свѣтила

(1) Пѣс. VIII. Стих. 477—483.

(2) Ил. VIII. 10 стр.

(3) Malte-Brun 29.

небесныхъ, не могли вообразить движенія земли, которая, по видимому, пребываетъ во всегдашнемъ покоѣ. Греки, тогда еще младенчествовавшіе, думали, что великолѣпные столпы поддерживаютъ и небо, и землю; началомъ ихъ была гора Атлантъ: на пусынномъ оспровѣ, говоритъ Омиръ, обитаетъ *дщерь Атланта всевѣдущаго, проникавшаго бездны морскія, и держащаго безмѣрные столпы, землю и небо кругомъ подпирающіе* (1).

Замѣчу, столпы сіи созданы, кажется, не воображеніемъ Грековъ: начало сего мифіа, безъ сомнѣнія невѣрнаго, но до сихъ господствующаго между просполюдинами всѣхъ народовъ, должно опыскивать въ развалинахъ древняго Веспока; въ доказательство сего счишаю не излишнимъ привести слова Іова, одного изъ древнѣйшихъ писателей: *на земѣ же столпы ея (т. е. земли) утверждени суть, кто же есть положивый камень краеугольный на ней* (2). Мальшебрюнъ упоминаетъ, что о сихъ столпахъ говорятъ и Индійскіе писатели (3).

(1) Одиссея. Пѣс. 1. стр. 9. Перев. Маршкова.

(2) Глав. 38, стр. 6.

(3) Malte-Brun. 29 pag.

За сею паниспвенною цѣпью сполповъ, кругомъ подпирающихъ небо и землю, существовалъ хаосъ, смѣсь жизни и ничтожества, бездна, гдѣ слитно пребывали всѣ стихіи неба, шаршара, земли и моря, бездна, спрашная для самихъ боговъ (1).

Сии космографическія понятія Грековъ, переданныя Омиромъ, сохранялись весьма долго, и мы замѣчаемъ ихъ у писателей сего народа, жившихъ въ позднѣйшія, и болѣе просвѣщенные времена. Наконецъ Аспрономы доказали невѣрность, или справедливѣе нелѣпость ихъ; но не лѣзя умолчать, что позднѣйшіе Географы возобновили ихъ на нѣкоторое время (2).

Я безъ объясненій передалъ мысли Омара; не показавъ причинъ, породившихъ его общія понятія о землѣ, изыскиваемыхъ умозрѣніемъ, причинъ, кои бы убѣдили насъ, что сей великій Поэтъ, жившій, какъ думаютъ, за 870 лѣтъ до нашей Эры, не могъ мыслить о землѣ иначе, что есть вѣрнѣе: науки точныя еще не были удѣломъ Грековъ!

Не распространяясь о космографическихъ понятіяхъ Омара, очевидно ложныхъ, перей-

(1) Malte-Brun 29.

(2) Malte-Brun 30.

демъ къ изложенію его географическихъ свѣдѣній.

Кругъ земной, по понятіямъ Омира, раздѣлялся Понпомъ Эвксинскимъ, моремъ Эгейскимъ и Средиземнымъ на двѣ части: сѣверную и южную, кои, въ послѣдствіи времени, названы были Анаксимандромъ — *Европою* и *Азією*. Сіе раздѣленіе не безызвѣстно было Геродоту (1) и съ нѣкоторыми измѣненіями существовало до Эратосѣена и даже послѣ него; сіе раздѣленіе объясняетъ, почему древніе рѣку Тазисъ почитали границею между Европою и Азією. Сія рѣка, какъ говорится въ мнимомъ путешествіи Аргонавтовъ, вливалась въ Восточный Океанъ и соединяла его съ Понпомъ Эвксинскимъ; подобно тому, какъ проливъ Геркулесовъ находился между Средиземнымъ моремъ и Западнымъ Океаномъ. Гекапсѣй рѣку Ниль (Эгиптосъ по Омиру) почиталъ прѣстнымъ каналомъ, поддерживающимъ сообщеніе между Океаномъ и внутреннимъ моремъ, и, кажется, даетъ первую идею о прѣстей части міра, сначала Ливією, а потомъ Африкою названной.

Средину земнаго круга занимала твердая часть и острова Греціи, еще во времена Омира не имѣвшей сего общаго названія.

(1) Протошъ, гл. 36. кн. IV. Перев. Маршкова.

Центромъ Греціи и въ послѣдствіи всего міра была гора Олимпъ въ Тессаліи, которую Омиръ именуетъ *Аргосомъ Пелазгическимъ*. Сіе древнее названіе дано, кажется, землѣ сей Пелазгами, выгнанными изъ Пелопоннеса (1).

Въ Аргосѣ Пелазгическомъ обитали Мирмидоны, Ахейяне и Геллены.

*„Исчислю мужей въ Пелазгическомъ Аргосѣ
жившихъ,
Всѣхъ Мирмидоновъ, Ахейянь и Гелленовъ
имя носящихъ.“* (2)

Мирмидоны (ш. е. Муравьи), вѣроятно названные симъ именемъ по ихъ трудолюбію, обитали въ холмистой и многолюдной Фѳіѣ, находившейся между двухъ заливовъ (3).

Шлегель замѣчаетъ, что Мирмидоны именуются иногда Гелленами и Ахейянами (4) и указываетъ на приведенный нами списокъ :

*„Всѣхъ, Мирмидоновъ, Ахейянь и Гелленовъ
имя носящихъ.“*

(1) Schl. 68. Hoc Thessaliae nomen priscum, a Pelasgis e Peloponeso profugis, ut videtur, illi inditum est.

(2) Пѣс. II. II. стр. 681 и 684.

(3) *Къ Востоку sinus Pelasgicus, а къ югу Malineus.*

(4) Eosdem (scilicet, Mirmidonos) Hellenes et Achaeos vocatos legimus. Schl. 68 стр.

Я не думаю, чтобы слова Омира могли быть подтвержденіемъ его мнѣнія, и скажу: вѣроятно, Мирмидоны, Ахеяне и Геллены составляли небольшія племена одного народа, племена, занимавшія Юго - Восточный уголъ Аргоса Пелазгическаго.

Ахеяне, какъ можно заключать изъ сказаній Омира, обитали въ Царствѣ Пелеевомъ, сопредѣльно или даже слишно съ Мирмидонянами (1).

Геллены, коихъ названіе, въ послѣдствіи времени, содѣлалось общимъ именемъ всѣхъ Грековъ, во времена Троянской войны жили, кажется, около города Эліады, т. е. на Западѣ Феіюпиды.

Можно замѣтить, что Ахеянами называющіяся иногда вообще всѣ Греки, составившіе воинство, осаждавшее Трою, и вся страна, ими занимаемая Ахейскою; напримѣръ:

„Всѣмъ повели успокоиться Трои сынамъ
и Ахейцамъ (2).“

(1) Schl. 69. Иліад. пѣсн. II. стр. 61.

(2) Пѣснь III. Иліад. 68 стр.

Также въ другомъ слѣдующемъ мѣстѣ сіе ясно выражается :

„Въ домъ же Пелеевъ, богато усроенный, мы
приходили,
„Рать собирая на брань по *Ахейской* земль
плодоносной (1).

Кромѣ сихъ народовъ упоминаются еще: Долопы, Магнеты, Переббы и Эніаны.

Аргосъ Пелазгической, вовемя войны за *лѣпо-кудрую* Елену, имѣлъдесять власпишелей (2).

1. *Царство Пелея* заключало Фѳію; въ ней обитали три, вышеуказанные нами народы: Мирмидоны, Ахейяне и Геллены.

Города въ ономъ царствѣ извѣстны:
1) *Фѳія*, столица Пелея :

„Бѣжалъ чрезъ обширныя степи Геллады,
„И пришелъ я во Фѳію, овецъ холмистую матеръ,
„Прямо къ Пелею Царю (3).“

2. *Геллада*, существовавшая около Мелии, на западныхъ предѣлахъ Пелеевыхъ владѣній.

Прочіе города: 3) *Алосъ*, 4) *Алонъ* и 5) *Трахина* также должно ошискивать во Фѳіопидѣ.

(1) Пѣснь XI. стр. 768 и 769.

(2) Пѣснь Иліад. II. стр. 61.

(3) Пѣсн. IX Ил. стр. 479 и 480.

Трахина, безъ всякаго сомнѣнія, была въ помѣ мѣстѣ, гдѣ, гораздо позднѣе, являється *Гераклеа Трахинія*, (около залива *Маднакскаго*).

II. *Владѣнія Протезилая* (1) находились между заливомъ Пелазгическимъ и царствомъ Пелеевымъ. Войско его состояло изъ *Фейцовъ* (2).

Города, упоминаемые Омиромъ, были: *Филакъ*, столица *Протезилая*, „*цвѣтущій Пираъ*, *травами тучный Птелей* и *Антропъ*, *омываемый моремъ* (3).“

III. *Царство Эсмела* (4). „Омеръ не упоминаетъ имени народа или племени, здѣсь обитавшаго. Думаютъ, что небольшая земля сія находилась къ Сѣверу отъ владѣній *Протезилая*, въ странѣ извѣстной, въ послѣдствіи, подъ названіемъ *Магнесіи*. Впрочемъ *Магнеты* тогда еще обитали въ другомъ мѣстѣ, и пошому объ нихъ здѣсь не говорится.

Между городами сего царства *Феры*, не далеко отъ озера *Бобендскаго*, получив-

(1) 695 — 710 стр. пѣсн. II. Ил.

(2) См. Ил. пѣс. XIII. 693 стр.

(3) См. карту при *Géographie ancienne*, par *Danville*.

(4) 711 — 714 стр. II. пѣсн. Иліад.

шаго названіе опъ города Беба, занимающъ первое мѣсто; *Глафиры* и *пышно-зданный Іолкъ* почти не извѣстны, и посему весьма трудно опредѣлить ихъ положеніе (1).

IV. *Царство Филоктета* (2). Народъ, здѣсь обитавшій, называется также *Фійцами* (3).

Сія земля, имѣла весьма тѣсныя предѣлы и находилась при заливѣ *Өермаикскомъ* или *Өессалонкскомъ*.

Изъ городовъ, извѣстны *Омиру*: *Мелибея*, котораго положеніе можно опредѣлить удовлетворительно; *Олизонъ*, приморскій городъ по указанію *Данвиля*; *Меѳонъ* и *Өеамокіа*, совершенно незнакомые позднѣйшимъ *Географамъ*.

V. *Царство Асклепиадово* (4). Оно находилось во внутренней части *Аргоса Пелазгическаго* или *Өессаліи*, и съ одной стороны орошалось водами *Пенея*, а съ другой ограничилось *Пиндомъ*, и заключало города: *Трикку*, „высокоутесный“ *Иѳомой* и *Эхалію*.

(1) См. карту при *Геогр. Данвиля*.

(2) *Ил. XIII* пѣс. 693 стр.

(3) *Ил. Пѣс. II*. 716—719 стр.

(4) *Ил. II*. пѣс. 729 — 733 стр.

VI. Царство Эврипила (1), по словам Шлегеля, существовало на узкомъ проспранснвѣ земли между заливомъ Пелазгическимъ и моремъ. „*Hoc, quantum equidem e finibus, quibus cetera regna circumscribebantur, tum e situ Oromenii colligo, tractu illo angusto, qui sinum Pagasiticum efficit, continebatur* (2).

Орменія, главный городъ, назначается при заливѣ Пелазгическомъ. Омиръ, говоря о мѣстахъ, изъ коихъ спеклись воины, предводимые Эврипиломъ, упоминаетъ о ключѣ Гиперіи; сіе названіе было обще многимъ источникамъ. Спрабонъ полагаетъ его близъ города Феровъ, весьма далеко отъ царства Эврипилова.

VII. Царство Полипета (3). Владѣнія сего „воевателя безстрашнѣйшаго въ битвахъ“ занимаемы были сначала Перребами, потомъ Лапидами, вытѣснившими первыхъ. „*Terram (Polypoetis) Perrhaebi tenuerunt, antequam a Lapithis cum ultra Pindum, tum versus Olym-
pum pellerentur* (4).“ Царство Полипета ограничивалось съ югу сребропучиннымъ Пе-

(1) Пѣс. Ил. II. 735 — 738.

(2) Schl. 74 стр.

(3) Ил. пѣс. II. стих. 738 — 744.

(4) Schleg. 75 pag.

неемъ , владѣніями Асклепіадовыми , а съ востока царствомъ Гуней (1).

Города, извѣстные Омиру, были: *Аргисса*, *Гиртона*, *Орѳа*, широкій *Элонъ* и „бѣлокаменный“ *Олоосонъ*.

VIII. *Царство Гуней* опредѣляется печеніемъ рѣки *Типарезія*; въ немъ обитали *Эніаны* и сильные *Перребы* (*).

Города въ ономъ были: *Кифъ* и *Додона*, которую не должно смѣшивать съ другимъ городомъ, носившимъ то же имя. Въ доказательство сказаннаго мною, я привожу слова *Омира* :

„ . . Изъ *Кифа* *Гуней* съ двадцатью и двумя
кораблями,
„Плылъ предводя *Эніанъ*, и воинственныхъ,
сильныхъ *Перребовъ*,
„Племя мужей, водворившихся окрестъ *Додонъ*
холодной,
„Земли пахавшихъ, по коимъ шумитъ *Типорезій*
веселый,
„Быстро въ *Пеней* устремляющій пышно ка-
шьясь воды.“ (2).

(1) Schl. 76 p.

(*) Guneus praeerat junctis Peraebis et Enianibus, tractum angustum, tenentibus hinc Pieriae, illinc Lapithis conterminum. 78. см. Lih.

(2) . Пѣсн. Ил. II см. 748 — 752.

ІХ. *Царство Профоя*. Оно находилось на правомъ берегу Пеней, около горы Пеліона; народъ, обитавшій въ немъ, были Магнеты.

„Профой, сынъ Тендредоновъ, начальствовалъ
рашью Магнетовъ.

„Окрестъ Пеней, и вокругъ Пеліона, шумнаго
лѣсомъ

„Жили они“. . . (1)

говорить Поэты; сіи мѣста, занимаемые Магнетами, были въ древности заселены Кеншавами

. Пелипешъ
.

„Сбилъ съ Пеліона Кеншавровъ и гналъ до
народовъ Эеиковъ.“ (2).

Омиръ не упоминаетъ о городахъ царства Профоева; это можно видѣть изъ приведенныхъ нами выше стиховъ *Иліады*, коими ограничиваются всѣ Географическія его указанія о семъ небольшомъ владѣніи.

Наконецъ, X Царство въ Аргосѣ Пелазгическомъ составляли земли Феликса, который въ длинной рѣчѣ своей, обращенной

(1) Пѣс. *Иліад.* II. 756—758 стр.

(2) Пѣс. *Ил.* II. 744 стр.

къ Ахиллесу, ожесточенному прошивъ Агамемнона, говоритъ:

„. . . Пришелъ я во Фѳію, овецъ холмистую
 маперь,
 „Прямо къ Пелею царю. И меня онъ принявъ
 благосклонно,
 „Такъ полюбилъ, какъ любитъ родителъ еди-
 наго сына,
 „Поздно рожденного старцу, наслѣдника благъ
 его многихъ.
 „Сдѣлалъ богатымъ меня и народъ многочислен-
 ный ввѣрилъ.
 „Тамъ надъ Долонами царствуя, жилъ я на
 Фѳійскомъ предѣлѣ (1).

И пакъ, царство Феликса находилось на границахъ Фѳіиды; по указаніямъ Страбона къ сѣверу, оно простиралось до Пинда (2), къ Воспоку до земли, занимаемой Гелленами, — и по словомъ самаго Омира, было въ зависимости, подъ властію Пелея, который отдалъ его Феликсу, бѣжавшему изъ своей родины отъ „злости отца своего Амнотора грознаго старца, отъ злости за пышно - волосую дѣву.“ (3).

Городовъ въ Царствѣ Феликса не означается.

(1). Пѳс. Ил. IX, стих. 479—484.

(2). Strab. p. 663, Schl. 71.

(3). Ил. Пѳс. IX. ст. 448 и 449.

Исчисляя царства Аргоса Пелазгическаго, я упоминалъ о пѣкопорохъ рѣкахъ и горахъ, извѣстныхъ Омиру. Главныя рѣки Аргоса: *сребропучинный Пеней*, вливавшійся въ *Θερмоникскій* или *Θεσσαλονικскій* заливъ, *Сперхіусъ*, въ *Μαλιακскій*, *Энипеусъ* и „*веселый*“ *Типарезъ*, впадавшій съ лѣвой стороны въ *Пеней*, но, по словамъ Омира, не соединявшій съ нимъ своихъ водъ.

Горы Аргоса были: *Олимпъ*, *Пиндъ* и *Пеліонъ*.

Къ югу отъ царства *Феликса*, послѣ всѣхъ упомянушаго нами въ описаніи Аргоса Пелазгическаго, обитали *Куреты* и *браннолюбивые Этолѣе* (1).

Страна, занимаемая сими двумя народами, по замѣчанію *Малтебрюна* (2), еще не имѣла названія *Этолїи*, но означалась именемъ *Калидона*; *Малтебрюнъ* основываетъ свое заключеніе на слѣдующихъ стихахъ Омира:

. *Θοαсъ*
 „ . . . „ (3). Во всемъ *Калидонѣ* гористомъ
 „Всѣми *Этолѣями* властвовалъ, чшимый какъ
 Богъ отъ народа.“ (4).

(1) *Ил. Пѣс. IX.* стр. 529 и послѣд.

(2) *Maltebrun.* 31. pag. t. I.

(3) *Ил. Пѣс. XIII.* стр. 217 и 218.

(4) *Ил. Пѣс. XIV.* стр. 116.

Западною границею владѣній Эполянъ Шлегель, послѣдуя Данвилю, принимаетъ рѣку Ахелой; онъ говоритъ: „*Aetoliam totam ab occasu solis praeterfluit et finesque ejus constituit Achelous, inter Graecorum amnes magnitudine ita eminens, ut ab Achille, majorum fluminum plerumque ignaro, Oceano quoad magnitudinem non multum post habeatur* (1); на югъ земля сія соприкасалась морю.

Слѣдовательно города въ странѣ Эполянъ были: *Калидонъ, Халхида, Плевронъ, Пилень* и *Олень*.

Омиръ во второй пѣсни своей *Иліады* говоритъ (2):

„Рашъ изъ племенъ Эполійскихъ
 вождь Андремонидъ,
 „Рашъ изъ мужей, обитавшихъ въ *Олень*,
Пилень, Плевронъ,
 „И въ *Калидонъ* камнистомъ, и въ градъ
Халкидъ приморской,“

безъ всякаго сомнѣнія, Поэтъ Калидономъ камнистымъ называетъ здѣсь не страну, а только главный городъ оной, что гораздо опредѣленнѣе выражаетъ онъ, описывая войну Эпольцевъ съ Курепами:

„ Мужи Эпольцы спояли за градъ Калидонъ
 изъ любезный (3).“

(1) Schl. 55 стр.

(2) Стих. 638 и послѣд.

(3) Ил. пѣс. IX ст. 531.

Къ западу опъ спраны Калидона, заселеннаго Эптолянами и Курешами, за рѣкою Ахелоемъ, находились владѣнія Улисса.

Царство сего царя-героя состояло изъ небольшого удѣла твердой земли, извѣснаго, въ послѣдствіи, подъ именъ *Акарнаніи*; изъ острововъ: *Иѳаки*, нынѣ *Ѳеаки*, (или Валь де Компаре), *Сама*, послѣ называемаго Меленою (*Meloenia*), попомъ Телебоею, и наконецъ *Кефалоніею*, и *Закинѳа*, теперъ именуемаго *Занпомъ*. Народъ, обитавшій въ земляхъ, принадлежавшихъ Улиссу, называется *Омиромъ Кефалленянами*.

„Царь Одиссей предводилъ Кефалленянтъ, возвышенныхъ духомъ (1).

Замѣтимъ, обитавшии острова, подвластныхъ Улиссу, именующіяся иногда общимъ именемъ Грековъ, т. е. Ахейнами (3).

Положеніе острова *Иѳаки* весьма ясно и точно опредѣляется въ IX пѣсни Одиссеи (3), гдѣ герой сей поэмы рассказываетъ о своемъ опечесствѣ:

(1) *Ил.* пѣс. II. 131 стих.

(2) *Одисс.* пѣс. II. стр. 87. Перев. Маршкова Schl. стр. 51.

(3) *Сш.* 21 и пос.

„Я . . . сынъ Лаершовъ; . . . слава моя
 „восходитъ до небесъ. Обишаю въ Иѳакъ
 „знаменишой; окрестъ ея много на-
 „селенныхъ острововъ, въ близкомъ между
 „собою разстояніи: Дулихіонъ, Сама и
 „лѣсисый Закинѳъ; сама же крошкя *Иѳака*
„превыше всѣхъ лежитъ въ морѣ къ Западу.
 На островъ Иѳакъ упоминается городъ сего
 же имени. Трудно опредѣлишь его положеніе;
 но можно думать, что онъ находился неда-
 леко отъ пролива, раздѣляющаго Иѳаку отъ
 Самы или Кефалоніи, выше небольшого остро-
 ва Аспериса, лежащаго при Юго-Западныхъ
 берегахъ Иѳаки; ибо Аѳина, предостерегая
 Телемака отъ Ахейанъ, *устроившихъ засаду*
въ проливѣ Иѳаки, чтобы убить его, не со-
 вѣщуетъ ему приближать корабль свой къ
 островамъ, но повелѣваетъ плыть въ свое
 отечество (1): засада же, какъ видно изъ
 четвертой пѣсни Одиссеи, была учинена на
 островъ Асперисъ (2).

Островъ *Самъ* находился къ Югу отъ
 Иѳаки, и безъ всякаго сомнѣнія есть Кефа-
 лонія.

(1) Одис. пѣс. XV стр. 107.

(2) Одис. пѣс. IV. стр. 221.

На Югѣ же опѣ сего гористаго оспрова, противъ Пеллопонеса встрѣчается Закинѣъ, называемый нынѣ, какъ мы уже сказали, Заншомъ.

Часть пвердой земли, извѣстная послѣ подъ именемъ Акарнаніи, по мнѣнію Шлегеля, во времена Омира имѣла названіе Эпира, а оспровъ Левкадія, — Анти-Эпира, т. е. земли, лежащей противъ Эпира (1).

Оспровъ *Дрепанъ*, послѣ именуемый *Схерию*, потомъ *Корцирою* и *Корфу*, находился по понятіямъ того времени, внѣ Греціи. Твердая земля, лежащая противъ сего оспрова, занимаемая *Токейцами*, называлась также *Эпиромъ*, т. е. пвердою землею.

Въ сей странѣ, къ Воспоку граничившей съ Аргосомъ Пелазгическимъ, обитали *Токеяне*, народъ, даже въ сіи отдаленныя времена, уже знакомый съ выгодами торговли и мореплаванія.

Земли, омываемыя моремъ Эвбейскимъ съ Воспочной стороны, и сопредѣльныя на Сѣверѣ со *Феіюшидою*, а на Западѣ съ владѣніями *Эполянъ*, были занимаемы *Локрами* и *Беотянами*.

(1) Acarnania, tunc nondum ullo proprio nomine insignita, Homero *ἡπειρος* est *αντιπεραία*. Schl. 53. смр.

Изъ прехъ Локрійскихъ земель, описываемыхъ позднѣйшими Географами, Омиръ упоминаетъ только о двухъ. Онъ говоритъ о Локрахъ Эпикнемидахъ и Опунціяхъ, но о Локрахъ Озолахъ, опдѣляемыхъ опъ двухъ первыхъ Парнассомъ и Токидою, онъ совершенно умалчиваетъ. Должно думать, что страна Локровъ, обыкновенно называемыхъ Озолами, во времена Троянской войны, или была еще землею совсѣмъ ненаселенною, дикою пустынею, или жители оной, можетъ быть, не участвовали во всеобщемъ союзѣ Грековъ противъ Пріама, и потому не упоминается въ твореніяхъ Омира.

„Локровъ Аяксъ предводилъ Оилеевъ сынъ быспроногій.

.

„Онъ предводилъ племена, населявшія *Киносъ* (а) и *Опусъ* (b),

„*Вессу*, *Калліаръ* и *Скарфъ* (c), и веселые доли *Аггеи*;

„*Тарфы* и *Θρονій*, гдѣ воды Воагріа быспрокапятся.

(а) Городъ сей находился при морѣ Эвбейскомъ.

(b) Построенъ Опунпомъ, сыномъ Локра, недалеко опъ моря Эвбейскаго, къ югу опъ Киноса.

(c) Сія города находились близъ Фоіюпиды.

„Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ
Иліону

„Съ вопиствомъ Локровъ мужей, за священою
жнвшихъ Эвбеей (1).

Изъ сихъ стиховъ Иліады можно видѣть, что во владѣніяхъ Локровъ протекала рѣка Воагрій, и существовали города: *Киносъ, Опусъ, Весса, Калліаръ, Скарфъ, Авгелъ, Торѣы и Ороній*. Нѣкоторые изъ числа сихъ Локрійскихъ городовъ упоминаются и объясняются Спрабономъ; но вообще должно сказать, что положеніе большей части оныхъ удовлетворительно назначить не возможно, не смотря на всѣ розысканія ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ Географическихъ свѣдѣній Омира.

На югъ отъ описанныхъ нами владѣній Локровъ лежали земли, заселенныя Беотіанами. Сія страна, во времена Омира не составляла одного Государства, но, кажется, раздѣлялась на пять небольшихъ владѣній; сіе раздробленіе произошло за нѣсколько лѣтъ до войны Троянской, когда Тивы и Кадмея были разрушены (2).

(1) Иліад. пѣс. II. 527—555 см.

(2) Thebae et domus Cadmea, paucis ante bellum Troianum annis corruerunt, divisum esse regnum inde apparet. Schl. 6 p. Одис. XI. 261—264 см.

Мы сказали уже, страна, занимаемая Беопянами, раздѣлялась на пять небольшихъ владѣній; сіе основываютъ на слѣдующихъ двухъ стихахъ Иліады, въ коихъ значится, что сей народъ имѣлъ не одного, но пять вождей:

„Рать Беопійскихъ мужей предводили на бой
воеводы,
 „Аркезилай и Ленъ, Пенелей, Прохоеноръ и
Клоній (1).

Шлегель, указавши на сіи слова Омира, говоритъ утвердительно: *quinque Boeotorum reguli adversus Troianos militarunt* (2).

Владѣнія Беопянъ обнимали тогда меньшее пространство земли; ибо во времена, болѣе ближайшія къ намъ, Орхомень съ нѣкоторыми другими городами, не упоминаемый Омиромъ, также входилъ въ составъ Беопіи (3).

Главные изъ рѣкъ сей страны, безъ всякаго сомнѣнія, суть *Азонъ* (4) и *Кефиссъ* (5).

Озеро, примѣчательное по своей величинѣ, — упоминается Кефиссово (6), получив-

(1) Ил. пѣс. II. стих. 494 и 495.

(2) Schl. 6. p.

(3) Schl. 6, pag.

(4) Иліад. пѣс. X. ст. 287. На Югѣ вливается въ Эвбейское море.

(5) Иліад. пѣсн. II. 522 ст. Кефиссъ выходитъ изъ владѣнія Локровъ, протекаетъ съ Сѣвера на Юго-Востокъ до озера сего же имени Мавро-Неро.

(6) Копаисъ на картѣ Данвіля.

шее свое названіе отъ имени рѣки, въ него вливающейся.

Города, въ коихъ обитали Беопяне, исчислены Омиромъ въ слѣдующихъ спискахъ его *Иліады* :

„Рашъ Беопійскихъ мужей предводили на бой
воеводы :

„Аркезилай и Ленпъ, Пенелей, Провоеноръ и
Клоній.

„Рашъ отъ племенъ, обитавшихъ въ *Гиріи*, въ
камнистой *Авлидѣ* (1),

„*Схенъ* (2) населявшихъ, *Сколь*, *Етеонъ* лѣ-
систо-холмистый,

„*Өеспіи* (3), *Греи* мужей и широкихъ полей
Микалесса (4);

„Окреспъ *Илезіа* жившихъ и *Гармы* и окреспъ
Ериеры (5);

„Всѣхъ обитателей *Гилъ* (6), *Елеонъ*, *Пе-*
теонъ населявшихъ;

„Также *Окалею* (7), градъ *Медсонъ*, успрое-
ніемъ пышный.

(1) *Авлида*, городъ противъ Халкиды, находившейся на островѣ Эвбеѣ; отсюда Агамемнонъ отправился въ походъ противъ Трои.

(2) *Схенъ* и *Микалесса* къ западу отъ Авлиды.

(3) *Өеспія* находился въ восточной части Беопіи, недалеко отъ Геликона; здѣсь былъ ручей Нарциссъ.

(4) На югъ при Азопѣ.

(5) *Ериеры* къ Югу отъ Скола.

(6) *Ныліа ралъ* на Сѣверо-Востокѣ.

(7) *Окалея* и *Галиартъ* къ Югу отъ озера Кефисса.

„*Копы*, *Евтресъ*, и спадомъ голубинымъ лю-
 безную *Θизбу* (1),
 „Градъ *Коронею* (2) и градъ *Γαλιартъ* (3)
 на лугахъ многоправныхъ ;
 „Жившихъ въ *Πλαται* (4), и въ *Γλισсъ* (5)
 пучныя нивы пахавшихъ ;
 „Всѣхъ населяющихъ градъ *Гипоэивы*, прекрас-
 ный устройствомъ ;
 „Славный *Ονηестъ* (6), *Посидоновъ* алпартъ и
 завѣтную рощу ;
 „*Ариъ* виноградомъ обильный, *Μιδею*, красивую
Νισсу,
 „И народъ наконецъ, населявшій *Ληοεδонъ* (7).
 предѣльный.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

-
- (1) На западныхъ границахъ.
 (2) Къ Сѣверу отъ *Θизбы*: здѣсь разбиши были
 Аѳиняне въ началѣ Пеллоп. войны.
 (3) *Πλαται* въ южной части, недалеко отъ на-
 чала Азопа. Здѣсь Павзаній разбилъ Мардонія,
 зятя Ксерксова.
 (4) *Γλισσα* въ восточ. части, недалеко отъ моря.
 (5) Въ средней части сей страны.
 (6) При морѣ, на Сѣверо-Востокѣ.
 (7) *Иліад.* пѣсн. II. 489 и слѣд. ст.

II. СЛОВЕСНОСТЬ И ИСКУССТВА.

A. ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

4. ЗНАЧЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА И ВИДЫ Лирической Поэзии.

Изъ Лекцій Профессора Давыдова.

Первое восклицаніе человѣка, приходящаго въ самосознаніе, есть выраженіе лирическое. У всѣхъ народовъ первыя стихотворенія бывають Лирическія; ими начался и міръ древній (классическій), и міръ новый (романтическій). Общее въ человѣчествѣ повсюду и усматривается частно въ каждомъ народѣ, если онъ началъ жизнь свою съ самаго *перваго* возраста, проводитъ ее *самообразно*, и хранитъ въ *цѣлости* всѣ созданія своего младенчествовавшаго генія. Умозрѣніе также убѣждаетъ, что въ человѣкѣ ранне другихъ способностей развивается и совершенствуется сила чувствованія. Сила разумѣнія, развлекаемая разнообразными предме-

тами, не скоро оспанавливається на одному изъ нихъ, осмапривається вокругъ себя, приводить виѣшнее разнообразіе къ внутреннему единству, и такимъ образомъ составляетъ спройную и прочную систему вѣдѣнія; между тѣмъ какъ каждый человекъ имѣетъ хотя нѣсколько минутъ своего бытія лирическихъ, и сіи минуны почти всегда радуютъ его возрастъ самый прелестный и невинный. Припомъ каждое человеческое чувство имѣетъ свой лирическій тонъ: и это чувство, внезапно овладѣвающее духомъ, приводящее въ восторгъ сердце и воспаменяющее фанпазію, вездѣ и всегда изливается Лирическимъ пѣснопѣніемъ. Оно не исключительная собственность одного какого-либо народа, предпочтительно предъ другими ущедренного дарами природы, но общее достояніе всего человечества — достояніе, въ копоромъ всѣ и каждый имѣютъ свою часть законную, даруемую правами человечства. Посему опыскивать начало Лирической Поэзіи въ одномъ какомъ нибудь народѣ, ему усвоивать ее, какъ будто онъ одинъ имѣлъ на нее право, не справедливо и не возможно. Но какъ все человечство вообще и каждый народъ въ особености, подъ различными условіями выражая

собою различныя идеи, имѣеть нѣкоторыя отличія изящнаго въ природѣ и Изыщныхъ Искусствахъ, и различное направленіе эстетической жизни и чувства: то и Лирическая Поэзія въ этомъ отношеніи становится предпочтительно собственностію того или другаго народа, принимаетъ то или другое значеніе, и имѣеть изящество *общее*, опрѣшенное, и прелестъ *частную*, относительную, смотря по тому, что и какъ она выражаетъ.

Рождаясь въ неизслѣдимой глубинѣ нашего духа, гдѣ вѣчныя, непреложныя, божественныя идеи истины, блага и изящества почіютъ подъ таинственнымъ покровомъ въ нераздѣльномъ единствѣ и одинакомъ безразличіи, и изливаясь въ словѣ изъ груди вдохновеннаго пѣвца, Поэзія Лирическая проникаетъ въ сокровеннѣйшіе изгибы нашего сердца и повѣдаетъ намъ тайны, неуловимыя для холоднаго разсудка и постижимыя только для душъ возвышенныхъ, воспорженныхъ въ область идеальнаго изящества, согрѣшихъ чистою, безкорыстною и пламенною къ нему любовію. Душа наша, исходя изъ своего внутренняго, духовнаго святилища въ міръ дѣйствительный, является или въ сосредоточеніи умственного созерцанія, или въ излія-

нїи нравственной дѣятельности, тогда какъ въ Поэзіи ея первородное единство отражается всею своею полною, всѣми своими лучами. Поэзія, какъ проявленіе чувства, составляетъ общую цѣлость нашей духовной дѣятельности, умственной и нравственной, точно также, какъ изящество есть безразличное единство истины и блага. Но какъ все идеальное становится для насъ осязательнымъ тогда только, когда облачается въ вещественныя формы, конечныя символы, знаменующіе собою безконечную идею, безъ нихъ неуловимую для нашихъ чувствъ: то и Поэзія употребляетъ вещественныя средства для того, дабы проявить себя въ дѣйствительности и быть для насъ удобопостижимой. Какъ подлежательнѣйшее изъ всѣхъ Изящныхъ Искусствъ, и посему опъ всѣхъ прочихъ существенно различествующее, не можетъ и не должна она употреблять тѣхъ же средствъ, какія свойственны послѣднимъ. Ея символы должны быть выразительнѣе, нежели символы другихъ искусствъ: какъ въ искусствѣ, проявляющемся въ видимыхъ образахъ, очертаніяхъ (значеніе предмета), и слышимыхъ звукахъ (ощепапокъ внутренняго движенія), они должны имѣть и пластическую изобразимость, и музыку

кальнуоу звучностъ. Такого свойства символы представляють слово человеческое (видимый звукъ и звучащій образъ), соспавляющее въ человѣкѣ, какъ и самъ человѣкъ въ цѣломъ организмѣ природы, переходъ отъ духовнаго къ вещественному — прообразующее въ себѣ высочайшее значеніе человеческой природы, и, по своему ближайшему, непосредственному средству съ идеальною стороною нашего организма, служащее явственнѣйшимъ и выразительнѣйшимъ ся знаменіемъ. Вотъ средство, употребляемое Поэтомъ для осуществленія его высокихъ помысловъ и высшихъ созерцаній духа, восхищеннаго въ таинственный міръ идеаловъ! Идея, въ своей первоначальной чистотѣ вѣчная и безпредѣльная, незнающая ни ограниченій времени, ни предѣловъ пространства, объемлется творческою фантазіей, сосредоточивается въ ней, какъ солнечный лучъ въ фокусѣ, и становится идеаломъ; фантазія, дабы приблизить эту первообразную идею къ нашему разумнію, облакаетъ ее въ безплотныя и невещественныя формы. Идеаль, созданный фантазіей, осуществляется наконецъ въ изящномъ произведеніи, и — это претіе явленіе идеи въ Поэзіи именуется поэтическимъ твореніемъ. По симъ понятіямъ если бы нужно

было составить опредѣленіе Поэзіи, то мы сказали бы, что *она есть словесное выраженіе идеаловъ* — искусство, въ которомъ гений воплощаетъ свои идеалы въ чувственно-словесныхъ формахъ. Первое (идеалы) относится ко всѣмъ Изыщнымъ Искусствамъ, а второе (словесныя формы) принадлежитъ исключительно Поэзіи: первое — Платоновъ вымыселъ, второе — Аристотелево подражаніе.

Отсюда явствуетъ, что Поэзія Лирическая, выражающая въ своихъ твореніяхъ идеи, должна имѣть для всѣхъ и во все времена изящество постоянное, вѣчное и повсемственное: самообразная и вѣчная идея — безформна и принадлежитъ равно всему человечеству. Дѣйствительно, произведенія Поэзіи Лирической истинно изящныя и гениальныя всѣхъ временъ и народовъ, имѣютъ для насъ въ отношеніи къ идеямъ эстетическое достоинство, не смотря на ихъ отдаленность отъ насъ, и по мѣсту, и по времени. Не говоря уже о Лирической Поэзіи новѣйшей — Христіанской, мы восхищаемся Лирикою Римлянъ, Грековъ и даже Индусовъ, потому что въ ней выражается лирическое чувство *человѣческое*,

намъ сродное и совершенно понятное. Но кромѣ общаго, повсюднаго и вѣчнаго изящества, Поэзія запечатлѣвается въ своихъ произведеніяхъ еще прелестью *частною*: идеалы, образуемые творческою фантазіей, обуславливаются чувственными формами пространства и времени — формами, которыми подлежатъ, подобно всему существующему въ мірѣ, и сама фантазія въ томъ процессѣ зидительности, когда она, воспорженная въ горній міръ идей, облекаетъ свои идеалы въ невещественныя формы, а особенно тогда, какъ, нисходя въ міръ дѣйствительный, воплощаетъ ихъ въ образы вещественныя. Поэтъ не созидаетъ своихъ формъ изъ ничего: онъ только возводитъ формы дѣйствительной природы до идеальнаго просвѣтлѣнія, приближаетъ красоту и благолѣпіе міра вещественнаго къ нашимъ чувственнымъ органамъ, кои для предметовъ великихъ слишкомъ малы, а для малыхъ слишкомъ велики, и усматриваетъ изящество природы преимущественно въ изящныхъ произведеніяхъ.

И такъ частное, опносительное изящество поэтическихъ произведеній, во-первыхъ, обуславливается мѣстомъ. Поэзія Южная су-

щественно различествуетъ отъ Сѣверной, Восточная отъ Западной. Поэзія Юга, гдѣ въ царствѣ природы развиваются во всей своей роскошной полнотѣ и живописной прелести, въ огромнѣйшихъ размѣрахъ и съ ярчайшими красками, и гдѣ человѣкъ безопасно ликуетъ на веселомъ, блистательномъ шествіи природы, живетъ жизнью болѣе внѣшней, нежели внутренней, и, не имѣя времени и досуга заняться своимъ бытіемъ духовнымъ, устремляетъ свои силы и способности на внѣшность; она должна быть по преимуществу пластическая, вещественная. Здѣсь бряцала лира во славу внѣшней природы. Напротивъ того, на Сѣверѣ, гдѣ природа свершывается, такъ сказать, въ саму себя, суживается къ полюсамъ земнаго шара и жизненности, разоблачается отъ всѣхъ прелестей Юга — гдѣ человѣкъ, въ противоположность чувственному изліянію дѣятельности, сосредоточивается самъ въ себѣ, въ своемъ духовномъ существѣ, и, погруженный въ глубочайшее самосозерцаніе, живетъ жизнью внутренней — на Сѣверѣ, говорю, Поэзія по преимуществу субъективная, духовная, идеальная. Здѣсь лира прославляетъ природу внутреннюю. Подобно Востоку и Западъ относятся одинъ къ дру-

тому, какъ покой и движеніе. Воспокъ, эша паннспвенная колыбель челоѡческаго рода, съ незапамятныхъ временъ находится въ состояніи неподвижности, мертѡаго покоя, оцѡленія жизни и дѡтельности: онъ въ отношеніи къ прочимъ сѡранамъ міра то же, что царство ископаемое къ прочимъ царствамъ живой природы. Но Западъ безпрестанно движется, жизнь и дѡтельность его непрерывно кипитъ и опливается въ разнообразныхъ видахъ. Явно, что Поэзія сихъ противоположныхъ сѡранъ должна различествовать, имѡя при томъ свое мѡстное изящество, опличное своею самобытною фizioномією и незамѡнимое ничѡмъ другимъ. Частное изящество поэтическихъ произведеній, вопорыхъ, зависитъ отъ времени. Кому не изѡстно, что Поэзія до-Хрістіанская рѡшиительно опличается отъ Поэзіи Хрістіанской во всѡхъ отношеніяхъ, зависящихъ отъ времени. Одинъ бѡглый взглядъ на произведенія той и другой Поэзіи несомнѡно насъ въ этомъ убѡждаетъ. Поэзія до - Хрістіанская, выразившаяся вполне въ Поэзіи классической (Греко-Римской), обращена ко внѡщей сторонѡ бытія: ея Лирика опличается болѡе пластическимъ, нежели истинно-

лирическимъ характеромъ. Поэзія Хрістіанская направлена ко внутренней сторонѣ духа. Идеаль первой — міръ внѣшній, вещественный (форма); идеаль второй — міръ внутренний, духовный (идея).

Кромѣ условій пространства и времени, частность въ идеалахъ Поэзіи Лирической развивается и дробится въ своихъ явленіяхъ по другимъ причинамъ, которыя, дѣйствуя на лирическое чувство какого-либо народа, объясняются изъ его духа и быта, и производящъ различіе въ его Лирическихъ стихотвореніяхъ отъ таковыхъ же стихотвореній другихъ народовъ—запечатлѣваютъ ихъ фizioномією характеристическою. Французскіе Поэты, по своему характеру, эмпирики новаго міра: они не любящъ углубляться въ самихъ себя, сосредоточивающъ въ самихъ себѣ, какъ Поэты Англійскіе, ни парящъ въ безвоздушномъ и безсущномъ пространствѣ метафизической мечтательности и мистицизма, подобно Германцамъ: они любящъ существенное, внѣшнее — то, что говорищъ внѣшней сторонѣ нашего существа и болѣе ее привлекаетъ. Посему и Лирическая Поэзія ихъ, какъ отраженіе жизни, отличается легкостію, живостію, приятностію,

внѣшнимъ убранствомъ — качествами, непосредственно направленными ко внѣшности. Въ этомъ отношеніи они ближе всѣхъ подходятъ къ Италіянцамъ, которые, хотя образовались совершенно по образцамъ классическимъ, но болѣе самобытны, нежели Французы: и изъ этого, кажется, можно объяснить подражательность Французской Словесности классической. Англичане — скептики: погруженные въ самихъ себя, занятые самими собою и считая все прочее для себя враждебнымъ, тщетно отыскивають для себя міръ въ самихъ себѣ. Англичанинъ не любитъ мечтать о чемъ-то неземномъ, фантастическомъ и неудобопостижимомъ для человека, подобно Нѣмцамъ; не любитъ жить и беззаботно, какъ живетъ попомокъ Трубадуровъ. Посему и Лирическая Поэзія Англичанъ отражаетъ въ себѣ чувство внутреннее, сильное, глубокое, а вмѣстѣ помпезное, грустное. Нѣмецъ принадлежитъ области поэтическаго умозерцанія, метафизическаго мистицизма; умъ его стихія, его идолъ, которому онъ посвящаетъ всѣ свои чувстваванія, желанія и дѣйствованія. Отъ того Лирическія стихотворенія Нѣмцевъ заключаютъ чувстваванія мечтательныя, фантастическія, превыспреннія, похожія на мистическія видѣнія.

Наша отечественная Поэзія до настоящаго вѣка большею частію была подражательная. Только при нынѣшнемъ состояніи нашего Ошечества, она, какъ выраженіе жизни и духа народнаго, постепенно принимаетъ характеръ самобытности. Мы можемъ сказать только, что она, какъ Поэзія Сѣверная и Христіанская, должна быть, по общему положенію, преимущественно субъективная, внутренняя, а не внѣшняя, пластическая, и соединять въ себя и романтическую идеальность, и классическую обработку наружности. При бѣдности нашей Эпической и Драматической Поэзіи, Лирическая у насъ весьма богата прекрасными произведеніями. Это богатство указываетъ на то, что наша собственная, народная Поэзія есть внутренняя, духовная — Лирическая. Поэты Лирические, умѣвшіе среди сѣверныхъ льдовъ и снѣговъ разогрѣть наше Русское сердце неугасаемымъ огнемъ дѣвственныхъ музъ — наши любимые Поэты.

Таково развитіе Поэзіи, образованіе и направленіе подъ условіями мѣста и времени. Предварительное обозначеніе онаго мы сочли необходимымъ, какъ часть общую, повторяющуюся во всѣхъ видахъ Лирической Поэзіи,

и служащую указаніемъ ихъ значенія у различныхъ народовъ.

Поэзія дѣлится на свои виды по внутреннему содержанію — по идеѣ, или мысли. Мысль же или выражаетъ то, что внутри насъ, или объемлетъ то, что внѣ насъ, или представляетъ въ одинакой цѣлости внутреннее и внѣшнее. Въ первомъ случаѣ является Поэзія Лирическая, во второмъ — Эпическая, въ третьемъ — Драматическая. Отсюда само собою открывается различіе Поэзии Лирической отъ двухъ послѣднихъ. Поэзія Лирическая относится къ Эпической, какъ чувствованіе къ созерцанію, какъ внутреннее ко внѣшнему, какъ музыка къ пластикѣ. Она есть выраженіе нашего внутреннего міра, гармоніи коего первообразный представитель чувство; Поэзія Эпическая — выраженіе міра внѣшняго. Тамъ слово есть звукъ, а здѣсь образъ. Лирическая Поэзія есть музыка; образъ — символъ пластики, Эпопея. Въ Драмѣ лирической жаръ и эпическое спокойствіе соединяются почто такъ же, какъ искусства поэтическія и образовательныя въ сценическихъ; въ Драмѣ, какъ въ переходѣ внутреннего во внѣшнее, Поэтъ представляетъ свои лирическія чувства въ картинѣ

эпической. Драмапическая занимательность сосредоточивается въ *дѣйствіи*, Лирическая въ *чувствѣ*, Эпическая — въ *созерцаніи*. Явно, что Лирическая Поэзія имѣетъ свою отдѣльную область и существенно различается отъ другихъ родовъ Поэзіи, а въ нѣкоторыхъ чертахъ она и соприкасается съ ними. Не только Драмапическій, но и Эпическій Поэтъ, не измѣняя своему характеру, заимствуютъ многое отъ Лирической Поэзіи; равно и Лирикъ, не стѣсняясь одною своею областію, иногда вступаетъ въ предѣлы Поэзіи Эпической и Драмапической, и тамъ находитъ для себя предметъ пѣснопѣнія. Поэзія Лирическая граничитъ даже съ прозою, если находитъ одушевленіе въ области разума. Но при всемъ своемъ родствѣ съ различными видами проявленія мысли человѣческой въ словѣ, она отличается собственнымъ особеннымъ характеромъ. Указавъ главные почки нашего возрѣнія на значеніе Поэзіи Лирической, приступаемъ къ изслѣдованію ея содержанія, формы и видовъ.

Изъ значенія Лирической Поэзіи явствуетъ, что ея содержаніемъ должно быть чувство и все то, что имъ объясняется. Чувство — эта животворная сила человеческого организма, укрѣпляющая разумъ и согревающая волю, выражается въ разно-

образныхъ переливахъ и доставляетъ лирическому одушевленію неизсякаемый источникъ изобрѣтенія. Область чувства, а вмѣстѣ и Лирической Поэзіи, столько же обширна, какъ и вселенная. Оно объемлетъ собою все, что могутъ объять всѣ въ совокупности силы человеческого духа; смѣлымъ и возвышеннымъ полетомъ возносится опъ міра дѣйствительнаго, прозаическаго — въ идеальный, поэтическій; опрѣшившись опъ прошедшаго и настоящаго, и склоняясь къ мечтательному, погружается въ предчувствіе и прозрѣнія будущаго, и наконецъ теряется въ безпредѣльномъ океанѣ бытія, дѣйствительнаго и идеальнаго. Поэтъ Эпическій обрабатываетъ внѣшній міръ; Поэтъ Лирический все преобразуетъ во внутреннее, все изводитъ изъ глубины своего духа и самъ покоится въ его лонѣ. Самую вещественную, мершвую природу онъ согрѣваетъ и оживляетъ теплою своего чувства. Всѣ прочіе роды стихотвореній предполагаютъ въ одушевленіи извѣстное спокойствіе, безъ котораго Поэтъ не можетъ обрабатывать своего предмета; въ Лирической же Поэзіи чувство стремится наружу безъ всякихъ ограниченій, хотя такъ называемый лирический огонь не всегда разрѣшается въ свѣпо-

зарное и ослѣпительное пламя, а иногда проникаетъ мысли только съ умѣренной теплотою. Наконецъ ни въ одномъ родѣ стихотвореній личность Поэта не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія, какъ въ Лирическомъ. Въ Эпосѣ, возсозидая внѣшній міръ, Поэтъ устранивается и скрывается за событіе; даже въ Драмѣ, воспроизводя свой внутренній міръ въ эпической картинѣ, онъ жертвуетъ своею личностію дѣйствию. Напротивъ, въ Лирическихъ стихотвореніяхъ, даже и въ тѣхъ, въ которыхъ Поэтъ выражаетъ чужія чувствованія, обличаются невольно его собственныя. Но при всей теплотѣ и живости чувства, Лирическая Поэзія выигрываетъ очень мало, если Поэтъ бѣденъ мыслями. Неопытные въ Лирическомъ родѣ стихотвореній Поэты, предполагая, что сила и живость выраженія въ соединеніи съ метрическою формою должна необходимо увлекать насъ, не знаютъ, что прекрасные стихи, выражающіе ихъ чувства, не производятъ въ насъ никакого впечатлѣнія эстетическаго, если не порождаютъ въ насъ возвышенныхъ мыслей. Живописные и блестящіе образы, смѣлые обороты и другія поэтическія фигуры, не замѣняютъ въ стихотвореніи су-

щесшвеннаго недоспапка — мыслей, а напрошивъ заспавають насъ жалѣть о напасномъ трудѣ Поэпа. Одною только силою мыслей чувство можетъ выражатся лирически — мыслей, которыя, не будучи ни слишкомъ простыми и обыкновенными, ни изысканными, плѣняютъ насъ своею новостію, еспешвенностію, пробуждають въ насъ множество представлений, приводящихъ душу въ гармоническую наспроенность и восхищающихъ насъ въ высшую область духовнаго бытія. Сім-шо мысли, проникнутыя чувствомъ лирическимъ, и взаимно сами проникая его, даютъ ему *духовную* форму, которою лирическое выраженіе опличается отъ прозаическаго, и въ которой скрывается тайна лирическаго искусства—лирическая сила, дѣйствій коей не можетъ воспроизвестъ никакое велерѣчіе холоднаго разсудка. И пакъ, повшоряемъ, съ шеплошою, силою и живостію чувства въ Лирикѣ непримѣнно должны соединяться и мысли, которыя бы восхищали насъ сами по себѣ, даже безъ отношенія къ прелести ихъ формъ.

Содержаніемъ Лирическихъ стихопвореній могутъ быть и происшесшвія — тѣ, которыя имѣють лирическую основу, и конхъ

ходъ ознаменованъ дѣйствіями, способными
воспламенять чувство. Историческое повѣ-
ствуется въ Эпосѣ, приводится въ дѣйствіе
въ Драмѣ, а въ Лирическихъ стихотворені-
яхъ ощущается. Чувство, объемлющее со-
бою каждый моментъ происшествія, сооб-
щаетъ и самому происшествію лирической
характеръ. Наконецъ царство истины, цар-
ство холоднаго разсудка, повидимому, со-
вершенно непріязненное чувству и фантазіи,
и отдѣленное отъ нихъ непреодолимыми пре-
градами — и это царство бываетъ до-
ступно для лирическаго паренія. Идея исти-
ны совсѣмъ не чужда Поэзіи, какъ часто
полагаютъ. Философія и Поэзія имѣютъ
ближайшее сродство, тѣснѣйшія взаимныя
отношенія; вмѣсто доводовъ говоритъ за
это мнѣніе Исторія развитія человеческого
духа, свидѣтельствуютъ самыя явленія, въ
коихъ ясно открывается духъ философскій и
поэтическій. Посему не безъ основанія на-
зываютъ Поэзію изящнымъ искусствомъ мы-
слей, или изящнымъ вѣдѣніемъ. Вообще со-
держаніе Лирическаго стихотворенія должно
быть проникнуто чувствомъ. Оно должно го-
ворить сердцу прямо, непосредственно, увле-
кать насъ, восхищать, приводить въ лири-
ческой восторгъ и одушевленіе. Оно можетъ

быть изобрѣтено, вымышлено Поэтомъ; но не должно быть невѣрояпно и выходить изъ предѣловъ естественности: по крайней мѣрѣ не должно разрушать фантазіи. Оно должно быть ново, но не изысканно; болѣе же всего сообразно съ настоящимъ временемъ и мѣстомъ, съ настоящимъ направленіемъ духа человѣческаго, всегда вѣрнаго своимъ личнымъ законамъ.

Расположеніе Лирическихъ стихопвореній согласуется съ состояніемъ духа, одушевляемаго предметомъ пѣснопѣнія. Лирическое стихопвореніе, какъ и всякое изящное цѣлое, пребудетъ извѣстнаго единства. Отсутствіе единства нигдѣ не бываетъ такъ явно, какъ здѣсь, если измѣряешь его по Логическимъ формамъ послѣдовательности и порядка. Здѣсь Поэтъ самовластно распоряжается своимъ твореніемъ, позволяетъ себѣ отступленія отъ главнаго предмета къ постороннимъ, имѣющимъ по законамъ фантазіи близкое отношеніе къ первому – отступленія, состоящія или въ общихъ изреченіяхъ, какъ у Горація, или въ историческихъ эпизодахъ, какъ у Пиндара. Сіи отступленія свойственны Лирической Поэзіи по самой ея сущности; ибо чувство не знаетъ система-

лическаго хода, и въ пламенныхъ порывахъ своихъ не можешь спрого покоряться Логическимъ законамъ. При всѣхъ однакожъ опшупленіяхъ, должно быть въ Лирическомъ стихотвореніи единство господствующаго чувства, единство лирическаго тона, которое всегда бываетъ ощущаемо. Въ противномъ случаѣ стихотвореніе теряетъ полноту, цѣлостъ и права на изящество, которое имѣешь мѣсто только тамъ, гдѣ есть гармонія — гдѣ разнообразіе изящнаго произведенія запечатлѣвается характеромъ единства. Лирическое одушевленіе не готовится преднамѣренно и съ цѣлію, а вдругъ овладѣвается духомъ и невольно изливается быстрымъ и стремительнымъ потокомъ изъ груди пѣвца восторженнаго; посему Лирическое стихотвореніе можешь быть безъ всякаго приступа, какъ приговоровительнаго настроенія духа къ восторгу. Съ другой стороны Лирическое стихотвореніе оканчивается тамъ, гдѣ упирается восторгъ, волновавшій грудь Поэта, гдѣ оспываетъ чувство, разгорячившее его творческую фантазію.

Наконецъ въ отношеніи къ изложенію, или внѣшней оупдѣлкѣ, Лирическую Поэзію называютъ полнымъ выраженіемъ чувствован-

ній въ высочайшемъ благозвучіи языка, поэзіей пѣнія, гармоніей языка и звуковъ. Чувство, господствующее въ Лирическомъ стихотвореніи, естественнѣе и смѣлѣе выражается пѣніемъ, и, какъ живое, мелодическое слово, глубже проникаетъ въ сердце; душа наша необходимо бываетъ настроена къ пѣнію посредствомъ поэтического рѣзма языка. Посему Лирическая Поэзія ближе всѣхъ другихъ родовъ подходитъ къ Музыкѣ, и, кажемя, названіе ея имѣетъ психологическую, скрывающуюся въ нашемъ духѣ причину, въ слѣдствіе которой стихотворенія Лирическія были пѣты съ сопровожденіемъ лиры, и оплчаются музыкальнымъ расположеніемъ и мѣрнымъ порядкомъ тоновъ. По сродству съ Музыкой и пѣніемъ, языкъ Лирической Поэзіи долженъ быть въ высочайшей степени музыкаленъ; стихъ ея долженъ быть вполне гармоническій. Размѣръ стиховъ Лирическихъ оплченъ опъ размѣра Эпического. Чувство, выражаясь быспро и опрывисто, не способно къ тихому спокойствію эпического созерцанія: волноподобный гексаметръ, кающійся равномернымъ и величественнымъ пошомъ, и ему подобные размѣры стиховъ, не могутъ вмѣщать въ себя лирическаго чувства. Оно требуетъ стиховъ

короткихъ, быстрыхъ, спремительныхъ, которые бы усиливали, а не охлаждали его жаръ вдохновенный. Оно съ измѣненіемъ своего напряженія часто измѣняетъ и самый размѣръ стиховъ въ одномъ и томъ же стихотвореніи. Музыкальная часть Лирической Поэзіи пребудетъ также — хотя и не безусловно — спрофъ. Спрофы, или куплеты, не только служатъ для отдохновенія при пѣніи и приводятъ разнообразіе къ единству лирическаго тона; но и помогаютъ пѣнію выражать въ опредѣленныхъ охватахъ правильно повторяющеюся мелодіей послѣдовательное единство лирическихъ мыслей. Рима, выражая видимо гармонію внѣшнюю, указываетъ на внутреннюю, и соединяетъ всѣ мельчайшія части стихотворенія въ одно стройное цѣлое; она принадлежитъ Лирическому роду стихотвореній несравненно болѣе, нежели какому-нибудь другому. Наконецъ Лирическая Поэзія употребляетъ языкъ блистательный, великолѣпный; позволяетъ себѣ всѣ фигуры, обороты, сравненія, уподобленія; Лирический поэтъ роскошествуетъ всею прелестью, богатствомъ, силою языка. Смотря по степени чувства, выражающагося лирически, все это можетъ измѣняться,

Поэзія Лирическая, какъ мы видѣли, единая и всеобщая въ своей сущности, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена проявлялась въ различныхъ видахъ по вѣчнымъ и повсюднымъ условіямъ времени и пространства. Примѣнительно къ Лирической Поэзіи, какъ выраженію нашего внутреннего міра, это положеніе означаетъ, что она должна быть раздѣлена въ своихъ явленіяхъ по чувству, въ ней преобладающему надъ другими силами души нашей, и его напряженію. Чувство — область Лирической Поэзіи; виды, въ коихъ она является, опъ начатковъ лирическаго одушевленія до исшупленного диѳирамба — есть лѣспвица чувствованій человѣческихъ. Мы ощущаемъ въ себѣ различныя степени чувства; въ нихъ должно заключаться различіе Лирики. Иные отказывались опъ всякаго раздѣленія Лирической Поэзіи на ея виды и подведенія ихъ къ немногимъ категоріямъ, излагали ученіе объ этомъ родѣ стихотвореній въ произвольномъ порядкѣ. Но всѣ безчисленно разнообразныя опшѣнки чувства могутъ быть приведены къ шремъ самостоятельнымъ видамъ: оно или со стороны *нравственной* по преимуществу посвящается на служеніе *божеству* и даетъ намъ предвкушать блаженство жизни небесной; или со стороны болѣе *умствен-*

ной изображаетъ движенія духа въ высшей области *человѣческаго* бытія, или наконецъ со стороны *чувственной* бываетъ направлено къ жизни *обыкновенной* и представляетъ простой бытъ. Отсюда самостоятельные виды Поэзіи Лирической могутъ быть, по нашему мнѣнію, только слѣдующіе: по отношенію къ первому направленію чувства — *Гимнъ*, ко второму — *Ода*, къ третьему — *Пѣснь*. При непреложности родовъ для всего *человѣчества*, виды Поэзіи измѣняются по условіямъ пространства и времени; поему виды Поэзіи Лирической по тѣмъ же причинамъ у различныхъ народовъ являются подъ различными формами. Такъ Гимнъ является у Евреевъ въ видѣ Псалма, у Грековъ въ формѣ Диѳирамба и п. п. Такъ Пѣснь представляется Сонетомъ, Романсомъ, Канзоною и п. д., и наконецъ Ода — Анакреонтическою, торжественною и п. п. — Кромѣ сихъ самостоятельныхъ видовъ Лирической Поэзіи, мы должны допустить въ раздѣленіи виды придапочные; потому что она, какъ мы замѣчали выше, состоитъ въ сродствѣ со всѣми родами проявленія мысли *человѣческой* въ словѣ и соприкасается съ ними въ своихъ явленіяхъ.

Такимъ образомъ исчерпывается все богатство Лирической Поэзіи и каждому проявленію оной назначается свое мѣсто. — Здѣсь надлежало бы указать на идею лирическаго совершенства, раскрыть превосходство одного вида Лирическихъ стихотвореній предъ другимъ; но для сего должно предварительно знать сущность и свойство каждаго изъ нихъ. Прислупимъ къ частному ихъ разсмотрѣнію.

Николай Лавдовскій.

В. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

5. Взглядъ на Исторію нынѣшней Венгерской Словесности.

Изъ Лекцій Профессора Вольфа, переводъ съ Нѣмецкаго ().*

Языкъ Венгровъ, или Маджаровъ, какъ сами они называютъ себя, представляетъ совершенно особенное явленіе въ области человеческого слова. Юнѣйшій изъ всѣхъ языковъ, перенесенныхъ изъ Азіи въ Европу, онъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій не подвергался иноземному вліянію и остается до сихъ поръ между языками прочихъ Европейскихъ народовъ кореннымъ и самостоятельнымъ. Лапшинскій языкъ господствомъ своимъ въ богослуженіи и судопроизводствѣ испортившій другіе языки, способствовалъ къ утвержденію чистоты Венгерскаго; потому что сей послѣдній заимствовалъ отъ него однѣ только буквы для образованія своей собственной письменности. Начало величественнаго развитія его относится ко вре-

(*) О Лекціяхъ Профессора Вольфа см. Учен. Зап. № 1 стр. 157.

мени Іосифа II, когда Венгры съ патріотическимъ жаромъ возспали противъ намѣренія сего Монарха — ввести Нѣмецкій языкъ въ судопроизводство, и спали предпочтительно заниматься усовершенствованіемъ языка отечественнаго.

Древнѣйшіе памятники Маджарской Словесности принадлежатъ къ пятнадцатому столѣтію; они большею частію состоятъ въ простомъ стихосложеніи. При Короляхъ изъ дома Анжуйскаго настало благопріятное время для Маджарской Словесности, потому что при нихъ Венгерскій языкъ былъ придворнымъ. Успѣхамъ его еще болѣе способствовала Реформація, которая вездѣ доставляла себѣ входъ быспрымъ распространеніемъ знаній между народами.

Поэзіею занимались люди съ отличными дарованіями; изъ нихъ болѣе замѣчательны въ 16 вѣкѣ Лирическими сочиненіями Себ. Тиноди, Баласа — Драматическими Сцегеди, Дидактическими Римаи, также Эрдози, пышавшійся ввести гекзаметръ. Изъ писателей 17 вѣка заслуживаютъ особенное вниманіе Цриній и Лицпи, какъ Поэты Эпическіе, Беницкій и Гіонгіози — какъ Лирики. — Пошомъ наступило время безплодія, продолжавшееся

до послѣдняго десятилѣтія 18 вѣка ; пока Изящная Словесность не развилась съ новою силою; для нея были вообще вредны нерѣшительность писателей , какое принялъ имъ направленіе , и то , что нѣкоторые изъ нихъ, отличные по своимъ дарованіямъ, ввели Французскую школу, въ противоположность которой вскорѣ образовалась Лапшинская; однако и шупъ ярко сіяють главныя имена Фалудія, Гваданія, Бесеня, Аніоса, Хорвапа, Мольнара, Ревая , Данка , Вирага и другихъ.

Съ началомъ текущаго вѣка настала новая прекрасная эпоха Венгерской Словесности ; которая съ сего времени принимаетъ народный характеръ. Александръ Кисфалуди , родившійся въ Сюмегъ 27 Сентября 1772 года , ввелъ сію новую эру. Въ 1801 г. въ первый разъ выступилъ онъ на поприще съ собраніемъ Лирическихъ стихотвореній подъ названіемъ *Хилфи* , которое онъ издалъ , скрывъ свое имя. Какъ сими стихотвореніями , такъ и послѣдовавшимъ , въ 1807 году, продолженіемъ оныхъ , приобрѣлъ онъ общую признательность и удивленіе. Дальнѣйшія стихотворныя произведенія его были приняты съ такимъ же участіемъ. Кисфалуди извѣстенъ какъ воинъ и патриотъ. Двадцати лѣтъ вступилъ онъ въ военную службу, участвовалъ

въ Ипальянскомъ походѣ и въ 1796 году взявъ былъ въ плѣнъ въ Авиньонѣ. Возвратившись въ 1800 году, женился онъ на Лизѣ, прославленной въ его пѣсняхъ. Въ 1809 вступилъ въ Дворянское ополченіе и описалъ его походы. Попомъ возвратился онъ на свою родину въ Сюмегъ, и живетъ здѣсь, проводя время посреди Ученыхъ и въ поэтическіхъ занятіяхъ.

Кисфалуди, какъ истинный народный Поэтъ, имѣетъ полное право на наше вниманіе. Мнѣ иностранцу едва ли бы удалось такъ разительнѣе представить сего писателя, какъ успѣлъ въ этомъ его соотечественникъ, глубокомысленный Шедель, который подъ именемъ Франца Толди издалъ въ 1828 году въ Пештѣ и Вѣнѣ *Blumenlese aus Ungarischen Dichtern*. Я помѣщу здѣсь разборъ сего проницательнаго Крипика.

„Первое сочиненіе, послужившее основаніемъ славы Кисфалудія, сочиненіе, встречаемое не только въ кабинетахъ ученѣйшихъ мужей, но и на стулесахъ дамъ, любящихъ читать иностранныя книги, было: *Любовь Химфія* — рядъ Лирическихъ описаній, изображающихъ тѣ положенія, въ которыя любовь повергла Химфія, будемъ ли мы разу-

мѣнь подѣ симъ именемъ самого сочинителя, или нѣтъ. Мы принимаемъ это сочиненіе по связи положеній и по состоянію души; каждый разъ сообразно съ ними развивающемуся, за органическое цѣлое, не оспаривая того, что очень многія изъ составныхъ частей могли бы расположены бытъ иначе; по тому что нѣкоторыя изъ нихъ, написанныя въ одномъ духѣ, не имѣютъ нужды въ вѣрной послѣдовательности между собою, особливо тѣ пѣсни, которыя относятся къ *любви счастливой*. Содержаніе цѣлаго можно изложить почти слѣдующимъ образомъ. Въ первой части — любовь несчастная. Химфи увидѣлъ Лизу и влюбился въ нее. Не замѣчая съ ея стороны ни малѣйшей взаимности, онъ рѣшился избѣгать ея присутствія, и вдали отъ опечесства, въ шумъ войны найти смерть свою, или спокойствіе. Но это не сбылось: *она* знала его спрѣданія и оспадалась нечувствительною. Такъ прошли годы, но не прошла грусть Химфія. Онъ принялъ уже намѣреніе умертвить себя, но *она* привязывала его къ жизни; какое-то шемное предчувствіе всегда оживляло его надежду, и онъ снова посвящалъ себя воспоминаніямъ. Война окончилась; но спрѣспы не переспавали свирѣпствовать въ груди Химфія. Наконецъ

рѣшился онъ видѣть Лизу: возвращается въ опечесство, видитъ единственную — она еще прекраснѣе, страданія его возобновляются съ новою силою. Сначала онъ не вѣрилъ мучительной мысли, что есть соперникъ, болѣе его счастливый; онъ замѣчалъ въ ней признаки любви, началъ уже нѣсколько надѣясь, какъ самыя здравыя размышленія убѣдили его, что она любитъ другаго. Тогда душа его почувствовала всѣ мученія медленной смерти. Напронивъ того во второй часпи восхищается онъ насъ счастливою любовію. Избранная всегда любила его; обманушая клеветою, она принуждена была удалитъ его отъ себя. Скоро оба они соединились брачными узами, и Химфій узналъ все блаженство счастливѣйшей жизни, какимъ только можешь наслаждаться человекъ независимый въ кругу семейства, въ своемъ мирномъ владѣніи. Вотъ почти та нить, на копорой пѣсни нанизаны подобно перламъ. Въ самомъ дѣлѣ собраніе сихъ пѣсней составляетъ цѣлос, и что оно относится къ сочинителю, это доказываютъ многія спроты, помѣщенныя въ началѣ и въ заключеніи съ пою цѣлью, чтобы скруглилъ сочиненіе. Если сравнить обѣ часпи между собою, то должно будетъ опдать преимущество пер-

вой. Въ ней болѣе разнообразіа и внутрен-
ней связи; отдѣльныя части имѣють гораздо
болѣе необходимаго отношенія къ цѣлому;
главный характеръ ея составляютъ чувство
и воображеніе; во второй же части господ-
ствуетъ Дидактика, и слогъ не такъ живопи-
сень, какъ въ первой. Нѣкоторые отдавали
преимущество послѣдней, потому что въ
ней будто болѣе Поэзіи (на что сей часъ
мы сдѣлаемъ возраженіе) и потому еще, что
будто рождается болѣе изобрѣшательности
при описаніи достигнутаго счастія, нежели
при жалобахъ объ его потерѣ. Это можно бы
допустить вообще; но тогда очень значи-
тельное число пѣсней счастливой любви не
соотвѣтствовало бы названію сочиненія; по-
тому что въ нихъ воспѣвается недостигну-
тое счастье, но помѣщены размышленія о
жизни, которыя рождаются у Философа во
всякомъ положеніи; многія изъ нихъ суть
повтореніе предъидущихъ. Впрочемъ нѣко-
рымъ можетъ больше понравиться вторая
часть по своему спокойному характеру, осо-
бенно тому, кто пережилъ время юношеской
мечтательности; однако сіи частныя отно-
шенія не принимаются въ уваженіе при поч-
номъ опредѣленіи истиннаго достоинства.
Мы увѣрены, что цѣлое выиграло бы отъ

исключенія многихъ пѣсней, состоящихъ въ повпореніи, не равно занимательномъ.

Не лзя не опдашь должной справедливости симъ Кансонамъ и Сонешамъ, опдѣльно взятымъ, которые по ихъ внутренней формѣ могутъ быть прилично названы спррофами Кисфалудія. Каждая изъ нихъ, составляя часть цѣлаго, есть сама по себѣ также небольшое цѣлое, заключающее полный смыслъ. Одно только разительное сходство нѣкоторыхъ между собою заслуживаетъ порицаніе. Спррофы сіи отличаетъ какое-то усиліе привлечь вниманіе читателя къ одной главной мысли; оно удовлетворяется болѣе, или менѣе неожиданно, но уже въ послѣднемъ четверостишіи, или даже въ послѣднемъ стихѣ, посредствомъ быспраго оборота, который часто есть не что иное, какъ антипезъ предыдущему стиху. Располагаетъ онъ эпо всегда такъ, что все сказанное имъ какъ бы относится къ главной мысли, и даже гдѣ употребленъ оборотъ не слишкомъ рѣзкій, или совсемъ нѣтъ онаго — тамъ сила сосредоточивается въ концѣ спррофы. Качинкцій въ нѣкоторомъ отношеніи довольно справедливо называетъ эпо эпиграммою любви. Сему внутреннему строенію чрезвычайно со-

опеѣшствуесть форма, изобрѣшенная самимъ Кисфалудіемъ. Оба первыя четвероспишія (гдѣ перемѣшаны стихи, состоящіе изъ восьми и семи слоговъ, попеременно соопеѣшствуя другъ другу) составляютъ изложеніе; послѣдній же содержишь главную мысль, которая не рѣдко очень счастливо выражается въ окончательномъ стихѣ. Благозвучіе и совершенная округлость суть два опличительныя качества сей схемы.

Сущность Лирики Кисфалудія состоитъ въ свѣпломъ, пламенномъ чувствѣ, которое все объемлетъ въ своихъ порывахъ — въ неиспощимой, живой фантазіи, переносящей всѣ явленія изъ видимой природы въ свой идеальный міръ и дающей имъ произвольные образы: потому-то Кисфалуди богатъ картинками и сравненіями чрезвычайно смѣлыми и истинно поэтическими. Живописныя изображенія его опличаются искуснымъ смѣшеніемъ красокъ. Главную характеристическую черту его составляетъ любовь къ антипезамъ; посредствомъ эпига онъ содержишь въ непрестанномъ напряженіи внутреннее чувство, его одушевляющее, и сливаетъ нѣжныя ощущенія съ огнемъ страстей. Въ любви счастливой меньше участвуетъ воображеніе; на-

прошивъ шого здѣсь господствуешь Философія о жизни и часпо какое-то опвращеніе отъ роскоши и нѣги. По этому во всѣхъ его разсказахъ много Поэзіи. Кисфалуди говоритъ большею часпью языкомъ фигурнымъ, но чрезвычайно разипельнымъ по роскоши эпитетовъ и рѣзкому соединенію словъ, при томъ же онъ владѣетъ имъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Слогъ его отъ нововведенныхъ словъ, отъ разнообразнаго сочетанія и расположенія ихъ, имѣетъ всю прелесть новизны, къ тому же онъ очень легокъ и плавень; съ другой стороны въ немъ также замѣтны неправильность и часпый недоспапокъ въ ясности и выборѣ выражений. Въ стихосложеніи Кисфалуди достигъ высшей степени совершенства.

Повѣсти Кисфалудія, взятыя изъ Венгерской синарины, были также общимъ любимымъ чтеніемъ. Здѣсь происшествія не всегда его изобрѣшенія, за то гораздо больше онаго въ изложеніи. Характеры, чувства, господствующія идеи, домашняя и гражданская жизнь нашихъ предковъ, образъ выраженія — все это такъ народно; самый слогъ имѣетъ столько особенностей и такъ принаровлень къ Венгерскому быту, что даже

самый искусный переводчикъ, сдѣлавши въ немъ небольшую перемѣну, не передастъ уже со всею силою. Впрочемъ сіи сочиненія такъ замѣчательны историческими намеками, и тѣсною связью съ опечесственою Исторією; такъ привлекательны лирическими, правильными опскупленіями, въ которыхъ ясно представляется самъ повѣснвовашель съ его патріотизмомъ; съ такою написаны ясностью и силою, чему способсвуютъ разснптельность, точность и чрезвычайная живость изображеній, и наконецъ такъ легко удерживающа въ памяти посредствомъ заманчивой небрежности слога легкаго и пріятнаго стихосложенія — что время никогда не опнимешь у сихъ картинъ ихъ высокаго достоинства. Не лзя однако же не признаться, что нныя повѣснп Кисфалудія очень распянушы и что въ нихъ очень мало шворчествъ; но вообще здѣсь гораздо менѣе ощупительны недостатки, нежели въ Химфіѣ, потому что мы видимъ разговаривающимъ не сочинителя, но самовидца, сроднаго намъ по мыслямъ и чувснвованіямъ, видимъ его въ дружескомъ, домашнемъ кругу, у пламенющаго камина. Эпико-лирическое стихопвореніе: »Grußa' fzeiße, въ десяти пѣсняхъ, сочинитель также назы-

ваетъ повѣстью. Мы почиаемъ его за средство , употребленное Кисфалудіемъ , послѣ долгаго молчанія , для развлеченія своего лирическаго вдохновенія. Въ немъ много разительныхъ мѣстъ , но вообще оно очень растянуто и часто напоминаетъ содержаніе пѣсней изъ Химфія.

Есть также собраніе Драмапическихъ сочиненій Кисфалудія , состоящихъ частію изъ историческихъ Трагедій , частію же изъ сѣмейныхъ картинъ. Въ изображеніи нашего вѣка онъ, кажется, не такъ искусенъ. Впрочемъ его Драмы не иное что , какъ Эпопеи въ разговорахъ съ частыми Лирическими выходками. Онъ описываетъ характеры, но не развиваетъ ихъ ; вмѣсто дѣйствій мы находимъ происшествія , и разговоръ совсѣмъ не драмапическій ; при всемъ эпосъ онъ не умѣетъ отдѣлить себя отъ дѣйствующихъ лицъ.»

Около того времени, когда явился Кисфалуди , начала разцвѣпать Венгерская Словесность отъ благотворнаго вліянія неутомимыхъ , полезныхъ трудовъ мужей , исполненныхъ ума и вкуса. Сіи преобразователи хотя и встрѣтили много пропивниковъ , привязанныхъ изъ педантизма къ древности;

но они умѣли побѣдишь всѣ препятствія и
уровняшь поприще славы и свѣта, по ко-
порому одаренные способностями попомки
ихъ могли быспро идиши впередъ, не встрѣ-
чая никакихъ затрудненій. Въ семъ отно-
шеніи предпочтительно заслуживаетъ быть
упомянутымъ *Францъ Кацникцій*, родившій-
ся въ 1759 году. Онъ опличился почти во
всѣхъ опрасляхъ народной Словесности сво-
его опечества, особенно спараніемъ сдѣлашь
Венгерскій языкъ способнымъ къ выраженію
всего ученаго и поэпического. Какъ спихо-
пворецъ, онъ искусно и правильно владѣетъ
языкомъ; но, не смопря на свою ученость,
не можетъ назваться ни геніальнымъ, ни
глубокомысленнымъ. Онъ имѣетъ особенную
способность къ паружной опдѣлкѣ спиховъ.
Даніиль Ферцсеній, родившійся въ 1776 го-
ду въ Хешинѣ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ
Венгерскихъ Лириковъ; шеплоша чувспва вдох-
новенія, роскошная фанпазія и очароваптельное
благозвучіе языка — соспавляютъ опличи-
тельные его качествва. *Андрей Хорватъ* (а),
родившійся въ 1778 году и съ 1806 Священ-
никъ въ Тепѣ, извѣстенъ удачнымъ Дидакти-

(а) Bowrings Poetry of the Magyarf. Lond. 1830 s. 166.

ческимъ сочиненіемъ *Zirez Emlékezete* (Воспоминаніе о Зирезъ), писаннымъ Гекзаметромъ. *Алоъсъ Центмиклоси* (b), родившійся 1793 г.; онъ писалъ счастливо пѣсни и эпиграммы. *Ладиславъ Тотъ* (c), родившійся въ Кис-Такаъ 17 Февраля 1788 г., умершій въ Вѣнѣ 31 Авг. 1820 г., имѣлъ большія способности, писалъ Пиндарическія Оды, но не имѣлъ послѣдователей. *Гавріиль Добрентей*, родившійся 1768 г., справедливо названный искуснымъ переводчикомъ и народнымъ Лирическимъ писателемъ. *Михаиль Фиткофиксъ* (d), родившійся въ Эрлау 28 Августа 1778 года и умершій 9 Сентября 1829 въ Пештѣ, извѣстенъ своими баснями, посланіями и мелкими Лирическими стихотвореніями.

Драматическая Поэзія, которою доселѣ занимались Венгры безъ успѣха, нашла себѣ ревностнаго покровителя въ Карлѣ, младшемъ братѣ Александра Кисфалудія, который съ большимъ талантомъ и съ большою еще охотою выступилъ на поприще, сподъ слав-

(b) *Toldy*. С. 68.

(c) *Bowring* г. с. 136 *ford*.

(d) *Toldy* а. а. Д. С. 73.

но открытое почти за двадцать лѣтъ предъ симъ его геніальнымъ брапомъ. Онъ родился 19 Марша 1790 года въ Пестѣ; достигнувши пятнадцатилѣтняго возраста, вступилъ въ военную службу и участвовалъ въ Итальянскомъ походѣ, въ 1805, и въ Нѣмецкомъ, въ 1809 годахъ. Возвратившись въ свое опечесво, онъ нашелъ тамъ народное Венгерское общество, установленное въ Пестѣ, подъ именемъ Шпильвейсенбургскаго, и написалъ для него много Драмъ, ободряемый общимъ вниманіемъ, которое повсюду обнаруживалось къ Венгерской Словесности. Первая Драма его, *Tartarok*, была принята со всеобщимъ одобреніемъ, и послѣдовавшія его сочиненія были воспрѣтены съ такимъ же воспоргомъ и участіемъ. Карлъ Кисфалуди продолжалъ идти по нуди, который такъ счастливо началъ онъ и съ неутомимою ревностью, отдавая должную справедливость дарованіямъ другихъ писателей. Онъ написалъ много Комедій, замѣчательныхъ по остроумію, выдержкѣ характеровъ и занимательнымъ положеніямъ дѣйствующихъ лицъ. Въ 1820 году издалъ Альманахъ, *Aeroru*, который должно почесть собраніемъ значительнѣйшихъ поэтическихъ дарованій, и въ которомъ его собственныя пьесы, относящіяся почти

ко всѣмъ опираясь Поэзіи, останутся навсегда превосходнѣйшими. Выслушаемъ сужденіе глубокомысленнаго соотечественника Кисфалудіева объ его сочиненіяхъ вообще.

„Что касается до историческихъ Драмъ; въ нихъ видна неправильность въ построеніи и онѣ представляютъ мало новаго, занимательнаго и совершенно оконченнаго, исключая превосходно вымышленные, выдержанные и сплюснутые высокой похвалы характеры придворнаго шута Бекцко въ Спиборъ; Могамеда и Загаи въ Иренъ; худая же опдѣлка слога и стиховъ происходитъ опять недосыпанка вниманія и чрезмѣрной скорости, съ какою онъ сочинялъ иногда нѣкопторыя стихотворенія. Надобно замѣтить; что онъ часно принимаетъ правоучительный тонъ и предается лирическимъ изліаніямъ. Его комическія пьесы, относящіяся къ сему времени, не смотря на небрежность, съ какою написаны, были предвѣщаніемъ того совершенства, до котораго впоследствии времени достигнули его Комедіи. Мы не дивимся восшоргу, съ какимъ онѣ были приняты, зная, что до Кисфалудія въ Венгерскомъ репертуарѣ находились только Комедіи, передѣланныя съ Французскихъ или Нѣмецкихъ, совершенно

не имѣвшія драматическаго интереса, въ коихъ характеры переносились въ чуждый, не-свойственный ихъ развицію міръ. Съ такимъ восторгомъ встрѣпила публика его „Rebellen“ и *Brautwerber*; къ сочиненію первой была поводомъ повѣсть Клаурена. Сія Комедія написана оригинально и чрезвычайно живо изображаетъ смѣшныя понятія и обычаи сельскихъ жителей Венгріи. Напрошивъ того предметъ другой заимствованъ изъ городской жизни Венгровъ; она опличается разнообразіемъ характеровъ и вѣрностію въ отношеніи ко времени; обѣ наполнены народными выраженіями (которыхъ почти нельзя перевести), оспрыми шулками и легкою, но смѣлою сатирою. Къ сему времени относятся также его фарсъ: „я не думалъ, что это надѣлаешь столько шума,“ новый по вымыслу, а не по средствамъ, мѣстами весьма оспрый и вообще шушливый.“

„Кисфалуди превосходитъ всѣхъ Корифеевъ *Авроры* разнообразіемъ. Его Комедіи (помѣщенные большею частию въ семь Альманахъ), не только шѣ, которыхъ вся занимательность заключается въ завязкѣ, но и Комедіи характеристическія, покрайней мѣрѣ послѣднія, опличаются быстрымъ ходомъ дѣйствія. Сцѣпленіе

обстоятельствъ, вездѣ пѣсное и выдержанное, имѣеть всегда самую строгую вѣроятность; чрезвычайно остроумный Циклази, веселый Мориксъ (Mädchenhüter), гумористъ придворный шутъ (der Freie Probe), изобрѣшательный Ломбай (Zäufungen) — всѣ они безъ сомнѣнія принадлежатъ къ превосходнѣйшимъ изображеніямъ; и при всемъ этомъ какое искусство въ развитіи характеровъ и какое разнообразіе! Только онъ уже очень часто выводилъ на сцену старыхъ, разряженныхъ, суевѣрныхъ дѣвицъ, которыя въ общихъ чертахъ сходны между собою и не представляють ничего новаго, но въ частностяхъ онѣ разнообразны и очень забавны. Въ искусствѣ рассказывать Кисфалуди обладаетъ необыкновенною способностью, и гдѣ захочешь ввернуть красное словцо, сатиру, острое сужденіе, сарказмъ, сравненіе — все это выливается у него съ быспропою молніи и всегда къшапи. Mädchenhüter, одно изъ остроумнѣйшихъ его произведеній, заслуживаетъ порицаніе, потому что въ немъ заключается не одно, но два главныхъ дѣйствія: это, кажется, чувствовалъ и самъ сочинитель, а потому поспѣшилъ развязкою въ любви Циклази. Многие упрекають Кисфалуди въ недостаткѣ народности;

но сего недоспашка не лзя найти въ его сочиненіяхъ , относящихся ко времени Короля Матвѣя (als Máttyás beáf , испыпаніе вѣрноспи); здѣсь характеры, нравы, тонъ и образъ выраженія — все носитъ рѣзкій оппечатокъ народности и оппичительныхъ свойствъ того времени. Въ оппошеніи же къ прочимъ пьесамъ , которыя представляются теперь , спросимъ мы : не такой ли въ нихъ языкъ, какимъ говорятъ въ настоящее время? Къ сожалѣнію надобно сознаться, что языкъ образованнаго круга не имѣетъ уже ни одной черты народности : смѣшеніе съ иностранцами и спрасъ къ подражанію совершенно изгладилъ оную, и Комикъ , желая изобразить её , долженъ жертвовать вѣрностію. Впрочемъ сущность заключается въ качествѣ характеровъ и дѣйствій , а не въ тонѣ разговора , который очень сходенъ нынѣ въ образованномъ сословіи всѣхъ народовъ. Если бы Кисфалуди заимствовалъ предметы для своихъ Комедій изъ нынѣшняго пѣснаго и по своимъ проснымъ оппошеніямъ слишкомъ ограниченнаго круга для шворческой дѣяпельности писателя ; то мы увѣрены, что нашли бы въ нихъ потъ же самый Венгерскій міръ, какой представилъ онъ намъ; въ краскахъ его нѣтъ ничего принужденнаго и

въ своихъ Rebellen. Хотя у насъ въ среднемъ классѣ есть люди, незнакомые съ Нѣмецкимъ пономъ (Verfolgt in den Brautwerben, Moränny in den Täuschungen); но они по рѣзкимъ чертамъ, очень ясно отличающимъ ихъ отъ прочихъ, не представляютъ богатаго источника Драматическому писателю; и мы боимся, чтобы не остался навсегда безполезнымъ для писателя претій родъ и характеровъ, и народнаго быта Венгровъ, не смотря на то, что они представляютъ оспроумію обширное поприще.

Съ одной стороны заслуживаетъ Кисфалуди названіе искуснѣйшаго и превосходнаго Драматическаго писателя; съ другой должно сказать, что его элегіи и пѣсни, романсы и эпиграммы, эпическія и дидактическія, сапирическія и аллегорическія произведенія, его повѣсти и комическіе рассказы, украшающіе издаваемый имъ Альманахъ *Аврору*, всѣ въ своемъ родѣ принадлежатъ къ первокласснымъ произведеніямъ Венгерской Словесности. Онъ богатъ чувствомъ какъ Поэтъ Лирическій, глубокомысленъ какъ Философъ; онъ рисуешь вездѣ превосходнѣйшія картины; онъ оспроуменъ какъ Сапирикъ, необыкновенно искусенъ въ изображеніи характеровъ; богатъ въ вымыслѣ положеній, въ языкѣ и

неестественнаго. Ни одинъ Венгерскій Поэтъ не писалъ стиховъ съ такою правильностію, легкостію и съ подобнымъ благозвучіемъ.“

Въ новѣйшее время изъ сподвижниковъ Кисфалудія наиболѣе отличается Францъ Фонъ Колькей, родившійся 8 Августа 1790 г., знаменитый Теорикъ и гениальный Лирическій Поэтъ; онъ первый ввелъ Баллады и Романсы въ Изящную Словесность Венгровъ (а). Байца, родившійся 1804 г., также превосходный Лирикъ. Баршфай, счастливо пишеть сонеты; но всѣхъ ихъ превосходитъ Михаилъ Фёрдемарши; онъ испытывалъ себя почти во всѣхъ отрасляхъ Поэзіи и принадлежишь къ первокласснымъ писателямъ новѣйшаго времени. Его историческая Драма „Царь Соломонъ“ признана всѣми за превосходную (b).

Венгерскій языкъ оспается до сихъ поръ какъ бы въ забвеніи, и народъ, говорящій имъ, не можеть способствовать его распространенію. Множество прекрасныхъ дарованій, явившихся въ наше время въ Венгріи, неподдѣльный, исходящій прямо отъ сердца поэтическій

(а) Toldy a. a. O. S. 80.

(b) Ebend S. 157.

воспоргъ и значительныя , уже издавныя и еще ожидаемыя сочиненія—все это нынѣ производитъ не малое вліяніе на ходъ поэтического образованія другихъ Европейскихъ народовъ , особливо въ наше время , когда возникаетъ Словесность всемірная и когда сочинитель , принадлежащій собственно одному только народу , становится принадлежностію всего образованнаго міра. Къ сожалѣнію до этого не достигли всѣ старанія Майлама , Фесеплика , Трепера , Паціаца , Шедея , Шпешнера , Бовринга , Санназара , не смотря на ихъ достоинство. И такъ остается ожидать явленій болѣе благопріятныхъ ; но любящаго Поэзію обрадуешь и начало , сдѣланное сими писателями.

Ефимъ Барышевъ.

III. К Р И Т И К А.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

6. ДАНТЬ И ЕГО ВЪКЪ.

Соч. Адъюнкта - Профессора С. Шевырева.

О Т Д Ъ Л Е Н И Е V.

ДАНТЬ ТВОРЕЦЪ ЯЗЫКА ИТАЛІАНСКАГО.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ О ЯЗЫКѢ БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ.

Credette Cimabue nella pittura

Tener lo campo: ed ora ha Giotto il grido ,

Si ché la fama di colui oscura.

Così ha tolto l'uno all' altro Guido

La gloria della lingua: e forse è nato

Chi l'uno e l'altro caccierà di nido.

Del Purgatorio Canto XI.

Я сказалъ уже , что Божественная Ко-
медія , сверхъ полной системы ученія вѣка ,
сверхъ особаго художественнаго шипа въ Испо-

рін Поэзіи, представляеть собою первое, рѣшишельное проявленіе языка Италіянскаго. Можно сказать, что только со времени созданія сей поэмы Италіянская Словесность существуетъ положишельно. Но чтобы опредѣлить намъ сіе явленіе въ отношеніи къ языку, должно взойти къ первымъ началамъ его образованія.

Существуютъ различныя мнѣнія касательно образованія языка Италіянскаго. Леонардо Бруни, Кардиналь Бембо, Челесо Чиппадини, Квадри и другіе ученые Италіи утверждали, что языкъ Италіянскій столь же древень какъ и языкъ Латинскій; что первый былъ обыкновеннымъ языкомъ простаго народа, а второй языкомъ писателей, ораторовъ и ученыхъ. Мнѣніе сіе основывалось на нѣкоторыхъ выраженіяхъ изъ комедій Плавта и Теренція, заимствованныхъ комиками у простаго народа и встрѣчающихся въ теперешнемъ языкѣ Италіянскомъ. Маффеи къ сему мнѣнію присоединилъ еще то, что преобразование языка Латинскаго въ народный произошло отъ того, что первый, т. е. языкъ грамматическій и правильный, по причинѣ переселенія столицы въ Константинополь и уменьшенія образованности на западѣ, спалъ и исчезалъ и уступалъ мѣсто испорченному и

грубому народному языку; что сіе искаженіе началось еще до нашествія варваровъ, и увеличиваясь постепенно, образовало языкъ совершенно новый, отличный отъ прежняго.

Мнѣніе сіе совершенно лишено основанія. Конечно языкъ Цицерона и языкъ простолюдина различались болѣе между собою, нежели теперь различествуютъ языкъ чловѣка ученаго и языкъ селянина; пошому что у древнихъ наука языка была сложнѣе, чѣмъ у насъ. Мы спараемся писать какъ говоримъ: чѣмъ слогъ нашъ проще и понятнѣе для большаго числа читателей, тѣмъ онъ лучше. У Римлянъ писать какъ говорятъ считалось ошибкою. Формы орапорской рѣчи были также сложны и зависты, какъ капишель колонны сложнаго ордена, изобрѣшеннаго Римлянами. У насъ языкъ есть средство: шамъ онъ былъ цѣлю и шребовалъ собственнотой ошдѣлки художественной, независимо отъ мысли и содержанія. Но никакъ не лзя предполагать, чтобы эшотъ языкъ былъ непонятенъ простому народу. Онъ все-таки понималъ его сполько, сколько теперь селянинъ понимаетъ ученую проповѣдь. Спроеніе грамматическое не различалось въ главномъ. Италіянскій же языкъ образовался принятіемъ въ себя стихій совершенно новыхъ и полнымъ

измѣненіемъ своей Грамматики по образцу всѣхъ западныхъ языковъ.

Мнѣніе Леонардо Бруни опъзывается вовсе не щеславнымъ желаніемъ возвести начало языка Италіянскаго къ временамъ Цицерона, какъ думаетъ Вильмень (*), а напрошивъ Латинскою ученостію средняго вѣка, копорая все еще опвергала права Италіянскаго языка на названіе языка литературнаго и ученаго, а именуя его въ унизишельномъ смыслѣ языкомъ простонароднымъ, какъ объясню я впослѣдствіи съ большею историческою подробностію, выводила и родословную его опъ просторѣчія, современнаго Цицерону.

Мурашори и за нимъ Апостоло Зено, Фонпанини и другіе, опвергнувъ мнѣніе вышеупомянутое, утвердили непосредственное содѣйствіе варварскихъ языковъ въ образованіи языка Италіянскаго. Латинскій языкъ, по ихъ мнѣнію, уже былъ испорченъ еще до пришествія варваровъ; но побѣдители, принявши языкъ побѣжденныхъ, исказили его еще болѣе своимъ произношеніемъ, ввели свои обороты и слова, Латинскимъ придали окончанія варварскихъ словъ и обратпо, ввели членъ,

(*) Cours de Littérature du Moyen âge. стран. 55.

окончанія склоненій замѣнили предлогами, а окончанія спряженій глаголами вспомогательными. Самый книжный Лапинскій языкъ принималъ въ себя слова простонародныя. Особенно нопаріусы въ коншракшахъ искажали письменный Лапинскій слогъ, мѣшая его съ выраженіями простонародными, которыя встрѣчающся и теперь въ языкъ Италіанскомъ.

Графъ Першикарі (*) развилъ и утвердилъ положительное мнѣніе Мурапори. Но чтобы изслѣдовать основательнѣе сей предметъ, должно связать образованіе Италіанскаго языка съ образованіемъ прочихъ языковъ западныхъ, а для сего коснуться исторіи Лапинскаго языка во время всемірнаго владычества Римлянъ.

Сии послѣдніе, согласно съ духомъ ихъ завоевательной системы, налагали не только законы свои, но и языкъ Лапинскій, на народы, ими побѣжденные. Эдикты Проконсуловъ и Преторовъ, правившихъ провинціями, и суды совершались единственно на языкъ побѣдителей. Плиній свидѣтельствуешь, что

(*) Современникъ Монти, рано похищенный смертію у сѣвера Италіи, но подававшій великія надежды.

это необходимо было какъ для распространенія образованности, такъ и для поддержанія единства въ державѣ, изъ столь разнородныхъ племенъ составленной. Усилия завоевателей увѣнчались быстрымъ успѣхомъ: дикое и невѣжественное слово скоро уступило слову народа просвѣщеннаго. Латинскій языкъ вмѣстѣ съ оружіемъ Римскимъ просперся изъ Италіи по Галліи, Иверіи и Британіи — и народы сіи именовались *Romani*, также какъ и языкъ ихъ Римскимъ или Романскимъ.

Перенесеніе столицы изъ Рима въ Константинополь нанесло конечно большой вредъ западному образованію, а слѣдовательно и языку Латинскому; но Вильменъ весьма справедливо замѣчаетъ, что духовное владычество церкви Римской, замѣнившее свѣтскую влассть меча и закона на западѣ, еще болѣе способствовало къ распространенію языка Латинскаго по всѣмъ западнымъ обласіямъ Рима. Слово проповѣди Христіанской еще сильнѣе врѣзывалось въ душахъ, чѣмъ эдикты Проконсуловъ. Но чѣмъ болѣе распространялся языкъ Латинскій, удаляясь отъ своего средоточія, Рима, тѣмъ болѣе подвергался онъ искаженію.

Симъ водвореніемъ языка Латинскаго на всемъ западѣ Европы угоповалась та почва,

или по основаніе, на которомъ должны были вполсѣдствіи образоваться новыя нарѣчія, родственныя другъ другу по общему началу, отъ коего происходятъ, и посему облегчающія взаимно изученіе каждого изъ оныхъ. Подобно какъ на развалинахъ западной Римской Имперіи образовались новыя Государства, въ которыя вошла Римская стихія: такъ на развалинахъ Римскаго слова основались новыя языки съ преимуществвомъ стихіи Латинской,

Сіе преобразование совершили сѣверные варвары. Просвѣщеніе одержало и въ эпюмъ случаѣ вторичную побѣду, обратную предыдущей. Прежде завоеватели образованные наложили свой языкъ на невѣжественные народы, ими побѣжденные; послѣ завоеватели дикіе приняли языкъ побѣжденных; но, разумѣясь, ввели въ него стихіи своего языка.

Пертикири, объясняя сіе преобразование, весьма глубокомысленно замѣчаетъ, что въ сочиненіяхъ сихъ вѣковъ, слова, относящіяся къ необходимостямъ житейскимъ, суть по большей части Латинскія; слова же, принадлежащія къ дѣламъ управленія или войны, суть большею частию варварскія. Побѣжденный узнавалъ по неволѣ шѣ слова,

копорья налагала сила; побѣдитель же шѣ, коихъ прѣбывала его нужда. Готѣ хощѣ хлѣба и слышалъ въ народѣ Лапинскомъ такое для этого выраженіе: *da mihi illum rapem*; онъ искажалъ окончанія или лучше не договаривалъ ихъ и выражался такъ: *da mi il rane*. Вотъ ужъ слова Италіянскія.

Основываясь на формахъ Нѣмецкой Грамматики, можно рѣшительно утвердить, что главныя грамматическія формы новыхъ языковъ западной Европы отъ варваровъ приняли свое начало, а именно: членъ въ склоненіи именъ и вспомогательные глаголы, но разумѣется, съ большими измѣненіями, коихъ прѣбывало свойство языка Лапинскаго. Вильмень, сознающійся самъ въ незнаніи Нѣмецкаго языка, находитъ зародышъ члена въ одной фразѣ Цицерона, и форму вспомогательнаго глагола въ нѣкоторыхъ реченіяхъ Тита-Ливія. Его замѣчанія весьма остроумны, но не могутъ вести ни къ какому положительному и общему заключенію. вспомогательнаго глагола въ дѣйствительномъ залогѣ и члена, какъ общихъ формъ, все-таки въ Лапинскомъ языкѣ мы не находимъ.

Членъ у варваровъ, начинавшихъ говорить по Латыни, замѣнился указательнымъ мѣсто-

именіемъ: *ille*, *illa*. Еще Мурапори и Кашельветро объяснили, какимъ образомъ отсюда образовался членъ въ языкѣ Италіянскомъ. На примѣръ, народъ говорилъ: *illo cavallo* (искаженно), *illa hasta*, *illae feminae*. Отселя, отпешая для краткости первый или второй слогъ, составили форму чисто Италіянскую: *il* или *lo cavallo*, *la asta*, *le femine*. Мѣстоименіе того образовалось отъ *illorum*; *lui* отъ *illui*.

Надежи были совершенно изгнаны варварами. Не могло быть иначе. Они сокращали окончанія словъ, произносили ихъ во всѣхъ падежахъ однообразно, попому что не умѣли склонять и попому что свойство языка сѣвернаго пребывало кончать слово согласною. Мы можемъ видѣть образчикъ сихъ варваровъ въ иностранцахъ, говорящихъ по-Русски. Однако должно было выразить отношенія именъ какимъ нибудь Лапинскимъ способомъ: для сего употребили они предлоги, прибавляя ихъ къ члену. Лапынь ношаріусовъ VIII, IX и X вѣка, которую опыскалъ неупомимый Мурапори въ архивахъ Италіи, свидѣльствуетъ отсутствіе разныхъ окончаній въ падежахъ и употребленіе предлоговъ для означенія оныхъ.

Сисмонди замѣчаетъ, что по какой-то странности Италіянскій языкъ сохранилъ

именипелный падежъ для именъ существительныхъ во множ. числѣ, Испанскій винительный, а Французскій измѣнилъ окончаніе (oculi по Итал. occhi, oculos по Испански ojos, по Франц. oeils, yeux).

Спряженіе глаголовъ было также упрощено варварами, посредствомъ сокращеній, которыхъ требовало ихъ невѣжество. Наконецъ форма вспомогательнаго глагола съ причастіемъ была, такъ сказать, переведена съ варварскаго языка на новый.

Такимъ образомъ мало помалу образовывался языкъ Романскій изъ сліянія Тевтоническаго съ Латинскимъ. Въ продолженіе пяти вѣковъ, можно сказать на западѣ не было языка настоящаго, а было какое-то броженіе Латинскаго съ варварскимъ. Письменнымъ языкомъ и языкомъ церковнымъ все-таки былъ Латинскій и довольно правильный. Есть даже и народные памятники на Латинскомъ языкѣ, а именно двѣ воинскія пѣсни, изъ коихъ одна сочинена была для воиновъ Императора Людвига II и относится къ 871 году, а другая сочинена солдатами Моденскими, въ ихъ войнахъ съ Венграми, въ 924 году. Сіи двѣ пѣсни свидѣлствуютъ явную немощь новаго языка, ибо въ про-

пивномъ случаѣ пѣснь народная выразилась бы на ономъ.

Сисмонди прекрасно объясняетъ измѣненіе, или лучше смѣшеніе двухъ языковъ посредствомъ примѣра, который нынѣ въ очахъ нашихъ совершается на оспровѣ Сен - Доминго, гдѣ Французскій языкъ играетъ ролю Латинскаго, Африканскіе языки ролю Тевтоническихъ, а Креольскій ролю Романскаго.

Ренуаръ, знаменитый издапель памятниковъ Провансальской Поэзіи и авторъ Грамматики сего языка, утверждаетъ, что опъ смѣшенія Латинскаго языка съ варварскими образовался на всемъ западѣ языкъ такъ называемый *дикій Латинскій*, или *Романскій* (*lingua latina rustica, seu romana rustica*); что сей языкъ былъ единъ и общъ всѣмъ народамъ Запада Римскаго такъ, что Французы, Италіянцы и Испанцы совершенно понимали другъ друга, и что всѣ новѣйшіе языки запада Европы прошли сквозь сей языкъ и опъ него ведутъ свое происхожденіе. Онъ такъ водворился къ началу IX вѣка между народами, повиновавшимися скиппру Карла Великаго, что, по причинѣ непонятности языка Латинскаго, сей Государь капишуларіемъ 813 года повелѣлъ духо-

венству проповѣдываѣ народамъ своимъ на языкѣ проспонародномъ Романскомъ.

Такимъ образомъ вся Имперія Карла Великаго раздѣлялась по языку на двѣ части, изъ коихъ одна говорила языкомъ Германскимъ, другая Романскимъ. Древнѣйшій памятникъ сего послѣдняго есть торжественная клятва, которую Людовикъ, Государь Германіи, и народъ его дали Карлу Лысому, Государю Франціи, когда сіи два вѣнценосца заключили между собою миръ въ Спразбургѣ, 845 года 15 Марша, и условіемъ было каждому присягнуть на языкѣ соперника. Карлъ Лысой клялся по Нѣмецки, Людовикъ по Французски.

Графъ Перпикари, сравнивъ сей памятникъ языка съ Лапинскимъ языкомъ пятого вѣка и съ Италіанскимъ XII столѣтія, нашель, что онъ занимаетъ совершенную средину между обоими, и пошому языкъ Романскій можетъ быть признанъ сыномъ Лапинскаго и опцомъ Италіанскаго языка.

Вильмень не соглашается съ Ренуаромъ въ существованіи единого общаго языка Романскаго на всемъ западѣ Европы. Конечно не лзя не принять, что языкъ сей имѣлъ уже мѣстныя видоизмѣненія, въ которыхъ

зарождались тѣ нарѣчія, на кои онъ въ послѣдствіи раздѣлился; но що неоспоримо, что при Карлѣ Великомъ сін видоизмѣненія не такъ были важны и что всѣ нарѣчія сін, будучи еще близки къ своему первоначальному источнику, къ языку Лапинскому, были близки и между собою. Это доказывается въ особенности тѣмъ, что Провансальское нарѣчіе, изъ нихъ самое раннее по образованію, понятно было для всѣхъ Юго-Западныхъ странъ, что видно изъ быстраго распространенія Провансальской Поэзіи по Италіи, Сѣверной Франціи и Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ, сіе нарѣчіе, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, содержишь въ себѣ слова и вообще стихіи всѣхъ сихъ языковъ такъ, что чѣмъ болѣе узнаете оныя съ ихъ мѣстными нарѣчіями, тѣмъ Провансальскій языкъ спановишся для васъ понятнѣе.

Карлъ Великій силою меча и власни смешалъ на живую нитку всю разнотинную Европу въ одно мнимое, наружное цѣлое; но, по смерти его, вся эта Европа разошлась врознь и образовалась феодально, какъ преобладали того ея составныя стихіи. Не только всякое Государство — всякій городокъ захотѣлъ жить ошдѣльно. Тоже явленіе всемірнаго

феодализма находимъ и въ словесномъ мірѣ: изъ Романскаго языка, согласно со стихіями разнородными, въ немъ уже присуществовавшими, образуется пѣма нарѣчій, даже по городкамъ и мѣстечкамъ. Въ тѣхъ же городахъ или облас тяхъ, гдѣ власть, сосредоточиваясь, расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій, нарѣчія городковъ и мѣстечекъ сливаются въ языкъ общій. Такое счастливое спеченіе обстоятельствъ способствовало къ раннѣйшему развитію языка Провансальскаго. Основываясь на вышесказанной причинѣ сосредоточенія силъ политическихъ, Сисмонди относитъ начало развитія пяти языковъ, происшедшихъ отъ Латинскаго, къ царствованіямъ Государей, при коихъ народы, ими говорившіе, стали политически сосредоточиваться—и вотъ порядокъ, въ какомъ Сисмонди представляетъ ихъ развитіе:

Языкъ Провансальскій или *языкъ окъ* (langue d'oc) при дворѣ Бозона, Короля Арльскаго 877—887.

Языкъ Романо-Валлонскій, или Французскій, или *языкъ оиль*, (langue d'oïl или langue d'oui) при Дворѣ Вильгельма Длиннаго Меча, сына Ролло, Герцога Нормандіи, 917—943.

Языкъ Каспиланскій при Фердинандѣ Великомъ 1037—1065.

Португальскій, при Генрихѣ, основатель Монархіи . . . 1095—1112.

Италіанскій или *языкъ si* (*) при Рогерѣ I, Король Сициліи, 1129—1154.

Но языки сіи образовывались вѣками—и пошому должно принимать сіе столь опредѣлительное означеніе эпохъ развитія оныхъ не въ почномъ смыслѣ, а только въ условномъ Историческомъ; ибо Исторія нуждается въ такихъ именованныхъ, числовыхъ граняхъ для облегченія нашей памяти.

Само собою разумѣется, что языкъ Италіанскій образовался всѣхъ ближе къ языку Латинскому, что доказывается всѣми его формами и лексикономъ: не могло быть

(*) Четыре языка: Французскій сѣверный или Романо-Валлонскій, Французскій южный или Провансальскій, Германскій и Италіанскій означаемы были въ XIII и XIV вѣкѣ черезъ утвердительную частицу: *да*, смотря пошому какъ она на каждомъ изъ нихъ звучала. Первый назывался *langue d'oï*, второй *langue d'oc* (ос по провансальски *да*), третій *langue d'ya* и четвертый *langue de si*. Въ семъ-то смыслѣ Дантъ въ одномъ мѣстѣ называетъ Италію: *il bel paese, dove 'l si suona* (прекрасная страна, гдѣ звучитъ си. е. да).

иначе, пошому что онъ развивался въ самомъ царствѣ языка Латинскаго. Впоследствии однако онъ такъ отъ него отдалился, что въ концѣ XII вѣка проспой народъ не могъ уже понимать Латинской проповѣди Папріарха Аквилейскаго, и Епископъ Падованскій, по прочтеніи оной Папріархомъ, объяснилъ ее на языкъ проспонародномъ.

Сколько варварскихъ народовъ прошло по Италіи: Готы, Остготы, Ломбарды, Франки, Германцы, Венгры, Срацины! Всякой изъ сихъ народовъ вложилъ свою стихію: нѣсколько выраженій или словъ. Отъ инаго не осталось другаго слѣда, какъ одно слово, случайно зароненное. Такъ, на примѣръ, есть одно Дашское слово въ языкѣ Италіянскомъ. Нѣмецкія слова мелькаютъ часто въ Комедіи Данша; есть и Арабскія (*).

(*) Нѣмецкія слова: landa (Land), ganda (Rand), ganda a ganda, falde (Falten), gramo вѣроятно отъ Gram, snello (отъ schnell), schiera (Schaar), slitte (Schlitten), elmo (Helm), guancia (Wange), schermo (Schild), sperone (Sporn), lai (по Англ. lay) и проч. Арабскія: meschite (мечети), soga (монисто или цѣпь золотая), coto или quoto (сила), по доказательству ученаго Оріенталиста Аббата Ланци.

Поэзія первая осмѣлилась дать новому языку письменность. Италіянскій языкъ, вѣроятно, потому позднѣе всей своей брашні одного съ нимъ происхожденія образовался на письмѣ, что трудно было ему снискать се право при важномъ первенствѣ его корня, языка Лапинскаго. Впослѣдствіи однако сей его соперникъ и вмѣстѣ отецъ придавъ ему такія силы, что онъ скоро опередилъ всю свою брашню и явился первенствующимъ на поприщѣ Словесности.

Муза Италіи запѣла на народномъ языкѣ съ голосу Музы Прованса. Прекрасно выразилъ Дантъ сію благодарность за вліяніе Прованса на Поэзію Италіи во встрѣчѣ своей съ Поэтомъ Гвидо Гвиничелли, который устранивъ оупь себя похвалы Данта скромнымъ указаніемъ на лучшаго изъ Трубадуровъ, Арнольда Даніэдло, снискавшаго высшую современную славу въ Поэзіи любовной (*). Дантъ влагаеъ въ уста сему Поэту прищерины на языкѣ Провансальскомъ (**): оче-

(*) Чистилища П. XXVI. Но судьба сохранила столь мало сочиненій сего Поэта, что изъ нихъ не возможно было оправдать ту славу, какую ему Дантъ вѣрно по праву приписываетъ.

(**) *Tan m'abbelis vostre cortois deman,
Chi cu non puons, ne vueil a vos cobrirer.*

видное доказательство того, что языкъ сей былъ общъ и понятенъ въ Италіи. Провансальская Поэзія была въ ней почти народною, особливо въ сѣверныхъ ея странахъ. Известно, какъ покровительствовала ей Дворъ Эстскій, особенно при Аццо VII. Многіе Поэты Италіи принадлежатъ къ числу Трубадуровъ: о знаменитѣйшемъ изъ нихъ, Мантуанцѣ Сорделло, я имѣлъ уже случай нѣсколько разъ говорить. Вліяніе языка Провансальскаго отражается въ самой Божественной Комедіи Данта, въ которой встрѣчаются многія слова Провансальскія. Странствія Данта по сѣверу Италіи и народность Музъ Прованса въ тѣхъ областяхъ служатъ сему доспапочнымъ объясненіемъ.

Jeu sui Arnaut, che plor, e vai cantan
 Con si tost vei la spassada folor,
 Et vic giau sen le jor, che sper denan;
 Ara vus preu pera chella valor,
 Che vus ghida al som delle scalina,
 Sovegna vus a temps de ma dolor.

„Такъ мнѣ нравится ваша учтивая просьба, что я и не могу и не хочу опъ васъ скрываться. Я Арнольдъ: плачу и, воспѣвая свое прошедшее безумство, хожу въ эпомъ огнѣ, и жду желаннаго дня. Прошу васъ во имя той силы, которая ведетъ васъ на верхъ горы: въ время вспомните о моей скорби.

Поэзія Прованса оказала двѣ услуги Поэзіи Италіи. Во первыхъ, она примѣромъ своимъ подвигла стремленіе къ національному стихотворству. Во вторыхъ, она создала формы новой Лирической Поэзіи, для всего Запада Европы, но особенно для Италіи, и передавши ихъ другимъ народамъ, сама исчезла.

Первые звуки Поэзіи Италіанской раздались, какъ признано доселѣ, въ Сициліи. Къ 1187 году относятся первые стихи, написанные Чіуллою изъ Алькамо, но на нарѣчьи совершенно Сициліанскомъ. Первые существующіе Италіанскіе стихи принадлежатъ Фридриху II, Королю Сициліи, который вступилъ на тронъ въ 1197 г., при Дворѣ своемъ собиралъ Поэтовъ и поощрялъ ученыхъ къ занятію Арабскимъ языкомъ. Женгеле находить въ канзонѣ Вьинченосца - Поэта слова чисто Латинскія, идиотизмы Сицилійскіе и въ формѣ спрофы, и размѣщеніи римъ вліяніе Прованса. Секретарь Фридриха, Пётръ делле Винье, есть авторъ перваго Италіанскаго сонета.

Хотя и приписываютъ рожденіе Италіанской Поэзіи Сициліи, но едва ли она не вдругъ распространилась по всей Италіи; но нѣкоторымъ догадкамъ, видно, что Боло-

окая Поэзія имѣеть право на такую же древность. Подслушавъ ободрительныя наѣвы народной лиры Прованса, вскорѣ всякое нарѣчіе Италіи откликнулось ей какою-нибудь своею Канзоною или Сонетомъ. Но не было еще общаго языка; ибо Италія словесная представляла собою столь же дробный, чуждый всякаго единства феодализмъ, какой характеризовалъ ее въ политическомъ состояніи.

Были еще другіе Поэты въ Сициліи, кромѣ вышепомянутыхъ. Особенно замѣчательнъ нопаріусъ Іаковъ изъ Лентино, копюраго Канзоны очень милы, а Сонеты оплечаются правильностію.

Св. Францискъ, учредитель знаменитаго Ордена Меньшей Братіи, сочинялъ духовныя пѣсни на языкъ простонародномъ, и есть первый авторъ бѣлыхъ стиховъ Италіянскихъ. Два монаха, его послѣдователи, подражали и въ эпомъ своему учивелю. Такія упражненія челоука свяшаго были весьма полезны распространенію языка народнаго. Проновѣдь совершалась также на семь языкъ по учрежденію Св. Доминика.

Не буду я высчитывать вѣхъ народныхъ Поэтовъ Италіи сего времени. Наиме-

ную только замѣчательнѣйшихъ. Гвидишмонъ изъ Ареццо, монахъ, первый успановилъ форму сонета, которая доподъ была измѣнчива. Видно, что самъ Петрарка изучалъ сонеты Гвидишмоновы. Гвидо Кавальканпи славился своею метафизическою канзоною о существѣ любви, которая испытала многія толкованія. Чино изъ Писпои и Гвидо ди Лапо заслужили похвалы Данша за то, что уклонялись отъ нарѣчія черни и приближались къ избранному языку. Но надъ всѣми возвышается Гвидо Гвиничелли, Болонецъ, котораго Дантъ именуетъ своимъ опцемъ въ риѣмахъ любовныхъ и легкихъ. Онъ далъ языку силу и благородство. Отъ него осталось чепыре канзоны и нѣсколько сонетовъ: стихи его дышатъ граціею и многіе изъ нихъ показываютъ, что Дантъ изучалъ Гвиничелли. Самый Дантъ своими первыми произведеніями, т. е. канзонами и сонетами, принадлежитъ къ числу сихъ Поэтовъ; но ими одними онъ могъ бы стать выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, однако не могъ бы заслужить великаго имени создателя языка.

Нѣтъ памятника прозы Италіанской довременнаго половинѣ XIII столѣтія. Маттео Спинелли, Неаполипанецъ, велъ свою лѣтопись на грубомъ Неаполипанскомъ нарѣчьи,

которая проспиралась отъ 1247 года до 1268. Рикордано Малеспини, Флорентинскій лѣтописецъ, умершій въ 1281 году, писалъ на языкъ болѣе очищенномъ. Многіе ученые Италіи принялись за Французскую прозу. Такъ Брунетто Латини написалъ свое сокровище по-Французски, *parce que la parole est plus delitable et plus commune à tous langaïses* (*), какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи. Габріэлло Рикарди также по-Французски сочинилъ свою Исторію Венеціи: *parce que langue Française court parmi le monde, et est la plus delitable à lire et à oïr, que nulle autre* (**). Самый Дантъ, хотя и ставилъ Италіанскій языкъ выше Французскаго,

(*) Тирабоски Т. IV. Книга III, стран. 347.

(**) Тамъ же. Уже тогда, за пять вѣковъ до насъ, Французскій языкъ *comptoit le monde*, какъ говорилъ Италіанецъ, и былъ общественнымъ языкомъ Европы. Какъ рано обозначились свойства языковъ Западной Европы! Такъ не только характеры языковъ, но и самые характеры націй. Вспомнимъ, что Дантъ, говоря объ жителяхъ Сіены, беретъ мѣрою ихъ тщеславія Французовъ въ томъ смыслѣ, что они за все берутся. Спало было и тогда недоспашокъ, и шеперь замѣчаемый въ новыхъ Аѳинянахъ, былъ ярко замѣтенъ. Народъ какъ человекъ; въ немъ свойство еще въ колыбели опливаема и какъ-то оспается вѣчнымъ.

однако опдаешъ справедливостъ сему послѣднему (*). Изъ сего можно заключить, что для стиховъ Италіянскій и Провансальскій языки считались лучшими, а въ прозѣ и тогда уже славился языкъ Французскій.

Но возвратимся къ Поэзіи, которой всегда предназначено первой дать языку прочное основаніе. Нѣтъ въ мірѣ языка, который упрочилъ бы свое первоначальное бытіе прозою. Канзона, баллада, сонетъ, духовный кантъ — вотъ формы, заимствованныя отъ Прованса или отъ Арабовъ, въ которыхъ Италіянская Поэзія являлась. Весь кругъ ея мыслей и чувствъ ограничивался любовью, иногда метафизическою, по вліянію современной схоластики, и чувствомъ Вѣры или набожности. Ни природа Италіи, ни жизнь ея, столь бурная въ то время, не отражались въ первыхъ пѣсняхъ ея Поэтовъ, какъ то было у Арабовъ и Трубадуровъ. Одна скудная любовь, составляя почти исключительный предметъ ихъ пѣсень, не могла вызывать богатство юнаго языка и развитъ его силы. Можно сказать, что первые пѣвцы Италіи, какъ бы продолжая въ ней поколѣніе Трубадуровъ, жили ихъ жизнію, а не своею:

(*) Тирабоски. Т. IV. стран. 347.

любовь и турниры были стихіями тѣсной жизни Прованса. Въ Италіи кругъ дѣйствій человѣческихъ былъ сложнѣе и обширнѣе.

Для того, чтобы новое слово Италіянское явилось въ богатствѣ и силѣ своей, нужно было вложить въ него мысль глубокую — чтобы около нея сосредоточивался весь умственный міръ тогдашняго человѣка, всѣ науки и знанія; — мысль современную — чтобы она была связана со всѣми событіями и вопросами жизни, со всѣмъ ея прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, — наконецъ мысль живую, мысль самой Италіи, общую всѣмъ ея раздробленнымъ справамъ. Такая только мысль могла съ одной стороны вызвать и очистить всѣ матеріалы языка народнаго, а съ другой всѣмъ наръчіямъ, которыми Италія говорила, дать единство и цѣлое общаго языка. Мы видѣли въ предыдущихъ разсужденіяхъ, какъ мысль сія явилась Данту, Философу и Богослову вѣка, обнимавшему всю его ученость, Гибеллину, мечтавшему объ единствѣ раздробленной Италіи, и Генію-Поэту. Сіятая мысль генія опдѣляетъ произведеніе Данша опъ всего того, что ему предшествовало въ Поэзіи Италіанской, бездною, которую нѣтъ наполнить, и дѣлаетъ явленіе его со-

вершенно внезапнымъ въ Исторіи Поэзіи не только Италіи, но и всего міра.

Но какимъ образомъ мысль сія, всеобъемлющая, могла дерзнуть выразиться въ словѣ народномъ, когда все, что только мыслило и поучало въ семь вѣкѣ, выражалось на языкѣ Латинскомъ? Даже Исторія народная, выключая два примѣра, приведенные выше, писалась по Латынѣ, а языку народному предоспавлены были только проповѣдь (и то по жалкой необходимости быть понятой простому народу), народные анекдоты (*) и любовныя пѣсни. Въ семь-то опношеніи великъ и внезапенъ геніальный подвигъ Данша. Но чтобы вполнѣ оцѣнить его и объяснить его произведеніе, какъ явленіе языка, должно снова возвратиться къ Исторіи языка Латинскаго и къ тому, какую роль игралъ онъ въ Среднемъ вѣкѣ и въ какомъ опношеніи находился къ языку Италіянскому.

То, что знаменишый правовѣдѣцъ Савиньи утвердилъ для Исторіи Римскаго права въ Среднія времена Италіи, можетъ быть опнесено и къ Исторіи языка Латинскаго.

(*) Сюда относятся le Cento novelle antiche, собраніе анекдотовъ, взятыхъ изъ священной и языческой Исторіи, и изъ современной жизни.

Прежде думали, что со времени открытія Пандектовъ въ Амальфи начинается возобновленіе Права Римскаго въ среднемъ вѣкѣ: ученый правовѣдѣцъ доказалъ, что Право Римское продолжало существовать въ народѣ Италіи и что открытіе Пандектовъ важно только въ отношеніи ученомъ, какъ открытіе хорошей рукописи. Такъ и въ Исторіи Латинскаго языка нѣтъ промежутка, нѣтъ перерыва: онъ и въ среднемъ вѣкѣ былъ не только исключительнымъ языкомъ ученыхъ, но по нѣкоторымъ достовернымъ признакамъ можно заключить, что онъ вовсе не былъ языкомъ мертвымъ, а входилъ и въ самую жизнь народа.

До самаго конца XII вѣка еще не было ничего написаннаго на языкѣ Италіянскомъ — и всѣ писали безъ исключенія супъ Латинскіе. Конечно, до XI вѣка Латынь была чрезвычайно груба; но не менѣе того она служила исключительнымъ орудіемъ къ выраженію ученой мысли. Въ XI, XII и XIII вѣкахъ она улучшалась вмѣстѣ съ распространеніемъ ученаго образованія. Но Леонардо Бруни, писавшій въ XVI вѣкѣ, находилъ еще Латынь XIII весьма грубою и говоритъ о Дантѣ, что онъ не мастеръ былъ писать Латинскимъ или липперашур-

нымъ слогомъ (*in stile latino o litterato*), а болѣе имѣлъ наклонности къ простонародному (*volgare*) (*). Въ одной рукописи XIII вѣка, напечатанной у Мурапори, гдѣ описывается освященіе церкви, сказано, что Готфридъ, Патріархъ Аквилейскій, проповѣдывалъ *litteraliter sapienter* (т. е. литературно-ученымъ образомъ), а Герардъ, Епископъ Падованскій, объяснилъ оную проповѣдь *maternaliter* на отечественномъ нарѣчій (**). Изъ сихъ выраженій мы видимъ, что Лапинскій языкъ имѣлъ рѣшительный характеръ языка ученаго и потому перевѣсь надъ Италіянскимъ, который въ смыслѣ унизительномъ именовался простонароднымъ языкомъ.

По случаю замѣчанія о проповѣди Лапинской, заимствованнаго мною у Тирабоски, онъ прибавляетъ слѣдующія слова, заслуживающія особенное вниманіе. „Такимъ образомъ сохранялся языкъ Лапинскій въ проповѣди; ибо думали, что сіе приличествовало сану Религіи, а вмѣстѣ заботились и о пользѣ народа, который едва ли бы могъ извлечь пользу изъ проповѣди, произносимой на языкѣ, коему онъ не учился.

(*) Leonardo Bruni Aretino Vita di Dante.

(**) Тирабоски Т. IV.

Не лзя однако опвергнутъ того, что языкъ просонародный не былъ еще такъ совершенно ошдѣленъ и, такъ сказать, удаленъ отъ Лашинскаго, чтобы неучившійся сему послѣднему ужъ вовсе не былъ въ силахъ понять его. И по нынѣшнимъ произведеніямъ мы видимъ, сколь много еще въ языкѣ нашемъ Лашинскаго. Тогда народъ съ трудомъ гораздо меньшимъ могъ понимать Лашынь, нежели теперь; ибо нашъ языкъ, въ послѣдствіи образовавши свои собственные законы и выраженія, удалился отъ своего праотца. Едва ли не такое же различіе существовало тогда между языкомъ просто-народнымъ и Лашинскимъ, какое теперь существуетъ между нарѣчіями черни большей части городовъ Италіи и изящнымъ языкомъ Италіянскимъ въ устахъ нашихъ современныхъ образованныхъ проповѣдниковъ. Сколько народъ понимаетъ или думаетъ понимать шеперешнюю проповѣдь, столько же понималъ онъ ее и тогда по Лашынь. Кромѣ того и проповѣдники сами старались приспособить свою Лашынь къ просторѣчію—и извѣстно, что они вмѣшивали реченія просонародныя.“

Изъ сего замѣчанія трудолюбиваго и глубокомысленнаго изслѣдователя мы видимъ,

что Лапинскій языкъ былъ тогда близокъ и простому народу. Вспомнимъ еще, что во времена Каччіагвиды, родившагося въ 1106 году и умершаго въ 1147, люди нѣсколько образованные говорили между собою по Лапшнѣ, какъ замѣчаетъ и комментаторъ Данша, Веншури. Поэтъ ввелъ сей обычай и въ Рай: Каччіагвида привѣтствуетъ своего праправнука Лапинскими стихами. Не явно ли языкъ сей входилъ еще въ самую жизнь?

Вспомнимъ, что Ишаліянцамъ другаго имени нѣтъ въ произведеніи Данша какъ Лапины (*); что Ишалія называется землею Лапинскою (*terra Latina*); что Сорделло, говоря объ языкѣ Виргиліевомъ, выражается: *нашъ языкъ* (*nostra lingua*); вспомнимъ слово самаго Данша, которое я уже приводилъ однажды: *m'è più latino* (это мнѣ болѣе Лапински, въ томъ смыслѣ, что это ему легче). Изъ всего этого не ясно ли мы видимъ, что языкъ сей въ среднемъ вѣкѣ Ишаліи продолжалъ живое бытіе свое?

(*) П. XXII Ада. Виргилій спрашиваетъ у діавола: „Conosci tu alcun, che sia *Latino* sotto la pesce?“ П. XXVII Ада. Виргилій говоритъ Данту: „Parla tu, questi é *Latino*.“ Тамъ же Гвидо, Графъ Монтефельтрскій, называетъ Ишалію *dolce terra Latina*. — П. XXVIII. Петръ изъ Медицины также называетъ Ишалію.

Я ужъ не говорю о Церкви Западной, которая не имѣла и не имѣетъ доселѣ другаго языка, кромѣ Латинскаго. До сихъ поръ въ Римѣ не возможно найти Библии на языкѣ Италіянскомъ: Папы запрещали переводить Священное Писаніе на языкъ проспо-пародный, и перевода, сдѣланнаго противъ ихъ воли, не впускають въ свои области. Въ этомъ участвуетъ та мысль, что исключительно духовенству принадлежитъ право объяснять Священное Писаніе и что обнародованіе онаго на языкѣ общемъ, давши волю толкамъ частнымъ, не согласовалось бы съ догматическимъ и строгимъ характеромъ ученія католическаго. Питая сіи мысли, Церковь никогда не благопріиспособовала развитію Италіянскаго языка, употребляя его на одну народную проповѣдь, и то по необходимости.

Въ XIV вѣкѣ, когда, съ открытіемъ рукописей распространилось еще болѣе изученіе языка Латинскаго — его стѣснительное преимущество надъ Италіянскимъ возрасло еще сильнѣе, а въ послѣдующемъ XV вѣкѣ имѣло самое пагубное вліяніе на Словесность Италіянскую. Маффеи (*) весьма

(*) Авторъ Исторіи Словесности Италіянской. Milano. 1825. Vol. I Cap. II.

справедливо замѣчаетъ, что чѣмъ болѣе Италія восходила вновь къ своей древности, чѣмъ болѣе памятниковъ оной открывала, тѣмъ болѣе желала сдѣлаться снова Латинскою.

Такимъ образомъ вся Исторія Италіанской Словесности представляетъ непрестанное бореніе языка Италіанскаго съ языкомъ Латинскимъ — и только съ этой точки зрѣнія явленіе и характеръ главнѣйшихъ произведеній Словесности намъ окончательно объясняются.

Извѣстно, что Дантъ началъ писать свою поэму по Латынѣ. Вотъ первые стихи эпического Латинскаго начала:

Ultima regna canam, fluido contermina mundo
Spiritus quae lata patent, quae praemia solvunt
Pro meritis cujuscunque suis etc. (*)

(*) *Memorie di Pelli* 160 стран. Такъ поставлены стихи въ біографіи Данта, писанной Боккаччіемъ. Варки приводитъ иначе первый стихъ: *Infera regna canam, mediumque intusque tribunal.* Вотъ переводъ приведенныхъ стиховъ: „Пою крайнія царства, сопредѣльные влажному міру и отверстыя для душъ, которыя воспріимлютъ мзду, каждая по заслугамъ своимъ.“ Замѣчательна весьма эта эпическая форма, это вступительное изложеніе предмета, взятое съ Энеиды Виргиліевой. Оно описуется въ Италіанскомъ текстѣ.

Но предчувствуя свое иное назначеніе, Поэтъ послѣ осьми стиховъ оставилъ Лаптинскіе звуки и запѣлъ на лирѣ народной, хотя и сознаваясь скромно, что онъ спилемъ взялъ ниже, какъ мы теперь увидимъ.

Здѣсь мѣсто указать, почему Дантъ называлъ свою Поэму Комедіею. Изъ нѣкоторыхъ словъ, находящихся въ разсужденіи самаго Поэта *о народномъ Краснорѣчїи*, видно, что подъ именемъ Трагедїи разумѣли тогда произведеніе Поэзіи, писанное высокимъ слогомъ; подъ именемъ Комедїи произведеніе Поэзіи, писанное слогомъ низкимъ (*). Мнѣніемъ всѣхъ Ученыхъ Италїи признано, что причина, почему Дантъ называлъ Поэму свою Комедіею, заключается въ томъ, что она написана слогомъ низкимъ или среднимъ (**). Но слогъ

(*) Per tragoediam superiorem stilum; per comoediam, inferiorem; per elegiam stilum intelligimus miserorum. Mem. di Pelli. 165 pag.

(**) Сисмонди держится сего же мнѣнія. Вильмень прибавляетъ къ сему разсужденію самого же Данта, имъ откуда-то заимствованное: что Трагедїя обыкновенно кончается ужасно, а Комедїя весело; что его Поэма, начинаясь Адомъ, предметомъ ужаснымъ, кончается наслажденїями Рая; что слѣд., кромѣ слога, она и по счастливому концу своему имѣетъ право на названіе Комедїи. Но мнѣніе всѣхъ ученыхъ Италїи утверждаетъ, что имя сіе основано по преимуществу на слогѣ.

проспонародный, другими словами, языкъ Ипаліянскій, и слогъ низкій были въ сіе время синонимы. Возвышенный слогъ возможенъ былъ только на языкѣ Лапинскомъ. Дантъ въ своей Поэмѣ нѣсколько разъ именуетъ Энеиду Виргилія *высокою трагедіей* (*alta Tragedia*) (*) въ оплчїе опъ своей какъ бы *низкой Комедіи*, потому что Энеида писана высокою Лапынью.

Изъ всего сказаннаго явно, что Лапинскій языкъ къ Ипаліянскому имѣлъ отношеніе высокаго слога къ низкому. Вотъ почему Рай, въ которомъ Поэтъ, по его собственному сознанію, возвысилъ слогъ свой вмѣстѣ съ предметомъ, изобилуетъ споль многими Лапинскими словами; въ Аду же, коего предметъ и спилъ ниже, вовсе нѣтъ Лапинскихъ словъ, а напрошивъ видно рѣзкое обиліе проспонародныхъ, т. е. Ипаліянскихъ словъ, особливо въ послѣднихъ его пѣсняхъ. Ясно, что Ипаліянскій языкъ не могъ всегда доставлять высокія слова Поэту и что Дантъ принужденъ былъ весьма часто

(*) Ада П. XX. Виргилій самъ говоритъ: *così l'alta mia Tragedia* in alcun loco. Энеида, хотя и кончается смертію Турна, но развязка ея все-таки счастлива въ отношеніи къ герою. Слѣд. явно, что сіе наименованіе основано на понятіи о высокомъ и низкомъ слогѣ.

прибѣгать къ Лашинскому. Ясно, что отношеніе словъ Лашинскихъ къ Италіянскимъ было въ то время точно такое же, какое прежде у насъ было между словами Словенскими и Русскими.

Самая равнозначительность выражений: *простонародный* (volgare) языкъ и *Италіанскій* свидѣтельствуешь истину всего сказаннаго.

Петрарка хотя и уважалъ Данта, но называлъ его Поэтомъ *простонароднымъ* (volgare nello stile, ma nobilissimo nei pensieri) „простонароднымъ въ слогѣ, но благороднѣйшимъ въ мысляхъ (*).“ Онъ самъ признается, что хотѣлъ себя посвятить простонародной Поэзіи, но не могъ; ибо высокая Лашинская привлекла его (**). Извѣстно, что онъ думалъ утвердить свою славу не на Пѣсенникѣ своемъ, не на Сонетахъ, какъ попомство и даже современники ее утвердили, а на Лашинской Поэмѣ: *Сципіонъ Африканскій*, которой никто теперь не читаетъ. Петрарка, подъ конецъ своей жизни замѣня ошибку въ предположеніяхъ о славѣ своей, въ одномъ Сонетѣ своемъ самъ сознается, что если бы

(*) Тирабоски Т. V. п. Vie de Pétrarque. Avignon.

(**) Тамъ же.

онъ зналъ, что его проспонародная Поэзія такъ будетъ нравиться, по больше бы посвятилъ ей вниманія.

Въ XV и XVI вѣкахъ опцы и учителя въ школахъ подь строгимъ наказаніемъ запрещали дѣтямъ чинать книги, писанныя на Италіянскомъ языкѣ. Били ихъ по рукамъ, если находили у нихъ Пѣсенникъ Петрарки. Барки украдкою чинялъ его и самъ въ этомъ сознается (*).

Поэзія въ XV и XVI вѣкѣ опять взялась за языкъ Латинскій. Писать въ тонѣ возвышенномъ иной не было возможности какъ по Латынѣ. Вотъ, чѣмъ объясняется комическій тонъ Поэмъ Пульчи и Аріоста: другого тона они принять не могли, желая писать на живомъ языкѣ народа, ибо тонъ важный требовалъ Латинскихъ звуковъ (**).

На семь же мнѣній о двухъ языкахъ, Латинскомъ, какъ ученомъ и высокомъ, и Италіянскомъ, какъ проспонародномъ, основывалось вышеприведенное мнѣніе Леонардо Бруни, жившаго въ XVI вѣкѣ, и послѣдовавшихъ ему филологовъ, что языкъ Италіянскій происходитъ отъ языка черни

(*) Storia di Letteratura Italiana da Maffei.

(**) Тирибоски и Симонди.

Римской, а Латинскій, грамматическій и правильный, отъ писателей.

Наконецъ, только Торквато Тассъ, первый, осмѣлился пропѣть важную и высокую пѣснь на лирѣ народной, въ словѣ Италіянскомъ, и сознайся въ этомъ. Въ стихахъ Тасса только Италіянскій языкъ достигъ полного своего цвѣта и дерзнулъ спастъ достоинствомъ своимъ наравнѣ съ Латинскою музою Виргилія. Въ семъ-то отношеніи особенно велико явленіе Освобожденнаго Іерусалима. Но за то сколько гоненій претерпѣлъ творецъ его отъ Академіи della Crusca! Труженикъ - Поэтъ рѣшился даже вновь передѣлать всю свою Поэму.

Такъ на главныхъ произведеніяхъ Италіянской Поэзіи мы видимъ, что Исторія оной представляетъ непрестанное боре-ніе языка Италіянскаго съ Латинскимъ, кончившееся побѣдою первого только въ высокомъ произведеніи Тасса. Но начало сей борьбы принадлежишь Данту—и Божественная его Комедія, въ отношеніи къ Исторіи языка, представляетъ первое и рѣшительное высвобожденіе языка живаго, народнаго, Италіянскаго изъ-подъ оковъ языка Латинскаго. Усилія сей борьбы опразились въ спилѣ всего произведенія Данша: въ немъ нѣтъ

еще той гармоніи, того единства и равновѣсія всѣхъ стихій, въ Италіанскій языкъ вошедшихъ, какія видимъ въ спилѣ Тасса. Языкъ Данша можно сравнить съ младенцемъ Геркулесомъ, выбивающимся изъ пеленъ своихъ: всякое движеніе его сильно, естественное, но рѣзко, и не имѣетъ совершенной круглосты движеній вполне развитаго возраста.

Здѣсь мимоходомъ нельзя не замѣпить, что Исторія нашей Словесности представляетъ опчаспи подобное же бореніе языка Словенскаго съ Русскимъ, которое продолжается до самыхъ временъ Карамзина и новой школы Поэтовъ. Сіе бореніе языка сына съ языкомъ-опцемъ у насъ не могло быть такъ продолжительно и трудно, какъ въ Италіи, потому что Словенскій языкъ не имѣлъ такой богатой Литтературы, какова была Лашинская.

Смѣлый подвигъ слова народнаго, который я вижу въ произведеніи Данта, выражалъ собою другой смѣлый подвигъ народной мысли. Высказать народу всѣ тайны глубочайшей науки въ самомъ живомъ поэтическомъ образѣ, очевидномъ народу, и на его собственномъ живейскомъ словѣ — было

высочайшимъ дѣломъ въ томъ столѣтїи, когда наука считалась таинствомъ, исключительно принадлежащимъ ученому сословію. Слѣдующій анекдотъ; рассказанный во *сто старинныхъ повѣстяхъ* (cento Novelle antiche) (*), показываетъ, какое мнѣніе тогда было о тѣхъ, которые дерзали открывать ученые таинства.

„Былъ одинъ Философъ, который, изъ угодливости передъ вельможами и чернью, любилъ обнародывать науку (vulgarizzare la scienza). Однажды ночью ему привидѣлось, что богини науки, въ образѣ женъ прекрасныхъ, стояли въ мѣстѣ разврата. Философъ, увидя ихъ, изумился и сказалъ: „что это значитъ? Вы ли богини науки?“ — Онѣ отвѣчали: мы самыя. — „Но какъ же попали вы въ мѣсто разврата?“ — Ты самъ насъ завелъ сюда. — Проснувшись, онъ размыслилъ, что обнародывать науку значило посрамлять божество, и раскаялся. Знайте же, что не всякому все позволено.“

Сей анекдотъ, вѣроятно, пущенъ былъ въ народъ спрогими спражами наукъ — и

(*) Novella LXXVIII.

едва ли не мѣшля эпиграммою на великаго
обнародывателя оныхъ — Данта.

Какимъ же образомъ совершень былъ
сей подвигъ высвобожденія слова народнаго?
Другими словами: какъ созданъ былъ и
введенъ въ Поэзію сей языкъ Италіянскій
и изъ какихъ стихій онъ составился? На
сіи вопросы слѣдуетъ отвѣчать теперь.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

IV. С М Ъ С Ъ.

7. *Ученыя извѣстїя.*

О КРЕОСОТѢ (DE CREOSOTO).

Креосотъ есть вновь найденное вещество сначала въ пригорѣлодревесной кислотѣ, а потомъ и во всѣхъ древесныхъ пригорѣлыхъ маслахъ и смолахъ Рейхенбахомъ, при изслѣдываніи имъ продуктовъ, получаемыхъ отъ сухой перегонки растительныхъ плѣлъ. Названіе сіе дано ему симъ Химикомъ отъ того, что онъ имѣетъ опличное свойство сохранять мясо, а потому составлено изъ словъ Греческихъ *κρέας* сего мясо, и *conservo* сохраняю. Сіе начало есть прозрачная жидкость, безъ цвѣта, маслянистая, имѣющая сильную степень преломляющъ лучи свѣта; его запахъ пронизательный, весьма непрятный, опзывающійся копченымъ мясомъ, вкусъ его жгучій и весьма ѣдкій. Составъ его похожъ на масло миндалей. Удельный его вѣсъ 1,037. Онъ кипитъ при 203° стоград. и не замерзаетъ при 27°, горитъ съ пламенемъ сильно коптящимъ, электричества ни мало не проводитъ. Съ водою образуетъ два различныя состава, растворами называемые, изъ которыхъ первый содержитъ только $1\frac{1}{4}$ части креосота въ 100 ч. воды, а другой 10 час. Сей растворъ не измѣняетъ ни цвѣта подсолнечника, ни куркумы

и не осредняется ни кислотами, ни щелочами, но образуетъ многочисленные и важные составы съ сими двумя классами щѣлъ. Но изъ всѣхъ свойствъ его самая занимательная суть слѣдующія: какъ скоро креосотъ придетъ въ соприкосновеніе съ яичнымъ бѣлкомъ, то сей ссѣдается и если въ водянистый и самый жидкій растворъ бѣлка вольется только одна капля креосома, то явившійся пошчасъ ссѣвшимся бѣлокъ въ видѣ бѣлыхъ клочковъ. Если мы опустимъ кусокъ мяса въ растворъ креосома на полчаса или часъ времени, то мясо высыхаетъ такъ, что можно выставить его на солнечный жаръ, не опасаясь его гніенія; мясо опъ него закаливается или оптвердѣваетъ въ продолженіе осми дней и получаетъ пріятный запахъ хорошей копченой говядины и цвѣтъ смуглоокрасный. Можно берегать и рыбы такимъ же образомъ; но какъ пригорѣлодревесная кислота и дегтярная вода производятъ то же дѣйствіе, то и нѣтъ сомнѣнія, что креосотъ сообщаетъ имъ свойство опъ гніенія сохранять мяса, равно какъ и дыму. Креосотъ, приходя въ соприкосновеніе съ кровью, свертывается въ ней бѣлковину и препятствуетъ по сему загниванію животнаго мяса; пошому-то мышечная шкань и неспособна къ сему согниванію.

Дѣйствіе креосома на животное шѣло пагубно: капля, попавшая на языкъ, причиняетъ жестокую боль. Когда же обольется кожа симъ сгущеннымъ веществомъ, то кожа совершенно разрушается; наѣкомыя и рыбы, брошенныя въ растворъ креосома, пошчасъ въ немъ погибаютъ.

Растенія гибнуть также, коль скоро обольютъ ихъ симъ растворомъ. Сіе ядовитое свойство вѣроятно одолжено губительнымъ дѣйствіемъ своимъ свойству креосота сгущать бѣлокъ, а имѣть предохранять мясо отъ гніенія.

Не подобному ли началу, по мнѣнію моему, приписать должно губительное и смертоносное дѣйствіе нѣкопрыхъ змѣй, уязвляющихъ животныхъ такъ, что отъ уязвленія сего отвердѣваетъ бѣлковина и всякое животное умираетъ безъвозвратно, при всѣхъ Медицинскихъ пособіяхъ? Полагаю я также, что сіе начало или вещество весьма важно будетъ для искусства бальзамировать трупы и сохранять анатомическіе препараты.

Предположивъ, что деготь, пригорѣло-древесная кислота и Дипелліево животное масло, а наипаче пригорѣлая вода, одинъ изъ новѣйшихъ препаратовъ, которому приписываютъ счастливые успѣхи въ лечебаніи раковъ и аншонова огня, обязаны сими свойствами своимъ креосоту. Рейхенбахъ дѣлалъ опыты какъ надъ разведеннымъ сильно водою креосотомъ, такъ и сосредоточеннымъ. Вѣря ему, удивишься надобно, какъ скоро оканчивалось изцѣленіе костляды, рака, раковидныхъ ранъ и пр. Одинъ больной, пораженный легочною чахоткою въ самой послѣдней степени, выздоровѣлъ отъ внутри употребляемаго креосота. Швейгеръ Сейль, сравнительно изслѣдывая воду креосота и артеріальную воду Бринелли, думаетъ, что креосотъ есть основаніе сей жидкости, останавливающей теченіе крови, но что сія есть не что иное какъ самое слабое соединеніе креосота съ водою или лучше самый жидкій растворъ его въ водѣ.

Рейхенбахъ употреблялъ его въ обжогахъ (*ambusturis*) и уврачеванія отъ него послѣдовали весьма скоро; онъ приводитъ одну женщину, которая обожгла себѣ руку и имѣла рану довольно большую, которую хотя сначала лѣчили растворомъ уксусокислаго свинца, но рана перешла въ нагноеніе. Когда же чешыре раза въ день вешпошки, намоченныя слабымъ растворомъ креосопа въ водѣ, были прикладываемы къ ранѣ, то она тотчасъ перестала гноиться; въ три дня воспаленіе прошло; въ восемь дней совершенно рана зажила и больная выздоровѣла. Ожога горячею водою или кипяткомъ вылѣчивалась въ три дни водою креосопа.

Рейхенбахъ приводитъ еще образцы уврачеванія паршей и другихъ накожныхъ сыпей креосопомъ. Разныя хроническія сыпи пропадали отъ сего средства въ нѣсколько дней. Костюдныя раны на ногахъ, а равно и перепрѣлоспи у малыхъ дѣтей въ пахахъ излѣчены были водою креосопа, прикладываемою къ нимъ нѣсколько разъ въ день, скоро и вѣрно. Зубная боль, происходящая отъ зубной костюды, вдругъ переставала отъ креосопа; весьма часто довольно было просто пополоскать ротъ водою креосопа, но всего вѣрнѣе положить каплю креосопа на костюдный зубъ, напередъ промытый; есть надежда, говоритъ Рейхенбахъ, что самая костюда зубовъ будетъ благополучно имъ вылѣчивася.

Язвы, нагноенія дурнаго свойства были совершенно использованы симъ средствомъ. Одинъ крестьянинъ три года имѣлъ на лицѣ злокачественную

рану. Желѣзы шейныя швердѣли и были по куриному лицу величиною, а снаружи рана была въ три дюйма длины; больной сначала пользуется быль ршущими составами, болиголовомъ и другимъ сему подобными средствами всякаго рода безъ успѣха; но когда рану стали обмывать водою креосота и класть компрессы, намоченные сею жидкостью, а края обмазывають чистымъ креосотомъ, то кровотеченіе изъ раны тотчасъ перестало, нагноеніе окончивалось, желѣзы приходили въ естественное состояніе и тотчасъ послѣдовало совершенное изцѣленіе; бѣлая опухоль язвы, съ истощеніемъ всего шѣла сопряженныя, пользоваемая сначала водою креосота, прикладываемою на корпіи и потомъ чистымъ креосотомъ, были совершенно вылѣчены.

Всѣ раны, наносимыя ножомъ, колющими орудіями и ѣдкими щелочами, не переходили въ нагноеніе, когда смазаны были креосотомъ, а засыхая заживали.

Креосотъ употребляемъ былъ и внутрь. Рейхенбахъ приводитъ весьма замѣчательный случай относительно дѣйствія его противу легочной чахотки. Одинъ рудокопъ много лѣтъ спрдалѣ легочною чахоткою, которая весною и осенью ежегодно ожесточалась до того, что кашель и изнурительная лихорадка мучили его сильно и онъ могъ лежать только на одномъ боку, мокрота была зеленовата, гнойвидна и смѣшана съ кровью; его сначала пользовали обѣреннымъ золотомъ, но тщетно. Но когда уже онъ въ теченіе шести дней исходилъ кровью изъ легкихъ, то ему дали въ теченіе четырехъ дней

отъ четырехъ до пяти капель креосома съ сахаромъ; въ сутки харканіе кровью остановилось, боль въ боку пропала, дыханіе сдѣлалось свободнѣе, лихорадка и кашель пропали и больной выздоровѣлъ (*).

Докторъ Медицины и Адъюнктъ Никифоръ Лебедевъ.

8. ОПИСАНІЕ МИНЕРАЛОВЪ, ПРИ НЕНАСИТИНСКИХЪ ПОРОГАХЪ НАХОДЯЩИХСЯ.

Письмо Профессора Харьковскаго Университета *А. И. Криницкаго* къ Проф. Максимовичу.

Въ прешней книжкѣ *Ученыхъ Записокъ*, вы, желая можете быть ознаменованы еще и по части Естественной Истории столь прославленные историческими воспоминаніями на Днѣпрѣ Ненаситинскіе пороги, упомянули объ открытіи моемъ при оныхъ рѣдчайшей *Днѣпровской Цимбаріи* (*Cymbaria Borysthenica*). Не могу и теперь еще равнодушно вспомнить той приязни и вмѣстѣ унынія, какія производилъ въ душѣ непривыкшаго постигателя ихъ вѣчный ревъ, происходящій отъ волнъ, свирѣпствующихъ противу ихъ неуспучивости и переливающихся чрезъ неизгладимые хребты оныхъ. Сіи непремѣнные свидѣтели многочисленныхъ Историческихъ событій, дерзая, кажется, своею непоколебимостію противъ могущества самаго времени, не перестали еще донынѣ превозносить верхнихъ жилищей, которые произведеніями своихъ странъ, либо трудовъ своихъ, жела-

(*) Врачи Московскіе могутъ выписывать креосомъ изъ Зубовской аптеки Г. Блехшидта, который, по просьбѣ моей, удачнѣе предъ прочими его приготовилъ и я началъ употреблять его въ чаю и сыпяхъ. Докт. Н. Лодв.

ють подѣлиться съ южными обитателями. Для нихъ пороги дѣлаются снисходительнѣе только во время половодія, когда предприимчивый Днѣпроходець, сложивъ руль и другія орудія, управляющій обремененною его баркою, съ упованіемъ на возложенный на себя крестъ, ввѣряетъ себя и свое имущество ужасному стремленію воды, прорывающейся сквозь тѣсный извилистый проходъ, долженствующій управлять его баркою и его судьбою. Онъ тогда не смотритъ — да и не можетъ, среди водяной атмосферы, составленной изъ частицъ разбрызгивающейся воды. Заглушающій все, въ сей переправѣ, ревъ дѣлаетъ его невнимательнымъ на сильный шрескъ его барки или плота, который во всякомъ другомъ случаѣ самъ по себѣ предъсавился бы ему ужаснымъ. Нѣсколько минутъ въ семъ роковомъ прошейкѣ рѣшаетъ все дѣло, и одно легкое прикосновеніе къ запрещенной стѣнѣ не остается безъ наказанія. Щастливъ, если та же самая стихія, съ которой находится въ борьбѣ и коей вмѣстѣ ввѣряетъ свою судьбу, не измѣнитъ ему и благополучно пронесетъ его чрезъ врата послѣдняго порога. Но тѣ самые пороги, неуступающіе могуществу времени, скоро должны будутъ уступить безъ сомнѣнія рѣшительнымъ предпріятіямъ пекущагося обо всемъ нашего Правительства. Но я зашелъ въ спорону; мнѣ хотѣлось сказать вамъ о томъ, что я видѣлъ по моему предмету, то есть, по части Естественной Исторіи.

Я былъ на лѣвомъ берегу Днѣпра въ деревнѣ Варваровкѣ, имѣніи моего добраго знакомаго и пріятели Ивана Тимофеевича Подольскаго, имѣю-

щаго въ своемъ владѣніи часть пороховъ — но къ сожалѣнію моему, былъ во время половодія, почему не могъ по нихъ же дойти до роковаго прошейка, какъ это дѣлаютъ любопытные, во время обыкновенной высоты воды. Все, что только можно видѣть здѣсь относительно геогностическаго устройства сихъ мѣстъ, все носитъ на себѣ признаки древнѣйшаго образованія горъ первозданныхъ. Крупнозернистые вообще граништы, какъ будто бы наскучивъ скрываться въ землѣ, выдвигаются огромными массами кой-гдѣ надъ поверхностью оной, когда въ видѣ нагроможденныхъ валуновъ не накаплиются на большомъ пространствѣ, индѣ при берегахъ рѣки составляютъ довольно возвышенные обрывистые утесы. Горы сіи не столь еще открыты, чтобы можно было сказать что нибудь рѣшительно въ отношеніи напластованія оныхъ. Здѣсь обнаружился только большею частію, какъ я сказалъ, граништы во многочисленныхъ своихъ измѣненіяхъ и переходахъ, вообще бѣдный слюдою, коей мѣсто замѣняютъ часто хлоритъ, эпидотъ, иногда магнитное желѣзо и проч. Въ такъ называемой *сухой балкѣ*, направляющейся къ Днѣпру, по лѣвой сторонѣ оной примѣчаются слои хлоритоваго сланца, а по правой видѣть можно большія массы въ натуральномъ положеніи, правильными кусками разламливающагося аплиша. Вблизи сей же балки при самомъ почти берегу рѣки обнаруживается также очень хорошій Діоритъ, а подлѣ самыхъ пороховъ примѣчается слой около 10 аршинъ толщиною кремнистаго сланца бѣловато-сѣраго цвѣта, который ребромъ своимъ распростирается въ глубину. Будучи

не въ состояніи сказать ничего болѣе относительно общаго устройства сихъ горъ, я ограничусь изчисленіемъ частныхъ примѣчательнѣйшихъ минераловъ, какіе въ бытность мою тамъ, чрезъ нѣсколько дней, я успѣлъ замѣтить.

На поверхности валуновъ гранита, находящихся по берегу рѣки, очень часто встрѣчаются плотно приросшіе, хорошіе кристаллы *Титанима* (Braun - Menakerz. W.) въ видѣ обыкновенно свойственныхъ сему минералу дисптраедровъ, иногда почти въ дюймъ величиною. Гранитъ, служащій матрицею онымъ, имѣетъ весьма твердое сложеніе, и поному почти никогда ихъ не лзя добыть изъ оной безъ поврежденія.

Магнитное желѣзо или *магнитный камень* (Magneteisenstein. W.) попадаетъ здѣсь довольно часто вкрапленнымъ зернами и небольшими гнѣздами въ отдѣльныхъ массахъ крупнозернистаго гранита. Кромѣ сего находенія я замѣтилъ нѣсколько валуновъ аплита, въ коемъ сія руда будучи разсыяна, замѣняетъ мѣсто слюды. Въ сихъ же породахъ и при нѣхъ же самыхъ обстоятельствевахъ попадаются также мелкіе кубики *железнаго колѣдана*.

Черный землистый марганецъ, обыкновенно *Вадомъ* (Wad. Leonh.) называемый, составляетъ доселѣ самое обильное металлическое произведеніе, въ сихъ окрестностяхъ открываемое. Онъ образуетъ иногда довольно толстую намазку на крупно- и мелкозернистомъ аплитѣ, часто съ гроздовидною поверхностію, а на последнемъ, раздѣляющемся призматическими отломками, представ-

ляется иногда въ видѣ дендриповъ. Г. Подольскій давно уже старался вникнуть и изслѣдовать обстоятельныя горнокаменные породы, входящія въ составъ пороговъ и прилежащихъ къ нимъ возвышеній. При неусыпномъ своемъ трудолюбіи и поспоянствѣ, съ какими продолжалъ свои изысканія, онъ замѣтилъ въ вышесказанной породѣ признакъ марганца, который, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, показался изобильнѣе въ особенномъ прожилкѣ, наполненномъ небольшими опломками, имъ же покрытыми. Сіе заставило его произвести дальнѣйшія попытки съ небольшими издержками, коихъ послѣдствіемъ было то, что онъ встрѣчалъ неоднократно ущелины, наполненныя кусочками чистаго Вада, по нѣскольку фунтовъ заключающія; но добываніе онаго не могло вознаградить трудовъ, въ столь твердой породѣ производимыхъ. Не смотря на весьма твердое вообще сложеніе сего аплиша, онъ очень легко подвергается вывѣшриванію и даетъ начало довольно чистому и бѣлому *Каолину*, который, подобно марганцу, только въ бѣльшемъ изобиліи, наполняетъ въ массѣ его находящіяся трещины.

Въ послѣдствіи времени Г. Подольскій открылъ другое мѣсто нахожденіе сего же измѣненія марганцовой руды и въ подобномъ же состояніи находящейся. Маткою въ семъ случаѣ служитъ *Диоритъ*, образующій небольшой слой, повидимому ребромъ въ глубину распространяющійся. Диоритъ обыкновенно порфировидный съ господствующею амфиболію (роговою обманкою), включающею также часто частицы эпидота и хлорита. Въ послѣднемъ случаѣ онъ переходитъ въ хлори-

товый сланецъ и бываетъ также покрытъ марганцовою намазкою.

Г. Подольскій показывалъ мнѣ въ своемъ собраніи нѣсколько хорошихъ образчиковъ *бураго желѣзняка*, найденнаго имъ между опломками горнокаменныхъ породъ; но заокругленный видъ оныхъ доказываетъ, что минералъ сей не былъ взятъ въ первобышнемъ своемъ мѣстоположеніи, о коемъ ничего не лзя сказать рѣшительнаго.

Діоритъ, переходящій въ афанитъ, заключаетъ иногда мелкія частицы *мѣднаго колчедана*, который составляетъ единственный слѣдъ мѣдныхъ рудъ, въ тѣхъ странахъ обрѣтающихся. Но судя по многочисленнымъ кускамъ сего измѣненія діорита и по виду, въ каковомъ онъ тамъ встрѣчается, скорѣе можно согласиться, что порода сія принесена по какому-нибудь случаю изъ другихъ окрестностей.

Эпидотъ. Сей минералъ въ видѣ мелкихъ кристалловъ, образующихъ щетки, либо неполную кору, покрываетъ нерѣдко валуны гранита, но гораздо чаще онъ проникаетъ массу послѣдняго до того, что сообщаетъ оной свой цвѣтъ главный, обыкновенно свѣтло-зеленоватый, и тогда эпидотъ являющимся образомъ замѣщаетъ въ гранитѣ слюду, а отчасти и полевою шпатель.

Наконецъ я долженъ еще упомянуть объ одномъ ископаемомъ, встрѣпившемся мнѣ въ окрестностяхъ пороговъ, коего не въ состояніи вамъ наименовать. На большой массѣ чрезвычайно твердаго гранита, находившейся въ то время среди воды при берегу рѣки, я замѣпилъ

нѣсколько черныхъ пятнушекъ. Пятнушки сіи происходили отъ плотно-вросшихъ кристалловъ упомянушаго минерала, которые въ концахъ своихъ представляли видъ чепыреспороннихъ, сильно сжатыхъ, симметрическихъ призмъ. Съ величайшимъ трудомъ и опасеніемъ, дабы опломленная частица не полегла въ воду, едва могъ я запасти нѣсколькими кусочками сего минерала. Въ небольшомъ своемъ блескѣ, чистомъ, раковистомъ изломѣ и бархатно-черномъ цвѣтѣ представляетъ онъ сходство съ обсидіаномъ разительное, а еще лучше съ нѣкоторыми измѣненіями Гадoliniна. Твердость его такая же почти, какъ и обсидіана, и совершенно непрозраченъ. На магнитную стрѣлку не обнаруживаетъ дѣйствія никакого. Въ соляной кислотѣ ончаспи растворяется и оставляетъ кремнистую осадку. Бурѣ сообщаетъ весьма слабый зеленоватый опіѣнокъ, который по охлажденіи исчезаетъ. Но самое примѣчательнѣйшее свойство его состоитъ въ томъ, что онъ не только предъ цѣальной трубкою, но даже въ пламени свѣчи плавился весьма легко въ бѣлую скалпу.

9. КИТАЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ МОСКВѢ.

Сообщено отъ Профессора Снегирева.

Китайская Литература теперь сдѣлалась предметомъ ученыхъ изслѣдованій въ Европѣ, особливо во Франціи и Англіи, гдѣ заведены для сей цѣли общества, подкрѣпленные пожерт-

вованіями частныхъ людей и Правительства (*). У насъ труды по сей части О. Іакинѣа Бичурина и путешествіе въ Китай Е. Ѳ. Тимковского возбудили вниманіе чужестранныхъ Оріенталистовъ, копорые вступали въ состязаніе съ нашими писателями и пользовались съ признательностью открытіями ихъ, сколько любопытными, столько и важными. Тогда какъ С.-Петербургская Академія Наукъ привлекала просвѣщенное вниманіе иностранцевъ драгоценнымъ собраніемъ рукописей и книгъ Китайскихъ, Монгольскихъ и Манджурскихъ, Москва, вмѣщающая въ себѣ разнаго рода ученые сокровища, не могла похвалиться таковымъ собраніемъ до тѣхъ поръ, пока не привезъ въ нее обширную *Китайскую Библіотеку* О. Архимандрита (нынѣ Златоустенскаго монастыря) Даніилъ, бывший при Китайской миссіи одиннадцать лѣтъ, съ 1819 по 1831 годъ. Кромѣ дней, по долгу званія посвященныхъ на Богослуженіе и на обращеніе язычниковъ къ православію, О. Даніилъ употребилъ все остальное время на основательное изученіе Китайскаго языка, на собраніе рѣдкихъ и лучшихъ книгъ и рукописей, и на переводы нѣкоторыхъ изъ нихъ на Русскій, а полезнѣйшихъ Русскихъ сочиненій на Китайскій. Онъ переложилъ на отечественный языкъ *творенія* знаменитаго Китайскаго мудреца *Лаодзыя*, современника Конфуція; сдѣлалъ *анализъ Философіи* сего послѣдняго и *Фоевскаго пятикни-*

(*) Протестантская миссія въ Китай находилась около 20 лѣтъ и выдала много сочиненій. См. The sixth annual Report of the Anglo-Chinese college въ Bulletin des sciences histor. 1830, No 4.

жія, содержащаго въ себѣ изложеніе Вѣры, исповѣдуемой въ *Джунго* (ш. е. Срединномъ Государствѣ), извѣстномъ у насъ подъ именемъ *Китая*. Изъ переводовъ его съ Русскаго на Китайскій языкъ для обратившихся находится въ рукописи сочиненіе С. Димитрія Росшовскаго: *Зерцало православнаго исповѣданія*, съ приобщеніемъ молитвъ. — Такъ какъ въ Китайской Имперіи высшій классъ народа держится *Конфуціевой* вѣры, средній *Фоевой*, а низшій *Даоской*, еще въ Европѣ мало извѣстныхъ; то О. Даніилъ сочинилъ обь оныхъ прехъ Вѣрахъ весьма любопытное *разсужденіе*. Составленный имъ, по руководству лучшихъ Словарей Китайскихъ, Китайско - Лашинско-Русскій Словарь нынѣ хранится въ Библіотекѣ Пекинскаго Срѣшенскаго монастыря, мѣспопребываніи Русской миссіи.

По благосклонности сего почтеннаго любителя и знашока Китайской Словесности, пользуясь составленнымъ у него на Китайскомъ и Русскомъ *Каталогомъ*, мы упомянемъ здѣсь о замѣчательнѣйшихъ книгахъ и рукописяхъ. Его каталогъ раздѣленъ на два разряда: *Хрістіанскія* и *языческія* сочиненія.

Въ первомъ разрядѣ находятся: 1) *Житія Св. отецъ*, 4 ш., 2) *Житія Св. Праотецъ*, 2 ш., 3) *Толковое Евангеліе*, 4) *Воскресныя и праздничныя Евангелія*, ш. 1., 5) *о подражаніи І. Хрісту*, одна книга переведена проснымъ, а другая высокимъ слогомъ, 6) *Дѣанія Апостольскія*, 7) *Размышленія о язвахъ Спасителя*, 8) *Страданія І. Хріста*, и ш. д.

Въ числѣ 61 экз. Хрістіанскихъ книгъ находятся переложенныя на Китайскій простой и высокій слогъ Миссіонерами и обратившимися къ православію Китайцами *Молитвенники*, *Катихизисы*, *проповѣди* Восточной и Западной Церквей, и даже *опроверженіе Фоевской вѣры*.

Во второмъ разрядѣ 115 книгъ, печатанныхъ черными и киноварными буквами, въ разныхъ форматахъ и переплетенныхъ въ фушляры изъ кишайки и фанзы. Явственность, четкость и уборчивость кудреватыхъ буквъ, равно чрезвычайная тонкость и чистота бумаги, заслуживаютъ удивленіе.

Кромѣ Каноническихъ книгъ, находясь въ семь разрядѣ толкованія и опроверженія на оныя, собраніе Китайскихъ Философовъ, *сочиненій политическихъ, юридическія, мифологическія, историческія и географическія*, весьма уважаемыя въ Джунгоской долговѣчной и неизмѣнной въ своихъ правилахъ Имперіи. Какой богатый рудникъ для разработки философу и политику въ *урокахъ Императору Кансію, нравственныхъ указовъ Юнъ-Джана* и твореніяхъ глубокомысленнаго *Лаодзыя, Конфуція* и пр.! Сія произведенія самородной мудрости Китайской переносятъ въ новый міръ, открываютъ обильные источники размышлений, ведутъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ.

Надѣмся, что владѣтель сихъ сокровищъ подѣлился ими съ соотечественниками, передавъ хотя нѣкоторыя изъ нихъ на родной языкъ и выдавъ въ свѣтъ свои сочиненія. Въ прекрасномъ собраніи *Китайскихъ Словарей* онъ имѣетъ

важнѣйшее пособіе для познанія проспаго, высокаго и гіероглифическаго языка Кимайцевъ, а въ увѣренности бытъ полезнымъ—благородное побужденіе прудитъ на этомъ новомъ поприщѣ, на коемъ еще мало дѣлащелей.

10. Сашъ, заразившій человека чрезъ случайное привитіе. Наблюденія Доктора Вилліамса. (London med. Gaz. et Annali Univ. di Md. Mars 1835).

Сообщено отъ Адъюнкта-Профессора Козьмы Лебедева.

Торговецъ лошадьми, Г. Ж., роспу малаго, сложенія крѣпкаго, 23 лѣтъ, вступилъ въ больницу С. Томы въ Лондонѣ 31 Января, чувствуя въ продолженіи 15 дней какое-то спѣшеніе въ груди, и болѣе въ правомъ подвздохѣ и поясницѣ, сопровождаемую чувствомъ разслабленія и усталости. Физіономія больного выражала печаль; языкъ въ срединѣ былъ темножелтый, а на краяхъ и концѣ, красный; жажда обыкновенная, безъ пошери аппетита; испраженія низомъ два раза въ день, кожа мягкая и нѣсколько желтѣе противъ нормы; каждую ночь обильный потъ. Больной объявилъ, что, назадъ тому при мѣсяца, онъ упалъ съ лошади на спину, въ которой и почувствовалъ нѣкоторую боль. Впрочемъ, не было замѣтно ни одного припадка, изъ котораго бы можно почесать состояніе больного важнымъ, опаснымъ. Предписано принимать два грана ипекакуаны каждыя чепыре часа; діѣта молочная.

На другой день, 1 го Февраля, состояніе больного было то же; въ ночь, онъ чрезвычайно сильно поспѣлъ и чувствовалъ небольшую головную

боль; отвѣты его иногда были правильны, а иногда показывали возмущеніе въ мозговыхъ оп-
равленіяхъ; языкъ, безъ перемѣны вчерашнихъ
его признаковъ, былъ дрожащій; частыя судорожныя
сопрясенія всего тѣла были сопровождаемы общимъ
дрожаціемъ; боль въ членахъ. Шпанская мушка,
положенная на руку больного прежде поступле-
нія его въ больницу, начинаетъ дѣлать язву, изъ
кошорой отдѣляется вонючій худокачественный
гной. На язву смягчительная припарка.

2 го Февраля, въ продолженіе всего дня и
ночи, въ различныхъ степеняхъ, испарина продол-
жается; ночью бредъ; острая боль во лбу и въ
немъ; Физіономія еще болѣе печальная (*abattue*);
аппетитъ продолжается, ипекакуана оспавляется,
ибо испражненія низомъ пять или шесть разъ
въ день. Моча обильная и свѣплая; жилогіеніе
твердое и полное; 18 піявокъ къ вискамъ.

3 го Числа, поносъ продолжается; головная
боль и бредъ въ меньшей степени. Предписано
принимать, послѣ каждаго испражненія, драхму
хинной тинкшуры въ двухъ унціяхъ отвара
Японской земли (*catechu*). 8 го, Никакой перемѣны
въ припадкахъ; нагноеніе язвы чрезвычайно вонючее,
все тѣло испаряетъ запахъ неприятный; поносъ
прекратился. 10, Въ прошедшей ночи, жестокій
бредъ принудилъ прибѣгнуть къ горячечной ру-
башкѣ; поитъ чрезвычайно обильный; судорожныя
движенія весьма часто возобновляются; въ про-
долженіе дня испражненія три раза; животъ при
давленія нечувствителенъ. Три или чепыре дня
уже больной меньше жалуется на боль поясницы

и подвздоха, но чувствуетъ жестокія боли въ членахъ; красная опухоль показывается на сочлененіи предплечья - перстномъ лѣваго указательнаго перста, весьма похожая на опухоль, ревматическому воспаленію свойственную; подобная опухоль образуется на правомъ колѣнѣ; еще 10 піавокъ къ вискамъ.

11го Числа, бредъ не столь сильный; иногда совершенно исчезаетъ; языкъ сухой, темноватый, чувство жара въ зѣвѣ и всеобщія боли; прочіе припадки въ той же степени; послѣднія ранки послѣ піавокъ воспаляются и гноятся; опухоль упомянутыхъ сочлененій въ томъ же положеніи. Больной принимаетъ каждые четыре часа слѣдующее лѣкарство: *sulphat. magnesiæ* двѣ драхмы, *lincturae hyoscimī*, 15 капель; *mixturae camphoratae* двѣ унціи. Діета таже. 12го Числа, раночки послѣ піавокъ, праваго виска, испочають гной темноватый, весьма вонючій, и представляютъ начало омертвенія; вѣко праваго глаза опухло и воспалено; жилогіеніе малое и слабое. Къ микстурѣ прибавлено восемь капель опійной настойки; даютъ больному въ день четыре унціи вина, съ малымъ количествомъ киселя (*crème*) изъ саго; положена испанская мушка къ запылку.

Въ два часа пополудни нагноеніе и омертвѣніи праваго виска много увеличилось; правый глазъ совсѣмъ закрылся. Въ шесть часовъ вечера вѣки лѣваго глаза начали пухнуть; безпокойство больного чрезвычайное. Въ срединѣ лба, на полтора дюйма выше корня носа, показалась опухоль твердая, красноватая и синеватая въ своемъ центрѣ. Жел-

шовапая жидкосць шечетъ изъ правой ноздри. При осмотрѣ больного найдены другія подобныя опухоли на рукахъ, ногахъ, двѣ или три большихъ на лѣвой сторонѣ шеи, окруженныя воспалительнымъ кольцомъ; жажда мучительная; жибобіеніе малое, ударяющее 120 разъ въ минушу, всеобщее безпокойство чрезвычайное; пріемъ вина увеличенъ.

15 го Числа, омертвѣніе заняло весь правый високъ; лѣвый глазъ, какъ и правый, совсѣмъ закрылся распухшими вѣками; истеченіе худокачественнаго гноя обильное. Появилось множество опухолей на головѣ. Больной жалуется на чувство жженія въ горлѣ и носу; много новыхъ опухолей появилось на разныхъ частяхъ тѣла. Врачъ, почитавшій всѣ сіи явленія за ревматическія, требуетъ призвать Г. Елліотсона. Это было въ то время, когда узнали отъ больного, что, при падѣи прежде поступленія въ больницу, онъ ходилъ за лошадыю, спровадившею сапомъ; и что въ это самое время онъ имѣлъ на запятыѣ ручной кисти маленькую рану, на которую часто попадала гноевидная жидкосць, вытекавшая изъ ноздрей животнаго. И дѣйствительно, осматривая правую руку больного, найденъ рубецъ, который не совсѣмъ еще сросся.

16 го Февраля, всѣ покровы черепа вспухли и сдѣлались темноокрасными; появилась красноватая опухоль на правой сторонѣ носа; изъ обѣихъ ноздрей вытекаетъ въ большомъ количествѣ влага жидкая, темная, клейкая и гноевидная, похожая на вытекающую изъ ранъ праваго виска, гдѣ омертвѣніе болѣе и болѣе распространяется.

Бредъ смѣнялся нѣсколькими минушами опъ онаго свободными, и, со вчерашняго времени, когда спрашивали больного, онъ чрезвычайно занятъ идеею зараженія сапомъ; идея сія представляется ему каждую минушу во время его бреда.

Множество врачей видѣли Ж. во время его болѣзни, и всѣ признали въ ней совершенное сходство съ сапомъ лошадей. Припадки болѣе и болѣе усиливались; больной мучился неутолимою жаждою, кошую ни чѣмъ не лзя было даже нѣсколько уменьшить, и онъ умеръ 17 числа, въ два часа утра. Вскрышіе трупа было сдѣлано въ присутствіи многочисленнаго стеченія врачей.

Всѣ опухоли головы содержали гной темно-ващій и клейкій, который покрывалъ маленькія шишечки круглыя, бѣловатыя, развившіяся въ полщѣ подкожной клѣтчатки, присавшія къ костной шкани черепа, кошая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испребилась, и кость представлялась голою. Нѣкоторыя изъ сихъ шишечекъ были тверды и содержали гной; другія размягчены и нагноены. Лобныя и носовыя полости были наполнены слизью гноевидною, темноватою, и въ полщѣ ихъ стѣнокъ замѣчены шишечки, похожія на вышеописанныя. Мозгъ представлялъ слѣды небольшого скопленія крови; зѣвъ и пищепріемникъ найдены здоровыми. Въ нижней части полостей горшани, на каждой споронѣ, находились шишечки того же рода, и весьма большія; шишечка лѣвой стороны была открыта, а правой наполнена гноемъ. Остальныя части горшани здоровы. По разрѣзѣ общихъ покрововъ передней

часпи шуловища во многихъ мѣстахъ открылись скопленія гноя клейкаго и темновашаго, подъ коимъ было найдено множество шишечекъ, подобныхъ предыдущимъ. Всѣ органы грудные и брюшные были здоровы, исключая часпъ ободочной кишки, которой спѣнки содержали шишечки на полтора дюйма выше заслоночки подвздошно-опростковой (*valvula ileo-caecalis*).

Ветеринарный врачъ Youath взялъ изъ разрѣзанныхъ покрововъ выпекавшій гной и привилъ ослу; но опытъ не совсѣмъ удался. Ученикъ, который не зналъ о сдѣланномъ опытѣ надъ осломъ, употребилъ сіе живошное для упражненія себя въ кровопусканіи, Впрочемъ привили гноевидную матерію въ обѣ ноздри и смочили ею рану, отъ кровопусканія происшедшую. Во второй день рана сія распухла; въ третій день обнаружился всѣ припадки весьма остраго воспаленія вены, а въ четвертый живошное умерло. Сдѣланныя насѣчки въ ноздряхъ были нѣсколько воспалены; слизистая ткань полоспей носовыхъ и ихъ перегородки чрезвычайно проникнуты кровью. Тамъ же замѣчено двѣ или три малыхъ опухоли, и двѣ небольшихъ язвы, съ прозрачными краями. Однимъ словомъ, говоритъ Г. Youath, который въ своемъ журналѣ (*Vétérinaire*) изложилъ подробности сего опыта, хотя живошное умерло отъ воспаленія вены, однако это не отрицаетъ возможности утверждать, что у живошного было уже начало другой болѣзни, и что сапъ, привитый отъ лошади человѣку, былъ переданъ отъ человѣка къ живошному, о которомъ мы говоримъ.

В. АФОРИЗМЫ.

11. Мысли изъ Новалиса.

Гдѣ есть склонность разсуждать, а не только думать, тамъ и послѣдовательность. Многіе ученые не имѣютъ сей склонности: выучиваются тому, что знаютъ, механически, не заботясь объ открытіи источниковъ своихъ мыслей, между тѣмъ какъ это лучший способъ ученія. У иныхъ склонность сія преходяща; она совершенствуется; но пропадаетъ или съ годами, или съ изобрѣтеніемъ системы, надъ которою трудятся, дабы избѣгнуть скуки разсуждать.

Чѣмъ скуднѣе система, тѣмъ болѣе нравишься она мудрецамъ сего міра. Такъ система материализмовъ, ученіе Гельвеція и Локка, всегда находили между ними приверженцевъ. Такъ Кантъ будетъ имѣть болѣе послѣдователей, нежели Фихте.

Въ первыя времена, когда еще приучались судить, каждое мнѣніе было открытіемъ, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ полезнѣе и употребительнѣе было обнаруженное мнѣніе. Тогда идеи самыя обыкновенныя требовали большаго напряженія ума. Самъ Гегель выводилъ посредствомъ новыхъ орудій новыя заключенія. Сіе дѣйствіе порождало общее удивленіе и привлекало на себя вниманіе людей умныхъ. Можетъ быть, въ послѣдствіи времени и наши открытія подвергнутся подобной участи. Можетъ быть, и они будутъ столь же обыкновенны.

венны; можетъ быть, неусыпный человѣческій умъ займется идеями, болѣе новыми и болѣе возвышенными.

Въ каждой системѣ, въ каждомъ соединеніи мыслей есть нѣсколько идей и замѣчаній, которыя возвысились надъ другими, и помрачили ихъ, или однѣ остались. Сія господствующія идеи должно опыскивать повсюду, и назначать каждой изъ нихъ ея начало, ея мѣсто, ея смежность и то, что ей прошиворѣчить.

Если что либо затруднительно, мы должны испытать, соединивъ всѣ силы свои, какимъ образомъ легче достигнуть предположенной цѣли, и вѣрно пристрастимся къ предмету: ибо то, что приобретаемъ мы трудами, для насъ священно.

Могли ли бы мы имѣть о чемъ либо сознаніе, если бы въ насъ самихъ не былъ зародышъ онаго? То, что хочу я выразумѣть, должно развиваться во мнѣ органически, или, что изучаю, есть пища и возбужденіе организма.

Войши въ самого себя и проникнувъ во внутренность свою не то ли, что вознеслись на небо, и опшуда смогрѣшь на міръ вещественный.

Человѣкъ всегда можетъ быть влательнымъ чувствъ своихъ. Безъ сего былъ бы онъ не гражданиномъ міра, а грубымъ живошнымъ.

Мы должны обладать тѣломъ и душою. Тѣло служишь орудіемъ къ развитію и измѣненію

міра; а посему и обязаны мы заботиться, чтобы шло наше было органомъ, сколько можно совершеннымъ. Измѣненіе шла есть вмѣстѣ измѣненіе міра.

Мы имѣемъ двѣ системы чувствованій, которыя, не смотря на различіе свое, тѣсно соединены между собою. Это шло и душа. Первое зависитъ отъ предметовъ внѣшнихъ, называемыхъ природою, или міромъ; вторая—отъ силы внутренней, отъ ума, или отъ міра духовнаго. Сія послѣдняя система соединена съ предъидущею, и получаетъ отъ нея впечатлѣнія. Два міра, какъ и двѣ системы, должны производить не разногласіе, и не однозвучіе, но свободную гармонію. Между тѣмъ переходъ отъ однозвучія къ гармоніи есть разногласіе.

Сновидѣнія служатъ намъ яснымъ доказательствомъ, что душа способна проникать въ каждый предметъ, примѣняясь къ каждому предмету.

Что такое природа? Энциклопедическая, систематическая таблица или планъ нашего духа. Но по чему довольствуемся мы простымъ исчисленіемъ нашихъ сокровищъ? Не лучше ли созерцать ихъ и пользоваться ими? Несчастія, угнетающее насъ, не что иное, какъ лѣность нашего ума. Придавъ дѣятельности нашей болѣе силы, болѣе обширности, мы сами содѣйствуемъ счастью.

Прежде все было явленіемъ духа нашего, теперь же слышимъ однѣ сухія повторенія; но и тѣ не всегда понятны.

Математика есть сравнительная мѣра высокаго для другихъ наукъ.

Истинный Математикъ есть энтузіастъ въ своемъ родѣ. Безъ энтузіазма Математика невозможна.

Говорить и слушать значитъ давать и получать.

Человѣкъ есть лучший обитатель нашей планеты: это звѣзда, соединяющая сей міръ съ міромъ высшимъ.

Тѣло, сердце, умъ, суть стихіи духа, какъ эпопея, ода, драма стихій Поэзіи.

Болѣзни опшличаютъ человѣка отъ животныхъ и отъ растений. Человѣкъ рожденъ спра-
даль, и чѣмъ болѣе нуждается онъ въ помощи,
тѣмъ способнѣе къ принятію идей Религіи и нравственности.

Болѣзни, особенно долговременныя, суть вмѣ-
стѣ уроки искусства жить и образовывать сердце. Если хочешь извлечь изъ нихъ пользу, по-
дѣлай ежедневныя замѣчанія. Жизнь человѣка ученаго не должна ли возбуждать безпрестанно охо-

пу къ ученію? Ученый живетъ для будущности; жизнь его есть борьба; цѣль его — искусства и науки. Чѣмъ болѣе учимся мы, тѣмъ болѣе облагораживаемся: опрометчивость, слабыя усилія ума превращающіяся въ большую, могущественную дѣятельность, и терпѣніе, сія прекрасная добродѣтель, спланившись намъ доступною.

Каждая болѣзнь напоминаетъ намъ о лучшемъ опечесивѣ, о природѣ болѣе возвышенной.

Человѣческое тѣло есть какъ бы храмъ въ мірѣ священный: оскорбить сей храмъ то же, что оскорбить небо.

Человѣкъ есть солнце, а чувства его планеты.

В. III.

С. Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

12. Storia degli antichi popoli italiani, di Giuseppe Micali (*Исторія древнихъ Итальянскихъ народовъ*, Иосифа Микали, три части in 8°, съ атласомъ, состоящимъ изъ 120 листовъ).

Рецензія Ламенне изъ *Revue des deux mondes*.

Сообщено отъ Профессора Погодина.

Вопль уже два столѣтія, какъ Историческія изслѣдованія производятся въ Европѣ съ удивительною дѣятельностію! Съ этого времени развивается цѣлый рядъ никогда непрерывающихся трудовъ, не смотря на то, что направленіе оныхъ не всегда принадлежало одному и тому же народу, и что всѣ народы не въ равной мѣрѣ содѣйствовали

къ воздвиженію великаго зданія, которое будетъ плодомъ совокупнаго ихъ трудолюбія. Даже при всѣхъ сихъ усиліяхъ, безспорно, нельзя имѣть надежды достигнуть до совершеннаго окончанія сего зданія, до возстановленія лѣтописей рода человѣческаго во всей ихъ цѣлости; достигнуть до того, чтобы наполнили многочисленные ихъ пропуски, чтобы проникнуть во мракъ, покрывающій нѣкоторыя части оныхъ, со свѣтомъ довольно яснымъ, который не заставлялъ бы насъ желать еще болѣе яснаго; однакоже со всѣмъ благоразуміемъ можно надѣяться дойти до познанія главнѣйшихъ фактовъ различныхъ возрастовъ человѣческихъ, познанія, при помощи здравой философіи, достаточнаго для вывода общихъ законовъ человѣчества, — и изъ всѣхъ полезныхъ результатовъ, возможныхъ отъ Исторіи, здѣсь-то безспорно заключается самый драгоцѣнный: ибо отъ него во многихъ отношеніяхъ зависитъ быстрый и вѣрный успѣхъ истинной гражданской образованности. И такъ, нельзя довольно пожелать о преуспѣяніи того рода знаній, который столь тѣсно связанъ съ важнѣйшими выгодами человѣка.

Франція опередила другіе народы на столь обширномъ поприщѣ, на коемъ являлась она съ постоянною ревностію, съ основательностію въ сужденіи, съ духомъ порядка и критики, еще доселѣ ни кѣмъ не превзойденной. Геній Юсифа Скалигера, человѣка удивительнаго по обширности знанія, и единственнаго, говоритъ Фридрихъ Шлегель, котораго мы можемъ противопоставить Лейбницу, создалъ науку Хронологіи, убившую позднѣе тяжелою и пустою ученостію Отца Пето. Ничто не можетъ у насъ нынѣ

дать понятія о гигантскихъ трудахъ Дюканжовъ, Балюзовъ, Лекзанпровъ, Дюшеновъ, Тиллемоновъ, Академіи Надписей, записки по коей нынѣ составляютъ единственное собраніе розысканій столько же разнообразныхъ, сколько глубокихъ, и въ особенности розысканія Бенедекшинцевъ de la congregation de St Maur. Эти благочестивые оппшельники, оставивъ заступъ и вилы, коими воздѣлали часть нашей почвы, воздвигли въ тишинѣ своей обители тѣ чудесныя памятники, которые можно бы было назвать пирамидами науки, и которые, въ толь вѣкъ, когда болѣе не знаютъ что могутъ произвести соединенныя силы, постоянно направляемыя къ одной цѣли, представляются намъ слѣдами пребыванія на землѣ поколѣнія людей болѣе мощнаго.

Испанія, занимаясь своею столь блестящею, столь поэтическою Исторіею, способствовала отчасти къ объясненію Исторіи Аравіянъ, послѣднихъ ея завоевателей. Однакоже она находится далеко отъ исполненія того назначенія, которое имѣетъ, по положенію своему, въ семъ ряду розысканій. Многочисленные докуменшы погребены въ ея библіотекахъ и архивахъ, и вѣроятно будущъ лежатъ въ неизвѣстности до тѣхъ поръ, пока эта прекрасная и знаменитая нація, вышедши изъ мрачной атмосферы, ее окружающей, не опогрѣется на солнцѣ гражданской образованности. Литературныя сокровища Ватикана, для всѣхъ доступны, доставили бы драгоцѣнныя матеріалы для исторіи какъ среднихъ вѣковъ, такъ и послѣдующихъ временъ. Другія библіотеки, во Флоренціи, въ

Венеція, въ Миланѣ, еще требовали бы тщательнаго пересмотра людьми терпѣливыми и способными къ дѣлу. Огромные труды Мурапори, казалось, должны бы были возбуждать охоту къ подобнымъ занятіямъ; однакоже знаменитое его имя есть почти единственный предшавитель славы Италіи въ этой важной отрасли человѣческихъ знаній. Столь значительно умноженное изданіе Дюгдалева *Monasticon*, недавно оконченное въ Англіи, есть лучший ея памятникъ въ этомъ родѣ, хотя менѣе замѣчательный по критикѣ и истинному знанію, нежели по пышному великолѣпію, ослѣпляющему внѣшнее его исполненіе. Богатая аристократія пожелала имѣть роскошное изданіе, книгу чрезмѣрно дорогую, — и имѣетъ ея.

Истинно національное собраніе, начатое въ Германіи, по патріотическимъ видамъ и подъ надзоромъ Графа Штейна, получилъ, какъ мы думаемъ, другой характеръ, если только оно когда-нибудь придетъ къ окончанію. Упомянувши здѣсь о Германіи, мы не можемъ не отдать ей всей должной справедливости, не признавъ смѣло первенства, приобретеннаго ею, съ пол-сполѣтія, въ обработаніи наукъ историческихъ. Въ то время, какъ Франція, совершенно погруженная въ политическіе свои перевороты, отвертывала взоры отъ прошедшаго и останавливала ихъ единственно на будущемъ, угощаемомъ ею для всей вселенной; когда, она вступивъ на поприще, по коему слѣдуетъ за нею вся Европа, открывала, среди вѣтровъ и бурь, новыя земли, новое небо; когда она прогремѣла изумленнымъ народамъ,

погрязшимъ въ прежнихъ своихъ дѣйствіяхъ: *довольно того, что было; я создамъ вамъ другую судьбу!* — тогда трудолюбивая и мыслящая Германія, занявъ мѣсто Франціи, предоспавила послѣдней настоящее и обратила всю свою дѣятельность къ цѣли исключительно умственной. Она предприняла, съ помощію фактовъ и Философической теоріи, нѣкоторымъ образомъ воссоздать живой организмъ человѣческаго минувшихъ столѣтій. Разширивъ область Исторіи, она присоединила къ ней Филологію, Археологію и вообще всѣ науки, сведенныя ею въ эпоху общій фокусъ. Все соединяя, все сближая, вѣру, законы, нравы, преданія, языки, словесность развитую и не развитую, и въ особенности эпическую самопроизвольныя происхожденія, которыя вездѣ были первыми лѣтописями народовъ и выраженіемъ наипаче двусмысленныхъ ихъ индивидуальнаго характера, ихъ нравственной, внутренней жизни, она старалась изяснить ихъ происхожденіе, столь темное, и ихъ связь, столь запутанную. Подобный методъ, какъ уже можно видѣть, самъ собою вызывалъ къ смѣсамъ разнаго рода, открывалъ обширное поле догадкамъ самымъ смѣлымъ, и, пребудя устремленія впечатлѣній получаемыхъ человекомъ отъ всего окружающаго его, для того, чтобы быть проникнутому духомъ, чувствованіями, спрашеніями другаго общества, другаго времени, приводилъ въ игру родъ впечатлѣтельной способности. За недостаткомъ документовъ, болѣе непосредственныхъ и обширныхъ, Историкъ, стараясь уловить въ героическихъ и мифическихъ преданіяхъ народа его собственный

геній и, такъ сказать, форму, ему одному свойственную, надѣялся воссоздать его безъ всякаго другаго пособія, почти также, какъ Кювье воссоздавалъ цѣлыхъ животнохъ неизвѣстнаго рода, при помощи одного обломка ошъ ихъ костянаго строенія, съ тою однакоже разницею, что эпощъ знаменитый анапомикъ принималъ за почку отправления обломокъ организаціи, а историкъ самую силу организующую. Нельзя отрицать, что многіе писатели, коими по справедливости гордится Германія, показали изумительную проницаемость въ этихъ удивительныхъ трудахъ, скажу, почти въ этомъ волшебствѣ науки. Достаточно указать на Нибура, дабы напомнить все, что имѣетъ замысловащаго, блестящаго, и вмѣстѣ *догадливаго*, методъ прославленный имъ чрезъ приложеніе его, часто съ рѣдкимъ счастьемъ, къ испоріи первыхъ временъ Рима. Будемъ надѣяться, что преждевременная его смерть не лишитъ Европу продолженія шворенія, распространившаго такой яркій свѣтъ подчиненіемъ матеріальныхъ фактовъ чловѣчества силѣ ума, который перерождаетъ ихъ, одушевляетъ и оживляетъ.

Безспорно, легко можно употребить во зло эпощъ способъ изслѣдованія *a priori*, особенно когда онъ не соединенъ съ глубокимъ знаніемъ памятниконъ; въ употребленіи онаго часто представляется нѣчто произвольное, или по крайней мѣрѣ *недоказанное*, что кажется несомнѣннымъ съ собственнымъ характеромъ Испоріи, такимъ характеромъ, какимъ прежде его представляли. Эпощъ существенный недостатокъ, котораго

подражатели Нибура никогда не могутъ довольно избѣгнутьъ, не уничтожаешь однакоже многочисленныхъ выгодъ, представляемыхъ способомъ Философическаго изслѣдованія, коего онъ есть непремѣнное слѣдствіе. Понятно, почему многіе, менѣе пораженные сими выгодами, нежели усмращенные шѣмъ недоспапкомъ, разсудили за лучшее не вступать въ сей новый путь. Отсюда двѣ историческія школы: одну можно назвать *инстинктивною*, а другую *положительною* въ которой основываются на однихъ только письменныхъ свидѣтельстввахъ. Авторъ объявленнаго нами сочиненія принадлежитъ къ послѣдней. Доискиваясь до результатовъ спрого-несомнѣнныхъ, онъ неумолпно опспраняетъ все, что можетъ быть *предугадано*, не будучи утверждено на прямыхъ доказательствахъ: это не потому, чтобы Авторъ отрицалъ свободное употребленіе мысли, спрогій и независимый разборъ мнѣній, приобрѣтшихъ наибольшую довѣренность; но потому, что онъ ограничилъ себя предѣлами крпипики чисто исторической, принимая это выраженіе въ прежнемъ его значеніи. И этошъ кругъ не довольно еще обширенъ. Въ самомъ дѣлѣ, поминтся, двадцать два года тому назадъ, Мицали, своею книгою: *Италія до Римлянъ*, первый обратилъ вниманіе ученыхъ на исторію этой древней эпохи и, по смѣлости взглядовъ, по глубинѣ своихъ розысканій, далъ ходъ послѣдующимъ трудамъ и даже трудамъ самаго Нибура. Необходимо приводить въ извѣстность факты сего рода, дабы каждый пользовался, въ успѣхахъ

науки, заслуженною частію славы и признашель-
нощи.

Какъ всѣ великіе люди, Микали нисколько не былъ удовлетворенъ опытами своей юности. Вмѣсто того, чтобы остано-
виться на достигнутахъ, имъ полученномъ, онъ снова принялся за изученіе, сдѣлавшееся для него болѣе легкимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и болѣе занима-
тельнымъ опъ большаго числа вновь открытыхъ памятниковъ, способствовавшихъ къ распростра-
ненію яркаго свѣта на предметъ его занятій. Онъ перечелъ всѣ сочиненія, древнія и новыя, касающіяся до его предмета, все сравнилъ, все обдумалъ, и оспавшись недоволенъ знаніями, почерпаемыми изъ книгъ, проѣхалъ всю Италію для собиранія на самомъ мѣстѣ, чрезъ непосредственное обозрѣніе страны, тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которыхъ ни что не дополняетъ, когда желаютъ дійти до основательныхъ заключеній и оцѣнивать нѣкоторые факты не наудачу. Резуль-
татамъ столькихъ трудовъ заключается въ *Исторіи древнихъ Итальянскихъ народовъ*, недавно имъ изданной во Флоренціи. Мы постараемся, вкратцѣ, дать о ней понятіе, позволивъ себѣ, по собсвенному приглашенію знаменитаго сочинителя, представить ему нѣкоторыя сомнѣнія на различные пункты, могущіе, какъ намъ кажется, быть оспариваемыми, равно какъ и на многія приложенія его основной гипотезы, въ развитіи которой видно столько же искусства, сколько и ясности, но которая пошла имъ въ смыслъ, можетъ быть, слишкомъ исключительномъ.

Прежде всего, Микали ставишь себя въ центрѣ этого великолѣпнаго хребта горъ, проходящаго вдоль чрезъ всю Италію. Онъ предполагаетъ, что въ то время, когда эта страна была уже обитаема, Сицилія, дополь соединенная съ Калабрією, отдѣлилась отъ нее въ слѣдствіе какихъ-нибудь сильныхъ потрясеній земли (1), и что въ то же время, море, покрывая собой нынѣ столь плодородныя равнины, простирающіяся по обѣимъ сторонамъ Апенниновъ, доходило до подошвы этихъ горъ и омывало ихъ вершины (2). Кажется прудно допустить эти два предположенія. Всѣ вообще согласны, что Сицилія, такъ какъ Англія и нѣкоторыя другіе острова, некогда соединенные съ сѣдственною твердою землею, отдѣлилась отъ нее во время великаго катаклизма, произведшаго, около пяти тысячъ лѣтъ тому назадъ, столь значительныя перевороты на поверхности нашего шара. Что же касается до первоначальнаго попопленія равнинъ Италійскаго полуострова, то оно произвело бы равную перемѣну въ уровни прилежащихъ морей, которыя постепенно бы поднимались, и понижались въ значительной степени; фактъ прошивной наблюденіямъ и историческимъ показаніямъ, изъ коихъ слѣдуетъ, что уровень Средиземнаго моря не измѣнялся существенно въ продолженіи 30 столѣтій. Однакоже весьма справедливо, что эти равнины, наводняемыя разливіемъ рѣкъ, по нимъ протекающихъ, первоначально большею частію

(1) Томъ I, стр. 4.

(2) Ibid. стр. 17.

были необитаемы, какъ говоритъ и самъ Микали; что онѣ сдѣлались удобными для поселенія только при помощи огромныхъ работъ, способствовавшихъ къ высушенію почвы и при пособіи плотинъ, удерживавшихъ и направлявшихъ теченіе воды, и что нынѣ еще досташочно бы было менѣе полу-столѣтія нерадиваго содержанія этѣхъ плотинъ, чтобы снова превратить всю Ломбардію въ одно обширное и безплодное болото. И такъ, достоверно, что сначала народонаселеніе должно было ограничиться однѣми горами и что даже оно не могло распространить своихъ завоеваній на почву, здѣсь нами описанной, прежде нежели достигло, при помощи свѣдѣній и практики въ искусствахъ, довольно значительной степени въ гражданской образованности (*).

Но что это за народонаселеніе? Откуда оно вело свое происхожденіе? Къ какому поколѣнію, болѣе древнему, принадлежало оно? Ни сколько не заботясь объ изъясненіи сихъ вопросовъ, Микали почитаетъ ихъ неразрѣшимыми, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи науки, и въ слѣдствіе сего объявляетъ, что онъ не будетъ ими заниматься. Первый для него фактъ есть существованіе *туземныхъ народовъ*, принимаемыхъ въ томъ смыслѣ, что ихъ пребываніе въ Италіи многимъ восходитъ за предѣлы историческихъ памятниковъ, что неизвѣстно откуда они туда пришли, какимъ путемъ, и отъ какихъ другихъ народовъ они отдѣлились. Эти *aborigenes*, по выраже-

(*) Пусть читатели припоминаютъ примѣчательную статью Профессора Кронеберга, помѣщенную въ двухъ предыдущихъ номерахъ. Л.

нію Римлянъ , владѣли страной , простирающеюся отъ подошвы Альпъ до самаго конца полуострова. Происшедши отъ одного корня, они всѣ говорили , по мнѣнію Микали , однимъ кореннымъ языкомъ , были одной вѣры , имѣли одни нравы , одни законы , одни основныя постановленія , хотя назывались различными именами и были раздѣлены на большое число отдѣльныхъ обществъ. Не говоря о прилежащихъ островахъ , поочередно занимаемыхъ различными мореплавательными народами , на берегахъ Нижней Италіи поселились , въ послѣдствіи времени , колоніи Крипскія , Халцидонскія , Ахейскія и Дорійскія , всѣ вмѣстѣ составлявшія то , что съ тѣхъ поръ было названо Великою Греціею. Но каково бы ни было ихъ вліяніе , со стороны гражданской образованности , на сосѣдственное туземное народонаселеніе , оба племени остались рѣзко отличными одно отъ другаго и никогда не смѣшались.

Другія нашествія нарушали , въ разныя времена , спокойствіе жителей верхней Италіи. Либурнійцы , происхожденія Иллирійскаго , Лигурійцы , Енепы или Венеты и другіе народы , шедшіе съ противоположныхъ береговъ Адріатическаго моря , подобно волнамъ , взаимно спалкивающимся , отодвинули , въ нѣсколько пріемовъ , первоначальное народонаселеніе къ средней Италіи. Пеласги , или Целаги , проникнули туда съ бѣжавшими племенами , но ихъ пребываніе было непродолжительно и они имѣли мало вліянія на народы , среди которыхъ жили только мгновенно , потому что послѣдніе отличались передъ ними большимъ образованіемъ. Тѣснимые ближе и ближе къ край-

нимъ предѣламъ южной Италіи, они наконецъ оставили ее безъ всякаго прочнаго слѣда своего пребыванія; ибо, по мнѣнію Микали, по крайней мѣрѣ весьма вѣроятному, памятники называемые циклопическими, были имъ ложно приписаны. Этого рода построеній, указываемый самою природою въ спрاناхъ гористыхъ, изобилующихъ камнемъ, былъ въ употребленіи между туземцами во все время, и Микали весьма хорошо доказываетъ, что такое обыкновеніе продолжалось даже до первыхъ Императоровъ. Какъ бы то ни было, намъ кажется, что прежде нежели можно произнести сужденіе о вліяніи Пеласгическомъ на Италію, должно лучше узнать этого таинственнаго народа, который, казалось, преслѣдовала неумолимая судьба въ его безпрестанныхъ переселеніяхъ, и который, подобно, неопредѣленной, таинственной тѣни, скользнулъ чрезъ происхожденіе всехъ знаменитыхъ народовъ запада.

Оски, или Оллки, или Аэрунки, составляли главный стволъ первоначальнаго Итальянскаго поколѣнія, какъ Ра-Сены, прозванные отъ Грековъ Тирсенцами, или Тирренцами, отъ Римлянъ Тусками или Епруссками, составляли отпрыскъ онаго самую знаменитую и образованную. Признаемся, что намъ остается нѣсколько неудовольствій на этотъ счетъ: эта шовдественность происхожденія кажется намъ недоспаточно доказанною; ей недостаетъ прямыхъ доказательствъ, и если разсмотримъ сколько Епруски отличались отъ окружающихъ народовъ религіозными и политическими постановленіями, науками, искусствами, знаніями, и, сколько можно судить,

самымъ языкомъ; шо трудно увѣрить себя, что-бы они могли произойти отъ общаго корня, хотя ясно усматривается нѣкоторое взаимное вліяніе, долженствовавшее бытъ слѣдствіемъ ихъ сближенности въ одной и той же странѣ, и частыхъ сообщеній, отсюда необходимо происходившихъ. Мы не думаемъ, чтобы, для отдачи отчета въ этихъ коренныхъ различіяхъ, достаточно было допустить, что Египтяне, какъ народъ торговый и мореплавательный, имѣли частыя сношенія съ Африкою и Азією; ни даже догадываться, что во время нашествія пастуховъ на Египетъ нѣсколько жреческихъ семействъ нашли убѣжища у Рамсесовъ, и посвящая ихъ въ вѣроисповѣданіе Египетское, въ философію, науки, искусства сей древней страны, положило между ними совершенно новый общественный порядокъ: ибо нѣтъ другаго примѣра, народа такимъ образомъ измѣненнаго, въ своемъ основаніи, иноземными пришлецами, необходимо долженствовавшими влѣсти въ подозрѣніе, какъ только они дали бы замѣшить мысль свою произвести переворотъ, который разрушилъ бы, съ полученнымъ на него правомъ, прежнія соотношенія между различными членами общества. Впрочемъ, если находится сходство, котораго не лзя не признать, между религіозными понятіями Египтянъ и вѣрованіями Египтянъ, шо оно почти не замѣчается между общественною ихъ организаціею и организаціею Египетскою, основанною на системѣ кастъ. Сверхъ того, Египетская мифологія, судя по оставшимся памятникамъ, имѣла не менѣе рѣзкія соотношенія съ вѣрованіями Ассирійскими и Финикійскими, и

религія, постановленія , законы , весь общественный порядокъ Ещрусковъ, соспавляли одно споль твердое цѣлое, споль тѣсно связанное въ часпяхъ, чшо умъ отказывается понимать его иначе, какъ живое и самопроизвольное произведеніе генія и преданій народныхъ , нѣсколько измѣненныхъ въ послѣдствіи отъ случайныхъ причинъ , копорыя никогда не измѣняли главнаго ихъ основанія.

Если намъ оспаются сомнѣнія на счетъ первоначальнаго пождесхва Ра-Сеновъ и Осковъ, то не думаемъ, чшобы они могли бытъ въ опношеніи къ общему происхожденію народовъ , поочередно занимавшихъ полуостровъ, начиная отъ береговъ Тибра до конца самой Калабріи. Исчисленіе ихъ можно найши у Микали , копорый , пзлагая ихъ сопленіе , слѣдуетъ за нимъ съ знаніемъ , проицашельностію и ясностію удивительными.

Дабы понять движеніе всѣхъ эшихъ народовъ, должно опнести ихъ къ шремъ главнымъ причинамъ.

Во первыхъ, иноплеменное нашествіе. Такимъ образомъ, съ древнѣйшихъ временъ , народы извѣстные подъ именемъ Иллирійцевъ, Тессалійцевъ, Пеласговъ, переправляясь чрезъ Адріатическое море, заняли берега, омываемые устьями рѣки По, и, подвигаясь пошомъ во внушренность страны, прогнали ошшуда Омбрійцевъ, копорые , встрѣпившись въ ошспупленіи съ Сикулами, поселившимися между Арно и Тибромъ , принудили ихъ уступитъ эту землю и искашь другой ошчизны, найденной ими не ближе, какъ въ Сициліи, получившей отъ нихъ свое названіе, послѣ шого какъ

она была опчаспи завоевана у Сиканійцевъ, первыхъ ея обитателей. Но вскорѣ послѣ того и Омбрійцы, въ свою очередь, были лишены владѣній Ра-Сенами, положившими въ центрѣ Италіи основаніе твердаго владычества,

Во вѣпорыхъ, внушрєннія войны. Сколько небольшихъ сосѣдственныхъ народовъ, изъ коихъ каждый пѣснился на маломъ пространствѣ, едва ли могли долго жить въ мирѣ, и сила, всегда почти вспулавшаяся въ прекращеніе споровъ о границахъ, должєсповала часто измѣнять оныя. Еспруски постепенно расширили свои границы отъ устья Магры до устья Тибра и, распроєпраняя завоеванія въ Верхней Италіи до береговъ Тессина, а въ Нижней даже по ту спорону Вульшурны, основали здѣсь два новыя государства, двѣ новыя Еспруріи, состоявшія каждая, по образцу древней, изъ 12 союзныхъ городовъ; ибо ѣщо число было у Ра-Сеновъ священнымъ и символическимъ. И здѣсь еще мы видимъ Еспрусковъ постоянно отличныхъ отъ всѣхъ прочихъ Итальянскихъ народовъ формою общества, которая, въ своемъ цѣломъ и въ подробностяхъ, исключительно имъ принадлежала.

Въ прєшнихъ, колоніи называемыя *священными веснами*. Когда едва возникавшее земледѣліє мало еще давало пособій жизни чисто пастушеской, въ то время существованіє племенъ, кочєвавшихъ въ долинахъ Апеннинскихъ, было вообще весьма не благонадежно. Если случалось, что ихъ слабая жатва пропадала, или повальная болѣзнь опустошала ихъ скопъ, или они подвергались

бѣдспвіямъ войны; тогда, для опшвращенія небеснаго гнѣва, чрезъ торжественное очищеніе, они посвящали Богу, обладавшему верховною властію, все раждавшееся въ печеніи весны, дѣтей и животныхъ, и эпо-шо называлось священной весною, *ver sacrum*. Возможно допустить, что, первоначально, посвящаемое такимъ образомъ было дѣйствительно приносимо въ жершву умилоспивляемому божеству, какъ думаетъ Микали. Однако же я склоняюсь къ тому, что эпо спранное постановленіе было средствомъ, совершенно сообразнымъ съ религіознымъ духомъ древности, опшвращать слишкомъ великое размноженіе народонаселенія учрежденіемъ колоній, находившихъ въ данномъ имъ священномъ характерѣ охраненіе болѣе вѣрное, нежели въ силѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро посвященное поколѣніе достигало юношескаго возраста, оно уходило искать въ другомъ мѣстѣ обиталищъ, подѣ предводительствомъ одного изъ главныхъ членовъ жреческаго сословія. „Вездѣ, говоритъ Микали, толпились народы, гдѣ „только воздвигался храмъ съ новыми жершвенниками и богослужебными обрядами; здѣсь являлись сельскія жилища, опкрывались новые порги; здѣсь на новой землѣ возраспалъ новый народъ. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе духа пѣхъ „временъ, когда жречество всюду господствовало, „всѣ признавали священнымъ начало эпѣхъ колоній, вездѣ распроспранявшихъ формы, предписанія и опеку того же еокрашического постановленія: будучи имъ лучше удерживаемы, „или, правильнѣе, управляемы, всѣ почитали себя „счастливыми бышь приобщенными къ судьбѣ на-

„рода, благопріятствуемаго счастливыми пред-
 „знаменованіями и любезнаго богамъ. Отсюда
 „весьма понятно, какимъ образомъ небольшое чи-
 „сло избранныхъ людей, облеченныхъ въ непобѣ-
 „димое оружіе своего бога, могло войти въ со-
 „сѣдѣ другіхъ независимыхъ народовъ, сообщить
 „имъ свои законы, свои правила и основать со-
 „временемъ сильныя общества. Посвященные въ
 „таинства религіозныя и гражданскія, предводи-
 „тели этихъ священныхъ колоній конечно не мог-
 „ли дать новому народу другихъ постановленій,
 „кроме тѣхъ, которыя они сами имѣли, охраня-
 „ли и исполняли. Мы знаемъ изъ Плинія, что
 „Пизены происходили отъ Сабинянъ по объѣму
 „священной весны; такимъ же образомъ отъ нихъ
 „происходили Самниціане, а отъ Самниціанъ Лу-
 „канцы: всѣ эти народы сильные и многочислен-
 „ные управлялись одними законами, исповѣдова-
 „ли одну вѣру, и съ самаго начала повиновались по-
 „вѣщеніямъ и приговорамъ жреческимъ (1).“

Различные народы, безспорно Оского про-
 исхожденія, отдѣленные одни отъ другихъ самымъ
 естественнымъ положеніемъ страны, разсѣкаемой
 глубокими и съ трудомъ достижимыми долинами,
 обыкновенно имѣли мало сношеній между собою, что
 безъ сомнѣнія способствовало къ сохраненію и укрѣ-
 пленію духа независимости, составлявшей, по
 замѣчанію Саллюстія (2), отличительную черту

(1) Томъ I. стр. 24.

(2) Genus hominum agreste sine legibus, sine imperio,
 liberum atque solutum. *Catil.* 6.

ихъ общаго характера. Никогда они не достигли до того, чтобы составить одно политическое шло, ни даже союза, который имѣлъ бы нѣкоторую силу единства. Участіемъ этой прекрасной страны всегда было внутреннее раздѣленіе, съ тою только разницею, что прежніе ея обитатели были раздѣлены свободою, а нынѣшніе рабствомъ. Одна только религія могла произвести начало союза достаточнаго, можетъ быть, для обезпеченія существованія установленнаго общественнаго порядка; но этотъ самый союзъ не могъ уже сопротивляться дѣйствіямъ болѣе сосредоточеннаго могущества Рима. Пусть будетъ говорить самъ Микали.

„Съ того времени, какъ туземныя племена, начиная отъ Альпъ до моря Сицилійскаго, составили многочисленныя гражданскія общества, отличныя одно отъ другаго, религіозное начало, основаніе гражданства (*cité*), всюду имѣло перевѣсъ въ публичной юриспруденціи Италіанскихъ націй, не смотря на ея силу, устройство и имя; такъ что въ сущности, главная или даже единственная связь ихъ необходимаго, но слабаго союза, находилась въ богослуженіи, нераздѣльной опорѣ съ народнымъ правомъ. Торжественныя церіи, установленныя съ самаго начала у каждаго союзнаго народа, при которыхъ, по долгу священнодѣйствія, присушествовали начальники союзныхъ городовъ, или владыкъ, эти церіи имѣли конечно цѣлью утвердить, подъ покровомъ религіи, дружбу и связь между союзниками, заставляя ихъ взаимно почитать другъ друга братьями и вмѣстѣ при-

„носишь жертвы богамъ опечесства, что и было у Сабинянъ и Латинцевъ во время празд-
 „несствъ богини Фероніи, у древнихъ Латинцевъ
 „между собою, у Етрусковъ и Омбрійцевъ, равно
 „какъ и у Луканцевъ. Эта священная и браш-
 „ская связь явно также стремилась къ укрѣпле-
 „нію условій закона, прочностію религіознаго
 „обязательства. По тому же началу правленія,
 „все другіе народы, составлявшіе федеративныя
 „государства, торжественно и съ религіозными
 „обрядами созывали свои общественныя собранія,
 „было ли это въ чрезвычайныхъ случаяхъ, или
 „въ назначенное для того время. Такимъ обра-
 „зомъ Етруски имѣли обыкновеніе собираться
 „въ храмъ Волшумы, Латинцы въ священныхъ
 „дубравахъ Ариціи или Ференцино, Сабиняне въ
 „Курѣ. Исторія также упоминаетъ часто о по-
 „добныхъ собраніяхъ у Еквовъ, Герниковъ, Воль-
 „сковъ, Самниціанъ, Луканійцевъ и Лигурійцевъ.
 „Главнымъ предметомъ этихъ народныхъ собраній,
 „законно состоявшихъ изъ начальниковъ правле-
 „нія, было великое дѣло войны или мира, при-
 „нятіе пословъ, мирные договоры и все касавшее-
 „ся до безопасности союза. Но если права вер-
 „ховной власти, въ своихъ отношеніяхъ съ общею
 „защитою, естественнo принадлежали общему
 „совѣту союза, то это же самое было сильною
 „причиною возмущеній, причиною, что тѣ же
 „права въ послѣдствіи неограниченно приводились
 „въ дѣйствіе, каждымъ народомъ отдѣльно, во
 „всемъ, что касалось до ихъ частныхъ дѣлъ.
 „Такимъ-то образомъ нѣкоторыя Сабинскія пле-
 „мена, Ценинезцы, Крестуменцы и Анпенаты,

„почли, говорятъ, за обязанность, не ожидая
 „помощи союзниковъ, прошивуспашъ первымъ
 „оскорбленіямъ, имъ нанесеннымъ отъ Римлянъ.
 „Многіе города Еспруріи выдержали въ продолже-
 „ніи сполѣтій, частныя войны съ жипелями
 „(изъ числа Герниковъ) Ананіи, вопреки обѣту
 „союза. Такимъ же образомъ Тускуль отдѣ-
 „лился отъ союза Лашинскаго, а Супри отъ То-
 „сканскаго, въ чемъ можно было имъ препяш-
 „сшвовашъ не иначе, какъ оружіемъ. И вопъ
 „какимъ образомъ каждая конфедерація Ипальян-
 „скихъ племенъ съ самаго начала носила въ себѣ
 „самой зародышъ слабости, и это отъ того,
 „что связь, соединявшая различные ея члены,
 „не могли скрѣпить ихъ въ одно шѣло, до-
 „пускала каждый городъ, медлительный въ
 „своихъ дѣйствіяхъ и легко пзбѣгавшій общей
 „власти, подвергаться вліянію частныхъ чешпо-
 „любій, не рѣдко производившихъ разрывы и не-
 „согласія (1).“

Этотъ образъ правленія весьма схожъ съ
 находящимся въ Американскихъ Соединенныхъ
 штатахъ; только въ послѣднемъ центральная
 власть имѣетъ болѣе силы, хотя сомнительно,
 чтобы она имѣла оной достаточно для продол-
 жительнаго поддержанія союза, коему она слу-
 житъ связью. При всѣхъ многочисленныхъ выго-
 дахъ, Федеративнымъ государствамъ недоспаетъ
 единства мысли и единства жизни, почему они
 удобно разъединяются и рѣдко производятъ ве-
 ликія дѣла.

(1) Томъ II, стр. 67 и слѣд.

Ешпурія, образованная по понятіямъ мистическимъ и порабощенная сильной жреческой аристокраціи, раздѣлялась на 12 городовъ или гражданскихъ корпорацій. Верховный начальникъ каждаго изъ этихъ двѣнадцати народовъ, составлявшихъ всю націю, назывался Лукумономъ и былъ избираемъ ежегодно. Облеченные полною властію, они однакоже отдавали опчешъ, каждые девять дней, въ своихъ дѣйствіяхъ шѣмъ, которые возвышали ихъ на эту высокую степень достоинства, называвшагося у Римлянъ царскимъ. Одинъ изъ нихъ былъ избираемъ 12 союзными народами въ полководцы и въ главы союза, и каждый народъ доставлялъ по одному ликтору въ его свиту, показывая шѣмъ самымъ, что они всѣ имѣли равную часть въ общей верховной власпи (1).

Эта гражданская организація, опспранявшая народъ опъ всякаго участія въ общеспвенныхъ дѣлахъ, неминуемо долженствовала пастъ, какъ скоро религіозное ослѣпленіе, окружавшее господствующую аристокрацію и составлявшее ея силу, начинало пропадать: для охраненія же сего ослѣпленія были приняты безчисленные предоспорожности. Всѣ дѣйствія жизни человѣческой, соединенныя съ таинспвенными обрядами, тайну и совершеніе которыхъ зналъ одинъ только жреческій классъ, находились подъ его зависимостью. Онъ опушалъ и оковалъ одиѣми и шѣми же цѣпями и человекъ духовнаго и человекъ гражданского. Обладая безусловно вѣрованіями, знаніями

(1) Томъ II, стр. 71 и 72.

и законами, онъ не оставилъ ни одного опроверженія для человѣческой свободы. Отсюда слѣдуетъ, что Ештрурія долженствовала образовати общество сильное, но не имѣвшее полета; шло, если можно такъ выразиться, чрезвычайно плотное, но безъ начала разширительнаго. Недостатокъ политическаго единства еще болѣе облегчилъ завоеваніе ея для Римлянъ, нападавшихъ на нее всѣми своими силами, между тѣмъ какъ она защищалась только частію своихъ. Она должна была неизбежно пасть въ этой неравной борьбѣ, и дѣйствительно пала около V столѣтія отъ построенія Рима. Ея послѣднія усилія, славныя по пышности, послужили только къ тому, чтобы бросить нѣкоторый блескъ на ея смерть. Особенно была замѣчательна, въ эту роковую эпоху и въ слѣдующія за тѣмъ времена, быстрое, съ каковою аристократіею, все терявшая, пришла сама собою въ забвеніе, побуждаемая своею собственною порчею отождествившись съ народомъ побѣдителемъ, между тѣмъ какъ плебейство, непрерывно находившееся согбеннымъ подъ ея господствомъ, почерпая изъ религіозныхъ своихъ вѣрованій большую силу сопротивленія, одно сохранило, съ воспоминаніемъ и същиваніемъ объ отечествѣ, народный духъ, совершенно погасшій не прежде введенія Христіанства въ VI вѣкъ нашего лѣтосчисленія. Постепенный разрывъ этой древней націи съ удивительнымъ мастерствомъ описанъ у Микали.

„При законномъ ихъ порабоженіи Римской властью подъ именемъ союзниковъ (*socii italici*) и „при лишеніи права воевать, названія не могли

„обезпечить того, чщо не существовало болѣе
 „въ самыхъ вещахъ. Однако же муниципальное
 „устройство, подѣлѣнію коего города, послѣ
 „разрыва федеральной связи, продолжали управ-
 „ляться, было вознагражденіемъ тягости ихъ
 „порабощенія и необходимости поддерживать своею
 „кровью величіе народа утѣснителя. Аристокра-
 „тія, нѣкогда господствовавшая, съ тѣхъ поръ
 „болѣе и болѣе сближалась съ новыми своими
 „владельцами: она отдѣлялась, мнѣніями и вы-
 „годами, отъ народныхъ массъ, за чщо и была
 „наградена благосклонностію и особеннымъ по-
 „кровительствомъ. . . . Даже Гаруспики, посред-
 „ники верховной власти, помирились съ Римскимъ
 „владычествомъ и служили ему орудіемъ: потому
 „чщо при ослабленіи, но несовершенномъ уни-
 „чтоженіи, уваженія къ жречеству, въ особен-
 „ности ихъ классъ продолжалъ пользоваться
 „тайною монополією грознаго искусства прорица-
 „нія. По его медленному и постепенному дѣй-
 „ствію на утомленныя души, общее повиновеніе,
 „хотя вынужденное, естественно стремилось
 „подавить желаніе, нѣкогда споль живое, ознамено-
 „вать себя чѣмъ нибудь полезнымъ для своего го-
 „рода. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ въ Еспіру-
 „ріи была тишина, но не спокойствіе, были
 „поржества безъ славы, рабство подѣ почетными
 „именами. Любовь къ искусствамъ и знаніямъ, ко-
 „торыя болѣе имѣли цѣны, все еще продолжа-
 „лась сохраняться. Вельможи, богачи и вообще
 „всѣ тѣ, коимъ благоприятствовало счастье,
 „употребляли свою пышность, въ праздное время
 „мира, на украшеніе жизни прелестію искусствъ.

„Какова была любовь, внушаемая эшими искус-
 „ствами и каково было хвастовство вельможъ
 „ихъ роскошью, ясно видно изъ безчисленнаго
 „множества памятниковъ, нынѣ въ особенности
 „открываемыхъ въ Ештруріи, и еще болѣе изъ
 „удивительнаго изобилія оныхъ въ обширномъ
 „некрополисѣ Вольсковѣ, откуда вырываются
 „тысячами вазы, бронзовыя вещи и другіе предме-
 „ты всякаго рода, которые, для воздаянія чести,
 „выставлялись на гробницахъ въ печеніи споль-
 „стій: всѣ эти вещи, болѣе или менѣе драгоцѣн-
 „ныя, и по веществу своему и по работѣ, доказы-
 „ваютъ какъ были размножены удобства жизни
 „и какъ велики были частныя богатства, даже
 „послѣ потери свободы; ибо, для всякаго желающа-
 „го сравнить, очевидно, что значительное число
 „сихъ памятниковъ были сдѣланы Ештрускими
 „художниками въ стилѣ и по образцу, употреб-
 „лявшимся во времена Римскаго владычества.
 „Тогда также существовала въ приморскихъ го-
 „родахъ нѣкоторая заграничная торговля, мало
 „по мало уменьшавшаяся, между тѣмъ какъ земле-
 „дѣльческія работы всюду открывали неисчерпае-
 „мые источники богатствъ. Но судьба граждан-
 „на скоро и навсегда измѣнилась, когда при
 „переходѣ владѣтельской собственности въ другія
 „руки селянинъ принужденъ былъ воздѣлывать,
 „какъ арендапоръ, землю, нѣкогда ему принадле-
 „жавшую, и при изгнаніи туземцевъ или при по-
 „рабощеніи ихъ пѣгосшному угнетенію, воздѣлы-
 „ваніе полей было поручено новыми владѣльцами
 „иноземцамъ. Это крайнее бѣдствіе было, по по-
 „казанію Кайя Гракха, одною изъ сильнѣйшихъ при-

„чинъ, побудившихъ его брата Тиверія предложитъ
 „аграрный законъ. Однако же ни храбрость, ни
 „желаніе свободы не были совершенно подавлены
 „въ народъ. Многіе Епрускіе города возстали во
 „время войны съ Аннибаломъ; общественный духъ
 „ободрился въ междоусобную войну, и во времена
 „Суллы Епрурія снова упорно сопротивлялась
 „мстительному ширанству Римскаго диктатора.
 „Въ это кровавое время, большое число главныхъ
 „городовъ было или разорено, или отдано подъ
 „охраненіе колоніямъ хищныхъ солдатъ, поно-
 „сно распочавшихъ сокровища, неправедно при-
 „обрѣтенныя. Знаменитыя фамиліи или уга-
 „сли, или удалились въ другія страны. Столь
 „великія бѣдствія не только уничтожили совер-
 „шенно остатки древней гражданской жизни, но
 „также мало по мало и общественные памят-
 „ники, письма, словесность, изящныя искус-
 „ства, словомъ все наслѣдіе доблестей предковъ.
 „Одна только наука Гаруспиковъ сохранила
 „свою страшную власть до VI столѣтія Христіан-
 „скаго лѣтосчисленія, — такъ легковѣрный
 „Епрускъ, опутанный сѣтми этихъ старыхъ
 „обмановъ, предавался имъ съ упорствомъ, опы-
 „скивая нѣкоторую надежду и нѣкоторое утѣ-
 „шеніе своимъ бѣдствіямъ въ суетныхъ привле-
 „ченіяхъ отечественнаго прорицанія (1).“

Мы дали весьма неполное понятіе о перво-
 начальной *исторіи Итальянскихъ народовъ*,
 каковую Микали умѣлъ съ удивительною прони-

(1) Томъ II, стр. 165 и слѣд.

цательностію и глубокимъ знаніемъ, възсоздать при помощи разбросанныхъ ошрывковъ, сохранившихся у древнихъ писателей. Во второй части. своего сичиненія, онъ говоритъ о политическихъ постановленіяхъ, правленіи, гражданскихъ законахъ, вѣрованіяхъ и богослуженіи этихъ народовъ; о философѣ, нравахъ и домашней жизни Епрусковъ, о развитіи у нихъ искусствъ рисовальнаго, произведшаго главнѣйшіе ихъ памятники, земледѣльческаго, военнаго, мореплавательнаго, торговаго, и наконецъ о языкѣ Епрускомъ и Оскомъ, и о его нарѣчіяхъ. Гипотеза о первоначальномъ пождествѣ этихъ двухъ народовъ долженствовала довести его до того, что языки Епрускій и Оскій суть два нарѣчія одного и того же первороднаго языка. Это составляетъ, по нашему мнѣнію, систематическую часть его книги. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Оскій и Епрускій взаимно должны были занимствовати одинъ отъ другаго и взаимно измѣняться: но что бы эти два языка были радикально-пожественны, — это кажется намъ наименѣе рѣшеннымъ; и понынѣ непреодолима невозможность дойти до пониманія Епрускаго языка, досель имѣющаго *одно только слово*, смыслъ коего опредѣленъ съ нѣкоторою вѣроятностію, мало благопріятствуетъ предположенію о его первоначальномъ пождествѣ съ Оскимъ, менѣе упорнымъ для истолкованія, по причинѣ большаго его сродства съ древнимъ Латинскимъ. Въ заключеніе, мы полагаемъ, что все касающееся до Епрурии еще покрыто для насъ непроницаемымъ мракомъ. Существуєтъ разительное сходство между нѣкоторыми изъ ихъ еологическихъ поня-

пій и религіозною системою Египтянь, а, по замѣчанію Графа Кэлюса (Caylus) и другихъ въ прошедшемъ столѣтіи, между ихъ искусствомъ и искусствомъ Египетскимъ. Но къ сему неоспоримому сходству присоединяется столь рѣзкое, столь явное различіе, что, по правдѣ сказать, ничего достовѣрнаго нельзя вывести о происхожденіи Египетскихъ, которые продолжаютъ оставаться для насъ одною изъ глубокихъ тайнъ науки.

Въ прелѣпной частинѣ находится объясненіе атласа приложеннаго къ сочиненію Микали, весьма любопытнаго и ослѣпительнаго прекраснѣйшаго опдѣлакою. Онъ заключаетъ въ себѣ большое число неизданныхъ памятниковъ, равно полезныхъ и для исторіи искусства Египетскихъ, и для исторіи религіозныхъ ихъ вѣрованій. Это великолѣпное изданіе, требовавшее огромныхъ трудовъ и издержекъ, сдѣлало бы честь владѣтельной особѣ. Микали не сполно никакихъ пожертвованій прибавилъ новую пальму къ славѣ своего отечества. Онъ воздвигъ памятникъ истинно національный. Какъ ученый и какъ писатель, онъ спалъ, по своей *Исторіи древнихъ Италіянскихъ народовъ*, на ряду съ первыми знаменитыми людьми новѣйшихъ временъ. Во многихъ мѣстахъ его книги, думаешь слышать Тацита. Какъ гражданинъ, онъ указываетъ своимъ соотечественникамъ причину ихъ бѣдствій, заключающуюся, съ самыхъ опдаленныхъ временъ, въ непрерывныхъ раздѣленіяхъ. Каждая изъ его страницъ изобличаетъ въ знаменитомъ ученомъ благонамѣреннаго чело-

вѣка; и послѣ сего послѣдняго труда, споль
достойно вѣщающаго его прекрасное поприще,
онъ съ увѣренностію можешь сказать: *sat patriae*
Priamque datum. Самое то отечество, которому
онъ приносишь честь своими талантами, едино-
гласно ушвердишь эшо свидѣтельство его со-
знанія.

Сергій Строевъ.

О П Е Ч А Т К И.

Въ № IX Ученыхъ Записокъ.

Напечатано: *Должно читать.*

Стран. 479, стр. снизу 1,

железы

железы.

— 501, — — — 9,

выказывается

высказывается.

Въ X № Ученыхъ Записокъ.

Стр. 80 стр. 10 погруженные погруженные.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1834. МАЙ. № XI.

I. НАУКИ.

A. М Е Х А Н И К А.

1. О ДВИЖЕНІИ СВОБОДНОЙ НЕИЗМѢНЯЕМОЙ СИСТЕМЫ ТѢЛЪ.

Лекція Пр. Перевощикова.

(Окончаніе).

IV. Нѣкоторыя теоремы о проложеніяхъ.

16. Пусть p, p', p'' будутъ проложенія на оси координатъ линіи a , которая съ осями x —въ, y —въ, z —въ составляетъ углы α, β, γ : получимъ

$$p = acs\alpha, p' = acs\beta, p'' = acs\gamma, \dots (10)$$

Уч. Зап. Часть IV.

и

$$p^2 = a^2 cs^2 \alpha, p'^2 = a^2 cs^2 \beta, p''^2 = a^2 cs^2 \gamma;$$

сумма сихъ уравненій будетъ

$$p^2 + p'^2 + p''^2 = a^2 (cs^2 \alpha + cs^2 \beta + cs^2 \gamma) = a^2 \dots (11).$$

И такъ квадратъ пролагаемой линии равенъ суммѣ квадратовъ проложеній на оси координатъ.

Приб. Ежели уравненія (10) помножимъ соотвѣстственно на $cs\alpha$, $cs\beta$, $cs\gamma$, и произведенія сложимъ; то въ суммѣ найдемъ

$$a = p cs \alpha + p' cs \beta + p'' cs \gamma \dots (12)$$

17. Положимъ, что линия a съ осями координатъ составляетъ углы α, β, γ , и что ея проложенія на тѣ же оси суть p, p', p'' : требуется опредѣлить проложеніе сей линии на данную b , которая къ осямъ координатъ наклонена подъ углами φ, ψ, ξ .

Ежели уголъ линей a и b изобразимъ чрезъ c ; то получимъ

$$csc = cs\alpha cs\varphi + cs\beta cs\psi + cs\gamma cs\xi.$$

и потомъ

$$acsc = acs\alpha cs\varphi + acs\beta cs\psi + acs\gamma cs\xi.$$

гдѣ $acsc$ есть искомое проложеніе, которое представимъ чрезъ P , и $acs\alpha = p$, $acs\beta = p'$, $acs\gamma = p''$; слѣд.

$$P = pcs\varphi + p'cs\psi + p''cs\xi \dots (13).$$

18. На основаніи предыдущаго ч. не трудно опредѣлить проложенія периметра всякаго многоугольника на данную прямую линію, когда извѣстны проложенія на оси каждой его стороны: пусть a будетъ одна изъ сторонъ сего многоугольника, a' другая, a'' третья, a''' четвертая, и пр.; проложенія сихъ сторонъ на оси изобразимъ чрезъ $p, p', p''; q, q', q''; r, r', r''; t, t', t''$; и пр. ихъ же проложенія на данную линію b представимъ чрезъ P, P', P'', P''' , и пр. По предыдущей теоремѣ выйдемъ.

$$P = pcs\varphi + p'cs\psi + p''cs\xi,$$

$$P' = qcs\varphi + q'cs\psi + q''cs\xi,$$

$$P'' = rcs\varphi + r'cs\psi + r''cs\xi,$$

$$P''' = tcs\varphi + t'cs\psi + t''cs\xi,$$

и пр.

Поелику сумма $S = P + P' + P'' + \dots$ будетъ проложеніе цѣлаго периметра на линію b и суммы $s = p + q + r + \dots$, $s' = p' + q' + r' + \dots$, $s'' = p'' + q'' + r'' + \dots$ суть проложенія того же периметра на оси; слѣд. вопросъ разрѣшается уравненіемъ

$$S = scs\varphi + s'cs\psi + s''cs\xi \dots (14).$$

19. Если s, s', s'' суть проложенія периметра даннаго многоугольника на оси коор-

динапъ x —въ, y —въ, z —въ, и если S, S', S'' суть проложенія того же периметра также на прямоугольныя оси координатъ x' —въ, y' —въ, z' —въ, имѣющія одно начало съ первыми; то по предъидущему ч. найдемъ.

$$\left. \begin{aligned} S &= s \cdot cs(x'x) + s' \cdot cs(x'y) + s'' \cdot cs(x'z), \\ S' &= s \cdot cs(y'x) + s' \cdot cs(y'y) + s'' \cdot cs(y'z), \\ S'' &= s \cdot cs(z'x) + s' \cdot cs(z'y) + s'' \cdot cs(z'z), \end{aligned} \right\} \cdot (15).$$

и квадраты сихъ уравненій будутъ

$$\begin{aligned} S^2 &= s^2 cs^2(x'x) + s'^2 cs^2(x'y) + s''^2 cs^2(x'z) \\ &\quad + 2ss' \cdot cs(x'x)cs(x'y) + 2ss'' \cdot cs(x'x)cs(x'z) \\ &\quad + 2s's'' \cdot cs(x'y)cs(x'z), \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} S'^2 &= s^2 cs^2(y'x) + s'^2 cs^2(y'y) + s''^2 cs^2(y'z) \\ &\quad + 2ss' \cdot cs(y'x)cs(y'y) + 2ss'' \cdot cs(y'x)cs(y'z) \\ &\quad + 2s's'' \cdot cs(y'y)cs(y'z), \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} S''^2 &= s^2 cs^2(z'x) + s'^2 cs^2(z'y) + s''^2 cs^2(z'z) \\ &\quad + 2ss' \cdot cs(z'x)cs(z'y) + 2ss'' \cdot cs(z'x)cs(z'z) \\ &\quad + 2s's'' \cdot cs(z'y)cs(z'z), \end{aligned}$$

въ которыхъ

$$cs^2(x'x) + cs^2(y'x) + cs^2(z'x) = 1,$$

$$cs^2(y'x) + cs^2(y'y) + cs^2(y'z) = 1,$$

$$cs^2(z'x) + cs^2(z'y) + cs^2(z'z) = 1,$$

и

$$cs(xx')cs(yx') + cs(xy')cs(yy') + cs(xz')cs(yz') = cs(xy) = 0,$$

$$cs(xx')cs(zx') + cs(xy')cs(zy') + cs(xz')cs(zz') = cs(xz) = 0,$$

$$cs(yx')cs(zx') + cs(yy')cs(zy') + cs(yz')cs(zz') = cs(yz) = 0,$$

И такъ въ суммѣ сихъ квадраповъ получимъ

$$P^2 + P'^2 + P''^2 = s^2 + s'^2 + s''^2,$$

слѣд. сумма квадраповъ проложеній на оси периметра многоугольника опъ положенія сихъ осей не зависить.

20. Ежели пожелаемъ опредѣлить s по S, S', S'' , то каждое изъ уравненій (15) должно помножить на косинусъ угла, помножаемаго на s , и произведенія сложить. То же самое надобно сдѣлать для опредѣленія s' и s'' . Для s выходитъ

$$s = S \cdot \cos(x\hat{x}') + S' \cdot \cos(y'\hat{x}) + S'' \cdot \cos(z'\hat{x}).$$

21. На чер. 1. прямая ab есть проложеніе на плоскость координатъ $X\dot{Y}$ прямой AB : ежели въ плоскости параллельныхъ линий Aa, Bb проведемъ AC параллельно съ пл. $X\dot{Y}$ или съ ab ; то AC будетъ $= ab$, уголъ $BAC = \alpha =$ углу, который прямая AB составляетъ съ $X\dot{Y}$. Пошомъ пр—къ ABC даемъ

$$AC = ab = AB \cdot \cos \alpha \dots (16).$$

22. Пусть пр—къ ACB будетъ найдись въ плоскости NP (чер. 2), наклоненной къ плоскости NQ подъ угломъ α . Изъ точекъ C, A, B проведемъ прямыя CD, AN, BE перпендикулярно къ NM , пересѣчемъ ихъ ли-

нею FG параллельною съ BC ; опрѣзокъ DE сдѣлается высокою параллелограмма FB . Помощь, ежели въ плоск. NQ просянемъ Dm , Hp , Eq перпендикулярно къ NM , то, по правиламъ Геометріи, проложенія f, c, b, g, a точекъ F, C, B, G, A упадутъ на сіи перпендикулярныя, и пар—мъ fb съ пр—комъ acb будутъ проложенія пар—ма FB съ пр—комъ ACB . Сверхъ того ED также будетъ высокою bf . После сего, по чл. предыдущему находимъ

$$gb = GB.cs\alpha,$$

и

$$ED.gb = ED.GB.cs\alpha,$$

или

$$fb = FB.cs\alpha,$$

и наконецъ

$$\frac{1}{2}fb = abc = \frac{1}{2}FB.cs\alpha = ABC.cs\alpha \dots (17).$$

Поелику всякую прямолинейную фигуру можно раздѣлять на треугольники, отъ прямолинейныхъ же фигуръ, помощію способа предѣловъ, можно переходить къ площадямъ, ограниченнымъ кривыми линиями: слѣд. если A представляетъ какую-нибудь площадь, p ея проложеніе, α уголъ плоскостей, въ коихъ находятся A и p ; то вообще

$$p = A.cs\alpha \dots (18).$$

23. Ежели плоскость, въ которой находится площадь A , съ плоскостями ординатъ составляетъ углы α, β, γ , и если p, p', p'' суть ея проложенія на сін плоскости; то

$$p = Acs\alpha, p' = Acs\beta, p'' = Acs\gamma,$$

и

$$p^2 + p'^2 + p''^2 = A^2 \dots (19).$$

24. По даннымъ проложеніямъ p, p', p'' площади A на плоскости координатъ, проложеніе P той же площади на всякую другую данную плоскость опредѣляется такимъ образомъ: поелику вообще положеніе плоскости зависишь отъ угловъ, которые перпендикулярная къ ней линия изъ начала координатъ составляетъ съ осями; то пусть α, β, γ и φ, ψ, ξ будутъ углы, которые составляютъ перпендикулярныя линии изъ начала координатъ къ плоскости, въ коей находится A , и къ плоскости, на которую упадетъ P ; уголь с сихъ линій равняется углу плоскостей, и потому

$$csc = cs\alpha cs\varphi + cs\beta cs\psi + cs\gamma cs\xi,$$

и

$$Acs c = Acs\alpha cs\varphi + Acs\beta cs\psi + Acs\gamma cs\xi,$$

или

$$P = pcs\varphi + p'cs\psi + p''cs\xi \dots (20).$$

Пусть $P', P'',$ и пр. будутъ проложенія площадей $A', A'',$ и пр. на ту же плоскость; ежели $q, q', q''; r, r', r'';$ и пр. суть проложенія сихъ площадей на плоскости координатъ; то найдемъ

$$P' = qcs\varphi + q'cs\psi + q''cs\xi,$$

$$P'' = rcs\varphi + r'cs\psi + r''cs\xi,$$

и пр.

Сложивъ всѣ сіи уравненія, получимъ сумму S проложеній площадей $A, A', A'',$ и пр.; именно:

$$S = s.ccs\varphi + s'.cs\psi + s''.cs\xi \dots (21).$$

25. Пусть s, s', s'' будутъ суммы проложеній многихъ площадей на плоскости координатъ $X'Y'; Z'Y', Z'X';$ чрезъ S, S', S'' изобразимъ суммы проложеній тѣхъ же площадей на плоскость ZY , перпендикулярную къ оси x —въ; на плоскость ZX , перпендикулярную къ оси y —въ, и на плоскость XY , перпендикулярную къ оси z —въ: по урав. (21) найдемъ

$$\left. \begin{aligned} S &= s.cs(x'x) + s'.cs(xy') + s''.cs(xz'), \\ S' &= s.cs(yx') + s'.cs(y'y) + s''.cs(yz'), \\ S'' &= s.cs(zx') + s'.cs(zy') + s''.cs(z'z), \end{aligned} \right\} \dots (22)$$

Поступивъ съ сими уравненіями какъ въ ч. 19, найдемъ

$$S^2 + S'^2 + S''^2 = s^2 + s'^2 + s''^2 \dots (23).$$

Изъ уравненій (22) неспрудно уже опредѣ-
лить s, s', s'' ; именно :

$$\left. \begin{aligned} s &= S.cs(x'x) + S'.cs(y'x') + S''.cs(z'x'), \\ s' &= S.cs(xy') + S'.cs(y'y') + S''.cs(zy'), \\ s'' &= S.cs(xz') + S'.cs(yz') + S''.cs(z'z'). \end{aligned} \right\} \dots (24)$$

26. Изъ уравн. (23) слѣдуетъ

$$S = \sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2 - S'^2 - S''^2},$$

и поелику $s^2 + s'^2 + s''^2$ есть количество
постоянное; то S получить наибольшую
величину, когда $S' = 0$, $S'' = 0$. При семъ
условіи

$$S = \sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2},$$

$$s = S.cs(x'x), \quad s' = S.cs(xy'), \quad s'' = S.cs(xz');$$

отсюда

$$\left. \begin{aligned} cs(x'x) &= \frac{s}{\sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2}}, \\ cs(xy') &= \frac{s'}{\sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2}}, \\ cs(xz') &= \frac{s''}{\sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2}}. \end{aligned} \right\} \dots (25).$$

Сими уравненіями опредѣляется *плоскость*
наибольшаго проложенія.

27. Сумма проложеній площадей $A, A', A'', \dots$ имѣетъ одну величину на всѣхъ плоскостяхъ, составляющихъ равные углы съ плоскостью наибольшаго проложенія.

Пусть μ, ν, ρ будутъ углы, копорые съ осями координатъ составляетъ перпендикулярная изъ ихъ начала къ плоскости π , наклоненной подъ угломъ c къ плоскости наибольшаго проложенія. Ежели чрезъ Σ изобразимъ сумму проложеній на плоскость π , то получимъ

$$\Sigma = s.c\mu + s'.c\nu + s''.c\rho.$$

Вспавивъ въ сіе уравненіе величины s, s', s'' изъ предъидущаго члена, найдемъ

$$\begin{aligned}\Sigma &= S.[c\mu cs(x'x) + c\nu cs(xy') + c\rho cs(xz')] \\ &= Scsc = csc.\sqrt{s^2 + s'^2 + s''^2} \dots (26).\end{aligned}$$

И такъ величина Σ зависить отъ угла c .

V. *О постоянной плоскости, о живыхъ силахъ и правилѣ наименьшаго дѣйствія.*

28. Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что ежели описываемые вырѣзки пѣлами $m', m'', \dots$ системы будутъ пролагаться на разныя плоскости; то между сими плоскостями можно найти такую, на копорой сумма S проло-

женій вийдець найбільшая. Положивъ, что перпендикулярная линия изъ начала координатъ къ сей плоскости съ осями x — въ, y — въ, z — въ составляетъ углы m , n , q , и что

$$\Sigma \int m'(y' \partial x' - x' \partial y') = Ct = s,$$

$$\Sigma \int m'(z' \partial y' - y' \partial z') = C''t = s',$$

$$\Sigma \int m'(z' \partial x' - x' \partial z') = C't = s'',$$

на основаніи доказаннаго въ ч. 26 найдемъ

$$S^2 = s^2 + s'^2 + s''^2$$

$$= (C^2 + C'^2 + C''^2)t^2,$$

$$S = t\sqrt{C^2 + C'^2 + C''^2},$$

и

$$s = S \cdot \cos m, \quad s' = S \cdot \cos n, \quad s'' = S \cdot \cos q;$$

слѣд.

$$\left. \begin{aligned} \cos m &= \frac{s}{S} = \frac{C}{\sqrt{C^2 + C'^2 + C''^2}}, \\ \cos n &= \frac{s'}{S} = \frac{C''}{\sqrt{C^2 + C'^2 + C''^2}}, \\ \cos q &= \frac{s''}{S} = \frac{C'}{\sqrt{C^2 + C'^2 + C''^2}} \end{aligned} \right\} \dots (27).$$

И такъ плоскость наибольшаго проложенія вырѣзковъ, описываемыхъ шѣлами системы, имѣеть постоянное положеніе. Припомъ, поелику ве-

личина угловъ m, n, q зависишь отъ постоянныхъ количествъ C, C', C'' , которыя опредѣляются координатами $x', y', z', \dots$ и посредствомъ скоростей $\frac{\partial z'}{\partial t}, \frac{\partial y'}{\partial t}, \dots$; слѣд. положеніе *постоянной плоскости* опредѣлишь всегда возможно. Ежели сія плоскость будешь принята, на пр. за плоскость координатъ XY ; то $m = 90^\circ$, $n = 90^\circ$, $q = 0$; слѣд. $C = 0$, $C'' = 0$.

29. Въ уравн. (3) варіаціи $\delta x', \delta y', \delta z'$ координатъ каждаго тѣла системы происходятъ отъ измѣненія разстояній $p, p', \dots$; перемѣны же въ движеніи, происходящія при условіяхъ соединенія тѣлъ въ систему, выражаются дифференціалами $\ddot{x}', \ddot{y}', \ddot{z}'$: слѣд. принявъ варіаціи $\delta x', \delta y', \delta z'$ равными $\partial x', \partial y', \partial z'$ значить подчинить ихъ упомянутымъ условіямъ. Отъ сего урав. (3) превратится въ

$$\Sigma . m' . \frac{\partial x' \partial^2 x' + \partial y' \partial^2 y' + \partial z' \partial^2 z'}{(\partial t)^2} \\ = \Sigma . m' (X' \partial x' + Y' \partial y' + Z' \partial z') \dots (28),$$

чего интеграль есть

$$\Sigma . m' . v'^2 = C + 2 \Sigma . \int m' (X' \partial x' + Y' \partial y' + Z' \partial z') \dots (29).$$

Ежели выраженія подъ знакомъ $\int$ суть точныя дифференціалы; то выйдетъ

$$\Sigma m' v'^2 = C + 2\varphi \dots (30)$$

поелику произведенія $m' v'^2$, $m'' v''^2$, . . . называются живыми силами, то заключаемъ :
 1) *Если система тѣлъ не подлежитъ дѣйствию ускорительныхъ силъ ; то сумма живыхъ силъ или живая сила системы постоянна.* 2) *Если же система подлежитъ дѣйствию ускорительныхъ силъ , то приращеніе живой силы не зависитъ отъ кривыхъ линий, описываемыхъ составляющими ея тѣлами.*

30. Въ теоріи движенія точки было доказано, что выраженія $X'\partial x' + Y'\partial y' + Z'\partial z'$ дѣлаются точными дифференціями, когда силы X', Y', Z' происходятъ отъ притягательныхъ силъ , дѣйствующихъ къ постояннымъ точкамъ пропорціонально функціямъ разстояній сихъ точекъ отъ тѣлъ m', m'' , . . . : теперь покажемъ, что сему условію удовлетворяють также силы , происходящія отъ взаимнаго притяженія оныхъ тѣлъ. Если урав. (E) помножимъ на $\partial x', \partial y', \partial z'$; $\partial x'', \partial y'', \partial z''$; то въ суммѣ произведеній получимъ

$$\begin{aligned} & m' (X'\partial x' + Y'\partial y' + Z'\partial z') \\ &= \frac{m'' P''}{P} [(x' - x'')\partial x' + (y' - y'')\partial y' + (z' - z'')\partial z'] , \end{aligned}$$

$$m''(X''\partial x'' + Y''\partial y'' + Z''\partial z'') = \\ - \frac{m''P''}{p}[(x' - x'')\partial x'' + (y' - y'')\partial y'' + (z' - z'')\partial z''];$$

сумма сихъ выражений есть

$$\frac{m''P''}{p}[(x' - x'')(\partial x' - \partial x'') + (y' - y'')(\partial y' - \partial y'') \\ + (z' - z'')(\partial z' - \partial z'')],$$

гдѣ производимель въ скобкахъ $= p\partial p$; слѣд-
часть уравненія (29), зависящая отъ взаим-
наго сягопѣнія двухъ пѣль m', m'' превра-
щается въ $m''P''\partial p$. И пр.

31. Поелику $\int(X'\partial x' + Y'\partial y' + Z'\partial z')$
есть $F(x', y', z')$, и при дифференцированіи
по знакамъ ∂ и δ дифференціальные коэффи-
ціенты выходящъ одинаковые; по дифферен-
ціаль по δ или варіація уравненія (29) бу-
детъ

$$\Sigma m'\nu'\delta\nu' = \Sigma m'(X'\delta x' + Y'\delta y' + Z'\delta z'),$$

и по уравненію (3)

$$\Sigma m'\nu'\delta\nu' = \Sigma m'\left(\frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2}\delta x' + \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2}\delta y' + \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2}\delta z'\right),$$

или

$$\Sigma m'\nu'\partial t\delta\nu' = \Sigma m'\left(\frac{\partial^2 x'}{\partial t}\delta x' + \frac{\partial^2 y'}{\partial t}\delta y' + \frac{\partial^2 z'}{\partial t}\delta z'\right).$$

Но какъ

$$\partial s' = \nu'\partial t, (\partial s')^2 = (\partial x')^2 + (\partial y')^2 + (\partial z')^2;$$

по

$$\Sigma .m' \partial s' \delta v' = \Sigma .m' \left(\frac{\partial^2 x'}{\partial t} \delta y' + \frac{\partial^2 y'}{\partial t} \delta y' + \frac{\partial^2 z'}{\partial t} \delta z' \right) . . . (31),$$

$$\partial s' \delta(\partial s') = \partial x' \delta(\partial x') + \partial y' \delta(\partial y') + \partial z' \delta(\partial z') ,$$

или

$$v' \delta(\partial s') = \frac{\partial x'}{\partial t} \delta(\partial x') + \frac{\partial y'}{\partial t} \delta(\partial y') + \frac{\partial z'}{\partial t} \delta(\partial z') .$$

Изъ сего выходишь

$$\Sigma .m' v' \delta(\delta s') = \Sigma .m' \left(\frac{\partial x' \delta(\partial x') + \partial y' \delta(\partial y') + \partial z' \delta(\partial z')}{\partial t} \right)$$

или

$$\Sigma .m' v' \delta(\partial s') = \Sigma .m' \frac{\partial x' \partial(\delta x') + \partial y' \partial(\delta y') + \partial z' \partial(\delta z')}{\partial t} .$$

Придавъ сіе уравненіе къ (31), получимъ

$$\Sigma .m' [\partial s' \delta v' + v' \delta(\partial s')] = \Sigma .m' \partial \left(\frac{\partial x' \delta x' + \partial y' \delta y' + \partial z' \delta z'}{\partial t} \right) ,$$

или

$$\Sigma .\delta(m' v' \partial s') = \Sigma .m' \partial \left(\frac{\partial x' \delta x' + \partial y' \delta y' + \partial z' \delta z'}{\partial t} \right) ,$$

чего интеграль естъ

$$\Sigma .\int \delta(m' v' \partial s') = \Sigma .\delta \int (m' v' \partial s') = \Sigma .m' . \left(\frac{\partial x'}{\partial t} \delta x' + \frac{\partial y'}{\partial t} \delta y' + \frac{\partial z'}{\partial t} \delta z' \right) .$$

Интеграль сей должно распространить на цѣлыя праекторіи, описываемыя пѣлами системы; но какъ при началѣ и концѣ сихъ праекторій варіаціи $\delta x'$, $\delta y'$, $\delta z'$, уничтожаются; то

$$\Sigma \delta f(m'v'\delta s') = 0. \dots (32).$$

И такъ функція $\Sigma f(m'v'\delta s')$ должна быть или наименьшая или наибольшая. Въ сей теоремѣ состоитъ правило *наименьшаго дѣйствія*.

32. Ежели начало координатъ, принимаемое во всѣхъ предъидущихъ изслѣдованіяхъ неподвижнымъ, перенесемъ въ другую точку, коей координаты суть μ , λ , ξ , и относительно копорой положеніе пѣль m' , m'' , ... опредѣляется координатами μ' , λ' , ξ' ; μ'' , λ'' , ξ'' , и пр.; то получимъ

$$x' = \mu + \mu', y' = \lambda + \lambda', z' = \xi + \xi'; \dots (33)$$

и пр.

$$\frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \mu + \partial^2 \mu'}{(\partial t)^2}, \quad \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \lambda + \partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2}$$

$$\frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \xi + \partial^2 \xi'}{(\partial t)^2}; \text{ и пр.}$$

А когда положимъ, что новое начало движется въ пространствѣ по прямой линіи и

равномѣрно; тогда условіе сіе вырази́тся уравненіями

$$\frac{\partial^2 \mu}{(\partial t)^2} = 0, \quad \frac{\partial^2 \lambda}{(\partial t)^2} = 0, \quad \frac{\partial^2 \xi}{(\partial t)^2} = 0,$$

опъ коихъ выйдеть

$$\frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \mu'}{(\partial t)^2}, \quad \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2}, \quad \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2} = \frac{\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2}, \quad \dots \quad (34).$$

и пр.

Вспавивъ выраженія (33) и (34) въ уравненія

$$\begin{aligned} \Sigma.m'(X' - \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2}) &= 0, \quad \Sigma.m'(Y' - \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2}) = 0, \\ \Sigma.m'(Z' - \frac{\partial^2 z'}{(\partial t)^2}) &= 0, \end{aligned}$$

въ урав. (7) и въ урав. (28), получимъ :

$$\begin{aligned} a) \quad \Sigma.m'(X' - \frac{\partial^2 \mu'}{(\partial t)^2}) &= 0, \quad \Sigma.m'(Y' - \frac{\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2}) = 0, \\ \Sigma.m'(Z' - \frac{\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2}) &= 0. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} b) \quad \Sigma.m'[(X'\lambda + X'\lambda') - (Y'\mu + Y'\mu')] &= \\ &= \Sigma.m' \frac{(\lambda + \lambda')\partial^2 \mu' - (\mu + \mu')\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2} \end{aligned}$$

и пр.

Поелику уравненіе сіе можно представи́тъ въ шакомъ видѣ :

$$\Sigma.m'[(X' - \frac{\partial^2 \mu'}{(\partial t)^2})\lambda + (X'\lambda' - Y'\mu')] =$$

$$\Sigma.m'[\frac{\lambda'\partial^2 \mu' - \mu'\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2} + (Y' - \frac{\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2})\mu];$$

слѣд.

$$\Sigma.m'(X'\lambda' - Y'\mu') = \Sigma.m'\frac{\lambda'\partial^2 \mu' - \mu'\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2}.$$

$$c) \Sigma.m' \frac{(\partial \mu + \partial \mu')\partial^2 \mu' + (\partial \lambda + \partial \lambda')\partial^2 \lambda' + (\partial \xi + \partial \xi')\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2} =$$

$$\Sigma.m'[X'(\partial \mu + \partial \mu') + Y'(\partial \lambda + \partial \lambda') + Z'(\partial \xi + \partial \xi')].$$

Но какъ и сіе уравненіе можно предспавить въ другомъ видѣ :

$$\Sigma.m'(\frac{\partial^2 \mu'}{(\partial t)^2}\partial \mu + \frac{\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2}\partial \lambda + \frac{\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2}\partial \xi) +$$

$$\Sigma.m.\frac{\partial \mu'\partial^2 \mu' + \partial \lambda'\partial^2 \lambda' + \partial \xi'\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2} = \Sigma.m'(X'\partial \mu +$$

$$Y'\partial \lambda + Z'\partial \xi) + \Sigma.m'(X'\partial \mu' + Y'\partial \lambda' + Z'\partial \xi'),$$

или

$$\Sigma.m.\frac{\partial \mu'\partial^2 \mu + \partial \lambda'\partial^2 \lambda' + \partial \xi'\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2} = \Sigma.m'[(X' - \frac{\partial^2 \mu'}{(\partial t)^2})\partial \mu +$$

$$+ (Y' - \frac{\partial^2 \lambda'}{(\partial t)^2})\partial \lambda + (Z' - \frac{\partial^2 \xi'}{(\partial t)^2})\partial \xi] +$$

$$+ \Sigma.m'(X'\partial \mu' + Y'\partial \lambda' + Z'\partial \xi');$$

по

$$\begin{aligned} \Sigma . m' \frac{\partial \mu' \partial^2 \mu' + \partial \lambda' \partial^2 \lambda' + \partial \xi' \partial^2 \xi'}{(\partial t)^2} = \\ = \Sigma . m' (X' \partial \mu' + Y' \partial \lambda' + Z' \partial \xi'). \end{aligned}$$

И такъ опъ движенія начала координатъ всѣ главныя формулы движенія системы вида своего не перемѣняютъ, а пошому и въ семь случаевъ правила сохраненія площадей, живыхъ силъ и наименьшаго дѣйствія остаются непремѣнными.

33. Когда начало координатъ (μ, λ, ξ) находится въ центрѣ тяжести системы; тогда изъ уравненій (ч. 10)

$$\frac{\partial^2 \mu}{(\partial t)^2} = 0, \frac{\partial^2 \lambda}{(\partial t)^2} = 0, \frac{\partial^2 \xi}{(\partial t)^2} = 0$$

найдемъ

$$\begin{aligned} \frac{\partial \mu}{\partial t} = a, \frac{\partial \lambda}{\partial t} = a', \frac{\partial \xi}{\partial t} = a'', \\ \mu = at, \lambda = a't, \xi = a''t, \end{aligned}$$

и опсюда

$$\mu \partial \xi - \xi \partial \mu = 0, \mu \partial \lambda - \lambda \partial \mu = 0, \xi \partial \lambda - \lambda \partial \xi = 0.$$

Пошомъ первыя уравненія чл. 8 превращаются въ

$$M\mu = m'(\mu + \mu') + m''(\mu + \mu'') + \dots = M\mu + m'\mu' + m''\mu'' + \dots$$

$$M\lambda = m'(\lambda + \lambda') + m''(\lambda + \lambda'') + \dots = M\lambda + m'\lambda' + m''\lambda'' + \dots$$

$$M\xi = m'(\xi + \xi') + m''(\xi + \xi'') + \dots = M\xi + m'\xi' + m''\xi'' + \dots$$

изъ чего слѣдуешь, что

$$m'\mu' + m''\mu'' + \dots = 0,$$

$$m'\lambda' + m''\lambda'' + \dots = 0,$$

$$m'\xi' + m''\xi'' + \dots = 0,$$

и

$$m'\partial\mu' + m''\partial\mu'' + \dots = 0,$$

$$m'\partial\lambda' + m''\partial\lambda'' + \dots = 0,$$

$$m'\partial\xi' + m''\partial\xi'' + \dots = 0.$$

Послѣ сего первыя части урав. (9) сдѣлаются равными

$$\Sigma m'(\mu'\partial\xi' - \xi'\partial\mu'), \text{ и пр.}$$

И такъ отъ движенія начала координатъ, находящагося въ центрѣ тяжести системы, постоянныя C, C', C'' не перемѣняются, и пошому *постоянная плоскость*, проходящая чрезъ сей центръ, во время движенія системы, остается сама себѣ параллельною.

В. Х И М И Я.

2. ЗНАЧЕНИЕ И ПРЕДѢЛЫ ХИМИИ.

Лекція Профессора Геймана.

(Читанная въ Маѣ 1833 года.)

Естественныя науки , при настоящемъ ихъ состояніи , сдѣлавшись предметомъ ученыхъ изслѣдованій всѣхъ просвѣщенныхъ странъ Европы, такъ далеко раздвинули границы свои , что оныя начинаютъ уже исчезать, переходя одна за другую ; и это есть лучшее доказательство усовершенствованія наукъ, и приближенія ихъ къ желаемой цѣли.

Опредѣлить положительныя границы между Естественными науками столь же трудно , сколь трудно найти ихъ въ самой природѣ ; не смотря на то, въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ теченіе Академическаго года должно окончить полный курсъ науки, необходимо опредѣлить ея границы, мѣсто ея занимаемое въ кругу Естественновѣдѣнія, ея отношенія болѣе или менѣе близкія къ прочимъ наукамъ , и взаимныя ихъ вліянія , наконецъ ея цѣль и способъ , какимъ она содѣйствуетъ къ гармоническому сосѣдству цѣ-

лаго Естествопознанія (*). Чпобъ съ большею точностію означить, какое звено составляетъ Химія въ цѣпи Естественныхъ наукъ, и тѣмъ вѣрнѣе опредѣлить ея предметъ, нужно напередъ показать общую цѣль Естествовѣдѣнія.

Конечная цѣль, къ которой спрелятся всѣ испытанія и изслѣдованія природы, есть познаніе существа сотворенныхъ вещей, и объясненіе ихъ бытія и свойствъ. Ипогъ всѣхъ свѣдѣній, приобрьтенныхъ испытаніемъ и изслѣдованіемъ природы, приведенныхъ въ систематическій порядокъ, составляетъ содержание Естествовѣдѣнія.

Естественныя науки сдѣлались самостоятельными прежде систематическаго раздѣленія Естествовѣденія на отдѣльныя части. Посему-то многія изъ нихъ, не очерпивъ себя ясными границами, присвоили себѣ предметы, имъ чуждые и принадлежащіе другимъ отраслямъ Естественныхъ наукъ. Впослѣдствіи, когда предложены были систематическія раздѣленія, науки сіи сохранили неправильныя присвоенія, въ нихъ до-

(*) F. W. J. Schelling, Vorlesungen über die Methode des akademischen studium. Tübingen, 1803, стр. 7.

пущенныя, и нѣкоторыя сохраняють ихъ еще и до сихъ поръ, запрудняя тѣмъ преподаваніе оныхъ въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ различныхъ раздѣленій, предложенныхъ, для Естественныхъ наукъ (*), я приведу здѣсь, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ, Декандолево.

По Декандолю всѣ науки раздѣляются на три класса: 1е на *умственныя* (sciences rationnelles), какъ то: Логика, Математика; 2е *историческія* (sciences testimoniales ou historiques), и 3е *опытныя* (sciences exper-

(*) О раздѣленіи наукъ можно получить подробнѣйшее свѣдѣніе въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Krug's Versuch einer systematischen Encyclopaedie der Wissenschaften. Wuerttemberg, Leipzig und Jena. 1796, 1797, 2 vol in 8°.

Kant's metaphysische Anfangsgründe der Naturlehre 3. Aufl. Leipzig 1802. 8.

Ostersted's Ideen zu einer Architectonik der Naturwissenschaften, Berlin. 1802. 8.

Boutterweck's Anleitung zur Philosophie der Naturwissenschaften. Goettingen. 1805. 8.

Lehmann Versuch einer systematischen Encyclopaedie der Bergwerks wissenschaften. Freyberg. 1804. 8.

Oken Lehrbuch der Naturgeschichte. Leipzig bey Reclam.

Oken Lehrbuch der Naturphilosophie. Jena, bey Frommann.

rimementales); послѣднія, составляющія еспе-
свовѣдѣніе, раздѣляетъ онъ на два порядка,
смотря по тому, составляютъ ли ихъ пред-
метъ *тѣла природы*, или силы, приводящія
ихъ въ движеніе; первыя называетъ онъ на-
уками *вещественными*, или *естественными*
(*sciences materielles ou naturelles*), а 2я
науками *динамическими*, или *физическими*
(*sciences dynamiques ou physiques*).

Сіе раздѣленіе наукъ онъ показываетъ
въ слѣдующей таблицѣ:

I.

Науки вещественныя, или естественныя.

(*Sciences materielles ou naturelles*)

ТѢЛА	{	Неорудныя (Brute)	Небесныя сфериче- скія (sphéroïdaux).	<i>Свѣтила</i> (Astres) <i>Астроно- мія</i> .
		Однородныя, распущъ из- внѣ прилипа- ніемъ (juxta- position).	Земныя хрустал- луемыя (cristalisa- bles).	<i>Ископаемыя</i> (Mineraux) <i>Мине- ралогія</i> (въ обшир- номъ смыслѣ).
		Орудныя.	Лишеныя произ- вольнаго движенія и желудка. . . .	<i>Растенія</i> (Vegetaux) <i>Фито- логія</i> или <i>Бота- ника</i> .
		Живыя раз- породныя, распущъ из- нутри (intus- suseption).	Одаренныя произ- вольнымъ движені- емъ и желудкомъ.	<i>Животныя</i> (Animaux). <i>Зоо- логія</i> .

II.

Науки Динамическія, или Физическія.

СИЛЫ	Общія всѣмъ шѣламъ.	Дѣйствующія въ раз- стояніи, безъ выбора (sans choix) по зако- намъ, опредѣляемымъ массою и разстояніемъ.	<i>Притяженіе Физика. (Attrac- tion).</i>
		Дѣйствующія почти въ соприкосновеніи, съ выборомъ, опредѣляе- мымъ особенными свой- ствами различныхъ шѣлъ.	<i>Сродство-Хи- мія. (Affinité).</i>
	Свойствен- ныя только оруднымъ шѣламъ.	Дѣйствующія во всѣхъ шѣлахъ орудныхъ, безъ внутренняго са- мознанія. Свойственныя только однимъ живымъ, и дающія имъ чувство собственнаго бытія (Conscience de leur existence).	<i>Жизненные силы—Физио- логія. Чувствитель- ность. Психо- логія (Sensibi- lité)</i>

Въ развитіи каждой вѣтви Естествовѣдѣнія, Баконъ различалъ три періода; въ *первомъ періодѣ*, говоритъ онъ, собираются свѣдѣнія, приобретаемыя чувствами, сравниваются между собою и располагаются въ нѣкоторомъ порядкѣ; во *второмъ періодѣ*, изъ свѣдѣній, уже приобретенныхъ, спара-

юся отккрыть законы еспешвенные, сопавляють теорін, дабы слѣдить еспешвенныя силы въ ихъ дѣйствіяхъ; наконецъ въ *третьемъ періодѣ* наука возвращается къ свѣдѣніямъ, приобретеннымъ чувствами, для изьясненія оныхъ (*).

Само собою разумѣется, что для полезнѣйшаго занятія какою-либо наукою, и для лучшаго оной образованія, весьма важно опредѣлить періодъ развитія, въ которомъ она находится.

(*) Первый періодъ Баконъ называетъ *historia naturalis*, второй и третій періодъ вмѣстѣ онъ соединяетъ подъ общимъ именемъ *philosophia naturalis*:

„Historia naturalis usu duplex est: adhibetur enim, aut propter cognitionem rerum ipsarum, quae historiae mandantur, aut tanquam materia prima philosophiae; atque prior illa, quae aut narrationum jucunditate delectat, aut experimentorum usu juvat, atque hujusmodi voluptatis aut fructus gratia quaesita est longe inferioris notae censenda, prae ea, quae inductionis verae et legitimae sylvae sit, atque supellex et primam philosophiae materiam praebeat. — Attamen omnis solida et fructuosa naturalis philosophia duplicem adhibeat scalam, eamque diversam, *ascensoriam* et *descensoriam*, ab experientia ad axiomata et ab axiomatibus ad nova inventa....“ (Baco de Augm. Scient.).

Химія, при настоящемъ ея состояніи, находишся такъ сказать между *вторымъ* и *третьимъ* періодомъ, своего развитія, состоя изъ динамической части, *теоріи законовъ сродства* (*), и части вещественной — описательной — *физиографіи началъ и ихъ соединеній*; но, кажется, можно сказать, что она уже близка и къ переходу въ третій и окончательный періодъ своего развитія, т. е. къ рациональному объясненію веществъ и ихъ явленій, на основаніи открытыхъ законовъ, составляющему конечную цѣль стремленій Естествопознанія.

Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто, занимаемое Химіею въ Естествознаніи, и періодъ ея развитія, весьма легко опредѣлить и предметъ ея занятій, и предѣлы оной.

Не входя въ критическій разборъ различныхъ опредѣленій, предложенныхъ для

(*) Хотя наука о сродствѣ вообще, по мнѣнію многихъ ученыхъ, принадлежитъ къ Физикѣ, и въ оную уже давно введена, (смотри *Физику Паррота* 1796 года); но какъ она есть непрерывный спутникъ Химика въ его изслѣдованіяхъ, или лучше сказать, какъ она составляетъ свѣтило для каждаго химическаго дѣйствія, то по ея необходимости, она неоспоримо составляетъ общую часть Химіи.

Химіи (*), изъ коихъ нѣкоторыя совершенно противорѣчаютъ предмету самой науки, или по крайней мѣрѣ самому содержанію сочиненій, надъ которыми онѣ выставлены; мнѣ кажется, что соотвѣтственнѣе предмету Химіи, опредѣлить ее наукою о *веществахъ и законахъ, объясняющихъ взаимное ихъ дѣйствіе*. Дѣйствительно предметомъ оной есть точное познаніе всѣхъ веществъ (непѣлъ (**)), составляющихъ предметъ Есте-

(*) О каковомъ предметѣ я подробнѣе говорилъ въ разсужденіи, изданномъ мною: о пользѣ Химіи въ Медицинѣ: смотр: *De utilitate Chemiae in Medicina*. Mosquae. 1822 — стр. 9 и слѣдующія. Химія не есть только познаніе вещества, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ ея состояніи; она не входитъ въ изслѣдованіе, что такое вещество, самосостоятельно ли оно? Существоуетъ ли само по себѣ, и при томъ одаренное двумя силами: *отталкивающей* (expansif) и *притягательною* (attractifkraft), какъ принимаетъ Кантъ (Anfangsdrucke der Naturwissenschaft 3. Aufl. s. 75)?

(**) *Тѣломъ* называется все то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ и занимаетъ часть пространства; *вещество* же есть то, изъ чего тѣло составлено. Многія весьма различныя тѣла составлены изъ однихъ и тѣхъ же веществъ, какъ на пр. мѣлъ, известковый камень и мраморъ, изъ угольной кислоты и извести. Большая часть органическихъ тѣлъ, весьма различныхъ между собою, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же веществъ.

співенной Исторіи—Зоогнозін, Фиспогнозін и Ориктогнозін), ихъ взаимныхъ дѣйствій и откритіе законовъ, коимъ онѣ подлежають.— Для почнаго же познанія веществъ недоспа-почны однѣ свѣдѣнія, приобретаемыя объ ихъ свойствахъ внѣшними чувствами, или лучше сказать, только *тѣхъ* свойствъ, которыя открываются въ веществахъ относи-тельно къ нашимъ чувствамъ. Дабы имѣть полное и почное познаніе о какомъ-либо веще-ствѣ, должно кромѣ сего знать всѣ свой-ства, открывающіяся въ немъ при различ-ныхъ условіяхъ, такъ напр. какія въ ономъ производяють измѣненія свѣтъ, теплоша, электричество, магнитность и проч., въ особенности же какія раскрываются свойства при сравненіи съ прочими веществами, или при дѣйствіи на оное другихъ веществъ, въ чемъ собственно и состояють опыты хими-ческіе, и отъ чего нѣкоторые называли Химию опытнымъ искусствомъ (*Ars experimentalis*), смѣшивая средства (опыты) съ цѣлію (позна-ніе вещества), для которой оныя производя-ся (*).

(*) Химическіе опыты производятся съ двоякою цѣлью: 1) чтобы приготошвишь или добыть изъ тѣхъ различныхъ вещества въ чистомъ ихъ со-стояніи, или въ особенномъ видѣ и состояніи,

Кромѣ сего, для починѣйшаго познанія какого-либо вещества (*) необходимо знаніе его происхожденіе, способъ, коимъ можно оное получить въ совершенно чистомъ состояніи, причины, отъ которыхъ зависить появленіе въ веществѣ различныхъ, болѣе или менѣе разительныхъ свойствъ, различіе и сходство съ другими веществами, значеніе и дѣйствіе вещества въ самой природѣ, его употребленіе для пользы или удовольствія общежитія. — Вотъ вопросы, на которые Химія обращаетъ вниманіе при изслѣдованіи каждаго вещества; поясненіе оныхъ, сколь

соотвѣствующемъ предположенной какой-либо цели или употребленію; 2) дабы получить починѣйшее сужденіе о свойствахъ веществъ, такъ сказать сокровенныхъ, внутреннихъ, подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ.

(*) Смолр. *Elementa Chemiae* F.F.Reufs §§ 9 и 10 introductionis (*m. s.s.*). Съ чувствомъ признательности указываю на пспочникъ, изъ котораго я почерпнулъ многоразличіе почекъ зрѣнія, съ которыхъ вещество должно быть разсматриваемо въ Химіи, долгомъ припомъ себѣ вмѣняя присовокупить, что для пользы науки должно желать, чтобы Химія Г. Проф. Рейсса была напечатана; ибо по своей основательности и подробности она не только станеть на ряду съ лучшими Химіями, но даже многія изъ оныхъ превзойдетъ въ общей своей части опчешливымъ, систематическимъ порядкомъ.

можно болѣе на опытѣ основанное, составляеть предметъ сей науки.

И такъ предметомъ Химіи есть точное, совершенное и сколь можно полное познаніе всѣхъ земныхъ веществъ, и ихъ взаимныхъ дѣйствій — веществъ, какъ пѣхъ, кои суть произведенія самой природы, такъ и пѣхъ, кои суть произведенія искусства — веществъ простыхъ и сложныхъ — орудныхъ и неорудныхъ — словомъ, познаніе всего вещественнаго составляетъ ея предметъ. Безконечное разнообразіе природы, многоразличіе сотворенныхъ веществъ, коимъ благоговѣнно удивляется естествоиспытатель, содѣлали изъ Химіи одну изъ обширнѣйшихъ наукъ, коей объемъ еще не мало увеличился различными примѣненіями Химіи къ многимъ отраслямъ Естественныхъ наукъ, искусствъ, художествъ, ремеслъ и проч.

Если столь обширно поле Химическихъ изслѣдованій и такъ пространна сія наука, что для нея почти уже сбывается предсказаніе *Барона Кюве* о Естественныхъ наукахъ (*),

(*) Il n'existe aucun homme au monde, qui peut embrasser avec quelque précision, quelque détail, la totalité même des sciences naturelles. Je dis plus, nous arrivons à un tems où chacune des sciences devroit, peut être, être subdivisée elle même,

що тѣмъ больше должно спарашся, чтобы всѣ посторонніе предметы, собственно не принадлежащіе Химіи, были бы изъ нея исключаемы, дабы тѣмъ облегчить изученіе сей полезнѣйшей науки.

До сихъ поръ во всѣхъ почти Химіяхъ находишся весьма много свѣдѣній, собственно Физикѣ принадлежащихъ. Дабы каждой изъ сихъ наукъ возвратити ея собственность, и опредѣлитъ все то, что въ строгомъ смыслѣ къ нимъ не принадлежитъ, должно нѣсколько ближе разсмотрѣть, какія свѣдѣнія, принадлежащія къ Физикѣ, обыкновенно преподаются въ Химіяхъ. Впервыхъ: собственно къ Физикѣ принадлежащъ (*) свѣдѣнія объ общихъ

telle est par exemple la zoologie, dont les branches sont si nombreuses, contiennent tant d'objets d'étude differens, qu'il n'est presque aucun homme qui les possede dans leur entier." Cours de l'hist. des S. N. par le Baron Cuvier, redigé par M. de St. Agy, 2 partie, p. 4, Paris, 1830.

(*) Хотя опредѣленіе предмета Физики собственно не входило въ составъ сего разсужденія, но дабы лучше опредѣлитъ сіи близкія науки, я дозволю себѣ привести нѣкоторые опредѣленія Физики:

Либесъ опредѣляетъ Физику наукою о свойствахъ тѣлъ (Nouveau Dictionnaire de Physique par A. Libes. Tome II p. 314. Paris 1806).

свойствахъ тѣлъ; о сдѣленіи, слитіи, дѣлимости, различныхъ состояніяхъ и видахъ сдѣленія и проч. свѣдѣнія, которыя всею подробностью преподаются въ Физикахъ; повторныхъ, въ Химіи пространно преподають о теплотѣ, свѣтѣ, электричествѣ и магнитности, называя оныя *невѣсомыми веществами* (*), но умалчивая о томъ, что весьма сомнительное ихъ вещественное состояніе еще вовсе не доказано, и что еще неизвѣстно, суть ли онѣ различныя вещества,

Опредѣленіе Гей-Люссака гораздо правильнѣе, соответственнѣе ея предмету и настоящему состоянію Естественныхъ наукъ; ибо, по его словамъ, кромѣ свойствъ тѣлъ, преимущественно предметомъ Физики есть познаніе силъ или дѣятелей, коимъ подлежатъ вещества. (*Gay Lussac — leçons de physique pr. partie, pag. 17. Paris. 1828*).

(*) Г. Мейснеръ старался опытами, требующими впрочемъ повторенія, доказать вѣсомость теплотвора, *уменьшеніемъ вѣса* при появленіи теплоты (при смѣшеніи воды съ крѣпкою сѣрною кислотою), и *увеличеніемъ вѣса* при поглощеніи теплоты, растворяя нашатырную соль въ водѣ (смотри Р. Г. *Meissners Anfangsgründe des Chemischen Theils der Naturwissenschaften. Wien, 1819. 2 Theil page. 89*). — По малоизвѣстности сихъ опытовъ, я привожу ихъ, дабы вновь обратитъ на нихъ вниманіе ученыхъ.

Уч. Зап. Часть IV.

3

или различные виды одного и того же вещества при различных условіяхъ ; не говоря о томъ , что гораздо вѣроятнѣе ихъ принять за общихъ дѣятелей природы , или даже за свойства веществъ , ощушительно въ нихъ возбуждаемыя при различныхъ условіяхъ. Если согласимся даже и на ихъ *невѣсомую вещественность* , то и въ такомъ случаѣ ученіе о сихъ предметахъ принадлежитъ болѣе Физикѣ , нежели Химіи ; ибо , ежели это дѣйствительно суть вещества , то по крайней мѣрѣ *общія всѣмъ тѣламъ* , (обнаруживающіяся въ нихъ при различныхъ условіяхъ). Посему какъ ученіе о веществахъ вообще и его свойствахъ : растяжимости , непроницаемости , и проч. (являющихся во всѣхъ тѣлахъ) , принадлежитъ къ Физикѣ , а не къ Химіи : такъ и ученіе о сихъ невѣсомыхъ веществахъ должно быть предметомъ Физики. Въ доказательство сего мнѣнія можно замѣтить , что ученіе о сихъ предметахъ во всѣхъ Физикахъ преподается со всею подробностію ; въ Химическихъ же сочиненіяхъ , не выключая даже знаменитаго *Берцелія* , статьи о невѣсомыхъ веществахъ обработаны въ нѣкоторомъ безпорядкѣ и весьма неудовлетворительно , такъ что въ нихъ сказано и слишкомъ мало , и слишкомъ

много — слишкомъ мало, чѣмъ получить достаточныя свѣдѣнія о сихъ любопытныхъ и важныхъ предметахъ — и слишкомъ много, какъ о предметахъ постороннихъ, не принадлежащихъ собственно Химіи. Изъ сего нѣкоторымъ образомъ мы въ правѣ заключить, что сами авторы, обрабатывая сіи спашы, внутренно были убѣждены, что онѣ собственно не принадлежатъ Химіи; но не смѣя утвердительно лишить ихъ вещественности, они полагали, что описаніе ихъ свойствъ, какъ отдѣльныхъ веществъ, нѣкоторымъ образомъ должно входить въ составъ Химіи, для обширности которой весьма желательно, чтобы мнѣніе выше изложенное было принято по крайней мѣрѣ при преподаваніи сей науки въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но если такимъ образомъ свѣдѣнія собственно Физическія лишаются правъ гражданства въ Химическихъ сочиненіяхъ: то этимъ ни мало не отрицается необходимость ихъ для изученія Химіи, для занятія ею и для ея усовершенствованія; напротивъ того Физика въ спрогомъ смыслѣ есть не только основаніе Химіи, но ея спутникъ вѣрный и непрерывный во всѣхъ ея изслѣдованіяхъ, кои, озаряясь свѣтомъ Физики, получаютъ ученое значеніе, достоин-

ство, и могутъ вести къ дальнѣйшему усовершенствованію науки. Важность Физическихъ свѣдѣній для Химіи такова, что усовершенствованіе послѣдней зависитъ отъ усовершенствованія первой, или, если можно такъ выразиться, поприща ихъ усовершенствованія идутъ параллельно; ибо свѣдѣнія Химическія не менѣе необходимы для усовершенствованія Физическихъ. Сіи двѣ науки суть какъ бы отрасли одной и той же, но коихъ обширность не дозволяетъ ихъ взаимному соединенію при публичномъ преподаваніи.

Кромѣ Физическихъ свѣдѣній введены еще въ Химію, въ особенности въ органическую, свѣдѣнія изъ *растительной* и *животной Физіологіи*, какъ то: о прозябаніи сѣмени, о питаніи растений, о появленіи теплоты при прозябаніи, о животной теплотѣ, пищевареніи, кровообразованіи, дыханіи, отдѣленіяхъ и проч. Таковыя свѣдѣнія, составляя предметъ двухъ отдѣльныхъ наукъ: *Физіологіи растений* и *Физіологіи животныхъ*, не должны быть преподаваемы въ Химіи; только нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть допускаемы въ оную, для поясненія измѣненій органическихъ веществъ въ ихъ

свойствахъ и составѣ различными жизненными дѣйствіями.

Опредѣливъ такимъ образомъ собственнѣйшій предметъ Химіи, какъ науки, и ея предѣлы, исключивъ изъ нея собственно принадлежащее Физикѣ и Физіологіи, я позволю себѣ здѣсь привести вкратцѣ раздѣленіе Химіи, дабы показать ея обширное пошище. Она раздѣляется на чистую и прикладную.

I. *Чистая Химія*, какъ самостоятельная наука и отдѣльная отрасль Естественнѣйшій, подраздѣляется: а) на *Теоретическую*, коей предметъ есть точное познаніе всѣхъ веществъ земныхъ, объясненіе ихъ взаимныхъ дѣйствій (Химическихъ явленій), и открытіе законовъ, коимъ онѣ подлежатъ.

в) *Опытную*, коей главный предметъ есть производство опытовъ, служащихъ поясненіемъ или доказательствомъ положеній, излагаемыхъ въ теоретической Химіи. (Самому же производству опытовъ, должно предшествовать краткое описаніе снарядовъ и дѣйствій химическихъ (*operationes chemicæ*)).

Теоретическая и *Опытная* Химіи при преподаваніи должны быть нераздѣльны; ибо Химія есть наука, основанная на опытахъ, и коей свѣдѣнія преимущественно увеличиваются опытами; а посему тошъ, кто по-

лучилъ нѣкопорый навѣкъ и ловкость въ производствѣ опытовъ, можетъ успѣшнѣе содѣйствовать къ распространенію Химическихъ свѣдѣній. Съ другой же стороны, безчисленныя вещества и ихъ многоразличныя свойства гораздо легче и скорѣе могутъ впечатлѣться въ памяти учащихся непосредственнымъ и совмѣстнымъ дѣйствіемъ на всѣ ихъ внѣшнія чувства, нежели только опвлеченнымъ описаніемъ оныхъ.

II. *Прикладная Химія*, предметомъ ко-ей есть примѣненіе Химическихъ свѣдѣній къ пользѣ другихъ наукъ, искусствъ и ремеслъ, подраздѣляется на :

1. *Общую*, такъ называемую *Аналитическую Химію*, которая излагаетъ правила и способы какъ вообще сложные тѣла, какого бы онѣ ни были происхожденія, естественныя, или произведенныя искусствомъ, разлагая на ихъ составныя части (*): посему-то Аналитическая Химія служитъ основаніемъ и вмѣстѣ вспомогательной наукой для прочихъ отраслей Прикладной Химіи. При настоящемъ состояніи науки, къ Аналитической Химіи

(*) Древніе Химики, начиная отъ *Сталля*, опредѣляли Химію наукою о разложеніи и соединеніи тѣлъ (смотри G. E. *Stahl's fundamenta Chemicæ dogmaticæ et experimentalis*. 1723. pag. 1).

относится такъ называемая прежде *Испытательная Химія* (Chemia docimastica, Probierkunst).

2. *Частную*, излагающую свѣдѣнія, необходимыя для какой-либо отдѣльной науки, искусства или ремесла; посему въ частной прикладной Химіи имѣется столько отдѣльных различныхъ отраслей, сколько есть отдѣльныхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ, на кои Химія имѣетъ вліяніе. Изъ сихъ, для краткости, доспащочно наименовать только слѣдующія; ибо самымъ названіемъ уже объясняются ихъ предметъ:

- a) Химія Метеорологическая, (chemia meteorologica)
- b) ——— Минеральная (oryctochemia)
- c) ——— Распительная (phytochemia)
- d) ——— Животная (zoochemia) со включеніемъ Химіи человѣческой (antropochemia).
- e) Врачебная химія (chemia medica),
примѣненная:

Къ Физиологіи,
Патологіи,
Терапіи,
Фармаціи,

Судебной и Полицейской Медицины.

- f) Химія земледѣльская (chemia agronomica).

g) Химія Хозяйственная (chemia oeconomicamica).

h) ——— Техническая (chemia technica) съ примѣненіемъ къ познанію :

Камней и земель (chemia lithurgica vel lithochemia, geochemia).

Металловъ (metallurgia).

Горючихъ веществъ (phlogurgia vel phlogochemia).

Стекла (hyalotechnica vel hyalurgia).

Солей (halurgica vel halochemia).

Красильныхъ веществъ (chromurgia vel chromatica).

Дубильныхъ веществъ (scytochemia).

Броженія (zymochemia vel zymotechnia).

Изъ сего краткаго исчисленія главныхъ отраслей Химіи явствуетъ, какое она имѣетъ вліяніе на науки, искусства и ремесла, и сколь она полезна и необходима въ общественной жизни, и для содѣйствія къ успѣху Государственнаго и частнаго богатства. Цвѣтущее состояніе фабрикъ, ремеселъ и искусствъ на западѣ Европы, основанныхъ на Химическихъ свѣдѣніяхъ, служило яснымъ сему доказательствомъ. Какимъ образомъ достигла его Франція? Что заставило процвѣтать ея промышленность? Отъ чего такъ повсемѣстны тамъ Химическія свѣдѣнія?

Ключъ къ сему находимъ во вступишельной рѣчи Фуркруа (*). За тридцать лѣтъ предъ симъ, по его предложенію, Физика и Химія введены въ кругъ гимназическаго ученія (écoles centrales dans les départemens de la France), и тѣмъ предначертаны для Франціи способы къ достиженію благосостоянія. Я не коснулся бы сего предмета, еслибъ не побуждало меня къ сему пламенное желаніе видѣть и въ нашемъ Отечествѣ процвѣтающими Химическія свѣдѣнія, коимъ Франція и Англія большею частію обязаны своимъ богатствомъ. Но сіе желаніе уже исполняется: основанные въ обѣихъ Столицахъ технологическіе институты служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что со временемъ и большее число таковыхъ благодѣтельныхъ разсадниковъ явится въ обширномъ Отечествѣ нашемъ.

Но если столь велики важность, необходимость и польза Химіи; если ея отрасли столь многочисленны, и вмѣстѣ многочисленны; если объемъ и кругъ ея дѣйствія столь обширенъ, что для изученія оной

(*) A. F. Fourcroy *systeme des connaissances chimiques* Tome 1. Discours préliminaire p. XIX et XX. Paris, an IX.

почти недоспапочна долголѣшная жизнь человека; по сколь трудна должна быть обязанность преподавателя Химіи, желающаго и вполне сообщить свѣдѣнія объ оной своимъ слушателямъ, и облегчить имъ занятіе сею полезнѣйшею наукою, и вмѣстѣ съ симъ вмѣстити полный курсъ Химіи въ ограниченныя рамы Академическаго года. Сіи-то соображенія заставили подраздѣлить Химію на *Чистую* и *Прикладную*, и только первая, служащая основаніемъ второй, вмѣстѣ съ *Общею Прикладною Химіею (Аналитическою)* можетъ быть предметомъ преподаванія Профессора сей науки; *Частная же Прикладная Химія* включена въ науки, на которыя она имѣетъ вліяніе.

Но и при такомъ ограниченіи преподаванія Профессора Химіи, ему еще остается обширное поле трудиться для пользы Науки и Отечества.

С. МИНЕРАЛОГІЯ.

3. О ЦВѢТАХЪ МИНЕРАЛОВЪ.

Лекція О. П. Ловецкаго.

Между всѣми внѣшними свойствами минераловъ, кристаллизованная форма и цвѣтъ суть важнѣйшія качества, которыми они привлекають на себя вниманіе любителей изящнаго, эстетическаго въ природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ мертвое и безмолвное вещество плѣнить наше зрѣніе, какъ не изяществомъ формы и красотою цвѣта? Лишите горный хрусталь многогранной его формы; уничтожьте въ благородномъ опалѣ великолѣпную, радужную игру цвѣтовъ: они потеряють въ глазахъ вашихъ всю свою прелесть и цѣну. Вы будете смотрѣть на нихъ точно такъ, какъ смотрите на обыкновенное стекло, или какъ на простые камни, которые ежедневно попираете ногами вашими.

Мы уже разсуждали о законахъ и условіяхъ, при которыхъ образуются правильныя формы минераловъ. Теперь займемся изслѣдо-

ваніемъ причинъ безчисленнаго разнообразія цвѣтновъ, которыми природа украсила минеральное царство.

Минералы, касательно цвѣта, раздѣляющіяся на *цвѣтные* и *безцвѣтные*. Безцвѣтность свойственна, большею частію, минераламъ правильно кристаллизованнымъ, прозрачнымъ, имѣющимъ сложеніе стекловатое, и состоящимъ изъ чистаго однороднаго вещества, или изъ нѣсколькихъ простыхъ веществъ, но не соединенныхъ съ веществами окрашивающими, ни механически, ни химически, на пр. горному хрусталу, нѣкоторымъ разноскамъ восточнаго яхонта (корунда), исландскому шпату, и п. п. Напротивъ того *цвѣтность* свойственна всѣмъ, собственно такъ называемымъ, металламъ (и многимъ рудамъ оныхъ), всѣмъ камнямъ и солямъ, правильно и неправильно кристаллизованнымъ, прозрачнымъ и непрозрачнымъ, но соединеннымъ химически или механически съ окрашивающими (по большей части металлическими) веществами, на пр. окисью желѣза, марганца, никкеля, хрома и проч.

Безцвѣтность — признакъ чистоты и простоты неорганическаго состава, принадлежишь преимущественно первенцамъ минеральнаго царства; а *цвѣтность*, большею

частію, мінераламъ , заключеннымъ въ породахъ послѣдовательнаго образованія , происшедшихъ изъ разрушенія первозданныхъ горъ.

Цвѣтность мінераловъ , равно какъ и всѣхъ шѣлъ природы, зависить: 1е отъ свѣта , какъ существа цвѣтнаго , состоящаго изъ множества лучей , различающихся между собою цвѣтомъ и степенью преломляемости; 2е отъ свойства частицъ самаго мінерала; 3е отъ степени сдѣленія между частицами; 4е отъ образа скопленія сихъ частицъ въ правильную (т. е. кристаллическую) или неправильную форму; 5е отъ числа осей , преломляющихъ лучи свѣта ; 6е отъ примѣси какого-либо посторонняго вещества, механически или химически соединеннаго съ веществомъ мінерала.

Первое условіе, т. е. свѣтъ, есть внѣшнее условіе цвѣтности мінеральныхъ шѣлъ, а послѣднія составляютъ внутреннія или ближайшія условія разноцвѣтности, т. е. условія явленія того или другаго цвѣта. Въ самомъ дѣлѣ , если бы причина цвѣтности заключалась въ одномъ свѣтѣ , то всѣ мінералы казались бы одноцвѣтными ; но поелику опыты показываютъ , что цвѣты мінераловъ до безконечности разнообразны , то очевидно , что кромѣ свѣта, есть еще другія произво-

дители разноцвѣтности, заключающіеся въ самихъ минералахъ. И такъ, хотя цвѣтъ не есть собственная принадлежность минераловъ; — однакожь различать свѣтъ и отражать къ глазу наблюдателя пошъ или другой изъ его цвѣтовъ, зависить отъ ихъ физическихъ и химическихъ качествъ.

Разсматривая цвѣты, украшающіе мерзвое неорганическое царство природы, мы находимъ, что поелику (касательно внутреннихъ условий, заключающихся въ самихъ минералахъ) зависить они отъ двухъ главныхъ обстоятельствъ: а) отъ свойствъ самаго шѣла; б) отъ примѣси того или другаго посторонняго вещества, механически между частицами минерала разбѣянаго, или химически съ его началами соединеннаго, то очевидно, въ минералахъ должно различать: *цвѣты собственные*, т. е. зависящіе отъ свойствъ минеральнаго вещества, и *цвѣты случайные*, происходящіе отъ примѣсей веществъ чуждыхъ, не составляющихъ существенной части въ его составѣ. Всѣ эти цвѣты, какъ собственные, такъ и случайные, разсматриваются шроякимъ образомъ: въ цѣльной массѣ, въ порошокъ, и черпъ, которую они освѣляютъ на другихъ шѣлахъ.

Цвѣты массъ бываютъ *постоянные и подвижные*. Первые являются всегда одинаковыми, съ какой бы стороны ни смотрѣли на минераль, а послѣдніе измѣняются, съ перемѣною точекъ зрѣнія.

Въ *постоянныхъ цвѣтахъ* надобно различать: а) цвѣты видимые на поверхности минераловъ чрезъ *отраженіе*, и б) сквозь массу ихъ — чрезъ *преломленіе*. Это различіе во многихъ случаяхъ необходимо; ибо есть минералы, которые видимы бываютъ чрезъ отраженіе въ одномъ опредѣленномъ цвѣтѣ, а чрезъ преломленіе — въ другомъ.

Цвѣты подвижные раздѣляются опять: на *радужные* (irisé) и *отливные* (chatoyans). Цвѣты называются радужными, когда на поверхности минераловъ съ разныхъ сторонъ видно бываетъ вдругъ нѣсколько цвѣтовъ, отличныхъ отъ общаго цвѣта массы, каковы: лабрадоръ, драгоцѣнный опаль; отливными же именуются такіе, въ которыхъ замѣчается, снаружи или внутри, особенное *сіяніе*, отличное отъ цвѣта массы, которое перемѣняетъ свое положеніе, при измѣненіи точки зрѣнія и при обращеніи минераловъ около своей оси.

Подъ именемъ *цвѣта въ порошокъ и цвѣта въ чертъ* разумѣють минералоги измѣне-

ніе цвѣта , которе плотные минералы претерпѣвають, когда они расширяются въ порошокъ , или когда , при преніи о жесткое шло, ославляють на немъ цвѣтную черту, отличную отъ цвѣта массы. Такъ самородная киноварь, будучи въ плотномъ состояніи, имѣеть цвѣтъ темно-красный или бурый ; но , истершая въ порошокъ , пріобрѣтаетъ цвѣтъ алый.

I. *Цвѣты собственные, вещественные* свойственны сѣрѣ , самороднымъ металламъ , металлическимъ окисямъ , равно какъ и составамъ , въ которыхъ сіи окиси имѣють значеніе существенныхъ составныхъ частей. Эти цвѣты всегда однообразны и постоянны, лишь бы минералъ былъ въ чистомъ состояніи. Впрочемъ и здѣсь не безъ исключенія. Плотность и рыхлость состава въ одномъ и томъ же минералѣ ; имѣють большое вліяніе на цвѣтъ. Такъ на пр. металлическія окиси, предполагая, что они въ чистомъ состояніи, находясь въ видѣ порошка, имѣють цвѣтъ, имъ свойственный, опредѣленный, коего густота всегда одинакова ; но , когда частички ихъ , посредствомъ правильной или неправильной кристаллизаціи , соединяются въ плотную массу, то часто случается , что густота цвѣта совершенно измѣняется, и

одинъ и тотъ же минералъ является въ различныхъ цвѣтахъ.

По опытамъ *Леймута*, собственные цвѣты минераловъ могутъ измѣняться отъ искусственнаго сжатія. Такъ сѣра (soufre, sulphur), имѣющая въ естественномъ состояніи цвѣтъ сѣрно-желтый, отъ сжатія получаетъ цвѣтъ сѣрый.

2. *Цвѣты случайные.* Они могутъ до безконечности различивоваться въ одной и той же породѣ минерала, смотря по свойству чуждыхъ окрашивающихъ веществъ. Очевидно, что эти цвѣты, будучи столь непостоянны, не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ для различія минеральныхъ пѣлъ однихъ отъ другихъ. Происходятъ, какъ выше было сказано, отъ постороннихъ окрашивающихъ веществъ, соединенныхъ съ минералами или механически или химически.

а) *Цвѣты, зависящіе отъ механической примѣси окрашивающихъ веществъ*, замѣчаются, большею частію, въ минералахъ, кристаллизованныхъ въ средѣ какого-либо осадка красящаго вещества, имѣющаго видъ порошковатый или сплошной, и соединенныхъ, во время кристаллизаціи, съ частицами сего вещества. Эта примѣсь иногда очень бываетъ явственною и легко узнается съ пер-

ваго взгляда или простыми глазами, или при помощи увеличительнаго стекла, иногда при помощи одного яркаго свѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно получить красящее вещество въ отдѣльномъ видѣ и узнать его свойство, на пр. въ такомъ случаѣ, когда минераль растворяется въ водѣ (на пр. поваренная соль) или въ кислотахъ (углеродно-кислая известь), а окрашивающее вещество не распадается въ сихъ жидкостяхъ. Но если главное или основное вещество минерала нерастворимо, то часто невозможно бываетъ узнать присутствія посторонняго красящаго вещества иначе, какъ чрезъ рядъ умозаключеній, сравнивая съ цвѣтами извѣстныхъ уже минераловъ, съ свойствомъ веществъ, сопутствующихъ испытуемому минералу, и наконецъ чрезъ знаніе мѣсто-нахожденія онаго. Такимъ образомъ узнано, что причиною случайныхъ цвѣтовъ въ минералахъ бываетъ механическая примѣсь слюды, амфиболы, епидота, желѣзистой глины и т. п. Нѣкоторые минералы окрашиваются веществами летучими, легко разрушающимися отъ огня; на пр. углемъ, углеводородомъ (*carbure d'hydrogene*) и т. п.

Вообще замѣчено, что механическія примѣси постороннихъ окрашивающихъ веществъ

почти всегда измѣняютъ прозрачность шѣлъ, а иногда дѣлаютъ ихъ совершенно непрозрачными во всей массѣ, или въ нѣкоторыхъ частяхъ оной. Замѣчено также, что измѣненіе прозрачности въ цвѣтныхъ минералахъ есть почти единственный признакъ, по которому можно заключать о присутствіи въ нихъ механической примѣси красящихъ веществъ.

б) *Цвѣты, происходящіе отъ химическаго соединенія окрашивающихъ веществъ съ основными началами минераловъ.* Эти цвѣты, подобно предыдущимъ, весьма часто встрѣчаются въ природѣ; свойственны болѣею частію драгоценнымъ камнямъ. Многіе изъ числа сихъ камней, не смотря на то, что принадлежатъ къ одному и тому же виду (species), являющіяся въ цвѣтахъ весьма различныхъ. На пр. *изумрудъ* (emeraude) бываетъ цвѣта травяно-зеленаго (собственно такъ называемый изумрудъ), голубовато-зеленаго (аквамарины), горно-или-свѣтло-зеленаго (бериллы), желтоватаго и бѣловатаго (*). *Топазъ*

(*) Трудно опредѣлить причину столь великаго разнообразія въ цвѣтѣ одного и того же минерала. Въ изумрудѣ, по разложеніямъ *Берцелиуса*, *Вокелена*, *Дюмениля* и *Клапрота*, главные составныя начала суть: кремнеземъ, глиноземъ и сладкоземъ (Glycinium). Вещества кра-

также бываетъ различныхъ цвѣтовъ: безцвѣт-
ный (*goutte d'eau*), синеватый, желто-соломен-
ный, жонкилевый, желто-красноватый, вино-
желтый и фіолетовый. Алмазь, считааемый
за чистый углеродъ, является почти во
всѣхъ цвѣтахъ.

Поелику окрашивающее вещество, въ
большей части драгоцѣнныхъ камней, не
измѣняетъ ни прозрачности, ни блеска ихъ,
и представляется глазамъ наблюдателя столь
тѣсно сліяннымъ съ веществомъ ихъ, что
нѣтъ возможности различить его отъ про-
чихъ частей, какъ бы ни была велика пре-
ломляющая сила микроскопа, но по всей
справедливости можно заключить, что крася-
щее начало, въ сихъ случаяхъ, находится въ
химическомъ соединеніи съ основными начала-
ми минерала.

Какъ случайные, такъ и существенные
цвѣты, разнообразны до безконечности. Впро-

сящія въ изумрудѣ изъ Бродбо: окись же-
лѣза и окись тантала въ бериллѣ изъ Си-
бири, окись желѣза; въ Сибирскомъ аква-
маринѣ, окись желѣза, въ Перувианскомъ изу-
мрудѣ, окись хрома и окись желѣза. Изъ сихъ
разложеній ясно видно, что кромѣ Перувианска-
го изумруда, окрашеннаго окисью хрома, во
всѣхъ прочихъ разностяхъ онаго внутреннее
условіе разноцвѣтности одно — именно: окись
желѣза.

чемъ любители систематическаго порядка раздѣляютъ ихъ на роды, виды и различія. Главныхъ или родовыхъ цвѣтовъ, восемь: *бѣлый, сѣрый, черный, синій, желтый, зеленый, красный, бурый*. Каждый изъ нихъ подраздѣляется на нѣсколько видовъ, въ которыхъ главнѣйшій господствующій цвѣтъ оптѣняетъ другимъ цвѣтомъ, или какимъ-либо родовымъ, или такимъ, который болѣе или менѣе походитъ на цвѣтъ какого-либо естественнаго шѣла. Такъ цвѣтъ бѣлый, (т. е. безцвѣтность въ веществѣ непрозрачномъ) бываетъ: *серебристо-бѣлый, оловянно-бѣлый, молочно-бѣлый, бѣло-сѣрый* и проч.; сѣрый: *жемчужно-сѣрый, пепельно-сѣрый, свинцово-сѣрый* и т. д; черный: *смоляно-черный, черно-зеленый, вороной* и проч.; синій: *небесно-синій, смальтово-синій, лазоревый* и проч.; зеленый: *изумрудно-зеленый, травяной, оливковый, яблочный* и проч.; желтый: *сѣрно-желтый, соломенный, восковой, медовой, золотой, охряной* и проч.; красный: *багряный, кирпичный, вишневый, розовый* и проч.; бурый: *печенково-бурый, звездично-бурый, красно-бурый* и проч.

Выше было сказано, что собственныя или существенныя цвѣты всегда однообразны во всей массѣ; но въ цвѣтахъ случайныхъ

нѣтъ этого однообразія. Еслижъ иногда встрѣчаются минералы однообразно окрашенные во всей массѣ случайнымъ цвѣтомъ: то гораздо чаще попадаются минералы, въ массахъ которыхъ случайные цвѣты раздѣлены разнообразно. Таковое разнообразное раздѣленіе цвѣтовъ въ одной и той-же массѣ называется *цвѣто-рописаніемъ* (*pictura colorum*) и *цвѣто-раздѣленіемъ*. Оно бываетъ: почечное, пятнистое, облако-видное, развалино-видное, ландшафтное, древовидное, моховидное, полосками, кружками, жилками, зигзагами и т. п.

Минералы, отличающіеся отъ другихъ цвѣто-рописаніемъ, или, что все равно, разнообразною пестрою цвѣта, составляющъ, отчасти, предметъ любопытства, отчасти идутъ на украшенія. Но для минералога недоспашочно знать пестрый минералъ изъ одного любопытства. Онъ долженъ стараться узнать и тѣ вещества, отъ которыхъ зависитъ пестрота цвѣта; равно какъ и условія, при которыхъ онъ бываетъ способенъ для образованія оной (пестроты.) Кажется, что цвѣтная пестрота происходитъ въ минералахъ по образцу пестроты такъ называемаго мраморнаго мыла, коего теорію образованія подробно изложилъ

Дарсетъ (Darcet). При мыловареніи резульпашъ первой варки состоиптъ въ смѣшеніи мыла алкалическаго , которое составляетъ самую большую часть мраморнаго мыла, съ мыломъ квасцовымъ, содержащимъ въ себѣ въ маломъ количествѣ желѣзный купоросъ, опъ котораго вся масса окрашивается однообразно шемно-голубымъ цвѣтомъ.

Передѣлывая снова это вещество , можно , по произволу , получать бѣлое или мраморное мыло. Если распворить сіе произведеніе въ доспапочномъ количествѣ воды, то квасцовое мыло осаждается и увлекаетъ съ собою красящее вещество. Вообще вся масса тогда раздѣляется на два слоя: *верхній-бѣлый* , и *нижній-окрашенный* , образуя въ совокупности вещество болѣе или менѣе плотное. Если распворить сіе послѣднее произведеніе въ меньшемъ количествѣ воды, то квасцовое окрашенное мыло не осаждается по прежнему , но кристаллизуется въ средѣ бѣлаго мыла , образуя жилки и черточки всякихъ формъ, болѣе или менѣе широкія , которыя , смотря по количеству находящагося въ нихъ красящаго вещества , являющагося въ разныхъ степеняхъ густоты, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цвѣтъ ихъ бываетъ темнѣе , а въ другихъ ярче.

Если количество воды употребляется еще меньшее, и если охлаждение раствора будетъ осторожное, то получится мыло съ мелкими бѣлыми и голубыми пятнами, расположенными возлѣ другъ друга. Наконецъ, когда количество воды будетъ весьма малое, то получится масса однообразно окрашенная.

Весьма вѣроятно, что и въ минералахъ расположеніе случайныхъ цвѣтовъ происходитъ такимъ же образомъ, какъ и въ мраморномъ мылѣ, съ тою только разницею, что въ природѣ оно гораздо разнообразнѣе, нежели на мыловаренныхъ заводахъ,

С. Цвѣты радужные, игра цвѣтовъ.
Это суть такіе цвѣты, которые не зависятъ ни отъ свойства тѣла, ни отъ веществъ случайно съ ними смѣшанныхъ; но происходятъ или отъ трещинъ, или отъ поверхностнаго разложенія тѣла, или отъ постороннихъ веществъ, покрывающихъ его на подобіе кожицы. Наконецъ нѣкоторые изъ сихъ цвѣтовъ происходятъ отъ особеннаго скопленія вещественныхъ частицъ на поверхности тѣла или внутри онаго.

Трещины производятъ внутри минераловъ явленія, похожія на цвѣтные кольца, замѣченныя *Ньютономъ*. Въ нихъ замѣчаютъ

иногда цвѣтныя концентрическія коймы, болѣе или менѣе правильныя, иногда свѣтлыя полосы, окрашенныя цвѣтами красными, голубыми, желтыми и проч., похожими на цвѣты радуги, отъ которой, это свойство минераловъ производить радужную игру цвѣтовъ, и названо *радужовидностію* (irisatio). — Радужные цвѣты обнаруживаются во всѣхъ минералахъ сплошныхъ, прозрачныхъ, однородныхъ, которые съ большею или меньшею удобностію могутъ раскалываться, преимущественно же въ тѣхъ, которые способны къ разчлененію (clivage). Примѣръ: листоватый гипсъ. Въ немъ можно по произволу располагать величиною цвѣтныхъ колецъ и производить разнородные цвѣты. Спобны только слегка *отдѣлять* листочки его одни отъ другихъ, или *сближать* ихъ, сжимая между пальцами.

Радужные цвѣты, происходящіе отъ разложенія, преимущественно замѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣдныхъ рудахъ, какъ-то: въ мѣдномъ колчеданѣ, въ пестрой мѣдной рудѣ (Buntkupferkies), въ сырой сурьмѣ (antimonium sulphureum) и пр. Разложеніе въ минералахъ бываетъ *поверхностное*, гдѣ измѣняется только верхняя пластинка минерала; *глубокое*, проникающее внутрь, и *всеобщее*,

гдѣ разлагается вся масса минерала. Радужныя цвѣты, господствующіе въ разложенныхъ минералахъ, суть: спально-синій, опшѣнки фіолетоваго, краснаго и желтаго цвѣтовъ.

Радужныя цвѣты, происходящіе отъ налѣпа или настилки веществъ туждыхъ, замѣчающіяся на всѣхъ шѣлахъ, но особенно на рудахъ желѣзныхъ (на кристаллизованной желѣзной рудѣ Fer oligiste съ острова Эльбы, на перекиси и капельниковаго желѣзной водокиси), на поверхности кристалловъ нѣкоторыхъ углекислыхъ известняковъ, смѣшанныхъ съ углекислымъ желѣзомъ и горкоземомъ; между листками нѣкоторыхъ слюдистыхъ сланцовъ, въ трещинахъ каменнаго угля и проч. Сіи цвѣты бывають рѣдко однообразны; чаще состоятъ изъ соединенія многихъ цвѣтовъ, весьма ярко блестящихъ; это суть опшѣнки золоша и мѣди — совокупность яркихъ цвѣтовъ голубыхъ, красныхъ, желтыхъ и проч.

Радужныя цвѣты, происходящіе отъ особеннаго расположенія частицъ внутри минерала, встрѣчающіяся въ опалѣ, лабрадорѣ и проч. Радужныя цвѣты опала, которые иногда бывають весьма ярки, и отъ которыхъ зависить драгоцѣнность сего камня, по мнѣнію Гаю, происходятъ отъ простыхъ трещинъ; но Беданъ замѣчаетъ, что посред-

спвомъ прещинъ не лѣзя объяснить происхожденія радужныхъ цвѣтовъ въ семь камнѣ. *Гаю* утверждалъ, что опаль теряетъ свою радужновидность, когда будетъ разбишь въ мелкіе кусочки. Это несправедливо, говоритъ *Бѣданъ*, ибо и мелкіе кусочки, едва видимые сквозь микроскопъ, представляють цвѣты столь же разнородные и яркіе, какъ и куски крупные. Весьма замѣчательно, что въ опалахъ, совершенно прозрачныхъ, радужная игра цвѣтовъ не замѣчается. Но она появляется, когда камень получишь мутность, или спуденистую прозрачность; впрочемъ, чѣмъ они (цвѣты) обнаружались и въ разноспяхъ (*varieté*) совершенно прозрачныхъ, нужно оныя нѣсколько нагрѣвать; таковъ опаль, называемый *пирофаномъ*. Есть опалы, которые, находясь во влажной атмосферѣ, теряють радужную игру цвѣтовъ; но, будучи нагрѣты, оныя оную получаютъ. Наконецъ находясь опалы, которые не иначе обнаруживаютъ радужные цвѣты, какъ сдѣлавшись напередъ влажными. Таковъ опаль—*гидрофанъ*, который лежа на воздухѣ, не имѣетъ прозрачности; но, будучи положенъ въ воду, получаетъ мало по малу блескъ, прозрачность и радужную игру цвѣтовъ. Сіи наблюденія очевиднымъ образомъ доказываютъ, что явленіе радужныхъ цвѣтовъ

въ опалахъ зависить отъ маленькихъ пустотъ, находящихся внутри сихъ камней, замѣщенныхъ то воздухомъ, то водою, какъ срединами, различнымъ образомъ преломляющими и разлагающими лучи свѣта.

Нужнымъ счишаю замѣтить, что посредствомъ искусства можно доспавить и спеклу радужную игру цвѣтовъ, подобную той, которая встрѣчается въ опалахъ. Сплавивъ только къ стеклянной фриттѣ, при ея расплавленіи, прибавивъ веществъ нерасплавимыхъ, на пр. оловянной окиси, пережженныхъ и въ порошокъ истолченныхъ коспей. Эти вещества, смѣшавшись съ стеклянною массою, доспавляютъ ей мушную прозрачность и способность разлагать лучи свѣта.

Цвѣты отличные подвижные (chatoiement) имѣють много сходства съ радужною игрою цвѣтовъ. Являются въ видѣ подвижныхъ бѣлыхъ, красноватыхъ и зелено-желтыхъ сіяній, обнаруживающихся или на поверхности, или внутри камня. Свойство производить опливыныя цвѣты, имѣють: жирозолевый опаль, нѣкоторыя разновидности корунда, адуларія или лунный камень, кашофшальмитъ, кимофанъ или хризоберилъ, бѣлый топазъ и другіе.

Подвижные цветы (опаловидность *opalescentia*) обнаруживаются тогда, когда порода минерала, по свойству своему, прозрачная, больше или меньше, дѣлается мутною отъ находящихся внутри ея постороннихъ веществъ, состоящихъ или изъ мельчайшихъ капелекъ воды, или воздуха, или изъ вещества плотнаго, расположеннаго въ видѣ тончайшихъ жилочекъ (въ жирозолѣ, въ катоптальминѣ, коего опливы, по мнѣнію *Кордье*, зависятъ отъ тончайшихъ жилочекъ асбеста) между пластинками минерала. Иногда опливыя цвѣты происходятъ отъ волокнистой ткани самого камня, способной разлагать лучи свѣта различнымъ образомъ. Прим. волокнистый гипсъ, нефритъ или жадъ, принимающіе весьма хорошую полировку и красивый подвижной опливы.— Мы можемъ и въ семь случаевъ подражать природѣ, дѣлая стекла съ подвижными опливами, чрезъ прибавленіе къ стеклянной массѣ (фришпѣ) веществъ нерасплавимыхъ, соединяющихся механически съ веществомъ стекла.

Авантюриность есть игра цвѣтовъ особеннаго рода, независящая отъ веществъ красящихъ, но происходящая, повидимому, отъ различныхъ степеней преломленія въ различныхъ точкахъ минеральной массы. Таковую

игру цвѣшовъ находятъ въ разности кварца, извѣснаго подъ именемъ Авантюринаго (quarz aventuriné). Онъ имѣетъ строеніе *зернистое* (составъ зернистый), происходящее отъ скопленія въ одну массу кристалловъ кварца, которые иногда легко могутъ быть различаемы между собою. Между сими кристаллами одни имѣютъ болѣе стекловатости, а другіе менѣе. Отъ сего происходятъ на камнѣ разно-блестящія точки, копоры, когда масса внутри бѣла, усматриваются въ видѣ бѣлаго сіянія, съ оплывами цвѣшовъ злато - желтыхъ, бурыхъ и бурокрасныхъ, если камень случайно проникнуть желѣзными окисями, часто попадающими въ внутри кристаллическихъ зеренъ кварца. Нѣкоторые приписываютъ авантюринную игру свѣта шрецинамъ, предполагая, что авантюринные камни находясь въ видѣ кругляковъ, копорые, будучи переносимы водою съ мѣста на мѣсто, ударялись другъ о друга и расшрескивались различнымъ образомъ; но это обстоятельство не можетъ быть причиною авантюринности, ибо шрецины, происшедшія отъ удара, не простираются въ глубину кругляковъ; между тѣмъ какъ явленіе авантюринности обнаруживается во всей массѣ, какъ бы она ни была велика.

Не надобно смѣшивать авантюринности съ опблескомъ, происходящимъ отъ присущствія чешуекъ слюды въ горныхъ кряжахъ кварца, фельдшпата, изъ коихъ каждая отражаетъ свѣтъ и производитъ въ глазѣ явленіе, похожее на авантюринную игру свѣта.

Лабрадоръ представляетъ цвѣтныя явленія, отличныя отъ предъидущихъ. До сихъ поръ не могли еще объяснить ихъ удовлетворительно. Эти цвѣты весьма ярки; обнаруживаются при извѣстномъ положеніи камня къ глазу; переходящъ съ мѣста на мѣсто такъ, что на поверхности его въ одно время замѣчаютъ полосы голубаго цвѣта съ разными оппѣнками, а въ другое — зеленаго, краснаго, злато-желтаго и проч. Иногда массы лабрадора, будучи составлены изъ кристаллическихъ группъ, сросшихся между собою въ разныхъ направленіяхъ, обнаруживаютъ на одной и той же поверхности, и подъ однимъ и тѣмъ же наклоненіемъ, разнообразныя цвѣты, которые весьма ярки и приятны для глазъ. Сии цвѣты имѣютъ голубоватыя и зеленоватыя опливы, похожіе на опливы перьевъ на горлѣ голубей и колибри. Масса лабрадора весьма часто кажущаяся составленною изъ мелкихъ пластинокъ, наспланныхъ другъ на друга въ видѣ

чешуи, или изъ тонкихъ волоконъ, или изъ мелкихъ иглъ, слѣвленныхъ однѣ съ другими и лежащихъ концы съ концами. Весьма вѣроятно, что радужовидность лабрадора зависить отъ тонко-листоваго или пластинчатого его состава.

Астерія (*Astérie*) или *Звѣздообразное сіяніе* (*Opalisatio asteriscoidea*). Это есть бѣловатая блестящая звѣздочка съ шестью лучами, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ разновидностяхъ (*variétés*) корунда, а преимущественно въ синемъ яхонтѣ или сафирѣ (*lux - saphir*). Видимо бываетъ чрезъ отраженіе, а также чрезъ преломленіе, если камень держать между глазомъ и яркимъ свѣтомъ. Трудно изяснить это явленіе; однако должно замѣтить, что оно находится въ симметрическомъ соотношеніи съ формою кристалловъ, въ которыхъ обнаруживается. Въ самомъ дѣлѣ, звѣздочка не иначе является, какъ въ кристаллахъ, имѣющихъ перпендикулярное къ оси сѣченіе, особенно же тогда, когда они имѣютъ выпукло-вдавленную обдѣлку (*en cabochon*). Каждый изъ 6 лучей соотвѣтствуетъ одному ребру многограннаго угла ромбонда, который есть первообразная форма корунда. Очевидно, что при луча соотвѣтствуютъ тремъ ребрамъ верхнимъ, и при луча —

верхушечнымъ ребрамъ нижнимъ. Попадающ-ся въ природѣ корунды, коихъ кристаллы обнаруживаютъ только одну часть сего явленія. Это — кристаллы, также съ ромбическими вершушками, коихъ верхушечныя ребра нѣсколько округлены. Тогда каждое ребро представляетъ блестящую линію (*).

Надобно замѣтить, что звѣздообразное сіяніе замѣчается только въ разноспяхъ корунда, имѣющихъ мутную прозрачность. Наиболѣе свойственно сіе явленіе разноспямъ синимъ, извѣстнымъ въ торговлѣ подъ именемъ синяго яхонта (сафира), нежели разноспямъ краснымъ, называемымъ рубинами.

Подобное явленіе, т. е. *звѣзда* съ шрема, или шестью, съ четырьмя или осью лучами, иногда замѣчается въ гранатѣ (вениса). Есть извѣстное соотношеніе между симъ явленіемъ, и шѣмъ, которое обнаруживается въ корундѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вениса представляетъ звѣзду съ шрема или шестью лучами во всѣхъ случаяхъ, когда она разсѣкается перпендикулярно къ оси, проведенной чрезъ два 3-гранные угла, противоположные ромбоидальному додекаэдру, къ которому кри-

(*) См. *Traité de Mineralogie* par Beudant, T. I. Paris. 1850. p. 299.

спаллизації сего камня можеть бытъ опіе-сена. Здѣсь, точно также, какъ и въ корундѣ, при луча принадлежащъ одной, а прочіе три — другой противоположной верхушкѣ ромбоида. Звѣзды съ 4—или 8—лучами замѣчаются тогда, когда камень разсѣкается перпендикулярно линіи, копорая будеть проходить чрезъ два угла, составленные изъ четырехъ плоскостей.

Многоцвѣтность (polychroisme) — явление, зависящее отъ преломленія лучей свѣша въ нѣкоторыхъ минералахъ, въ слѣдствіе ко-его они представляются по въ томъ, по въ другомъ цвѣтѣ. Она имѣеть тѣсную связь съ внутреннимъ устройствомъ минерала. Замѣчено, что многоцвѣтность не свойственна минераламъ, кои кристаллизованы по образцу системы кубической, октоэдрической и додекаэдрической. Очевидно, что минералы, кристаллизованные по симъ образцовымъ формамъ, всегда одноцвѣтны, какимъ бы образомъ свѣтъ чрезъ нихъ ни проходилъ. Ясно, что многоцвѣтность свойственна только тѣмъ минераламъ, кои имѣють двойное лучепреломленіе.

Въ минералахъ, имѣющихъ одну ось двойнаго лучепреломленія, замѣчаютъ два цвѣта — *двухцвѣтность* (dichroisme); одинъ, когда

свѣтъ проходитъ кристаллъ параллельно оси двойнаго лучепреломленія; *другой* — когда онъ (свѣтъ) проходитъ ее (ось) перпендикулярно во всѣхъ среднихъ, между ними, положеніяхъ, цвѣты бываютъ того и другаго вида. Явленія двуцвѣтія часто обнаруживаются въ кордьеритѣ, турмалинѣ, въ везувіанской слюдѣ, изумрудѣ и проч. Кордьеритъ въ первомъ случаѣ — голубаго цвѣта, а въ другомъ фіолетоваго.

Турмалинъ, при параллельномъ прохожденіи свѣта къ оси — является чернымъ, а при перпендикулярномъ — зеленымъ, бурымъ, краснымъ и проч.

Въ минералахъ съ двумя осями двойнаго лучепреломленія, допускается, по теоріи, *трицвѣтность* (trichroismus). Первый цвѣтъ обнаруживается, когда свѣтъ проходитъ шло параллельно плоскости осей и средней линіи; второй когда свѣтъ проходитъ параллельно плоскости осей и перпендикулярно средней линіи; третій, наконецъ, является тогда, когда свѣтъ проходитъ перпендикулярно къ плоскости и средней линіи. Явленіе прецвѣтности замѣчено *Сорретомъ* въ Бразильскомъ топазѣ, котораго цвѣтъ былъ красный, не зависившій отъ огня. Въ первомъ направленіи лучей свѣта (т. е. параллельномъ къ плоско-

спи осей и средней линіи) онъ получалъ цвѣтъ розовый съ желтоватымъ опливомъ, во впоромъ — фіолетовый, безъ примѣси желтаго; въ шрепьемъ — бѣло-желтоватый. — Сін оптѣнки, въ среднихъ положеніяхъ, переходятъ одни въ другіе.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что минералы, кристаллизованные по образцу системы кубической, суть *одноцвѣтные*; минералы съ одною осью двойнаго лучепреломленія — *двуцвѣтные*; наконецъ минеральныя тѣла съ двумя осями двойнаго лучепреломленія, бывають *трехцвѣтные*. Впрочемъ замѣнимъ должно, что многоцвѣтность обнаруживается только въ минералахъ прозрачныхъ и окрашенныхъ; въ тѣхъ же минералахъ, въ копорыхъ красящее вещество находится некристаллизованнымъ, или, хотя и кристаллизованнымъ, но неправильнымъ образомъ, эпаго явленія не бываетъ.

Д. Г Е О Г Р А Ф І Я.

4. ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ ОМИРА.

Разсужденіе М. Коркунова.

Я не буду повтораю имяна городовъ Беотійскихъ; оспавляю безъ объясненія многіе изъ нихъ и замѣчу, — почти всѣ исчисленные Омиромъ недостопамятны въ историческомъ отношеніи.

Аттика упоминается Омиромъ подъ именемъ Аѳинъ.

Можно думать, что Мегара, небольшая обласъ, извѣстная въ послѣдствіи времени, и соприкосновенная Пеллопонесу, также входила въ составъ Аѳинскихъ владѣній.

Итакъ страна Аѳинянъ имѣла видъ прехугольника, коему основаніемъ служили земли Беотянъ, а верхнею точкою, въ коей сходились и западная и восточная линіи (берега), былъ священный. *Суніонъ*, мысъ Аѳинскій (1).

(1) Одис. пѣс. III. стих. 278. стр. 123.

Исчисляя корабли Ахейнъ , во II пѣсни Илиады, Омиръ говоритъ только объ одномъ городѣ , именно о великолѣпныхъ Аѣнахъ.

Къ землѣ Аѣинянъ причисляютъ еще острова: *Кронай*, гдѣ Парисъ останавливался съ Еленою, похищенною имъ изъ „веселой“ Спарты (1) и *Саламисъ* или *Саламинъ*, прославленный послѣ Оемиспокломъ.

Первый, получившій впоследствии названіе Елены отъ показаннаго нами обстоятельства, находился на югѣ, у мыса Суніона, а второй у западныхъ береговъ противъ города Аѣнъ. Послѣ Антики слѣдуетъ говорить о Пеллопонесѣ или Морѣ.

Сей полуостровъ, во времена Омира, не имѣлъ еще ни одного изъ сихъ двухъ названій, и не лзя также, основываясь на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, допустить, что Пеллопонесъ именовался тогда общимъ именемъ Аргоса, или Агіи. Брушъ, не имѣющій вѣрнаго понятія, объ Исторической Критикѣ, въ своей Древней Географіи, богатой свѣдѣніями, выписками и противорѣчіями, говоритъ утвердительно, не подпверждая слова свои ни доказательствами, ни ссылками: „Въ глубокой древно-

(1) Ил. пѣс. III. 445 стих.

сти полуостровъ сей (т. е. Пеллопонесь) извѣстенъ былъ подъ разными названіями: Эгіалея (приморская земля), Апія (многоводная земля), Аргось (бѣлая земля) и проч. Шлегель и Мальшебрюнь выражаются гораздо оспорожнѣе: они упоминають, что, по мнѣнію древнихъ, во время войны Троянской, весь Пеллопонесь назывался Аргосомъ (1).

Послѣ сличенія и внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ списковъ Омира, въ коихъ встрѣчается слово Аргось, не лѣзя думать, чтобы оно означало весь полуостровъ (2) и нельзя сказать, что оно употребляется въ *Иліадѣ* и *Одиссееѣ* въ смыслѣ Пеллопонеса. Слово Аргось относилось только къ сѣверовосточной части сего полуострова и означало Царство Агамемнона.

Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: не для доказательства сего послѣдняго значенія, а болѣе для показанія ложности перва-

(1) Шлегель, указывая на Аполлодора, говоритъ: *pelloponesum Argos; jatum Argos, et terram apiam nuncupari Homero putant. Nomina haec ab Argo Phoronei filio, quem toti Pelloponeso imperaste, dicunt ab jaso Argi filio derivant. Schl. смр. 29. Les anciens affirment qu'il a désigné tout le péloponèse sous le nom général d'Argos. Maltebrun, pag. 32.*

(2) *Ил. пѣс. 1. смр. 30. — II. 108. смр. VI. — 152 и 456. IX. — 22. и проч.*

го привожу слѣдующія два мѣста изъ *Иліады*.

Во II пѣсни 100, 107 и 108 стих. сей поэмы говорится :

„ . . Царственный скипетръ . . . Олимпійца
Гѣфестъ создалъ

„ . . *Тіестъ наконецъ Агамемнону въ роды
оставилъ,*

„*Съ властью надъ тьмой острововъ, и надъ
Аргосомъ Царствомъ пространнымъ.*“

Здѣсь очевидно, что Аргосомъ называется не весь полуостровъ Пеллопонесъ, а одна только часть онаго : ибо Омиръ именуетъ, кромѣ Агамемнона, еще пять Царей, коихъ владѣнія находились также въ Пеллопонесѣ.

Другое мѣсто, столь же очевидно свидѣтельствующее, что Аргосомъ называлось царство Агамемнона ; — это можно найти въ началѣ I пѣсни *Иліады*, именно въ 30 стихѣ, гдѣ Агамемнонъ, въ отвѣтъ своемъ „непорочному“ жрецу Хризу говоритъ :

. . . Она (ш. е. дочь его Хризенда) обвѣщаешь въ неволѣ,

„Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ
отчизны далече.“

Не смѣя утомлять вниманія читателей выписками изъ Омира и критическимъ разборъ оныхъ, я позволю : слово Аргосъ, въ разсматриваемыхъ нами поэмахъ, никогда не

означаєть всего Пеллопонеса, но только одну сѣверную часть онаго.

Нѣкоторые думаютъ также, какъ видно выше, что Омиръ Пеллопонесъ именуєть еще *Апіею*. Сіе можно даже подтвердити списками Гнѣдича, Рускими списками *Иліады*:

„Былъ я (это говоритъ Песторъ) однако и съ
оными въ дружествѣ, бросивши *Пилосъ*,
„Дальнюю *Апіи* землю (1).“

Пилосъ находился въ юго-западной части Пеллопонесскаго полуострова; и такъ, слѣдовало бы вѣрить ученымъ, кои думаютъ, что, въ глубокой древности Пеллопонесъ именовался *Апіею*.

Но я не имѣю вѣры къ оному мнѣнію. Но вѣрованіе свое основываю на слѣдующемъ: во-1-хъ на словахъ Шлегеля, который въ своей *Comentatio de Geographica Homerica*, говоритъ: *ταη απη* „bis legitur ita positum, ut si de „terra longinqua explices (aeque bene sensui „consulas), ac si de peloponeso accipias; bis „vero plane non in peloponnesum trahi „potest (2).“

Во 2-хъ Гнѣдичъ въ III пѣсни своей *Иліады* сии два слова текста (м. е. *ταη απη*) пере-

(1) Ил. пѣс. I. стр. 269 и 270 стр.

(2) Schl. 50. стр.

водити уже не дальнюю *Апіи* землю, но просто въ странахъ отдаленныхъ (1).

И въ-3-хъ Маршыновъ, ученый переводчикъ Греческихъ классиковъ, выражаетъ поруски сіи два слова: *дальняя страна*, безъ прибавленія слова *Апія* (2).

Но довольно о названіяхъ Пеллопонеса.

Сей полуостровъ, по свидѣтельству Омира, заключалъ шесть Царствъ.

Мы начнемъ съ Сѣверной спороны, гдѣ находилось Царство вождя всѣхъ Ахейнъ, знаменитаго Агамемнона,

I. *Аргосъ*. Оно было сильнѣйшимъ изъ всѣхъ владѣній полуострова; къ нему принадлежали и многіе острова, безъ сомнѣнія, изъ числа Цикладскихъ; Омиръ не именуетъ ихъ, но упоминаетъ только, что Агамемнонъ имѣлъ власть надъ тѣмъ островомъ (3).

Города Аргоса исчисляются въ описаніи кораблей и войскъ Ахейскихъ.

Омиръ говоритъ :

„ . . . Жившихъ въ *Микенъ*, прекрасно устроенномъ градѣ,
„И въ богатомъ *Коринѣ* и въ пышныхъ устройствѣхъ *Клеонахъ* ,

(1) Ил. пѣс. III. ст. 48.

(2) Одис. пер. Марш. 162 и 163 ст. XVI пѣс. и VII пѣс. Одис. стр. 10 и 11.

(3) Ил. пѣс. II. ст. 108.

„*Орній* градъ наставлявшихъ, веселую *Ариѳирею*,
„Градъ *Сикіонъ*, гдѣ царствовалъ древле Адрастъ
бронноносный;

„Чадъ *Гиперезіи* всѣхъ, *Гоноены* высокоушесной;
„Жившихъ въ *Пеллеи*, кругомъ *Эгіона* мужей
обитавшихъ,

„Вдоль по поморью всему, и окрестъ обширной
Гелики.

„Всѣхъ ихъ на спя корабляхъ предводилъ власпелінь Агамемнонь (1).“

Пышно устроенный городъ Микены, Столица Царей, по словамъ Шлегеля, существовалъ на предѣлахъ Аргосскаго Царства (2).

Богатый *Коринѳъ* имѣлъ въ древности, прежде войны Троянской, собственныхъ власпипелей, изъ коихъ знаменитѣйшимъ и древнѣйшимъ считается Сизифъ. Омиръ иногда называетъ также *Коринѳъ* Ефирою.

Клеоны и *Орнеи* находились не въ дальнемъ разстояніи отъ пещеры Льва Немейскаго (4).

Ариѳирея, не большое владѣніе, которое послѣ называлось *Флизіею*, а еще позднѣе *Сикіоніею*, или городъ, впоследствии именуемый *Флисомъ* (5).

(1) Ил. пѣс. II. стр. 499 — 576.

(2) Mycenae, regni limetes versus Argos paene tangunt. Schl. 52. стр.

(3) Ил. пѣс. VI. стр. 152 — 210. Schl. 55. стр.

(4) Schl. 53.

(5) Schl. 53.

Сикіонъ, гдѣ царствовали древле *Адрастъ* бранноносный (1), лежалъ къ сѣверу отъ *Ариѳірея*.

Прочіе города находились въ странѣ, позднѣйшими Географами древности именуемой *Ахаіею*, которая съ одной стороны ограничивалась *Аркадіею* и *Элидою*, а съ другой заливомъ *Коринѳскимъ*.

Сія земля называется у *Омира* *Эгіальею*; она заселена была *Іонянами*.

Не опредѣляя положеніе *Гиперезіи*, неизвѣстной древнимъ Географамъ, мы скажемъ, что мысъ *Геноесса* начинался отъ *Пеллена*. *Пелленъ* и *Эгіонъ* существовали спустя нѣсколько столѣтій и упоминаются въ числѣ городовъ *Ахаіи*.

Гелика, славившаяся храмомъ *Нептуна* (2), находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ *Эгіона*, также при *Коринѳскомъ* заливѣ (3).

II. *Лакедемонъ*, царство *Менелая*, брата *Агамемнонова*, занималъ юго-восточную часть полуострова, *Лаконію* и часть *Мессиніи*.

„*Великій градъ*“ *Лакедемонъ*, лежащій межъ горъ (4) и называемый также *Спартою*,

(1) Ил. пѣс. II. ст. 572.

(2) Пѣс. Иліад. VIII. ст. 203.

(3) Schl. 34.

(4) Ил. пѣс. II. ст. 581.

и Амикль, были описаны многими древними Географами. Оба они находились въ Тайгетѣ, который ограничивался Мессиніею, Лакооніею, и опъ моря достигалъ даже до Аркадіи.

Эвгія, Лаасъ и Этіль, незначительные города на югѣ *Тайгета*.

Бризей малоизвѣстна, хотя и опредѣляется *Данвилемъ*.

Гелосъ, въ углубленіи залива, извѣстнаго послѣ подъ именемъ Лаконскаго. Опъ сего города земля идетъ узкою полосою на югъ до мыса *Малея* (1); не въ далекомъ разстояніи опъ онаго былъ оспровъ *Ципера*, съ городомъ *Скандіею* (2).

III. Царство знаменитаго воишеля *Діомеда* простиралось къ юго-востоку опъ владѣній *Агамемнона*; заключало длинную часть земли, между двухъ заливовъ, параллельно съ *Аппикою*, вдающуюся въ море. Она извѣстна, въ послѣдствіи, подъ названіемъ *Арголиды*. Къ сему царству принадлежалъ оспровъ *Эгина*, лежавшій при восточномъ берегу сей страны.

Города: Аргосъ, Трезена и Эпидавръ (3), болѣе прочихъ славились въ древности.

(1) Одис. III. ст. 287.

(2) Одис. пѣс. IX. ст. 81.—Schl. 36 и 37.

(3) Ил. пѣс. II. ст. 559 и посл.

Аргось находился къ югу опъ *Микенъ*— „*Эпидавръ*, прошивъ оспрова *Эгины*, а *Трезена* на Югъ-востокъ всего царства *Діомедова*. *Герміонъ* и *Азинъ* пакже въ южныхъ предѣлахъ при заливѣ, послѣ названномъ *Герміоновымъ*. Положеніе *Эіона* и *Масета* неизвѣстно (1).

IV. Царство *Пилось* (2), владѣніе мудраго *Неспора*, сущесствовало на западномъ берегу полуострова, между спранами, получившими впослѣдствіи наименованіе *Элиды* и *Мессиніи*.

Омиръ упоминаетъ о рѣкѣ *Алфеѣ* :

„*Коего воды широко текутъ чрезъ Пилійскую землю* (3)“

Шлегель, указавши на сей стихъ, говоритъ :

Alfeus fluvius mediam fere secatur (4).

Главнымъ городомъ спраны сей былъ *Пилось*, называемый послѣ *Триѳилиакскимъ* (5). Кромѣ сего упоминаются *Омиромъ* :

(1) Schl. 30 и 31.

(2) Ил. пѣс. IX. ст. 153; всѣ же они (ш. е.) у поморія, съ *Пилосомъ* смежны. и Schl. 38. *Tota terra hoc nomine designari videtur.*

(3) Ил. пѣс. V. ст. 545.

(4) Schl. p. 38.

(5) Schl. 39.

Справа же Аркадія, кажется, не обнимала еще всего пространства земли, известного послѣ подъ симъ именемъ. По словамъ Омира она находилась

„ Вдоль подъ Килленской горою высокой,
„Близко могилы Эпиша (1).“

Города во владѣніяхъ Аркадянъ были: *Мантинея*, знаменитѣйшій изъ всѣхъ городовъ Аркадіи, *Феносъ*, *Орхоменъ*, *Тегей*, *Стимфаль*, *Парразія*, также довольно известные, и наконецъ *Рипа*, *Стратія* и бурный *Энисъ*, совершенно недоступные для опредѣленія.

Наконецъ шестая послѣдняя справа полуострова заселена была *Элеями* или *Эпейнами*; первое имя народъ получилъ отъ земли, имъ занимаемой, *Элidy*, второе — отъ нѣкопорого Царя, онымъ управлявшаго. Сія справа раздѣлялась на 4 части, изъ коихъ каждая имѣла особеннаго правителя (2).

Городъ *Вупрасъ* былъ столицею одного изъ сихъ Царей.

Прочими четьрьмя мѣстами: *Гирминою*, *Мирзиномъ*, утесомъ *Оленійскимъ* и холмомъ

(1) Ил. пѣс. II. ст. 603.

(2) Ил. пѣс. II. ст. 615. Schl. 45.

Алезійскимъ Поэтъ какъ бы опредѣляетъ границы Елиды (1).

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ островахъ моря Эгейскаго, извѣстныхъ Омиру, и перейдемъ къ описанію странъ, лежащихъ на твердой землѣ, къ сѣверу отъ владѣній Грековъ или почтѣе, отъ Аргоса Пелазгическаго.

При входѣ въ море Эгейское, подъ однимъ градусомъ широты съ островомъ Кипромъ, плянется отъ запада къ востоку большой островъ, называемый теперь Кандіею, и иногда древнимъ его именемъ Крипомъ.

Сіе послѣднее наименованіе не безъизвѣстно даже Омиру (2).

Сей островъ заселенъ былъ, во времена, разсматриваемаго нами Поэты, Криптянами, его туземцами, и Кидонянами (3). Омиръ называетъ Крипъ *стограднымъ* (это показываетъ, что въ глубокой древности сей

(1) Ил. пѣс. II. ст. 615 и пр. и Schl. 46.

(2) Ил. II. ст. 949.

(3) Есть земля Крипъ, среди Чернаго Понта, прекрасная, пучная, окруженная водою; въ ней находится безчисленное множество людей и 90 городовъ разныхъ народовъ. Тамъ есть Ахеяне, природные жители Криптяне, люди великодушные, Кидоняне, при колѣна Дорійцевъ и благородные Пелазги. Од. XIX. стр. 23. ст. 177.

островъ былъ весьма многолюденъ); не исчисляя всѣхъ городовъ, на немъ существовавшихъ, я упомяну только о *Гноссъ* (1), близъ коего находился, извѣстный въ Греческой мифологіи, лабиринтъ Миношавра; *Гортинъ* (2), извѣстной даже во времена владычества Римлянъ, и *бѣлокаменномъ Ликастѣ* (3), развалины коего существовали и при Страбонѣ. Замѣчу еще, что жители Крита участвовали въ Ахейскомъ союзѣ подъ предводительствомъ Идоменея, и что съ его дружиною принеслося 80 „черныхъ“ судовъ (4).

Островъ *Родосъ*, при восточныхъ предѣлахъ Крита и при юго-западныхъ берегахъ малой Азіи, находился во времена Омира во владѣніи одного изъ потомковъ Гераклида, Трипшлема, также помогавшаго Агамемнону въ войнѣ противъ Трои. Поэтъ упоминаетъ о прехъ городахъ сего острова: *Линдѣ*, *Іялнѣ* и *Камирѣ* (5).

Самъ или *Самосъ*, небольшой островъ близъ береговъ Малой Азіи, также долженъ быть упомянутъ и причисленъ къ владѣні-

(1) Ил. пѣс. II. ст. 646

(2) Ил. II. ст. 646.

(3) Ibid.

(4) Ил. II. ст. 647.

(5) Ил. II. ст. 652.

ямъ Ахеянъ; ибо Нирей, сынъ Харона Царя и Аглаи, приведшій къ Иліону малую дружину, имѣлъ подъ властію своею Данаевъ; это опредѣлительно выражается въ стихахъ Омира, который говоритъ.

„. . . Нирей, . . . съ сынами Данаевъ „пришелъ къ Иліону (1), далѣе, находимъ въ Иліадѣ острова „Калиднійскіе.“ Шлегель говоритъ, что — *per Calidnos quidam Sporades designari putarunt, ab una earum Calymna sev Calydna ita appellatas* (2).

На Западной же сторонѣ Эгейскаго моря, у береговъ владѣній Локріянъ, Беопянъ и Аѳинянъ, шянешся отъ Сѣвера на Юго-Востокъ длинный островъ, Эвбея, нынѣ Негропонъ,

Онъ заселенъ былъ въ древности, народомъ Абантами, „дышущими боемъ“ (3), принимавшими участіе въ Троянской войнѣ.

Омиръ упоминаетъ о слѣдующихъ городахъ сего острова: о *Эретріѣ* (4), *Халкидѣ*, *Гастіѣ*, *Керинѣ* и *Каристѣ*.

Объ островахъ, лежащихъ на Сѣверъ отъ Эвбеи: *Лемносъ*, *Самофракъ*, съ его

(1) Ил. II. 573 ст.

(2) Schl. 60.

(3) Ил. II. 536 ст.

(4) Ил. II. 536 — 540 ст.

высокою горою, и *Имбросъ*, я упоминаю только по тому, что они составляютъ, нѣкошорымъ образомъ, переходъ къ островамъ, находящимся на Сѣверѣ отъ Аргоса Пелазгическаго, о коихъ я намѣренъ теперь говорить.

Я не буду описывать ихъ столь же подробно, какъ Грецію или союзныя владѣнія Ахайцевъ, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что Омиръ не могъ имѣть и не имѣлъ о сихъ странахъ достовѣрныхъ и ясныхъ свѣдѣній; а во вторыхъ, по неважности ихъ въ историческомъ отношеніи.

Къ Сѣверу отъ Греціи Омиръ назначаетъ обширныя пустыни *Θρακίη*, въ предѣлахъ коей, кажется, заключались: *Πιερία*, *Εμαθία* и *Πεονία*, впослѣдствіи времени, вошедшія въ составъ Македоніи.

Рѣки: *Ακσίους* и *Στρίμων* упоминаются пѣвцомъ *Иліады* и *Одиссеи*; но онъ умалчиваетъ о *Гебрускѣ*, и не сообщаетъ никакого понятія о Дунаѣ, означаемымъ послѣ Гезіодомъ подъ именемъ *Пестера* (*).

Πιερία занимала небольшое пространство земли между вершинами горы Олимпа и моремъ; съ одной стороны ограничивалась

(*) Maltebrun 33 p.

Эмаѳією, съ другой соприкасалась къ берегамъ Пеней или къ Аргосу Пелазгическому.

Эмаѳія, коей имя также встрѣчается въ стихахъ *Иліады*, простиралась къ сѣверу отъ *Піеріи*.

За *Эмаѳією* слѣдовала *Пеонія*, находившаяся къ сѣверо-востоку отъ первой.

И наконецъ обширныя владѣнія *Θρακίαν*, достигавшія Геллеспонта.

Положеніе, назначаемое для странъ, нами теперь упомянутыхъ, можно видѣть, нѣкоторымъ образомъ, изъ слѣдующихъ стиховъ *Омира*:

„Гера вдругъ устремившись оставила выси
Олимпа,
„Вдругъ пролетѣла *Πіერი* холмы, *Эмаѳіи* доли
„Быстро промчавшись по снѣжнымъ горамъ
Θρακίανъ быстроеконныхъ,
„Съ гордой *Аѳоса* вершины сошла на волнистое
море,
„Тамъ испустилася въ Лемнѣ. . . . (1)“

Въ сихъ стихахъ не видно, куда устремилась Гера; но это можно объяснить и показать доказательствами опровергательными, коими, за неимѣніемъ положительныхъ, пользоваться весьма позволительно. Если бы Гера летѣла на югъ, то *Омиръ* упомянулъ

(1) *Ил.* пѣс. *XIV*. стр. 225—229.

бы объ Аргосъ Пелазгическомъ; устремившись на западъ, она не могла достигнуть оспрова Лемноса, находящагося на сѣверъ отъ моря Эгейскаго; и такъ волоокая богиня Гера направила воздушное путешествіе свое на сѣверъ и сѣверо-востокъ чрезъ показанныя нами страны: *Піерію*, *Эмавію* и *Θρακίю*.

Мы уже упоминали о странѣ, занимавшей западную часть полуострова, нынѣ называемаго Балканскимъ; объ Эпирѣ, и объ оспровѣ, находившемся при берегахъ его *Дрепант* или *Схеріѣ*. Мы говорили также, что Омиръ думалъ, что сей оспровъ, именуемый нынѣ Корфу, существовалъ близъ предѣловъ недосупнаго Океана (1).

И такъ не должно казаться страннымъ, что Омиръ не имѣлъ яснаго понятія объ южныхъ берегахъ Италіи, и представлялъ страну сію въ опдаленномъ, непроницаемомъ мракѣ, и одно мѣсто, именуемое *Темесою*, куда жили оспрова Тифоса, лежащаго на сѣверъ отъ Оеаки, отвозили желѣзо, для вымѣниванія мѣди, можно почитать или за *Тамезу* Кипра, или правдоподобнѣе за *Тампеу* Калабріи (2).

(1) Maltebrun. 32.

(2) Од. пѣс. I. ст. 184. стр. 17. „Повелѣваю Тафіянамъ любящимъ мореплаваніе. Нынѣ при-

Проливъ, отдѣляющій Италію отъ Сициліи, по словамъ Мальшебрюня, есть, такъ сказать, врапа въ баснословный міръ Омира (1). Тройной опливъ и приливъ, шумъ чудовищей Скиллы, пучины Харибды, плывучія скалы, все увѣряетъ насъ, что мы оставили спраны истины и вступаемъ въ міръ чудесъ и вымысла.

Скилла и Харибда находились въ проливѣ Сицилійскомъ. Омиръ въ XII пѣсни (2) своей Одиссеи говоритъ: „мы со слезами входимъ „въ сіе узкое мѣсто: съ одной стороны „Скилла (3), съ другой Харибда (4) поглощаетъ славную воду морскую съ шумомъ „ужаснымъ. Изрыгнетъ ли она воду? Вода, „какъ въ котлѣ, на огнѣ поставленномъ, „возмущается вся и клоочетъ, и скачущая „пѣна покрываетъ вершины скалъ обѣихъ. „Поглощаетъ ли воду морскую? Все море видится внутри потрясеннымъ, страшно реветъ вокругъ скалы, и черный песокъ на „днѣ представляется взору.“

шелъ сюда съ кораблемъ и дружиною, плывя по Черному Понту къ иноязычнымъ людямъ въ Темесу за мѣдью, а везу ясное желѣзо.“

(1) Maltebrun. 33.

(2) см. 73. стр. 303.

(3) Со стороны Италіи.

(4) Со стороны Сициліи.

Повторимъ, здѣсь начинается царство вымысла! Даже Сицилія, извѣстная уже подъ именемъ *Θρινακίη*, была исполнена многихъ чудесъ.

Тамъ паслося множество солнечныхъ кравъ и шучныхъ овецъ; племя ихъ не размножалось, и никогда не убывало; пасырями же оныхъ были „лѣповласыя“ нимфы (1). На семь островъ обитали одноглазые Циклопы, „судые закона, кои, вѣтря себя богамъ безсмертнымъ, ни растеній не сажаютъ, ни земли не пашутъ (2).“ Леспригоны и Антропофаги, кои прогоняють путешественника изъ земли своей, обильной хлѣбомъ и виномъ (3). Кромѣ сихъ еще два народа, истинно историческіе, заселяли Сицилію или Θринакію, — *Сикены* и *Сикелы* или *Сиккулы*. Впрочемъ не лѣзя утвердительно сказать, — обитали ли уже Сикелы, во времена Омира, на семь островъ, получившемъ онъ нихъ свое названіе, столь употребительное и извѣстное, или жили еще въ Италіи, древнемъ ихъ мѣстопребываніи. Можемъ замѣтить еще о семь народѣ, что Греки имѣли съ нимъ сношенія, и производи-

(1) Одис. XII. стр. 295.

(2) Одис. IX. стр. 115.

(3) Maltebrun. 34.

ли торговлю рабами. Такъ въ XX пѣсни Одиссеи (1) говорятъ женихи Пенелопы о Телемакѣ и оцѣ его Одиссее: „бросимъ „сихъ гостей на многovesельное судно и „оправимъ къ Сикуламъ, за нихъ дадутъ „достойную плату.“ Впрочемъ сія торговля, унижающая достоинство челоѣка, была тогда общеоу всѣмъ народамъ.

За предѣлами Сициліи уже совершенно начинается царство вымысла. Очаровательные острова Цирцеи и Калипсы, и также плавающій островъ Эола, безъ всякаго сомнѣнія, созданы воображеніемъ Грековъ и, можешъ быть, выдуманы пѣвцомъ Одиссея. Положеніе сихъ вымышленныхъ острововъ, назначаемое Омиромъ, заставляешъ насъ думать, что Юриакія или Сицилія, по понятіямъ его современниковъ, однимъ концемъ своимъ была обращена на югъ, другимъ на сѣверъ, а третьимъ на воспокъ; между тѣмъ, какъ сей послѣдній уголъ треугольника, образуемаго Сициліею, долженъ быть устремленъ на Сѣверъ (2).

Пространство Средиземнаго моря между Сициліею и проливомъ, соединяющимъ его

(1) Стр. 49.

(2) Maltebrun. и Одис. XII и XI.

съ Океаномъ, было, по словамъ Одиссея, весьма не велико; это доказывається тѣмъ, что отъ острова Цирцеи корабль достигалъ глубоководнаго Океана въ теченіе одного дня (1), и столько же потребно было времени для возвращенія съ Цирцеи на островъ Эринакію (2). Хотя богиня могла ускорить ходъ корабля Одиссеева и сократить расстояние; однако можно думать, что сіи вымышленныя путешествія имѣють основаніемъ общія понятія Грековъ того времени, кои, вѣроятно, почитали островъ Эринакію опсстоящею отъ выхода въ океанъ на меньшее пространство; ибо долгое время древніе Географы и Историки означали положеніе пролива Геркулесова ближе къ острову Сициліи. Геродотъ не зналъ ни одного мѣста между Карфагеномъ и онымъ проливомъ. Ученикъ Аристотеля, Гераклідъ Понпійскій, говоритъ о Римѣ, какъ о городѣ, находящемся не въ дальнемъ разстояніи отъ океана. Дикеархъ, другой ученикъ Аристотеля, не полагалъ еще болѣе 7000 стадій между Сицилією и столпами Геркулеса—разстояніе, которое во времена Страбона увеличилось уже до 13000

(1) Одис. начало XI пѣс.

(2) Maltebrun. 31. Одис. XII. стр. 142 и 260.

стадій. Вошь какъ медленно распроспранялись точныя Географическія свѣдѣнія у самыхъ образованныхъ народовъ Древности, восклицаетъ (1) Мальтебрюнь, изъ коего мы заимствовали вышеизложенныя свѣдѣнія. Самыми западными предѣлами міра Омиръ полагаетъ двѣ вымышленныя страны: землю *Киммеріанъ*, „всегда покрывшую туманомъ и облаками, „землю, куда ясное солнце никогда не проспиралетъ лучей своихъ: ни тогда, какъ „восходитъ на небо звѣздное, ни тогда какъ „возвращается съ неба на землю (2)“ и *Элизіумъ*, „гдѣ царствуетъ бѣлокурый Радамантъ; „гдѣ люди наслаждаются непрерывнымъ благоденствіемъ; гдѣ не бываетъ ни снѣга, ни „зимы долговременной, ни дождя проливнаго; „но Океанъ всегда посылаетъ крошкія дыханія Зефира для прохладенія людей (1)“. Страна *Киммеріанъ* находилась близъ Океана не далеко отъ пещеръ, въ коихъ собираются тѣни умершихъ; а *Элизіумъ* среди Океана и слѣдовательно внѣ предѣловъ земли: сія страна счастья, щепно опыскиваемая учеными, была удѣломъ людей избранныхъ; она назначалась Менелая, зятю Зевеса.

(1) Maltebrun. 35.

(2) Одис. XI 221 и 223 стр.

(3) Одис. IV. стр. 199.

Что породило сіи вымыслы? — Прав-
 свенныя ли мысли, общія всѣмъ народамъ,
 идеалы злополучія и блаженства, облеченные
 въ сіи видимыя формы? Или хвастливые раз-
 сказы путешественника, занесеннаго бурями,
 рассказы, преувеличенные молвою? Вопросы
 сіи являются невольно, и какъ бы слѣдуютъ
 сами собою изъ предложенныхъ описаній
 Омира; но удовлетворительное разрѣшеніе
 оныхъ не доступно для ума, неумоимо
 слѣдующаго истину; ибо не возможно даже
 показати, гдѣ начались сіи вымыслы; изобре-
 шены ли они воображеніемъ Грековъ, или
 заимствованы на Востокъ отъ Финикіянъ?
 Сей народъ, проникнутый духомъ торговли,
 еще во времена Омира основалъ *Гадѣйру*
 или *Гадесъ*, послѣ названный *Кадиксомъ*; и,
 можетъ быть, желая придати цѣнность
 поварамъ, передавалъ свои открытія подъ
 эгидою вымысловъ и басней. Западъ оставался
 неизвѣстнымъ. Даже спустя два вѣка послѣ
 Омира, Колей Самосскій, занесенный бурей
 къ столпамъ Геркулеса, упоминавшій о Тире-
 нахъ, Лигіяхъ (Лирянахъ) и Тарсесѣ, раз-
 сказывалъ также объ островахъ *Цирцей*, и
Эола, и *Элизіумѣ*, гдѣ обитали счастливые
Макробіи. Впослѣдствіи, сей Элизій Омира
 замѣненъ былъ счастливыми островами, кои

въ сказаніяхъ путешественниковъ Римскихъ, въ вѣка болѣе просвѣщенные, означались еще при западномъ берегѣ Африки. Сія вымышленная страна счастія, называемая Платономъ *Атлантидою*, до сихъ поръ составляетъ любимый предметъ мечтаній Историческихъ.

По мѣрѣ открытіи Запада, Элизій подвигался на Югъ, а Киммеріане переселяемы были на Сѣверъ. Впослѣдствіи, когда въ Малой Азіи и Германіи являются два народа, имѣвшіе сходныя имена — Киммеріане и Кимбры, древніе писатели всѣ вымыслы Поэзіи Омировой начали приписывать симъ новымъ Киммеріанамъ.

Гипперборей, народъ, коего бытіе обезображно многими баснями, испытали ту же участь. Изгнанные изъ садовъ *Гесперидскихъ*, по открытіи Иберіи, они назначаются на островъ, лежащемъ въ Океанѣ, противъ *Цельтіи*, на плодоносномъ островѣ, гдѣ бываетъ двѣ жатвы въ одинъ годъ, гдѣ растутъ оливы и лавры; положеніе сего острова соотвѣтствуетъ Великобританіи. Наконецъ, когда Альбіонъ содѣлался извѣстнымъ, то Плиній и Помпоній Мела перенесли басни о *Гиппербореяхъ* къ Сѣвернымъ предѣламъ земли, и близь полюса назначаютъ для нихъ страну весьма теплую и приятную, гдѣ дни и ночи

продолжаются по 6 мѣсяцевъ; гдѣ сей народъ, не зная ни войны, ни болѣзней, наслаждался совершеннымъ счастіемъ.

Упомяну еще о рѣкѣ Эриданъ, по словамъ Гезіода протекавшей всю Сѣверо-Западную часть страны, извѣстной послѣ подъ именемъ Европы. Географы древніе, по мѣрѣ распространенія свѣдѣній положительныхъ, Эриданомъ называли или По, или Рону, или Рейнъ. Наконецъ сія вымышленная рѣка, впадавшая въ Океанъ, содѣлалась названіемъ и достояніемъ одного По (1).

Считая недостойнымъ вниманія говорить о мнѣніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, опыскивавшихъ знаменитый баснословный Эриданъ въ предѣлахъ древней Россіи, перейду къ описанію Азіи.

Сія часть свѣта, какъ и Европа, во времена Омира, еще не имѣла общаго названія. Но тѣмъ не менѣ замѣчательны Географическія указанія сего Поэта древности, особенно о странахъ Малой Азіи, гдѣ дѣйствовали безсмертныя Герои Иліады.

Мы начнемъ съ царства Троянскаго. Владѣнія Пріама занимали весь Сѣверо-Западный уголь Малой Азіи, между устьями рѣкъ Эзипа, вливавагося въ Геллеспонтъ, въ

(1) Maltebrun. 40 — 42 p.

смыслъ Омировомъ, и Каика, бѣгущаго на западъ, въ море Эгейское (1). Оспровъ Лесбось, и страна Бригія, по словамъ Ахиллеса, также находились подъ властію Царя Троянскаго (2). Хотя Омиръ нигдѣ не опредѣляетъ точно, что государство Троянское раздѣлялось на XI областей, и что каждая изъ нихъ имѣла особеннаго владѣтеля, состояшаго въ непосредственной зависимости Пріама; но сіе мнѣніе о раздѣленіи Троянскаго Царства и власти Пріама надъ всѣми оными областями, споль общее и древнимъ и новѣйшимъ писателямъ, основано на слѣдующихъ мѣстахъ Иліады, въ коихъ говорится, что Ахиллесъ

. . . Рашуясь храбро съ мужами

. . . Кораблями — 12 градовъ раззорилъ много-
людныхъ,

Пѣшій — одинадцать взялъ на Троянской землѣ
многоплодной (3).

Что въ томъ числѣ были города *Педась* и *Лирнесъ* (4), что Ликіане называются Троянцами (5), и что Эней, предводи-

(1) Schl. 99—100.

(2) Ил. пѣс: XXIV. ст. 544—46.

(3) 327, 28 ст. и 92. ст. Ил. пѣс. IX.

(4) XX. Ил. ст. 92.

(5) Пѣс. Ил. 826.

пелъ Дарданянь, именуется „*Княземъ Троянскимъ*“ (1).

Въ срединѣ полуострова, занимаемаго царствомъ Троянскимъ, и болѣе въ западной части онаго вплоть до Геллеспонта, или мыса Сегейскаго, простираются горы, извѣстныя подъ общимъ именемъ *Иды*; изъ сей группы горъ выпекали, по словамъ *Омира*, многія рѣки. Примѣчательнѣйшія, кромѣ упомянушаго нами *Эзипа*, были: *Скамандръ*, *Симоисъ* и *Граникъ* (2). *Скамандръ* составлялся изъ двухъ ключей: изъ теплаго, бѣжавшаго отъ города *Трои*, и холоднаго изъ возвышенностей *Иды*, и направляясь къ Западу, впадалъ въ Геллеспонтъ; послѣ, какъ упоминаетъ *Страбонъ*, онъ слилъ воды свои съ *Симоисомъ*; *Граникъ*, столь знаменитый въ древности, спремился на Сѣверъ въ *Пропонтиду* или *Мраморное море*.

Пропонтиду, *Босфоръ*, или проливъ *Константинопольскій*, *Омиръ* означаетъ, кажется, однимъ именемъ Геллеспонта, въ послѣдствіи относившагося только къ проливу *Дарданельскому*. Онъ не именуетъ также понта *Эвксинскаго*, хотя знаетъ южные берега онаго (3).

(1) *Ил. Маршын. пѣс. XX. стр. 67.*

(2) *Ил. Пѣс. XII 22—22 стр.*

(3) *Maltebrun. 44.*

Не исчисляя провинцій, находившихся подъ властію Пріама, я скажу только о народахъ, обитавшихъ въ его Царствѣ: о нихъ повѣствуетъ Омиръ въ концѣ II пѣсни своей Иліады.

Первое мѣсто занимають Троянцы, *превосходные множествомъ и мужествомъ духа* (1); они обитали около знаменитаго Иліона. Сей городъ построень былъ на отлогостяхъ горы Иды, не въ дальнемъ разстояніи отъ входа въ Геллеспоннъ изъ моря Эгейскаго, и имѣлъ крѣпость Пергамъ (2).

Къ Воспоку отъ Троянцевъ (3), на холмахъ Идейскихъ (4) жили *Дарданяне*, предводимые Энеемъ, сыномъ Анхизовымъ, который, по разореніи Трои, удалился въ Италію.

Сѣверо-Восточную часть Пріамова царства занимали *Ликіяне*, заселявшіе берега Эзипа (5).

Лелеги, къ Югу отъ Троянцевъ, обитали по берегу моря Эгейскаго.

На Воспокъ отъ сихъ послѣднихъ и при

(1) Ил. II.—817.

(2) Maltebrun. 43.

(3) SchI. 110. Finitimos habebat Hectoris provincia ab ortu Solis Dardanios.

(4) Ил. пѣс. II. 821.

(5) Ил. пѣс. II. 825.

заливъ Адрамишскомъ, жили *Киликіяне*, передавшіе свое имя одной изъ областей Малоазійскихъ; они имѣли города: „*Высоковратныя*“ *Θивы* (1), разрушенныя Ахиллесомъ, и *Лирнессъ*. Географы, занимавшіеся изслѣдованіями Географическихъ свѣдѣній Омира, раздѣляютъ обыкновенно владѣнія сего города на двѣ провинціи.

Кромѣ сихъ, показанныхъ нами народовъ, участвовали въ войнѣ Троянской, и помогали *Пріаму*: *Киконяне* (2), *Пофлагоняне*, (при р. *Парѣеніѣ*), среди коихъ обитали *Генеты*, считаемые потомками *Венетовъ*, и составлявшіе особенное племя, и *Гализоны*, коихъ страна, обильная серебромъ, называлась *Алибою* (3). Сіи три народа заселяли южный берегъ Понта Эвксинскаго.

Далѣе, приближаясь къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, географическія свѣдѣнія Омира снова теряютъ ясность свою, обезображиваются вымыслами. Мужеобразныя *Амазонки*, предметъ столь различныхъ мнѣній, принадлежащъ еще въ-половину Исторіи; но *Колхида*, царство мудраго *Аста*, представляется взорамъ Поэта на берегахъ

(1) Ил. пѣс. VI. ст. 415.

(2) Ил. пѣс. II.—ст. 846.

(3) Иліад. пѣс. II. ст. 856—57.

отдаленныхъ , подъ шуманомъ басней ; это спрана очарованія , населенная чудовищами , исполненная чудесъ (1) ; тамъ полагаетъ Омиръ черпоги солнца ; онъ говоритъ также о любви сего бога къ одной изъ безчисленныхъ дочерей Океана , къ Перей , коей имя напоминаетъ о знаменитомъ народѣ древности (2) . Сіи басни заставляютъ думать , что Омиръ и современные ему Греки , полагали Океанъ , орошавшій восточные предѣлы міра , не въ дальнемъ разстояніи отъ Колхиды ; а „прекрасное озеро“ солнца , изъ коего оно устремлялось на твердое небо (3) , можно , кажется , почитать неясною идею моря Каспійскаго (4) .

Вообще , отдаленный Востокъ , какъ и отдаленный Западъ , мало извѣстны Омиру . Но онъ подробно говоритъ о земляхъ , находившихся на Югѣ отъ царства Пріамова ; именуетъ рѣки : *Гермусъ* (Сарабатъ) , *Каистръ* (Карасу) , *Меандръ* (Бойюкъ Мендеръ) и другія важныя рѣки , протекающія по западнымъ берегамъ Малой Азіи . Слово Азія означало , кажется , у Омира небольшую

(1) Maltebrun. t. 1.

(2) Одис. пѣс. X. стр. 175. Maltebrun. t. 1.

(3) Одис. пѣс. III. стр. 101.

(4) Maltebrun. 45.

страну при „широко текущемъ“ Каиспрѣ (1). Впослѣдствіи времени, въ сихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ Азіоновъ, небольшое племя, и, можетъ быть, отдѣльный народъ (2).

Главные народы, обитавшіе въ западной части описываемаго нами полуострова, и упоминаемые Поэтомъ были: *Пелазги* и *Меоняне*. Къ Югу отъ нихъ обитали *Коряне*, уже основавшіе *Милетъ*. *Ликійне* и *Солимы* занимали южный берегъ оплогоспи *Тавровъ*. Средине же *Анаполійскаго* полуострова заселена была *Фригіянами*, народомъ многочисленнымъ, коего владѣнія, во времена *Омира*, соприкасались къ странамъ, лежащимъ при *Геллеспонтѣ*, и даже къ самому *Геллеспонту*.

Внѣ *Малой Азіи*, за мысомъ *Хелидоніумъ*, первоначальная *Географія Грековъ* принимаетъ характеръ пустыни, говоритъ *Мальшебрюнь* (*) и точно всѣ указанія *Омира* ограничиваются здѣсь только нѣкоплыми намеками, — наименованіемъ весьма краткимъ и недоспапчнымъ народовъ и мѣстъ, о коихъ слухи дошли до *Грековъ*;—ему извѣсны были :

(1) Ил. пѣс. II. ст. 461.—„Въ златномъ Азійскомъ лугу, при Каиспрѣ широко текущемъ.“ О.

(2) Геродотъ IV кн. гл. 45. и Maltebrun. 45.

(*) Maltebrun. 46.

Аримей, коихъ можно принять за Арамеевъ или Сиріянъ. *Финикіянне*, съ которыми Греки имѣли уже тогда сношенія и, безъ всякаго сомнѣнія, торговыя (1). Поэтъ часто упоминаетъ также о главномъ городѣ сего народа, — Сидонѣ; но о Тирѣ, тогда еще незначительномъ, не предлагаетъ ни одного указанія (2).

Древняя слава о просвѣщеніи Египта проникла уже въ Грецію, и Омиръ всѣхъ Египтянъ безъ исключенія почитаетъ искусными врачами; въ *Одиссеѣ* (3) своей онъ говоритъ: „земля тамъ, т. е. въ Египтѣ, „приноситъ премногія врачевства, полезныя „и вредныя, и каждый искусенъ во врачеваніи паче прочихъ людей.“ Египтомъ называлась страна (4), въ коей находились знаменитыя сноврапы *Оивы*, и рѣка Ниль, бѣгущая въ Средиземное море. „На югѣ „многобурномъ, супротивъ Египта, есть „островъ, — именуютъ его *Фаромъ*; споль

(1) Ил. пѣс. VI. стр. 291. Женъ Сидонскихъ Парисъ благовидный самъ изъ Сидона привезъ, преплывая пространное море.

(2) Schl. 154. Tyri nullam fieri mentionem, multis iam observatum est.

(3) Пѣс. IV. стр. 173.

(4) Одис. пѣс. XIV. стр. 71. Schl. 155.

„далече , сколько въ день можешъ пройди
„легкій корабль , когда сильный вѣпръ дуешъ
„съ кормы (1).“

Остальная часть Африки была известна
Омиру, кажешся, подъ именемъ Ливіи; здѣсь, —
по его словамъ , *скоро родятся рогатые
овны* (2). По недостатку положительныхъ
свѣдѣній южный берегъ Средиземнаго моря
понимаемъ 'былъ неясно и ошибочно; онъ
имѣлъ, по мнѣнію древнихъ, гораздо меньшее
протяженіе;—сіе подтверждается свидѣтель-
ствами позднѣйшихъ писателей, кои заливъ
Сирпскій полагали не въ дальнемъ, даже
въ близкомъ разстояніи отъ сполновъ Гер-
кулесовыхъ. Вообще, до временъ Геродота,
Египетъ оставался страной басней и чудесъ;
и даже не знали, гдѣ находится Ливія (3).

На южныхъ предѣлахъ земнаго круга,
отъ Фазиса, соединявшаго воды Понта съ
Океаномъ, до другаго пролива на Западѣ,
обитали непорочные *Есіопы*, къ коимъ самъ
Зевесъ со всѣми безсмертными отправлялся
иногда на веселый пиръ (4). Они раздѣлялись

(1) Одис. пѣс. IV. 183. стр.

(2) Одис. пѣс. IV. стр. 163.

(3) Геродотъ IV. Мелпом. 150. глав.

(4) Ил. пѣс. I. ст. 424.

на двѣ часпи: одни изъ нихъ обитали на западѣ солнца, другіе на воспокѣ (1). Между Еѳіопами упоминаются еще *Пигмен. Ерембовъ*, сопредѣльныхъ Финикіянамъ и Египтянамъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, можно почитать Арабами (2), извѣстными въ глубокой древности. Писатели, жившіе послѣ Омира, общимъ именемъ Еѳіопянъ именовали Кеѳенянъ, т. е. Персовъ, Бактріянъ, Индійцевъ, и многіе другіе народы, обитавшіе на Воспокѣ. Даже Геродотъ говоритъ еще объ Еѳіопахъ Азійскихъ и предполагаетъ, что сіе имя означаетъ Колхидянъ.

Въ заключеніе, и какъ бы въ дополненіе общихъ мнѣній о землѣ временъ Омировыхъ, считаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о древнемъ преданіи Грековъ, объ ихъ первомъ вполнину историческомъ и вполнину баснословномъ морскомъ путешествіи — о славномъ походѣ Аргонавтовъ.

Въ описаніи сего путешествія въ Колхиду, несправедливо приписываемомъ Ореею, говорится, что Язонъ изъ порта Евксинскаго каналомъ, т. е. Фазисомъ, проникнулъ въ Океанъ, и плывши около береговыхъ земель Еѳіопянъ, вышелъ на землю въ Ливіи; оп-

(1) Одис. пѣс. I. стр. 7.

(2) Maltebrun. 48. стр.

сюда сухимъ путемъ сіи герои, тащившіе на себѣ суда свои, въ 12 дней достигли залива Сиртскаго или моря Средиземнаго. Гекатей предлагаетъ свое мнѣніе: узнавши отъ жрецовъ Египетскихъ о соединеніи Средиземнаго моря съ Южнымъ Океаномъ посредствомъ рѣки Нила, онъ думаетъ, что Аргонавты возвратились изъ Океана сею рѣкою. Впослѣдствіи древніе писатели о семъ обратномъ пути Язона предлагали другія невѣрные объясненія: одни говорили, что сіе плаваніе совершено было чрезъ palus Meotides и Танаисъ, впадавшій, по ихъ понятіямъ, въ Сѣверный Океанъ, попомъ мимо Терне, и наконецъ проливомъ между сполпами Геркулесовыми и Средиземнымъ моремъ до острова Схеріи. Другіе, думавшіе, что Исперъ или Данубіусъ вливается однимъ рукавомъ въ понтъ Эвксинскій, а другимъ въ Адріатическое море, предполагали сей вымышленный ими каналъ путемъ, по которому возвратился Язонъ изъ Колхиды.

Вообще сіи объясненія обратнаго плаванія Аргонавтовъ имѣютъ основаніемъ Космографическія понятія Омира, и попому должно эти преданія относить къ вѣку сего Поэта древности.

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

A. ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

5. ИЗМЕНЕНИЯ ЭПОПЕИ въ РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗРАСТЫ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Изъ Лекцій Профессора Давыдова.

По окончаніи подробнаго изслѣдованія Эпопеи въ отношеніи къ значенію ея, содержанію и формѣ, перейдемъ къ *измѣненіямъ Эпопеи въ различные возрасты человѣчества*. Предъидущія изслѣдованія показали намъ, что классическая Эпопея Древнихъ совершенно согласна съ условіями своего времени и народности, какъ цвѣтъ народнаго самопознанія: это олицетворенная воля Греческаго Олимпа и преимущественное изображеніе міра внѣшняго. Омиръ и Виргилій представляютъ намъ высокіе образцы древняго изящества.

Но могла ли оставаться въ сихъ формахъ Эпопея среднихъ временъ и новыхъ? Христианская Религія рѣшиительно противоположностью своей съ вѣщимъ дѣньми міромъ не

измѣнила ли существованія и направленія человѣческа, успремивъ умъ ошъ внѣшней природы къ міру духовному? При сихъ психологическихъ измѣненіяхъ, въ какихъ видахъ постепенно долженствовала проявляться Поэзія Эпическая? Вотъ вопросы, которыми займемся въ нынѣшнюю бесѣду.

Наблюдая Исторію просвѣщенія и новыя шворенія Изыщныхъ Искусствъ, измѣнившіяся съ новымъ порядкомъ дѣлъ, мы видимъ, что духъ человѣскій, озаренный Божественнымъ ученіемъ, спалъ для себя всѣмъ: и предметомъ размышленія, и побужденіемъ дѣйствованія, и идеаломъ изыщества. Ошъ того и въ новой Поэзіи опразилась душа человѣческая, возвышенная до сознанія высокаго происхожденія своего и назначенія. Уже внѣшняя природа не удовлетворяла пребываніямъ духа, начавшаго шосковать по опчизнѣ; она представлялась ему отраженіемъ обширнѣйшаго міра невидимаго, кошораго свяпилище чувствовалъ онъ въ себѣ самомъ; сей духъ уже любовался только шѣмъ, въ чемъ изображалось внутреннее его достоинство — духовное, а не чувственное. Въ Поэзіи, такъ называемой Романтической, обнаружилось предпочтительное стремленіе

духа человѣческаго внутрь себя, обращеніе къ себѣ самому.

При столь разительной противоположности направленій духа человѣческаго въ древнемъ и новомъ мірѣ человѣчества, а вмѣстѣ съ симъ и Поэзіи древней и новой, *Эпопея*, какъ изображеніе прошедшей народности, неминуемо должна была подвергнуться также измѣненіямъ. *Иліада* никогда не перестанетъ намъ нравиться; потому что мы никогда не перестанемъ любопытствовать о себѣ подобныхъ, жившихъ за три тысячи лѣтъ до насъ: въ ней, какъ въ энциклопедіи, мы видимъ вѣкъ Поэта и народъ, среди котораго онъ родился; это памятникъ повѣрій его времени, понятій, нравовъ, вкуса. Въ *Иліадѣ* видимъ людей, еще мало знающихъ, но много мечтающихъ и сильно чувствующихъ. Весь запасъ мыслей Грековъ, начиная отъ ихъ древнѣйшей теогоніи и возвышенныхъ нравоученій до издѣлія ремесленника, который на наковальнѣ плющилъ золото въ тонкія пластинки для увиванія роговъ жертвеннаго вола, все, что чувствовала, знала, изобрѣтала Греція во времена Омира, все это въ *Иліадѣ*. Но подобное швореніе не возможно въ наше время, среди безчисленныхъ подраздѣленій въ знаніяхъ, въ періодъ неупомимой и ненасытимой пып-

ливости ума человеческого. Какимъ образомъ вымысль обратишь въ повѣрье? Какъ соединишь въ одно цѣлое столько понятій и событий? Въ самой огромной Эпопеѣ не лзя выказать даже часть мыслей, наукъ, искусствъ, изобрѣшеній, открытій нашего времени.

Что сказать о чудесномъ, необходимомъ условіи древней Эпопеи, составляющемъ прелесть Омировой Иліады и Виргиліевой Энеиды — прелесть, которую старались перенести въ поэмы свои и Христіанскіе Поэты? Божества древняго полидеизма, какъ обладатели міра, вмѣшивались въ дѣла человеческія; ничего на землѣ не могло случиться безъ особеннаго съ ихъ стороны участія. У Древнихъ все относилось къ небожителямъ; вездѣ, гдѣ только разумъ встрѣчалъ затрудненія, являлась высшая сила и разрѣшала недоумѣніе человека; по соизволенію божествъ и ихъ содѣйствіемъ совершались всѣ великіе подвиги героевъ. Въ мифологіи Омира и Виргилія мы видимъ олицетворенія всѣхъ идей вѣка; міръ ихъ Эпопеи есть міръ чудеснаго. Человѣкъ всегда усматривалъ въ твореніяхъ вселенной знаменіе всемогущества; но бывши не въ состояніи возвыситься до познанія единого Зиждителя, разлагалъ вселенную на множество самостоя-

ныхъ дѣшелей. Всѣ стихотворенія Древнихъ построены по образцу видимаго міра, равно какъ всѣ произведенія и другихъ Изящныхъ Искусствъ древности показываютъ соревнованіе творческой силы внѣшнему міру, стремленіе духа ко внѣшней природѣ. Къ сей-то древней теогоніи относится чудесное, потребностъ героической Эпопеи.

Не смотря на таковое различіе древняго и новаго искусства вообще, многіе изъ новыхъ Поэтовъ спарались подражать въ Эпопеѣ Омиру и Виргилію: они къ божествамъ мифологическимъ присоединили повѣрья народныя; даже блаженныя существа Ангеловъ, вѣнецъ творенія Всемогущаго, введены въ область Эпопеи въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Такъ въ Лузіадѣ, Португальской Эпопеѣ Камоеенса, повѣспвующей объ открытіи Восточной Индіи, встрѣчаемъ странное смѣшеніе Христіанскихъ понятій съ языческою теогоніей. Главный предметъ предпріятія Португальцевъ, по Камоеенсу, распространеніе Христіанской Вѣры въ странахъ могомеданскихъ. Кто же содѣйствуетъ Португальцамъ въ столь благочестивомъ предпріятіи, или, съ другой стороны, кто проповѣдуетъ? Великая покровительница ихъ Афродита, а великій проповѣдникъ Вакхъ. Еще

примѣръ спранныго смѣшенія религіозныхъ понятій. Боги имѣють совѣщаніе, въ которомъ Юпиперъ объявляетъ паденіе могамеданизма и поржесство Православія. Васко, заспигнутый бурею, умоляетъ небо о спасеніи, какъ Христіанинъ; между тѣмъ является Афродита, которая бурю принимаетъ за мщеніе Вакха, приноситъ жалобу Юпитеру — и вѣтры упихають. — Въ нашей Россіадѣ божества, духи, аллегоріи также дѣйствуютъ безъ всякаго опредѣленнаго предначертанія; самые обряды перепутаны. Въ ней являюся разные духи по волѣ Поэта, злобствуютъ противъ Русскихъ, покровительствуютъ Татарамъ, и они же возстають на Татаръ и воюють за Русскихъ. — Другаго рода спранныости, слѣдствіе безусловной подражательности Древнимъ, находимъ въ Генріадѣ: тамъ чудесное соспонтъ въ существахъ аллегорическихъ; вражда, месть, любовь являюся дѣйствующими лицами, участвуютъ въ дѣлахъ людскихъ и соспавляютъ важнѣйшій предметъ въ узлахъ поэмы. Но подобныя аллегоріи суть простыя обороты рѣчи, выражающіе извѣстное состояніе души; а попому также нельзя представлять ихъ дѣйствующими лицами, вмѣсто чудеснаго. Каж

дая Эпопея восходитъ къ первому появленію самобытнаго существованія народнаго; но когда самопознаніе народное бываетъ не въ состояніи выносить ея пребываній: тогда Эпопея ввѣряетъ себя дѣписателю, и, въ началѣ быстрая, въ рапсодіяхъ переносющаяся изъ одной страны въ другую, заключается въ прозаическую рѣчь Исторіи. Геній—исполковашель своего времени изъ Христіанскихъ Поэтовъ есть Дантъ въ Божественной Комедіи. Возобновили въ памяти состояніе вѣковъ XI и XII, когда главная, господствующая мысль была вѣрованіе въ приближеніе послѣднихъ дней міра, ожиданіе конца благамъ здѣшней жизни; когда на Юго-Западѣ богатые и знашые опказывались опъ сокровищъ и почестей для веригъ и манній опшельнической; когда всѣ проводжали жизнь свою въ непрестанномъ опасеніи всемірнаго разрушенія, и бытъ жипейскій походилъ на состояніе страны, пораженной огнемъ и мечемъ непріятеля или опустошенной заразительною язвой: въ такихъ вѣкахъ могла ли родиться иная Эпопея, кромѣ поэмы Данша? Мы, удивляясь Омиру, какъ живописцу своего времени, не можемъ однако упореблять даже всѣхъ его сравненій, на коихъ запечат-

лѣны нравы и степень знаній его вѣка. Такая же вѣрность, то же просердечіе въ Дантѣ, но своеземное и своевременное. Сей Поэтъ, окруженный сонмомъ Ангеловъ, рѣющихъ на бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ съ одного созвѣздія на другое, говоритъ и о селянинѣ, и о пастухѣ спозъ вѣрно, что мы дѣйствительно переносимся мыслію въ его время. Хочетъ ли выразитъ жадное вниманіе душъ къ гармонической музыкѣ: онъ сравниваетъ ихъ съ горлицами, приспально клюющими зерна. Тѣни чистища, копорыя шянутся одна за другою, уподобляются овцамъ: сперва идетъ одна, потомъ другая, а шамъ и третья — и всѣ робкія, понурія; что дѣлаетъ одна, то же дѣлаютъ всѣ; останавливается первая — нейдутъ и другія; кропкія, онѣ не знаютъ, что дѣлаютъ. Души радостныя, райскія, шоплящіяся около Поэта, сравниваются съ рыбами, копорыя рѣзвятся въ свѣплой, тихой водѣ, и наперерывъ ловятъ бросаемый кормъ. Вотъ истинная Поэзія, цвѣтъ народного быта, изображеніе своего вѣка.

Очевидно, что каждый народъ имѣетъ опредѣленныя эпохи образованія, и каждая изъ сихъ эпохъ ознаменована своимъ опличительнымъ характеромъ. Эпопея, какъ изображеніе народности про-

пекшаго времени, подвержена измѣненіямъ вмѣстѣ съ народами. Тщетно новые Поэты переносили чудесное Древнихъ въ свои Эпопеи. Лучшій наставникъ Эпическому Поэту преданіе; сказанія первобытныхъ временъ каждаго народа суть не иное что, какъ Эпопеи. Чудесныя силы природы, чрезвычайныя и неизъяснимыя случаи въ жизни человѣческой, многоразличныя сплетенія судьбы — все это составляетъ богатѣйшій запасъ для новой Эпопеи безъ помощи мифологіи.

Какіе же предметы могутъ быть изображаемы въ *новой Эпопее*? — Предметы своего собственнаго вѣка и народа. Съ перваго взгляда кажется, что такая Эпопея имѣла бы большое сходство съ Исторіею. Но Исторія посвящена истинѣ; а Эпопея допускаетъ вымыселъ. Исторія повѣствуетъ только дѣйствительныя происшествія; въ Эпопееъ разсказывается все, что возможно. Исторія, излагая происшествія различныхъ временъ, въ сердцѣ человѣческомъ открываетъ начала и причины происшествій, въ дѣйствіяхъ народовъ находитъ проявленія силъ ихъ разума. Эпопея изображаетъ игру страстей человѣческихъ, и въ нихъ раскрываетъ тайныя причины дѣйствій и поступковъ.

Исторія досягаєть цѣли своей, если описы-
 ваешь съ точностью достопамятное событіе;
 Эпопея единственно живописными изображені-
 ями, не только дѣйствительными, но и возмож-
 ными, въ состояніи занять всѣ силы душевныя.
 Мы для того охотно допускаемъ въ Эпопеѣ
 вымысль, что любимъ созерцать примѣры со-
 совершенства, какого не находимъ въ Исторіи—
 любимъ разительное изображеніе въ человѣкѣ
 и величія, и слабости. Въ сѣмъ-то смыслѣ
 Поэзія, говоритъ Аристотель, поучительнѣе
 Исторіи. Эпопея нашего времени должна ра-
 скрывать предъ нами духовную часть вселен-
 ной—человѣка; въ ней мы желаемъ обрѣсти
 неизгладимые слѣды духа всемірнаго—человѣ-
 ческія, и чистаго іного или другаго народа.
 Такая Эпопея, потребность нашего времени,
 справедливо можетъ быть названа *Истори-
 ческою*. Древняя Эпопея, или героическая,
 развиваєть цѣлый міръ; дѣйствующія лица
 ея герои или полубоги. Эпопея новая пред-
 ставляєть человѣка такимъ, каковъ онъ есть;
 въ ней созерцаемъ изображеніе іного, что
 допускаєть Исторія, любимся вѣрною жи-
 вописью народности и мѣстности, повѣрій,
 нравовъ и обычаевъ.

Приступаемъ къ постепеннымъ измѣненіямъ
 Эпопеи въ Исторіи Словесныхъ произведеній. Въ

среднія времена Эпопея явилась поэмою *Рыцарскою*, повѣспиваніемъ мечпательности и воспора, важнаго и забавнаго. Такова поэма *Аріоста*. Благодушное желаніе рыцарей служить опорю и покровомъ слабымъ и беззащитнымъ, спрасъ къ приключеніямъ, безконечно-разнообразные вымыслы причудливой фантазіи, чародѣйства: вотъ составъ этой Эпопеи. Въ позднѣйшія времена рыцарская Эпопея перешла въ *Историческую поэму*. Отсюда уже произошелъ *Романъ*. Буало называлъ романы своего времени бездѣлками; попому что они или казались мелкими, или выходили изъ положительной жизни; въ нихъ или изображали домашній бытъ, слабыя движенія сердца, или спраси несуществующія. Иногда, для большей важности, сливали Романъ съ Исторіею, общественную жизнь съ міромъ фантазіи. В. Скоптъ первый показалъ связь Эпическихъ стихотвореній съ Исторіею; возрѣніе его на Историческій романъ столь вѣрно, что за нимъ увлеклись всѣ современники.

Такова судьба Эпопеи въ различные возрасты челоѣчества. При всѣхъ однако измѣненіяхъ ея, главное отличительное свойство обнаруживается во всѣхъ видахъ оной — вѣшняя сторона духа челоѣческаго.

Область Эпической Поэзии — міръ историческій; она въ обширѣйшемъ значеніи есть піитическое изображеніе сего міра. Но міръ Историческій древній отличенъ отъ новаго: очевидно, что Эпопея древняя должна различествовать отъ новой; у Древнихъ жизнь высшая, идеальная теряется въ чувственномъ, конечномъ представленіи; въ новомъ искусствѣ дѣйствительное ничтожно въ сравненіи съ стремленіемъ къ безпредѣльному. Историческій міръ Древнихъ представляется въ героизмѣ. Для новыхъ Поэтовъ историческая поэма есть художественное произведеніе — поэма, образуемая изъ глубины духа, по творческому генію художника. Древніе Поэты искали идеаловъ изящества въ природѣ внѣшней; произведенія новой Поэзии представляютъ невидимую природу, сокрытую во глубинѣ души человеческой; въ ней явственнѣе выражается торжество духовной природы надъ физическою, и согласіе изящныхъ чувствованій съ чистѣйшими помысленіями. Сколь однако ни противоположно направленіе древней и новой Поэзии, красоты той и другой сливаются и взаимно содѣйствуютъ усиленію производимаго впечатлѣнія. Новые Поэты, осуществляя свои идеалы, изъ внутренней при-

роды человека заимствованные, могут подражать Древнимъ въ вѣрномъ изображеніи природы внѣшней. Подчинятъ ли наши произведенія Словесности опредѣленнымъ формамъ Древнихъ безусловно? — Напротивъ, общее правило для всѣхъ народовъ и вѣковъ въ отношеніи къ произведеніямъ духа нашего состоитъ въ томъ, чтобъ вполнѣ и вѣрно выразить природу и человека. Формы произведеній, равно какъ и самыя впечатлѣнія изящнаго, не могутъ быть одинакиа во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; человѣчество само знаетъ, что нужно ему изъ послѣдій предшесствующихъ вѣковъ, и что сливается съ его жизнію въ настоящее время. Въ каждомъ изящномъ произведеніи заключается совокупность общихъ идей истины и блага съ частными образами человѣчества: первыя переживаютъ вѣка и народовъ; вторыя относятся къ извѣстнымъ временамъ и странамъ.

Взглянемъ наконецъ на *виды* Эпической Поэзіи. Историческому міру принадлежатъ народныя преданія, происшествія и перемѣны судьбы, въ одномъ лицѣ представляющія вообще жизнь человѣческую: поему Эпопея древняя, согласно съ возрастомъ человечества, является въ видѣ *Идиллій*, новая въ *Балладахъ*. Правы дѣйствующихъ лицъ

въ Идилліяхъ доселѣ иными заимствуяся изъ золотого вѣка, когда, по міѳологическимъ сказаніямъ, Парисъ на горѣ Идѣ пасъ стада отца своего, Аполлонъ былъ пастухомъ у Адмета. На сценѣ сельской Поэзіи Древнихъ видимъ Нимфъ и Сапировъ. Уже ли всему этому подражать? Безъ сомнѣнія безусловно подражаніе Теокрыпу невозможно такъ же, какъ не лзя переносить къ намъ безусловно героическую Эпopeю. Изъ насъ никто не скажетъ съ усладительнымъ самодовольствомъ: „и я былъ въ Аркадіи!“ Но и въ наше время истинное счастье заключается въ простотѣ; и въ наше время Идиллія можетъ служить убѣдительнымъ урокомъ въ томъ, что намъ, не рѣдко гонящимся за мечтами, для крапковременнаго, невиннаго наслажденія сею жизнью, надобно понимать языкъ природы. Творецъ одарилъ сердце наше неизъяснимымъ сочувствіемъ съ окружающими насъ предметами: отъ того они вливаютъ въ насъ сладостнѣйшія утѣшенія, когда мы имъ открываемъ наше сердце. Слабому смертному не дано разоблачать тайны небесныя; въ объятіяхъ сельской природы, въ лонѣ тишины и спокойствія, какъ бы свыше сходятъ новыя, свѣтлыя мысли, въ развлеченіи суетности намъ невѣдомыя. Къ сей-то безпредѣльной

природѣ, опъ вѣчности насъ лелѣющей, приводитъ насъ *Идиллія*. Она своими простыми дѣйствующими лицами, какъ гіероглифами, научаеъ насъ кротости, смиренію, простотѣ, для собственнаго нашего счастія; отверзаеъ намъ сокровищницу и природы виѣшней, и сердца человѣческаго; направляетъ взоръ нашъ во внутренность себя самихъ; и въ образѣ простолюдниковъ показуеъ тѣ условія для блага нашего, которыя въ свѣтѣ извѣсны не рѣдко по слуху подъ именами спокойствія духа, безмятежности, чистоты нравственной, человѣколюбія. Если *Идиллія* чрезъ нисшихъ членовъ человѣчества, каковы поселяне, представляеъ намъ высочайшее совершенство: то она можетъ нравиться и въ наше время, только являясь съ нашими понятіями и въ нашихъ нравахъ.

Тѣхъ же самыхъ условій народности пребуеъ и *Баллада*. Ощущенія Поэзіи рождаются опъ сочувствію, происходящихъ въ насъ при созерцаніи образовъ, съ коими знакомы наши понятія. Такъ герои классическіе подвергались опасностямъ дѣйствительнымъ, врагамъ видимымъ, преслѣдуемы были нравственными существами, коихъ бытіе допускалось народными повѣрьями. Ге-

рон новѣйшей Поэзіи сражаются съ своими спрасями, заблужденіями, предразсудками. Эпо пребованія времени, которыя выразились въ Балладахъ. Идиллія въ поселянахъ изображаепь совершенство человѣчества; напропивъ, Баллада совершенное соспояніе человѣчества предспавляепь подверженнымъ дѣйствию спрасей, намъ свойственныхъ — обнаруживаепь желаніе наше проникань въ тайны своего сердца.

Изъ сего слѣдуепь, что въ Идилліи и Балладѣ встрѣчаемъ ту же разительную пропивоположность Поэзіи древней съ новою, какую замѣчали мы въ Эпопеѣ: Идиллія большею часпію посвящается внѣшней природѣ; въ Балладѣ преимущественно изображаются различныя соспоянія духа человѣческаго.

И такъ направленіе древней и новой Эпопеи пропивоположно; измѣненія ихъ сопвѣспвуютъ возраспамъ человѣчества; не смотря на эпо, въ Омирѣ и Виргиліи мы находимъ красоты всемірныя, принадлежащія всѣмъ временамъ. Таковы красоты вѣрныхъ изображеній природы и человѣка, которыя никогда не преспануть нравипься. Но различныя эпохи Словесности въ Испо-ріи человѣчества болѣе или менѣе показывають формы тѣхъ идей, къ развитію конхъ

бываетъ призванъ тою или другою народъ ; наравнѣ съ сими идеями идутъ и произведенія Словесности. Поэзія классическая совершенно опвѣществуется условіямъ своего времени и народности. Въ Греческой Эпопее, какъ въ части, повторяющія общія условія всей древней Поэзіи. Въ произведеніяхъ новой Поэзіи долженъ выражаться новый духъ человечества — преимущественно міръ внутреннихъ. Такія же измѣненія неминуемо произошли и во всѣхъ видахъ Эпопеи : древняя Эпопея представляетъ періодъ героизма ; новая въ области вымысла вводитъ дѣйствительность Исторіи.

В. ИСТОРИЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

6. ДѢЙСТВІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА въ ПЕРВОМЪ ПЕРІОДѢ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

(съ 1755 по 1762 годъ.)

Сообщено Профессоромъ Снегиревымъ.

Побуждаемая многими важными причинами, кои изложены въ указѣ ея 1755 г. (*) высокая Покровительница наукъ Елисавета Петровна положила навсегда основаніе Московскому Университету, коего *изобрѣтате-*

(*) Между прочими приведены слѣдующія: 1) великое число живущихъ въ Москвѣ дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе Университета среди Россійскаго Государства, 3) дешевизна содержанія себя въ Москвѣ, 4) родственныя и дружескія связи, 5) недостатокъ въ Рускихъ училищахъ.

Статья сія сокращенно переведена Г. учителемъ дворянскаго института П. М. Поповымъ изъ рѣчи Профессора П. М. Снегирева: De origine, statu et incrementis Caes. Universitatis Mosquensis, M. a. 1830 4.

лемъ ей самой угодно было признать *Шува-лова*. И дѣйствительно онъ былъ виновникомъ начинія и совершенія сего дѣла для распространенія просвѣщенія между всѣми сословіями народа. Императрица поручила ему полное распоряженіе, его и *Лавренція Блаumenшпроса*, *Лейбъ-медика Петра Великаго* и сочинителя *Устава Академіи Наукъ*, которая еще въ царствованіе *Екатерины I* получила начало, наименовала *Курапорами*. Хотя *благоразумный, великодушный и скромный Шуваловъ* пользовался особеннымъ расположеніемъ Императрицы и могъ бы распоряжаться всѣмъ по собственному усмотрѣнію; однако онъ избралъ себѣ руководителями тѣхъ, къ коимъ наиболѣе имѣлъ довѣренности. Кромѣ поварища своего, онъ употреблялъ по сему дѣлу особенно двухъ ученѣйшихъ мужей: *Ломоносова*, сего всеобъемлющаго генія, и *Іоанна Мюллера*, государственнаго *Исторіо-графа*, оказавшаго важныя услуги *Исторіи* и *Древностямъ Россійскимъ*. Хотя сіи мужи въ нѣкоторыхъ предметахъ и могли быть несогласны между собою; однакожь, руководимые усердіемъ къ общему дѣлу, они съ величайшимъ единодушіемъ успрямляли все свое стараніе и попеченіе на то, въ чемъ находили пользу для просвѣщенія общества.

Сіе особливо видно изъ драгоцѣнныхъ рукописей Мюллера, хранящихся донынѣ въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и писемъ Ломоносова. Отъ сихъ-то ученыхъ, одаренныхъ необыкновеннымъ умомъ, Императорскій Московскій Университетъ получилъ и первый успавъ, и первыхъ Профессоровъ, а вмѣстѣ съ ними прочное основаніе свое.

Руководимый ихъ совѣтами и своею любовію ко благу отечеству, И. И. Шуваловъ, 1754 Іюля 19 го, вошелъ въ Сенапъ съ предсавленіемъ объ учрежденіи въ Москвѣ Университета, «гдѣ бы всякаго состоянія люди «свободно пользовались науками,» и просилъ предсавить ему успроеніе сего полезнѣйшаго заведенія, къ коему должно было присоединить еще двѣ Гимназіи, для дворянъ и разночинцевъ. Когда же Сенапъ далъ свое мнѣніе вразсужденіи сего предмета; то Шуваловъ въ слѣдующемъ году поднесъ свой проэктъ Императрицѣ на Высочайшее утвержденіе. Государыня соизволила утвердить оный 12го Января — день тезоименичества мащери Рускаго мецената. Сверхъ того признательная Наслѣдница опческихъ доблестей благоволила оградить новый Университетъ законами и даровала ему преимущества, оза-

божилась даже содержаніемъ , которое было бы соотвѣтственно такому заведенію и достаточно для опредѣленнаго числа молодыхъ людей.

Какое сильное побужденіе для умовъ ! Какая надежда и утѣшеніе для учащихъ и учащихся, когда они увидѣли, что сама Августѣйшая Монархія приняла ихъ подъ свое покровительство и оградаила важнѣйшими правами и преимуществами. Даровавъ сему ученому сословію наименованіе Императорскаго. Она поставила его наровнѣ съ Правительственными въ Государствѣ мѣстами ; а для преподаванія лекцій , академическихъ собраній и также для помѣщенія питомцевъ пожаловала довольно обширное и древнее зданіе , которое существуетъ и донинѣ , и въ коемъ до того времени помѣщалась старая аптека близъ Воскресенскихъ , или Курятныхъ воротъ. Въ слѣдующемъ году присоединено было къ нему другое , находившееся на мѣстѣ , принадлежавшемъ Князю Петру Ивановичу Репнину. Хотя это старинное зданіе было довольно обширно ; однакожь въ немъ помѣщались четыре класса Гимназіи , въ коей воспитывалось на казенномъ иждивеніи 130 че-

ловѣкъ , въ шомъ числѣ 30 студеновъ, 50 учениковъ Гимназіи изъ дворянъ и столько же изъ разночинцевъ (*).

Въ помощь Кураторамъ (изъ коихъ на мѣсто Блюменпроста, на второй годъ скончавшагося въ преклонныхъ лѣтахъ , назначень былъ Тайный Совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій), данъ былъ Директоръ , „который,“ по предписаннымъ ему правиламъ, „должень былъ тщательно пещись о благо- „состояніи Университета, наблюдать за по- „рядкомъ ученія Гимназическаго , председа- „тельствовать въ собраніяхъ Профессоровъ, „имѣвшихъ цѣлю распространеніе и усовер- „шенствованіе наукъ въ Университетѣ, запи- „сывать совѣщанія и обо всемъ доносить Ку- „раторамъ.» Сія должность возложена была на Коллежскаго Совѣтника Алексѣя Михайловича Аргамакова, который, по долгомъ пребываніи въ чужихъ краяхъ, возвратившись въ Россію, изъ соревнованія къ отечественному просвѣщенію охотно принялъ оную на себя. По смерти его , въ 1757 году , мѣсто сіе

(*) Atlas des enfans de l'Empire Russe , par P. H. Dilthey. t. 4. à Moscou, 1771.

заступилъ ученый любитель Греческой и Латинской Словесности, Иванъ Ивановичъ Мелиссино.

Но какъ ни одна изъ Русскихъ Академій ни Кіевская, ни Петербургская, ни Московская Славяно - Греко-Латинская не могли въ то время доставить столько Русскихъ Профессоровъ, сколько требовалось для трехъ Факультетовъ Московскаго Университета, хотя попечительная Матъ опечесива особенно того желала; то Шуваловъ поручилъ Ломоносову и Мюллеру, какъ мужамъ ученыѣйшимъ и благонамѣреннымъ, избраніе Профессоровъ и учителей, которые могли бы быть полезны для Россійскаго юношества своими познаніями и доброю нравственностію, первому — изъ природныхъ Россіянъ, а второму изъ иностранцевъ, кого они найдутъ достойными. Въ должности Профессоровъ Философін, Краснорѣчія и чистой Математики рекомендовалъ Ломоносовъ, тогда бывший Профессоромъ Химіи, любимыхъ учениковъ своихъ Николая Поповскаго и Антона Барсова, которые оба, окончивъ курсъ ученія въ училищѣ Заиконоспаскаго монастыря 1748 года, и въ Уни-

версипетѣ , при Академіи Наукъ выслушавъ лекціи ученѣйшихъ мужей: Мюллера, Фишера, Брауна, Крузіаса, Рикмана, Ломоносова и Тредьяковскаго, получили уже степени Магистровъ. Исторіографъ Мюллеръ вызвалъ изъ Вѣны Фил. Генр. Диашея, Доктора обонхъ Правъ, а изъ Лейпцига Іоан. Генр. Фромманна, перваго для преподаванія Права Естесшвеннаго и Народнаго и Всеобщей Испоріи, а втораго для преподаванія Философскихъ наукъ.

1756 Года, Октябрю 16 дня, по назначенію перваго Директора Аргамакова, было первое ученое собраніе въ Московскомъ Университетѣ, въ коемъ съ единодушнымъ усердіемъ ко благу общему было разсуждаемо о споспѣшествованіи успѣхамъ наукъ и о распространеніи средствъ, каковыя собранія съ того времени повторялись каждую недѣлю два раза. Но конференція начала имѣть полное собраніе въ извѣстномъ порядкѣ не прежде, какъ въ 1757 году Февраля 16 подъ предсѣдательствомъ Директора и въ присутствіи Ассесоровъ: Михайла Веревкина, издателя 62 помовъ своихъ сочиненій и переводовъ Михайлы Хераскова, Князя Пепра

Хованскаго и трехъ Профессоровъ. Разсужденія, состоявшіяся въ сихъ собраніяхъ, определено было записывать въ протоколъ.

Сначала въ Московскомъ Университетѣ прочимъ наукамъ предшествовало изученіе *Философіи*, какъ матери всѣхъ свободныхъ наукъ, которую въ Университетскомъ зданіи первый началъ преподавать на Русскомъ языкѣ Профессоръ Философіи, Краснорѣчія и Ректоръ Гимназіи Поповскій, читавшій въ 1755 г. первую вслупительную лекцію *о содержаніи, важности и кругѣ Философіи*. И такъ, преподаваніе Философіи на Русскомъ языкѣ началось въ пошъ же самый годъ, когда Ломоносовъ издалъ первую *Русскую Грамматику и Риторику*. Но съ 1756 г. кафедра Философіи поручена была Профессору Фромману, который читалъ оную на Латинскомъ языкѣ, Россійское Краснорѣчіе Поповскому, а Права Дилпеню. Въ 1757 г. Января 7 при первые Профессора, каждый по своей части, по напечатаннымъ программамъ, начали преподаваніе публичныхъ и частныхъ академическихъ лекцій торжественными *рѣчами*, на кои торжественно приглашались Кураторомъ „*все жители Москвы*,” какъ на дѣло, заключа-

Уч. Зап. Часть IV. 9

ющее въ себѣ общую пользу и важность. Въ то время, за недоспахомъ ученыхъ людей, лекціи не были еще распределены по факультетамъ; но преподавались въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Ф. Г. Дилпей читалъ Права естественное и народное, и также всеобщую Исторію; 2) Н. Поповскій началъ Краснорѣчія, первый по руководству Гейнекція, а другой по Ернестію, упражняя припомъ слушателей своихъ въ переводахъ и сочиненіяхъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ; 3) И. Г. Фромманъ преподавалъ Логику и Метаматерику (*), и Исторію Философіи. Въ семь же году издано *рописание* публичныхъ лекцій въ Университетѣ и Гимназіи. Между тѣмъ въ число преподавателей поступили: Венгерець И. М. Шадень, ученѣйшій мужъ, который, въ званіи Адъюнкта Г. Поповскаго, вмѣстѣ съ Папафиломъ, обучалъ языку Греческому и Древностямъ Греческимъ и Римскимъ; и И. Роспъ, который, съ А. Барсовымъ, изъяснялъ Механику, Архитектуру гражданскую и чистую Математику. Преподаваніе же опытной Физики поручено было Аббашу

(*) *Stricturae de statu scientiarum ac artium in Imperio Russico, quas munus professoris philosophiae extraordinarii defendet I. H. Frommann, Tubingae. 1764.*

Франкози, а Географіи—Г. Магистру Философіи Савичу. Припомъ не были выпущены изъ виду и языки новѣйшіе; Нѣмецкому, Французскому и Италіянскому, какъ непосредственнымъ пособіямъ въ образованіи, обучали Гг. Магистры Роспъ и Рейхель и учили Рaulъ, Билонъ и Кельнеръ.

Уже въ началѣ 1759 года лекціи разделены были на три Факультета: на *юридическій*, въ которомъ одинъ Дилшей изъяснялъ Юстиніаново Право, по руководству Гейнекція; на *медицинскій*, въ коемъ одинъ Магистръ Керстенсъ, изъ Лейпцига, малому числу слушателей излагалъ всю Медицину и Минералогію; къ нему присоединенъ былъ впоследствии І. Еразмусъ, Профессоръ Анапоміи и Хирургіи, который первый началъ преподавать въ М. Университетѣ *повивальное искусство*; сему же предмету онъ обучалъ бабокъ въ первой повивальной школѣ, заведенной въ Москвѣ 1757 г. (*). Въ *Философскомъ* два Профессора, одинъ Адъюнктъ и шесть Магистровъ преподавали *Философ-*

(*) Исторія Медицины въ Россіи, Г. Рихтера, ч. 1—3. М. 1820. 8.

скія , Физико - Математическія и Словесныя науки ; сверхъ того , всѣ они желающимъ давали частныя уроки. Таковое раздѣленіе на факультеты продолжалось до самаго преобразованія Университета. Когда ученѣйшій мужъ Поповскій скончался въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ: по мѣсто и должность его достойно заступилъ Магистръ Философіи А. Барсовъ , который , по свидѣтельству Рикмана и Мюллера , „посвятивъ себя Философіи и Астрономіи , „представлялъ рѣдкій примѣръ ума математическаго и прилѣжанія , такъ что изъ товарищей его не было равнаго ему (*).“ — Но еще съ большею похвалою ученые мужи отзывались о Филиппѣ Яремскомъ , Новгорожанинѣ , Магистрѣ свободныхъ наукъ ; однако послѣдній къ сожалѣнію , по разнымъ обстоятельствамъ , не оправдалъ надежды своихъ наставниковъ и преждевременно кончилъ жизнь ; впрочемъ онъ имѣлъ достойнаго преемника въ Магистрѣ Урбанскомъ , сочинителѣ *Греческой Грамматики* и издатель *Корнелія Непота*.

(*) Подобный отзывъ сдѣланъ и Ломоносовымъ :
inter studiosos Barssow maxime profecit et rarum
exemplum ingenii mathematici diligentiaeque exhibuit.
(Въ портф. Миллера.)

Разсадникъ для Университета по справедливости получилъ имя *Гимназіи*, которая распространяясь подъ его руководствомъ, доставила большую пользу Россійскому юношеству; ибо въ обѣихъ Гимназіяхъ, сообразно методу ученія, составленному Профессорами Дилтеемъ и Поповскимъ, преподавались опечеспвленными и иностранными учителями языки : а) Греческій , Латинскій , Италіянскій , Французскій , Нѣмецкій и Русскій; б) науки : Капихизисъ Греко - Россійской церкви, Риторика, Поэзія, Миѳологія, Древности Греческія и Римскія; Математика, военная Архитектура , Исторія и Географія съ изложеніемъ началъ Политики, сверхъ того , для развитія шѣлесныхъ силъ, дѣши упражнялись въ танцованьи и фехтованьи , украшали досугъ свой музыкою и рисованьемъ. Каждую Гимназіей управлялъ Ректоръ и Инспекторъ , которые ежегодно избираемы были изъ Профессоровъ, дабы сія должность, сверхъ обыкновенной Профессорской, не была имъ въ тягость и дабы не отвлечь ихъ отъ надлежащихъ занятій по Университету. Такъ какъ въ сихъ заведеніяхъ преподавались всѣ науки , необходимыя для образованія юношества: то они, по успѣхамъ учениковъ , были раздѣлены на три класса: высшій , средній и

нисшій. Для возбужденія соревнованія и прилѣжанія въ воспитанникахъ, каждый годъ два раза производимы были частныя и публичныя испытанія, на коихъ присутствовали не только Профессоры, но и родители, родственники и прочіе покровители наукъ. Съ половины XVII вѣка едва ли какое нибудь занятіе въ учебныхъ заведеніяхъ признавалось полезнѣйшимъ и болѣе способствовало успѣхамъ въ наукахъ, какъ тогдашніе диспуты о разныхъ ученыхъ предметахъ, посредствомъ коихъ истина открывалась и юный умъ приучался къ основательности въ сужденіи, приобреталась способность объясняться, и теоретическое образованіе приспособлялось къ практическому употребленію. Посему не безъ причины постановлено было уставами всѣхъ почти Европейскихъ Университетовъ, чтобы сей родъ занятія не былъ оставляемъ въ забвеніи, или пренебреженіи. На семъ основаніи, по образцу Нѣмецкихъ и Польскихъ учебныхъ заведеній, и въ Московскомъ Университетѣ и его Гимназіи съ 1756 г. были предлагаемы на публичныхъ диспутахъ тезисы, читались лекціями разсужденія и рѣчи о предметахъ ученія на тѣхъ языкахъ, кои преподавались въ обѣихъ Гимназіяхъ подъ руководствомъ учителей. Сии ученія собра-

нія, какъ бы выставки юныхъ умовъ и учено-
сти, привлекали значительное число гражданъ;
что для учащихся служило немаловажнымъ
поощреніемъ, а слушателямъ доставляло
удовольствіе; ибо подъ наблюденіемъ Про-
фессора Краснорѣчія, или Ректора Гимна-
зіи, копорые обыкновенно открывали или
заклучали собраніе рѣчами, студентъ и
ученики, между копорыми въ тогдашнее время
опличались особенно: Денисъ Фонъ-Визинъ,
Яковъ Булгаковъ и Георгій Булашницкій, со-
чинипель первой на Русскомъ Италіанской
Грамматики, соспязались съ своими пова-
рищами объ Естесшвенномъ законовѣдѣніи,
Логикѣ и Метифизикѣ. Хотя разсужденія о
предметахъ, заимспвованныхъ изъ круга сихъ
наукъ, производились чаще на опечесшвен-
номъ языкѣ; однако не былъ въ пренебреженіи
и Латинскій, господспвовавшій въ учебныхъ
заведеніяхъ, а равно и Французскій, копорый
съ XVIII вѣка былъ почти общимъ во всей
Европѣ. По образцу иностранныхъ учебныхъ
заведеній, и въ Московскомъ Университетѣ
обращаемо было особенное вниманіе на изуче-
ніе древнихъ языковъ (*), какъ вѣрѣйшихъ

(*) Russische Bibliothek von H. Bacmeister. 1 Th. St. Pet.
Riga. 1772.

средствъ къ усовершенію ума , и вкуса , къ достиженію основательности въ мысляхъ и словахъ.

Послѣ того , какъ въ Московскомъ Университетѣ и обѣихъ Гимназіяхъ благоуспѣшно начатое изученіе наукъ и искусствъ , по установленному порядку , требовало одного попеченія и поддержки, въ 1756 году, первый разъ празднованъ торжественнымъ собраніемъ день священнаго Коронованія Августѣйшей Покровительницы наукъ : при чемъ произнесены были приличныя рѣчи и стихи , а прилѣжнѣйшіе изъ студентовъ и учениковъ награждены золотыми и серебряными медалями, пожалованными Императрицею, съ слѣдующею надписью на оныхъ: *Елисавета, великая наукъ и художествъ Покровительница достойнѣйшему.* Съ того времени въ семъ святынищѣ музъ вошло въ обыкновеніе публичными собраніями праздновать не только дни коронаціи, рожденія и тезоименитства Высочайшихъ Особъ , но также блистательныя побѣды и славный миръ , съ пѣмъ мудрымъ намѣреніемъ , чптобы возбудить въ Россійскомъ юношесствѣ ревность къ изящнымъ наукамъ, и укрѣпить въ душахъ ихъ любовь къ Ошечеству и преданность къ Престолу. Недоставало еще для питомцевъ онаго Универ-

сипеша собственной церкви и законоучителя, „какъ главнѣйшихъ средствъ“ по выраженію Шувалова: „къ доброму воспитанію, въ коемъ „прежде всего нужно влгати въ души и сердца „страхъ Божій, знаніе Хрістіанскаго закона „и его таинствъ.“ По ходатайству сего перваго Куратора Университета, столько заботившагося какъ о тѣлесномъ здоровьѣ, такъ равно и о душевномъ благѣ питомцевъ наукъ, учреждена при Университетѣ больница и небольшая аптека и приписана церковь (*). Завѣдываніе первою безмездно принялъ на себя Докторъ Медицины І. Лупсъ, а для Богослуженія и преподаванія Капихизиса опредѣленъ Иеромонахъ (**).

Вскорѣ еще представленъ М. Университету блистательный случай и способъ находить науки въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи; Августѣйшая Покровительница Московскихъ музъ показала новый отличный опытъ любви своей къ Отечеству и просвѣщенію, повелѣвъ въ 1758 году, подъ руководствомъ Московскаго Университета, основать въ Ка-

(*) Бывшая церковь Воскресенія на дворѣ Грузинскаго Царевича Бакара.

(**) О. Ефремъ, послѣ котораго былъ съ 1759 г. Пропоіерей Пешръ Алексѣевъ.

зани Гимназію, съ присвоеніемъ ей почти тѣхъ же правъ, какими пользовались обѣ Московскія Гимназіи. Начальство надъ симъ новымъ разсадникомъ Казанскихъ музъ, изъ коего впослѣдствіи времени вышелъ великій Державинъ, поручено Конференціи Ассессору М. Беревкину, избраны и оппращены учителя Исторіи, Географіи, Ариѳметики, языковъ: Русскаго, Нѣмецкаго и Французскаго. Когда же число учениковъ увеличилось; по Казанская Гимназія, по примѣру Московской, раздѣлена была на Дворянскую и разночинскую, въ конхъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, питавшимся ошъ подаянія, по благосклонности великодушнаго Шувалова, доставлено было жилище и всѣ необходимыя жизненныя продовольствія. Впослѣдствіи времени въ сей Шуваловской Гимназіи число ищущихъ образованія возросло до того, что на эпомъ мѣстѣ открытъ былъ Университетъ, донынѣ существующій въ Казани (*).

Такимъ образомъ, въ короткое время подъ покровительствомъ Августѣйшей Императрицы и подъ руководствомъ Шувалова

(*) Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику. Казань, 1828 г.

Московскій Университетъ, научая и просвѣщая, успѣлъ оказати довольно важное вліяніе на всѣ сословія народныя, для коихъ онъ былъ опровергъ; онъ для Москвы то же былъ, что Дворъ для С.-Петербурга. Находясь въ сердцѣ Ошечества, онъ сдѣлался средоточіемъ наукъ и разныхъ житейскихъ обширной Россіи. Въ слѣдствіе Высочайшаго Указа, 1737 г. Мая 5, безъ экзамена и свидѣтельства Университета никакой иностранецъ не имѣлъ права обучать въ домахъ: чѣмъ предотвращалось зло, какое не рѣдко посягаемо было пришлецами въ сѣмействахъ и въ обществѣ. Сіе благотворное узаконеніе повшено Екатериною II и НИКОЛАЕМЪ I.

По мѣрѣ распространенія дѣйствій Университета преобладали новыя пособія, какія сначала казались излишними: всѣ почти оныя получались имъ отъ Августѣйшей Основательницы своей, которая не преспавала благотворить при всякомъ случаѣ, во всякой нуждѣ. Проводникомъ ея благотвореній Университету всегда былъ незабвенный Шуваловъ.

Сверхъ исчисленныхъ ученыхъ пособій, при Университетѣ заведена библіотека, въ которую первымъ библіотекаремъ опредѣленъ Херасковъ, творецъ Россіады; въ послѣдствіи времени она поручена была Рейхелю.

Смотрѣніе за музеемъ Естественной Истории и рѣдкостей предоставлено было Керстенсу, который умножилъ его и привелъ въ порядокъ. Съ 1757 г., по ходатайству Мелиссино, М. Университетъ сталъ выписывать для себя Ученыя Газеты изъ Германіи Геттингенскія, Эрфуртскія, изъ Италіи la Gloria corrente dell'anno presente, изъ Франціи: Journal de savans.

Заведенная при ономъ въ 1755 году для собственнаго употребленія первая гражданская типографія стала издавать *Вѣдомости*, кои вмѣстѣ съ кончиною Петра I прекратились въ Москвѣ и продолжались только въ С.-Петербургѣ, откуда весьма немногими тогда получались въ древней столицѣ. Первыми редакторами и вмѣстѣ корректорами оныхъ были *Профессоры* Краснорѣчія Поповскій и Барсовъ, а Цензоромъ самъ Кураторъ Университета. Изданіе Московскихъ Вѣдомостей, переводимыхъ болѣе изъ Нѣмецкихъ, сдѣлалось сильнѣйшимъ средствомъ къ скорѣйшему распространенію историческихъ, географическихъ и политическихъ свѣдѣній; оно пу-
скало въ ходъ новыя мысли, сообщало новыя изобрѣшенія и дѣйствовало на общее мнѣніе, доставляя пользу и удовольствіе въ обще-

спвенной и частной жизни. Правильнымъ слогомъ онѣ дѣйствовали даже на образованіе Русскаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ служили пособіемъ для изученія Географіи. Когда въ Пруссіи, завоеванной Русскимъ оружіемъ, съ 1758 по 62 годъ печатались газеты съ Русскимъ двуглавымъ орломъ и съ вензловымъ именемъ Елисаветы, тогда Московскія газеты, заимствовавшія изъ нихъ извѣстія, возвыщали объ успѣхахъ отечественнаго оружія и о поржествахъ въ обѣихъ столицахъ (*).

Какъ видно изъ дѣлъ, многія статьи въ газеты присылались отъ П. И. Шувалова, и каждый листъ печатанныхъ отъ Университета сочиненій доставлялся ему въ С.-Петербургъ (**). Онъ не рѣдко сообщалъ Профессорамъ новыя, лучшія сочиненія иностранныя, поручалъ оныя переводить на отечественный языкъ и охотно велъ съ ними переписку.

Пошомъ, по приобрѣтеніи шрифтовъ для разныхъ языковъ, когда въ Московскомъ Университетѣ и Казанской Гимназіи учреж-

(*) Gazette de Koenigsberg et Königsbergische G. R. F. Zeitungen хранятся въ Иностранной Коллегіи.

(**) Пропоколы М. Университета съ 1756 по 1760 г.

дены были классы Тапарскаго языка, Университетская Конференція озабочилась выпискою изъ Лейпцига шрифтовъ Тапарскаго и Еврейскаго. Въ пособіе Университетской типографіи Сенашь, по сношеніи съ С. „Св-„нодомъ, приказаль Московской Синодальной „типографіи отдасть оной мѣдныя гридиrowальныя доски съ принадлежащими къ тому „инструментами и печатные разные куншты „прежнихъ переводовъ и сочиненій, и книги „математическія или историческія и прочія „къ гражданству принадлежащія (*).“ Большая часть сихъ типографскихъ принадлежностей выписанные, или сдѣланные при Петръ I, составляли достопамятность для Московскаго Университета, получившаго отъ Августѣйшей дщери драгоценное спяжаніе Родительская Ея.

Какъ скоро только ученымъ мужамъ открылся новый, удобнѣйшій путь для распространенія знаній: тогда увеличившееся число полезныхъ книгъ усилило желаніе читать и учиться; ибо изъ типографскаго станка,

(*) Указъ 1756 г. Марта 8. Историческій Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Росс. церкви, соч. *Митрополита Евгенія*. С.-П. 1827. 2 ч. 8.

кромѣ Вѣдомостей , торжественныхъ рѣчей , диссертацій , стиховъ , программъ и капиталовъ лекцій , въ первый разъ стараніемъ Профессоровъ , изданы 1757 г. въ свѣтъ всѣ сочиненія Ломоносова въ III том. въ 8, достойные всякаго уваженія переводы, стихотворный Попевой поэмы о человекѣ, разсмотрѣнный Св. Синодомъ и принятый съ восхищеніемъ отъ Ломоносова , котораго одно стихотвореніе подверглось сужденію Синода. Кромѣ Попе , тогда напечаталъ Поповскій преложеніе: *избранныхъ Оды Горация и письма къ Пизонамъ* , сочиненіе Локка о воспитаніи дѣтей, II том. 1759. — *Логика Баумейстера и Комментаріи Монтекукулли*, а равно и другія книги также изданы студентами Московскаго Университета для пользы Русскаго народа. Съ 1760 года отъ сего же разсадника наукъ начали издаваться по субботахъ *періодическіе листы, полезное увеселеніе*: что доставляло пищу и занятіе для умовъ и весьма много способствовало къ образованію и обогащенію языка Русскаго. Такъ какъ недоставало еще учебныхъ книгъ, безъ коихъ и наставники не могутъ хорошо учить и юноши надлежащимъ образомъ учиться, а для переписыванія оныхъ шрапили много

времени: по Профессоры Университета и учили, для пользы обучающагося юношества, взяли на себя трудъ составить и издасть въ свѣтъ *Буквари, Словари и Грамматики* тѣхъ языковъ, кои преподавались въ обѣихъ Гимназіяхъ; а для удобнѣйшаго сбыта и разпространенія необходимыхъ и полезныхъ книгъ въ 1760 году учреждена отъ Университета первая *книжная лавка* и поручена книгопродавцамъ Іосифу Схоларію и Христіану Веверу, у которыхъ можно было покупать книги не только въ Университетской типографіи, но также и въ другихъ мѣстахъ напечатанныхъ.

Подъ начальствомъ Шувалова соединялась и основанная по его проэкту въ С.-Петербургѣ Академія Художествъ; по ближайшему же средству наукъ изящныхъ съ искусствами, въ средоточіи оныхъ, Университетъ, приобщилось къ нимъ и драматическое искусство, еще младенчествовавшее въ Россіи: оно обращено было на пользу и удовольствіе юныхъ питомцевъ Университета, открывая имъ новое поприще къ развитію и образованію ихъ способностей въ декламациі и мимикѣ, въ переводахъ, подражаніи и сочиненіи. Съ 1756 года при Университетѣ учреждена была *Московская*

опера (*) и *театръ*, коего первые слѣды находимъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Подъ руководствомъ Хераскова, воспитанники Гимназій и Университета и другіе любители театральнаго искусства въ оперномъ домѣ представляли разныя комедіи, кои иногда сочиняли и переводили Сумароковъ и Херасковъ, или самые питомцы Университета. Тамъ было первое поприще Фон-Визина, который выступилъ на оное прежде актеромъ, чѣмъ явился сочинителемъ. Между тѣмъ Волковъ, который по справедливости считается отцемъ Русскаго театра, началъ заводить въ Петербургѣ гораздо обширнѣйшій театръ, и актеровъ для оного, по повелѣнію Всемилостивѣйшей покровительницы изящныхъ искусствъ, въ 1760 году вызвали изъ Московскаго Университетскаго театра для помѣщенія ихъ въ штатъ Императорскаго театра. Университетъ же съ своей стороны, условясь съ Локалліемъ, рѣшился выстроить новый театръ; на сей предметъ Университетское Правленіе, съ разрѣшенія Куратора Шувалова, должно было назначить особенную сумму. Херасковъ

(*) Въ оной иногда давались безденежно Италіанскія интермедіи, на кои М. У. приглашалъ все Дворянство, какъ видно изъ объявленій при М. Газетахъ, 1760.

прилагалъ особенное стараніе о театрѣ и наконецъ успѣлъ въ томъ, что Вѣнценосная Покровительница наукъ повелѣла награждать шпагами тѣхъ изъ актеровъ, которые окажутся достойными одобренія. И сіе отличіе оказываемо было студентамъ Московскаго Университета.

Отъ славы побѣдъ Императрица Всероссійская склоняла благошворное вниманіе свое на мирное святилище музъ, ею созданное и осчастливленное; она обогатила его многими другими преимуществами, между коими освобожденіе отъ общественныхъ повинностей есть истинно Царское благодѣяніе, каковое сперва оказано было для Нѣмецкихъ училищъ Фридрихомъ I, а впослѣдствіи времени Θεодоромъ II и для Русскихъ. Высочайшимъ Указомъ повелѣно, чтобы Профессоры и Учиители, а равно и всѣ, состоящіе подъ покровительствомъ Университета, безъ вѣдома и согласія Куратора и Директора, не подлежали никакому другому суду, кромѣ собственнаго, т. е. состоящаго при Университетѣ, и чтобы дома всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ Университету и ими самими занимаемые, свободны были отъ общественныхъ повинностей (*).

(*) Проектъ объ учрежденіи М. У. гл. 2, 3 п. и Указъ 1757 г. Ноября 27.

Къ симъ привиллегіямъ въ 1758 г. присоединена была другая, гораздо важнѣйшая, именно: ученикамъ благороднаго происхожденія, снабженнымъ опѣ Университета свидѣтельствами объ ихъ прилѣжаніи и хорошихъ успѣхахъ въ наукахъ, по вступленіи ихъ въ государственную службу, открывъ путь къ полученію чиновъ; по же самое присвоено было и студентамъ, которые тогда числились въ XIV классъ. Но Августѣйшая Елисавета явила блистательнѣйшее доказательство своей благосклонности къ питомцамъ Московскихъ музъ: по предшательству Шувалова, она повелѣла въ 1757 г. прилѣжнѣйшихъ опредѣлять въ военную службу, изъ коихъ многіе впослѣдствіи достигли высшихъ почестей. По ея повелѣнію 1) Борисъ Салтыковъ опредѣленъ Прапорщикомъ; 2) Григорій Пошемкинъ, Пётръ Безобразовъ, Дмитрій Бобарыкинъ, Дмитрій Камынинъ, Князь Авраамъ Каншакузинъ, Николай Каринъ, Князь Левъ Грузинскій, Пётръ Аргамаковъ, Иванъ Чернышевъ, Михаилъ Загряжскій, Александръ Шереметьевъ капралами Гвардіи и 3) Князь Василій Хованскій и Василій Шукинъ были приняты къ Императорскому Двору. Въ ваканціонное время отличнѣйшіе изъ питомцевъ Университета, по

своему желанію и по выбору Директора, отправлялись въ С.-Петербургъ для представленія ихъ къ своему начальнику Шувалову, который принималъ ихъ какъ отецъ дѣшей, доставляя имъ въ новой столицѣ пользу и удовольствіе для поощренія ихъ въ ученіи. Въ томъ числѣ находился Д. Фонъ-Визинъ и Я. Булгаковъ (*). Тамъ они привѣспивовали своего покровителя рѣчами и спихами, кои онъ читалъ Императрицѣ, присоединяя къ наградамъ ихъ Университетскимъ свои подарки, деспные для юношескаго честолубія. Такими средствами пробуждались таланты и одушевлялись труды ученые.

Въ Московскій Университетъ изъ духовныхъ училищъ Спасаго училища и Троицкой Семинаріи поступали студенты; по назначенію своего Начальника онъ отправилъ въ чужіе края прилѣжнѣйшихъ изъ студентовъ, какъ-то: на собственномъ иждивеніи для усовершенствованія въ наукахъ и языкахъ, Афонина, Зыбелина, Десницкаго, Веніамина, Третьякова; по возвращеніи изъ ученаго путешествія, Зыбелинъ и Веніаминовъ, подвергшіе себя испытанію въ Петербургѣ, удостоены

(*) Протоколы И. М. У. 1757 г.

были степени Докторовъ Медицины. Благонепечительная Государыня за три года до своей кончины, по ходатайству Шувалова, имѣла намѣреніе подарить Университету подгородную деревню, которая бы доставляла съѣстные припасы для питомцевъ Университета и рабочихъ людей; но исполненію сего столь благотворнаго намѣренія, а равно и многихъ другихъ, воспрепятствовала кончина Высокой Покровительницы.

Когда увидѣли, что Государыня особенно покровительствуетъ и благодѣтельствуетъ новоустроенному Университету; то нѣкоторые благородные и великодушные мужи восхотѣли къ дарамъ Царскимъ присоединить собственные и чрезъ то значительно умножили библіотеку, музей и другія ученыя пособія: преимущественно же предъ прочими фамиліи Демидовыхъ, Строгоновыхъ, Мамоновыхъ, Соколовыхъ и другія богатыми дарами своими оказали отличную услугу наукамъ, оправдавъ собственнымъ примѣромъ выраженіе Цицерона: „въ общественныхъ дѣлахъ немалымъ пособіемъ должно почитать благоположеніе гражданъ.“ Питомцы и члены Московскаго Университета въ кругу вельможъ

находили себѣ покровителей и благошворителей, а они въ нихъ по полезныхъ наставниковъ дѣшамъ своимъ, по пріяшнихъ себѣ собесѣдниковъ, по учаспниковъ въ дѣлахъ своихъ, не рѣдко и друзей. Многія знаменитыя фамиліи въ Москвѣ сдѣлались извѣстными своимъ покровительствомъ Университету, который чрезъ сіе самое вошелъ въ общеніе съ публикою, хотя тогда вель жизнь болѣе внутреннюю, чѣмъ внѣшнюю, при опеческомъ начальствѣ,

Такимъ образомъ Императорскій Московскій Университетъ, въ продолженіе семи лѣтъ бытія своего, укрѣплялся и процвѣпалъ подъ покровительствомъ Августѣйшей Основательницы, которая хотя и не называла его сыномъ своимъ, какъ Карлъ V называлъ Парижскій Университетъ *старшимъ сыномъ Короля*; но любила его истинно материнскою любовію; да и онъ, съ своей стороны, проникнутый святымъ чувствомъ благодарности, не совсѣмъ оспавался недоспойнымъ пѣхъ благодарній, которыми осынала его Покровительница наукъ; ибо мы видимъ, сколь много знаменитыхъ мужей въ столь краткое время его суще-

спивованія вышло изъ сего разсадника наукъ , хотя и различныхъ образованіемъ и умомъ , но тѣмъ не менѣе заслуживавшихъ себѣ уваженіе и принесшихъ честь мѣсту воспитанія. Нѣкоторые изъ его питомцевъ , приготовивъ себя къ государственной службѣ , и отъ наставниковъ своихъ научившись познавать истинное благо своего опечесства , и дѣйствительно вступили въ оную ; въ числѣ ихъ находились особы , принадлежавшія знаменитымъ фамиліямъ и достигшія высшихъ почестей , между прочими: Булгаковы , Дашковы , Тепловы , Пошемкины , Блудовы , Баншышъ-Каменскіе , Приклонскіе , Лопухины , Кречетниковы , Соймоновы , Жеребцовы , Камынины , Ташищевы , Кн. Шихмаповы , Кн. Волхонскіе , Пушкины , Марковы , Спрекаловы , Нелдовы , Рахмановы , Соковнины , Загряжскіе , Бобарыкины , Фонъ-Визины , Сабуровы , Воейковы , Васильчиковы , Колычевы . Почти всѣ они впослѣдствіи достигли высшихъ почестей въ Государствѣ , облечены были знаками опличій и ознаменовали свою жизнь и службу заслугами Престолу и Опечесству на гражданскомъ , или военномъ поприщѣ . Другіе въ томъ же мѣстѣ обучали съ большимъ достоинствомъ и похвалою ; таковы были почтеннѣйшіе Профессоры: Матѣій Афонинъ ,

Дмитрій Аничковъ , Харитонъ Чеботаревъ , Симеонъ Десницкій, Пётръ Веніаминъ, Симеонъ Зыбелинъ и Иванъ Третьяковъ ; иные наконецъ начальствовали надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, въ коемъ сами съ дѣтства образовались науками и искусствами , какъ напримеръ : Павелъ Фонъ-Визинъ и Михаилъ Муравьевъ , украшенные ученостію и добродѣтелями.

Всѣ сии ученые мужи не мало способствовали распространенію и усовершенствованію отечественныхъ знаній: они усвоили Русскому языку науки , еще мало извѣстныя въ Отечество ихъ и водворили въ Университетѣ. Самый Русскій языкъ , со временъ Петра I обезображенный многими варварскими словами и разными чуждыми для него оборотами, очищался , получалъ природное свое свойство, силу и изящество и обогащался новыми для наукъ словами , кои получили право гражданства въ Словесности. Если бы кто со вниманіемъ и безъ всякаго пристрастія разсмотрѣлъ сочиненія , изданныя Московскимъ Университетомъ и понялъ то вліяніе, какое онъ имѣлъ на духъ , на умы и сердца гражданъ; толь легко бы сознался, что онъ водворивъ въ себѣ науки , заключенныя въ сѣняхъ Академій, такъ сказать , обобщилъ

и сроднилъ ихъ съ умами народа; попому что онѣ не ограничивались шѣснымъ кругомъ Университетской аудиторіи, ни древними спѣнами Москвы; но разливались на обширнѣйшее просиранство и благодѣтельнымъ своимъ свѣсомъ озаряли разнообразныя спраны Ошечества. Посему хотя онѣ и не во всѣхъ вообще наукахъ оказалъ и не могъ оказать желанныхъ успѣховъ; но, безъ сомнѣнія, многія, коихъ даже имена до того времени не были извѣсны въ Россіи, какъ-то: Спашиспику, Археологію, Юриспруденцію и Сельское Хозяйство сдѣлалъ извѣстными, а нѣкоторыя, переведши съ иносшанныхъ языковъ, не безъ пользы издалъ для упошребленія Русскихъ (*). Въ Россіи до того времени не было почти никакихъ книгъ по части ошечественнаго Законовѣдѣнія и ни-кто изъ ученыхъ не ошваживался еще изложитъ надлежащимъ порядкомъ сего споль важнаго и споль необходимаго предмета, оставленнаго на произволъ приказнымъ и спряпчимъ, ограниченнаго архивою присушственныхъ мѣстъ, хотя многіе желали его знатъ. Со-спавленные Дилшеемъ и Десницкимъ для

(*) Рѣчи Русскихъ Профессоровъ Московскаго Уни-верситета. Т. I—IV. М. 1819. 8.

руководства на лекціяхъ и для общаго употребленія системы и изданныя разсужденія впоследствии времени породили множество юридическихъ книгъ, *Словарей*, *Памятниковъ*, *Указателей* и *Системъ* опечесшвеннаго Законовѣдѣнія, коими попомъ руководствовались и въ судебныхъ мѣстахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Сочинитель Русской Грамматики, Барсовъ (*), Поповскій, Дилпей, Рейхель и Чеботаревъ особенно спарались объ ученомъ образованіи опечесшвеннаго языка и Словесности, положили хорошія начала Географіи Россійской Имперіи и Исторіи, которыя до того были почти неизвѣстны; разные сего рода труды подвергая суду публики, тѣмъ сближали ее съ Университетомъ, и чрезъ то многихъ вызывали къ изслѣдованію тѣхъ же самыхъ наукъ. Труды Аничкова въ Философіи и Маѳематицѣ, который отличался не столько проникательностію ума, сколько основательностію знаній и неупомимою рачительностію, и ученика великаго Линнея и друга Пошечкина Афонина въ еспесшвенной Исторіи и Сельскомъ Хозяйствѣ, заслуживаютъ отличную похвалу, каковую поуже-

(*) Рукопись оной хранится нынѣ въ библіотекѣ Моск. Унив.

ственно изъяснилъ ему самъ Линней вмѣстѣ съ Упсальскимъ Университетомъ. Вразсужденіи Медицины должно замѣтить, что когда, по недоспашку знапоковъ сего предмета, ею занимался одинъ Кершенсъ и не имѣлъ нужныхъ къ тому пособій; то она медленно подвигалась впередъ до тѣхъ поръ, пока не открылся ей обширнѣйшій путь къ распространенію и усовершенствованію, т. е. когда ею начали заниматься Еразмусъ, Зибелинъ, Вечъ и Веніаминовъ. Напротивъ, Словесность Греческая и Латинская, въ изученіе коихъ, какъ въ неизчерпаемыя сокровищницы, углублялись Барсовъ, Поповскій, Яремскій, Урбанскій, Шадень и Рейхель, казалось нашли тогда въ нашемъ Университетѣ надежный пріютъ и постоянное жилище и служили благородному Россійскому юношеству не малымъ пособіемъ въ изученіи языка отечественнаго. Въ немъ составилъ союзъ наукъ и искусствъ, изъ коего происпекли многія полезныя учрежденія въ Государствѣ; въ немъ шла мысль, что Вѣра, Монархія и народность составляли единеніе въ просвѣщеніи.

Изъ сихъ малыхъ началъ, какъ изъ источника, часто дающаго теченіе обширнымъ рѣкамъ, многіе почерпнули различныя,

полезныя познанія и коренныя основанія , и впоследствии воспользовались оными. Сверхъ того, Московскій Университетъ, безъ всякаго сомнѣнія, можно и должно почесть общимъ прочихъ Русскихъ Университетовъ и общесшвенныхъ училищъ, учасникомъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Таковы были дѣйствія Московскаго Университета въ счастливое семилѣтіе бытія его подъ высокимъ покровительствомъ Августѣйшей Основательницы и подъ благошворнымъ начальствомъ Шувалова.

III. К Р И Т И К А.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

7. ДАНТЬ И ЕГО ВѢКЪ.

Соч. Адъюнкта - Профессора С. Шевырева.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ДАНТЬ ТВОРЕЦЪ ЯЗЫКА ИТАЛІАНСКАГО.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ЯЗЫКѢ БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ.

(*Окончаніе.*)

Образованное общество всѣхъ Государствъ и областей Италіи имѣетъ свой единый избранный языкъ, съ нѣкоторыми частными видоизмѣненіями (*), кои однако, въ кругу

(*) Сіи видоизмѣненія суть или въ произношеніи или въ выраженіи. На пр. Венеціанцы букву *c*, вмѣсто *ce*, какъ прочіе Италіанцы, выговариваютъ *ce*. Есть частица отрицательная *mica*, по которой тотчасъ узнаешь Венеціанца (non dice mica niente, онъ не говоритъ ничего). Флорентинцы всѣ согласныя произносятъ съ придыханіемъ, особенно же *ca*: вм. *сагега* (камера) они говорятъ *хамера*, сильнѣе придыхая на *ха*, чѣмъ мы Русскіе; вм. *appunto* (аппунто) апхунпо.

литтературовъ и въ кругу людей высшаго образованія, совершенно исчезаютъ (*). Языкъ сей есть плодъ литтературнаго образованія Италіи. Весьма замѣчательно, что Флоренція, бывшая со временъ Данта средоточіемъ онаго, опличается передъ всѣми столицами Италіи изящеспвомъ избраннаго выраженія; а Римъ, гдѣ былъ корень древняго языка Италіи, языка Латинскаго, имѣетъ самое лучшее произношеніе. Отсюда происходитъ пословица: *lingua Toscana in bocca Romana* (т. е. языкъ Тосканскій въ устахъ Римскихъ).

Простонародный же языкъ Италіи раздѣляется на многія областныя нарѣчія, часто непонятныя для знающаго языкъ Италіанскій. Такое-то разнообразіе нарѣчій представляла вся Италія вообще, во времена Данта. Я уже имѣлъ случай замѣтить выше, что и въ языкѣ своемъ она выражала

(*) Изъ сего общаго правила слѣдуетъ только исключитъ Ломбардію. Образованное общество въ Миланѣ имѣетъ сверхъ языка Италіанскаго свое областное нарѣчіе, которое совершенно непонятно и должно приближаться къ древнему Провансальскому нарѣчію: языкъ Италіанскій въ Миланѣ есть языкъ школы, ученія, Литтературы, а сіе нарѣчіе есть живой языкъ общества.

попъ же феодализмъ , попъ же недоспапокъ
единства , какіе были въ ся полипитическомъ
сосостояніи. Это разнообразіе нарѣчій было
еще обширнѣе , чѣмъ теперь , потому что
она не имѣла еще своей богатой Лингве-
ратуры.

Дантъ въ своемъ *Разсужденіи о народ-
номъ Красноречіи* перебираетъ всѣ нарѣчія
Италіи , какія только существовали въ его
время , и порицаетъ всѣ безъ исключенія ,
умилосердясь нѣсколько надъ однимъ Боло-
нскимъ. Особенно хулитъ онъ нарѣчія Рима ,
Марки и Сполето , какъ самыя грубыя . Въ
Феррарѣ , Реджіо , Моденѣ и Пармѣ опри-
цаетъ даже существованіе Поэтовъ , опіюся
невозможность образованія оныхъ къ грубо-
сти нарѣчія , особенно въ Пармѣ , гдѣ вмѣ-
сто molto говорятъ molto. Наконецъ не спа-
слось опъ порицаній Данта нарѣчіе самой
его родины , нарѣчіе Тосканское. Онъ не
щадитъ Поэтовъ : Гвишпона изъ Ареццо ,
Буонаджіуншу изъ Лукки , Галло изъ Пизы ,
Мило Мокапо изъ Сіенны и Брунелло Фло-
реншинца , своего учителя , за то , что они
стихотворствовали на нарѣчій Тосканскомъ ,
считая его лучшимъ , избраннымъ языкомъ
Италіи.

Такое оскорбленіе Тосканскому нарѣчію изъ устъ самого творца Италіянскаго языка не могло нравиться ученымъ лингвистамъ Флоренціи, которые хотѣли удержашъ за своею отчизною монополію языка и доказывали, что языкъ Италіянскій и нарѣчіе Тосканское суть одно и то же. Разсужденіе Данта о народномъ Краснорѣчіи, писанное имъ по Латынѣ, напечатано было сначала въ Италіянскомъ переводѣ. Отвергали существованіе подлинника, доказывали подложность перевода до тѣхъ поръ, пока самый Латинскій подлинникъ не былъ изданъ.

Дантъ ищетъ въ нарѣчіяхъ Италіи единого, избраннаго, или какъ онъ самъ выражается, *славнаго, придворнаго*, собственно Италіянскаго языка (*lingua illustre cortigiana*), и не нашедъ его ни въ одномъ изъ нихъ, даже и въ Болонскомъ нарѣчіи, которое однако болѣе другихъ къ нему приближается, заключаетъ, что сей искомый языкъ не принадлежитъ ни одному городу въ особенности, а всѣмъ вмѣстѣ; что онъ есть избранный цвѣтъ изъ всѣхъ частныхъ, народныхъ нарѣчій, прибавимъ, очищенный мыслию и вкусомъ. Разбирая Поэтовъ Италіи, ему современныхъ, въ отношеніи къ языку, онъ мѣрою ихъ совершенства полагаетъ степень прибли-

женія ихъ языка къ тому языку идеальному, о созданіи коего онъ самъ заботился. На семь основаній онъ отдаетъ преимущество Поэтамъ Болонскимъ, и особенно Гвидо Гвиничелли, какъ такимъ, коихъ самое нарѣчіе приближалось къ идеалу его языка поэтического, а изъ прочихъ особенно Гвидо Лано изъ Флоренціи и Чино изъ Пистои, которые на опытѣ показали знаніе *избраннаго придворнаго языка* и умѣли уклоняться отъ нарѣчій черни.

Достоверность сочиненія Данта доказывается тѣмъ, что онъ теорію свою показалъ на опытѣ въ томъ произведеніи, которое есть основаніе лучшаго языка Италіи. Не смотря на усилія монополистовъ Тосканскихъ лингвистовъ доказать, что главный текстъ Б. Комедіи Данта есть нарѣчіе Тосканское, ясно видно, что языкъ оной соединяетъ въ себѣ нарѣчія всей Италіи. Въ сей мысли Поэта найди единство языка въ безконечно - дробныхъ нарѣчіяхъ отражалась политическая идея и любимая мечта Гибеллина — соединеніе раздробленной Италіи.

Въ Божественной Комедіи находимъ слова простонародныя изъ нарѣчій Піемонта, Ломбардіи, Флоренціи, и другихъ областей

Италіи (*). Встрѣчаются даже многія слова Провансальскія, вошедшія въ Италіанскій языкъ, вѣроятно, опъ вліянія Поэзіи Прованса и слышанныя Дантомъ въ Сѣверной Италіи, которая болѣе подверглась вліянію онаго во всякомъ отношеніи. Спрансшвія, къ которымъ судьба назначила Поэта, позволяли ему по всѣмъ спранамъ Италіи подслушивать слова въ народѣ и собирать матеріалы для языка. Слова, приведенныя мною въ примѣчаніи, вышли изъ употребленія. Доселѣ еще усердные филологи Италіанскіе, объясняющіе Данта, отыскиваютъ

(*) Strupo вм. stupro (Піемонтское), а са вм. а са-
sa (Флорентинское простонародное и теперь
употребительное, равно и Піемонтское), piede
вм. piede (Піемонтское), issa вм. adesso (Лом-
бардское), adizzo (тоже), *то* и *pur то* (Римское
и вообще народное выраженіе: Дантъ упо-
требляетъ его весьма часто, даже въ самыхъ
возвышенныхъ мѣстахъ, и влагаетъ его въ уста
Беатрисы); mette сѳ, ronca (изъ сѣвер. Италіи),
ploja вм. pioggia (Провансское); gaja (тоже); sob-
ranza (тоже); donneare (faire l'amour, Пров.);
brusca (Франц.); sie, s'udie, parturie, mée вм. me,
ée вм. é (Сицилианизмы); vedestu вм. vedesti; nui
вм. noi; lome вм. lume; otta вм. ora; allotta вм. allo-
ra; como вм. come; signorso вм. signorsuo; avaccio
вм. adesso; sirocchia вм. sorella; brullo вм. ignudo;
testeso вм. adesso; roggio вм. robbio (красный);
sezzei вм. ultimi и проч. и проч., все разные
провинциализмы, по всей Италіи набранные.

нерѣдко слово, которое оспалось безъ значенія въ его Поэмѣ, но еще живетъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ Италіи, откуда Поэтъ, вѣроятно, захватилъ его.

Въ эпюмъ безприспращіи ко всѣмъ нарѣчіямъ Италіи не лзя не видѣть въ Дантѣ сходства съ Омиромъ, который также равно воспріемлетъ всѣ нарѣчія Греціи въ свою Поэму и роднитъ ихъ въ общемъ единствѣ языка поэпическаго. Замѣчательно также, что и Дантѣ заставляеть иногда свои лица говорить нарѣчіемъ ихъ опчизны и эпимъ ихъ характеризуетъ. Такъ мы уже видѣли приведенный примѣръ Арпюльда Даніэлло, Трубадура, говорящаго по Провансальски. Такъ въ другомъ мѣстѣ (Ада II. XXVII) Ломбардецъ говоритъ Ломбардскими выраженіями, и Дантѣ самъ на эпю указываетъ :

O tu, a cui io drizzo
La voce, che parlavi mo lombardo
Dicendo : *Issa ten'va, piu non t'aizzo.*

„О ты, къ кому я проспираю голосъ, ты, который сей часъ говорилъ по Ломбардски словами : *Issa ten'va, piu non t'aizzo.*“ *Issa* и *aizzo* Ломбардизмы. — Иногда Поэтъ характеризуетъ спрану какимъ нибудь выраженіемъ, въ ней употребляемымъ: такъ Болонью

именуесть онъ спраною , гдѣ говоряшь *sira* вмѣсто *si* (да).

Вообще Комедія Данта изобилуетъ простонародными выраженіями. Видно, что Поэтъ бралъ въ языкъ свой живой матеріалъ изъ устъ народа , иногда въ его первобытной простотѣ и дикости. Нерѣдко и теперь, въ разговорѣ съ поселянами Италіи , подслушиваешь выраженіе , знакомое по Данту. Сюда же, къ сему матеріалу народному, относятся простые слова , обороты и множество пословицъ , которыя Поэтъ такъ искусно всплавляетъ въ свою поэтическую рѣчь.

Мнѣ случилось однажды , въ окрестностяхъ Рима , слышать изъ устъ крестьянскаго мальчика выраженіе поэтическое и часто встрѣчающееся у Данта. Говоря о дядѣ своемъ , который убилъ товарища и убѣждалъ ошъ преслѣдованій правительства , онъ сказалъ; *oh! era proprio un' anima trista*. *Anima trista* очень часто встрѣчается у Данта въ Аду и означаетъ не печальную , а темную , злую душу (*), на первобытномъ и настоящемъ языкѣ простаго народа Италіи. Теперь

(*) Ада П. III см. 54.

Questo misero modo
Tengon l'anime *triste* di coloro
Che visser senza infamia e senza lodo.

tristo уже перемѣнило значеніе. Какъ пріятно слышатъ выраженіе Поэта изъ устъ народа еще такимъ, какимъ онъ его слышалъ, и завѣщаль ему въ своей Поэзіи его же слово! Проспой народъ, въ такомъ случаѣ, оспашеся вѣрнѣе Поэту, чѣмъ образованный кругъ, и естъ часто неизмѣнный, живой полковашель его словъ.

Обороты народныхъ и выраженій большое множество у Данта. Весьма часто употребляется онъ оборотъ удвоенія слова, который и теперь естъ одна изъ характеристикъ чертъ живаго языка Италіи. Такъ на примѣръ: *pur me pur me* (меня, меня), а *muta a muta* (попеременно), а *verso a verso* (по стиху, ш. е. души поютъ по стиху, по стиху), *ad ora ad ora* (по временамъ или отъ времени до времени), *ad imo ad imo* (въ глубь, въ глубь, ш. е. въ самую глубь), *ad una ad una* (по одной), а *proso a proso* (мало по малу), *via via* (далѣе), *ora ora* (сей часъ), *lento lento* (медленно, медленно), *di di* (скажи скажи), а *foglio a foglio* (по листу) и проч. Мы видимъ, что иногда оборотъ сей употребляется для усиленія выраженія, иногда для показанія послѣдовательности. Онъ естъ самый живой оборотъ и напоминаетъ совершенно свѣжіе обороты Иліады, взятые

также изъ устъ народа. Всѣ слова, мною приведенныя, я какъ будто слышу на улицахъ Италіи, гдѣ не могутъ сказать слова, не повторивши его въ другой разъ. Оборотъ сей находится и въ нашемъ народномъ языкѣ и, и кажется, вообще въ языкахъ воспочныхъ, болѣе близкихъ къ природѣ, чѣмъ языки образованной Европы.

Приведу еще нѣсколько выраженій грубо-народныхъ. *Figliastro*, *dar di cozzo* (бодаться), *mi facea ghiotto* (меня дѣлало жаднымъ), *bianca più che burro* вм. *butirro* (бѣлѣе чѣмъ масло), *una rana rimane e l'altra spiccias*, *carpon* (окарачь), *mezzul*, *lulla* (части бочки), *si trulla*, *si trangugia*, *era croja* (брюхо полное), *saravamo* вм. *sarevamo*, *cirro* вм. *riccio* (локонъ), *mamma* вм. *madre* (какъ бы у насъ *мама*), *amme* вм. *amen* (аминь), *ma ché* (въ просторѣчій вм. *fuorché* или *se non*), *vie più*, *enno* вм. *sono*, *terminonno* вм. *terminano*, *vonno* вм. *vanno*, *ponno* вм. *possono*, *parroffio* вм. *parrocchia* (приходъ), и проч. и проч. — Сюдаже относятся многія слова иностранныя, такъ какъ ихъ произносили тогда народъ, на пр. *Tiralli* вм. *Tirolo*, *Lamagna* вм. *Allemagna*, *Austerrich* вм. *Austria*, *Tabernicch*, *parlasia* отъ Греч. *παράλβω*, откуда происходитъ и наше Русское

параличь) и проч. — Прибавление частицъ къ инымъ глаголамъ и словамъ, безъ всякаго значенія, какъ въ *Иліадѣ*, есть также характеристика народности языка. На пр. *andarne*, *dimandarne*, *sentìne*, *partìne*, *fène*, *di lici* вм. *di li*, *quici* вм. *qui* просто, *in laci* вм. *di là*. Къ сей же народной живой спихи, копорую я всю перебираю, относятся обороты и реченія разговорныя, на примѣръ: *Siete voi qui, ser Brunetto?* — *E questo è ver così com' io ti parlo* (это такъ вѣрно, какъ-то, что я тебѣ говорю). — *Quella sonò come fosse un tamburo* (она застучала какъ будто барабанъ). — *Or va tu sù che sei valente* (Поди-ка ты: вишь сильный!) — *Ma qui convien ch'uom voli, dico, con l'ali snelle.* — *Del mio attender dico* (это вставочное *dico*, говорю, нерѣдко встрѣчающееся, очень разговорно и непереводаемо). — *Monna Berta e ser Martino* въ просторѣчии сокращенно вм. *Madonna Berta e Messer Martino*. — *Pappo* (пятя), *dindi* (деньги): дѣтскія слова (такъ дѣти называютъ въ Италіи отца и деньги). — *Nanna* (*ninni nanna* припѣвъ кормилицы для усыпленія дѣтей).

Сюда же относятся поговорки, шуточки и пословицы, а именно: *com'esca sotto 'l focile* (какъ шрутъ подъ огнемъ). — *Tra i*

lazzi sorbi si disconvien fruttar il dolce fico (между горькою рябиной не лзя плодисься сладкой фигъ). — Lungi fia dal becco l'erba (подалѣе праву отъ клюва). — Del no per li denar li si fà ita (за деньги тамъ изъ *ntmъ* дѣлается *да*). — I peccatori stanno freschi (каламбуръ о грѣшникахъ, казимыхъ во льду, непереводимый). — Si ch'è la muffa dov' era la gromma (пословица, взятая отъ броженія вина). — E lascia pur grattar dov' è la rogna (и пусть чешуть тамъ, гдѣ счирупья). — Нѣкоторыя изъ сихъ выраженій, можешь быть, сочинены Поэпомъ въ видѣ пословицъ; но изъ нихъ, равно какъ изъ многихъ другихъ, мы видимъ, что онъ давалъ онымъ форму народную — и пошому многія вошли, акъ пословицы, въ капиталъ живаго языка.

Сюдаже принадлежишь игра словами, какъ наримѣрь: *io credo ch'ei credette ch'io credesse*. — *Assai ten' priego e ripriego, che'l priego vaglia mille*. — Также комическія риѣмы, замѣчательныя странностію звука. Ихъ очень много, а особенно въ аду: *Turchi, burchi, lurchi; Cattolica, Majolica, Argolica; schicchi, ficchi, spicchi; Austerrich, Tabernicch, cricch; conocchia, sirocchia, adocchia; si scalappia,*

sappia, mi sappia; fiamma, mamma, dramma;
oltre, soltre, poltre, и пр. и пр.

Вмѣстѣ съ сею проспонародною стихіею мѣшается стихія Латинская. Иногда Италіанскимъ словамъ даются Латинскія окончанія и обратно Латинскимъ Италіанскія. Вотъ многіе примѣры: sermo (два раза вм. sermone), ita, con тесо (плеоназмъ проспонародный, въ которомъ видна Латинская первоначальная форма тесum); nosco, vosco (также изъ nobiscum, vobiscum); sapere вм. sà, sapere, s'ausa, magna, cunta, veramente (verum tamen), esse вм. essere, velle вм. volere, frustra, bajulo (bajulus), rubro, delubro, era fatturo, tota, se isso, derelitti, mera, praeclara, turge, urge, et coram patre, jube, posposi, rude; mea, mei (отъ meare); rupe, compage, image вм. imagine, muno (munus), litare; vinci (искаженное отъ vinculi и vincio), turpa, deturpe, ambage, opima, mota, frui, conserte, crebra, prope, inope, gaude вм. gode, laude вм. lode, quiditate, munta отъ mungere, scisso, patre вм. padre, matre вм. madre, mutui, approbo, dape, bobolce (bubulcus), viro, gaudio, laudando, si prande, coram me, ignito, quisquilia, face, tepe, gurge, sene, divizia, sile (silere), unse, sine causa, ausa, commota, indige и

проч. и проч. Особенно Чистилище и Рай изобилуютъ сею Лапынью. Я не привожу множества стиховъ изъ Латинскихъ Псалмовъ и Моливъ, которыми наполнены сіи пѣсни. Большая часть выписанныхъ мною словъ суть архаизмы или лапинизмы, уже неупотребительные. Но стихія сія не есть мертва, а показываетъ, что Латинскій языкъ участвовалъ еще много въ жизни народной. Нѣкоторыя взяты Поэтомъ изъ Библии, которая безпрестанно слышалась народу, была его рукою книгою и изустнымъ преданіемъ въ проповѣдяхъ и служеніи церковномъ. Всѣ сіи слова Латинскія представляютъ, какъ я уже сказалъ, возвышенную стихію въ языкъ Данта. По этой смѣси словъ и оборотовъ Латинскихъ съ прослонародными можно сравнить Данта съ нашимъ Державинымъ, который также очень часто мѣшаетъ Славянизмы съ простыми выраженіями народа.

По примѣру многихъ Латинскихъ словъ мы видѣли, какъ Поэтъ даетъ имъ часто Италіянское окончаніе, чтобы онѣ звучали понятнѣе народу и согласовались съ общими формами языка его. Иногда смѣлый создатель языка, въ борьбѣ своей съ шрудною претсью рѣмою, простираетъ до того сію

смѣлость, что даже передѣлываль народное или Лапинское слово совершенно по своему. Такъ находимъ у него вмѣсто *vedi*—*vei*, *vm. riduci* — *ridui*, *vm. feci* — *fei*, *vm. spre* или *spre—sprene*, слово *vinci*, составленное спраннымъ образомъ изъ глагола *vincio* *vm. vincoli* и другія немногія. Нѣкоторыя изъ сихъ выраженій вошли потомъ въ исключительное поэтическое употребленіе и составляютъ капиталъ поэтическихъ вольностей. Но источникъ ихъ, по моему мнѣнію, есть самовластное перо Данта, не всегда побуждавшее трепетъ риму. Такое насильственное образованіе словъ составляетъ однако исключеніе у сего Поэта, который высоко постигъ духъ языка въ составленіи новыхъ словъ, какъ мы сей часъ это увидимъ.

Я уже говорилъ, что Италіанскій языкъ до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохраняетъ эту силу первобытныхъ только языковъ—производитъ глаголь отъ всякаго существительнаго. Это есть высочайшая живописная его спихія. Такимъ образомъ всякое выраженіе дѣйствія рисуется краскою предмета, съ которымъ оно имѣетъ отношеніе. Сею способностію владѣетъ также языкъ Англійскій: онъ всякое существительное можетъ обратишь въ глаголь, прибавляя частицу *to*.

Но способъ, какимъ это образованіе глаголовъ производится въ языкѣ Италіянскомъ, гораздо болѣе заключаешь въ себѣ стихіи художественной, ибо выражаетъ ошпѣнки дѣйствія посредствомъ придачи предлоговъ, чего нѣтъ въ языкѣ Англійскомъ (*).

Это постигъ Дантъ, олицетворявшій въ себѣ геній языка Италіи. Онъ бралъ народомъ созданные глаголы, и по образцу ихъ создавалъ свои собственныя. Вотъ примѣры.

Глаголы отъ именъ существительныхъ:
 sanno клыкъ — assanno, кусаю клыкомъ;
 dente зубъ — addentare, прихватишь зубомъ
 или ногтемъ.

occhio глазъ — adocchio, вижу.

dito палецъ — addito, указываю пальцемъ.

tergo хребетъ — m'attergo, прислоняюсь.

stoppa конопоть — ristoppare, конопатишь.

scuojo кожа — scuoja, сдираешь кожу.

costa бокъ — accostare, подходитъ съ боку,
 raccostarsi.

(*) Есть и въ Нѣмецкомъ языкѣ возможность производить глаголы такимъ образомъ; но это едва ли не злоупотребленіе писателей. Извѣстно, какъ Нѣмцы насилуютъ свой языкъ. Стихія Нѣмецкаго языка заключается болѣе въ составленіи двухъ-и трехсложныхъ словъ; но и въ этомъ случаѣ даже Фоссъ заслужилъ многія нареканія за тѣ насилія, которыя онъ чинилъ языку.

vite лоза — avviticchiare, обвить какъ лоза
вьется около дерева, поже abbarbicare.

saetta стрѣла—saettare, ударять какъ стрѣла.

Lamenti saëttaron me diversi (разные воп-
ли пронзили меня какъ стрѣлы).

Lo sol saëttava il giorno (солнце ударяло
свѣтомъ какъ стрѣлою).

taglia кольчуга—dismagliare, щелупить, какъ
бы раздѣлывать кольца у кольгучи.

torre башня — torreggiare, возвышаться какъ
башня.

unghie когти — unghiati, окогченные.

figura образъ — raffigurare, воображать.

sal соль — l'acqua di Tevere s'insala, вода
Тибра осолоняется, т. е. впадаетъ въ
море.

terra земля—atterrare, повергать на землю.

sprone шпоры — spronare шпорить.

cuore сердце — accuorare, шрогать за сердце
(il tuo dir m'accuora); также incuorare,
влагать въ сердце (lo tuo ver dir m'in-
cuora buona umilta, швое истинное слово
влагаетъ мнѣ въ сердце благое смиреніе).

fregio фризь — fregiare, украшать какъ кор-
низъ или фризь украшаетъ пошолокъ
(Non è bontà che la sua memoria fregi).

valle долина — avvallare, сходить въ долину
(ora avvalliamo omai, теперь сойдемъ

въ долину; *avvallare gli occhi*, склоняшь
очи долу).

росса скала — *dirosciare*, сбѣгать со скалы (*il
torrente diroccia*, пошокъ сбѣгаетъ со
скалы).

proda берегъ — *approdare*, приспавать къ
берегу.

ghirlanda гирлянда — *inghirlandare*, окружать
гирляндой (*il mar che la terra inghirlanda*,
море, которое гирляндой вѣнчаетъ землю,
то есть — океанъ).

male, зло, грѣхъ — *dismalare*, снимать зло,
очищать отъ грѣха.

fama, молва — *mi rinfamì*, возвраши меня молвъ,
ш. е. напомни обо мнѣ.

carne, плоть — *accarno*, осязаю какъ плоть
(*lo intendimento tuo accarno con lo intel-
letto*, мысль пвою осязаю какъ плоть
разумомъ).

debito, долгъ — *sdebitarsi*, расквишашься
долгомъ.

figlio, сынъ — *figliare*, рождать, *rifigliare*.

braccia, руки — *abbracciare*, обнимать.

riva, берегъ — *arrivare*, подъѣзжать къ берегу,
опселя Французское слово *arriver*, но
оно уже потеряло свое первобытное
значеніе, такъ какъ и Италіянское *ar-
rivare*; однако у Данта воспрѣчается

однажды въ эшомъ пошерянномъ значеніи,
а именно въ стихѣ: *Pur come nave ch'*
alla rìaggia arriva: какъ корабль, который
къ берегу подъѣзжаетъ).

notte, ночь — *s'annotta*, наступаетъ ночь;
pernottare, переночевать.

lampro, молнія — *lampeggiare*, сверкать какъ
молнія (*lampeggiar d' un riso*, мгновен-
ное сверканіе улыбки).

fibbia, пряжка — *affibbiare il manto*, заспе-
гивать пряжкой плащъ (*dove l'uom s'af-*
fibbia, гдѣ человекъ застегиваетъ пряжкой
плащъ, *ш. е.* на плечѣ).

urbs (Лат. слово) — *inurbarsi*, входить въ
городъ. (Есть подобный глаголъ Греческій
ἐνδημέω отъ *δῆμος* народъ, живу въ го-
родѣ, въ народѣ.)

mare, море — *mareggiare*, плыть по морю.

raggio, лучъ — *raggiare*, бросать лучи.

cielo, небо — *incielarsi*, въ небо переселять-
ся (*l'anima mia s'inciela*, душа моя воз-
носится въ небеса).

Dio, Богъ — *indarsi*, входить въ Бога (*De'*
Serafin colui che più s'india: изъ Сера-
фимовъ тотъ, который болѣе входитъ
въ Бога).

paradiso, рай — *s'imparadisa*, вселяется въ рай.

donna, госпожа — *s'indonna*, дѣлается госпо-

жею (Ma quella reverenza, che s'indonna di tutto me: но это благоговѣніе, которое мною всѣмъ овладѣваетъ).

sonno, сонъ — assonnare, засыпать (mi richinava come l'uom, ch'assonna: я наклонился какъ человѣкъ засыпающій); dissonnare, просыпаться.

amore, любовь — innamorare, влюблять (s'ammouracher Франц. слово употребляется только въ комическомъ смыслѣ, а по Италіански это слово высоко-поэтическое).

fiorire, цвѣсть — infiorarsi украшаться цвѣтами (tu vuoi saper di quai piante s'infiora questa ghirlanda: ты хочешь знать, какими распеніями цвѣтешъ эта гирлянда).

valore, мужество — t'avvalora, внушаешь тебѣ мужество (la bella donna ch'al ciel t'avvalora).

sprecchio, зеркало — sprecchiarsi, смотрѣться въ зеркало.

vesca, vischio, клей — invescarsi, попадать какъ муха въ клей.

manto, плащъ — ammantarsi, покрываться плащомъ (o dolce amor che di riso t'ammanti: о сладкая любовь, которая облекаешься улыбкою какъ ризою; ammantate me con la luce: свѣтомъ покрываетъ меня какъ ризою).

cenno, знакъ — accennare, давать знакъ.
 ventre, лоно — m'inventro, нахожусь въ лонѣ.
 vaso, сосудъ — travasare, переливать изъ
 сосуда въ сосудъ (che pur di male in peggior si travasa: изъ дурнаго въ худшее переливается).

polo, полюсь — s'impola, раздѣляется на полюсы.

zaffiro, сафиръ — s'inzaffira il cielo (небо осафиряется).

fronde, вѣтвь — s'infronda, украшается вѣтвями; frondeggiare, вѣтвиться.

vero, истина — s'invera, входитъ въ истину, узнаешь ее.

osanna, осанна — osannare, пѣть осанна.

giro, кругъ — girare, кружиться, вращаться, rigirare (l'anima se in se rigira: душа сама на себя обращается или познаетъ себя; даже и нравственные, отвѣченные дѣйствія души живописуются метафорическими образами, взятыми отъ дѣйствій видимыхъ).

nido, гнѣздо — s'annida, гнѣздится.

grado, ступень — s'ingrada, дѣлится на ступени.

Глаголы отъ именъ прилагательныхъ.
 eterno, вѣчный — s'eterna увѣковѣчивается
 (m'insegnate come l'uom s'eterna: вы

научали меня, какъ человѣкъ доспигаешь
вѣчности).

vero, истинный — avverare, сдѣлать истин-
нымъ, удостовѣрять (la tua dimanda
m'avvera).

imo, глубокий — adimersi, углубляться, спе-
кашь внизъ (Intra Siesti e Chiaveri s'adima
una humana bella: между Сіести и Кіа-
вери спекаешь внизъ попокъ прекрасный).
tiepido, теплый — intiepidare, теплешь,
дѣлать теплымъ.

domestico, домашній, ручной — s'addomestica,
дѣлается ручнымъ.

tuto, безопасный (Латинск. слово) — attutarsi,
обезопасиваться.

nero, черный — s'annera, чернѣетъ (mentre
che l'occidente non s'annera: пока еще
западъ не почернѣлъ).

bianco, бѣлый — s'imbianca, бѣлѣетъ (questo
ver più ti s'imbianchi: чшобъ это истинное
болѣе передъ шобою побѣлѣло, уяснилось).
muto, нѣмый — ammutare, нѣмѣть.

vano, пустой — vaneggiare (не пустѣть, а
являться пустымъ, на пр. vaneggia il
rozzo, колодезь пустѣетъ; здѣсь рисуется
пустоша колодезя; по Русски же пу-
стѣетъ значить спановишся пустымъ).

vago , пріятный , милый — vagheggiare (непереводимо: предметъ является милымъ).
 futuro , будущій — s'infutura , проспрется
 на будущее, продолжится.
 pingue , тучный — s'impingue , утучняется.
 certo , вѣрный — accertarsi , увѣряется.
 interno , внутренній — s'interna , входитъ во
 внутренность.

Замѣчу , что и Русскій языкъ владѣетъ
 великою творческою способностію произво-
 дить глаголы отъ именъ прилагательныхъ.
 Можно было замѣнить красоту и живопись,
 какія характеризуютъ производство глаголовъ
 въ языкѣ Италіянскомъ. Но Дантъ проспи-
 раетъ сіе право не на одни имена существи-
 тельныя и прилагательныя , но производитъ
 также глаголы отъ именъ числительныхъ ,
 мѣстоименій и нарѣчій. Слѣдуютъ примѣры.

Отъ именъ числительныхъ :

uno — s'aduna , соединяется.

duo — induarsi , раздвояться.

tre — s'intrea , упрояться (Dio s'intrea, говоря
 о Св. Троицѣ).

cinque — s'incinqua , уняперяется.

mille — s'immilla , утысящереется.

Отъ мѣстоименій .

lui , онъ — s'illuja , входитъ въ него (Dio
 vede tutto, e tuo veder s'illuja, beato spirito:

Богъ видить все, а швое зрѣніе входитъ въ него , о духъ блаженный!).

tu , ты — *intuarsi* , входитъ въ себя.

me , меня — *immarsi* , входитъ въ меня.

(*se io m'intuassi, come tu t'immii*: еслибы я входилъ въ себя , какъ ты въ меняходишь).

lei , онъ или она — *t'inlei* ,ходишь въ него

(*e pero prima che tu piu t'inlei* : и потому прежде, нежели ты войдешь въ него).

Отъ нарѣчій :

sempre , всегда — *s'insempre* ,увѣковѣчивается.

forse , можешь быть , авось — *s'inforse* дѣлается невѣрнымъ , сомнительнымъ.

dove , гдѣ — *s'indove* ,внѣдряется.

su ,вверху, горѣ — *t'insusi* ,возносишься горѣ.

oltre (*oltre*), далѣе — *s'innoltra* (*passee oltre*).

Нѣкоторыя изъ сихъ примѣровъ, особенно производные глаголы отъ мѣстоименій, обнаруживаютъ крайность и злоупотребленіе природной способности языка, впрочемъ всегда неизбежное при первомъ рѣшительномъ подвигѣ его сотворенія. Вспомнимъ, что Даншу надо было поставитъ полное зданіе языка на его народномъ основаніи, слѣд. всѣ мѣры, какія только ему давалъ языкъ изъ устъ народа, онъ употребилъ былъ въ правѣ для выраженія своей мысли. Первые подвиги

ума человѣческаго во всѣхъ опраляхъ его дѣйствій печашлѣются всегда знаменемъ силы и рѣшимости, слѣдствіемъ неизбѣжныхъ усилій; а потомъ уже усилія сіи получаютъ спройность, гармонію и размѣренное во всемъ изящество. Такъ языкъ Данта относится къ языку Тасса.

Для того, чтобы еще дополнить матеріалы, изъ коихъ Дантъ создавалъ языкъ, и способы сего созданія, въ самомъ духѣ языка содержащихся, въ заключеніе я долженъ упомянуть о производствѣ именъ существительныхъ изъ глаголовъ, именъ прилагательныхъ и нарѣчій, посредствомъ придачи члена, такъ какъ это совершается на языкѣ Нѣмецкомъ. Вотъ примѣры: *l'ultimo solere*. — *Il suo voler piacermi significava nel suo chiarir di fuori* (свое желаніе мнѣ правиться выражалъ просвѣплѣніемъ). — *Lo tuo vedere* (пвое созерцаніе). — *Lo tuo ver dir m'incuora*. — *Come dal suo maggiore è vinto il meno* (какъ отъ большаго побѣждается меньшее). — *Alla radice d'un altro vero* (къ корню другой истины). — *Di lor dove*. — *Questo ciel non ha altro dove* (это небо не имѣетъ другаго гдѣ, м. е. мѣста). — *Ove s'appunta ogni ubi ed ogni quando* (куда примыкаетъ всякое гдѣ и всякое когда, м. е. всякое мѣсто и

всякое время). — *L'arco del dire* (лукъ слова). — *Suo parlare non sprezza*. — Эпопѣй способъ осуществлятъ дѣйствіе вошелъ въ Италіанскій языкъ изъ языковъ варварскихъ.

Изъ всего разбора нашего мы могли видѣть, какимъ образомъ Италіанскій языкъ самъ сказывался Поэту-мыслителю изъ устъ его народа и облакалъ мысль народную, современную; какъ изъ всѣхъ нарѣчій Италіи и изъ высокаго языка Виргилія и Церкви откликались Поэту слова на сію мысль все-сильную; какъ всякое грубое, ничтожное слово облагороживалось, преображалось ею; какъ Поэтъ, овладѣвъ геніемъ языка, самъ, въ духѣ его, создавалъ слова для выраженія идей новыхъ и пѣмъ обогащаль капиталъ слова народнаго; какъ наконецъ вся неспрошенная масса, весь грубый матеріалъ нарѣчій сосредоточился около идеи Поэта въ языкъ единый, кристаллизовался въ рѣчь спройную и поэтическую, и, очищаясь вкусомъ и фанпазією, явился полнымъ выраженіемъ мысли, словомъ изящнымъ и вѣчнымъ.

Сіе явленіе намекаетъ на законъ глубокомысленный. Поэтъ не создаетъ языка, а подслушавъ его въ народѣ, оживляетъ его мыслию и пошомъ предлагаетъ народу его

же матеріаль, но имъ очищенный, обновленный, преображенный. Какъ радуется народъ такому преображенію ! Онъ слышитъ звуки, давно ему знакомые, но въ нихъ звучитъ ему понятно мысль возвышенная. Онъ видитъ самого себя мыслящимъ, прославленнымъ, возвеличеннымъ. Поэтъ есть апофеоза народа ; Поэзія апофеоза языка его.

Повторю еще : мертвый языкъ создается народомъ, сыномъ земли ; мысль, душу живу, влгаетъ въ него Поэтъ, сынъ неба : — и весь народъ, благодарный, охотно успеваетъ единому чловѣку изъ среды своей высокое имя *Творца языка своего*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ДАНТА.

(Ученыхъ Записокъ Часть II. No V).

Рожденіе Данта (спран. 309—312).—Политическія событія (313—314). — Первая любовь Данта (314 — 315). — Воспитаніе (315 — 317).—Упражненія въ Богословіи (317—319). — Изученіе Библіи и древнихъ (319—321).—Семейство Данта (321 — 322). — Государственныя занятія (322).—Новыя смуты во Флоренціи (323). — Изгнаніе Данта (323 — 325). — Странствія по изгнаніи (325 — 326). — Сочиненіе большей части Поэмы (326 — 327). — Новый Императоръ въ Италіи (327 — 328). — Смерть Данта (328 — 329). — Характеръ его и физіономія (330—333).—Сочиненія Данта (333—337).—Божественная Комедія (337—340).—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Изложеніе содержанія Божественной Комедіи.

(Ученыхъ Записокъ Часть II. No V и No VI.)

Краткое содержаніе Поэмы (341—343).—Подробное изложеніе. Завязка дѣйствія (343—344).—АДЪ (344).—Первая встрѣча. Ничтожныя (345).—

Ахеронъ и переѣздъ (345).—Лимбъ. Первый кругъ (345—346). — Второй кругъ. Любившіе сладострастно (347).—Третій кругъ. Жадные (347).—Четвертый кругъ. Скупые и Распochители (348).—Пятой кругъ. Злые (348). — Шестой. Эресіархи (349). — Седьмого круга первая часть. Тираны и насилыатели (350—351).—С. К. втор. часть. Самоубійцы (351).—С. К. третья часть. Богохулытели и насилыавшіе природу (351—353). — Осьмой кругъ. Обманъ (353). — Осьмого круга первый ровъ. Торговавшіе слабостію двухъ половъ (354).—О. К. второй ровъ. Лъстецы и Любострастные (354).—О. К. третій ровъ. Симонія (354—355).—О. К. четвертый ровъ. Лжепророки (355). — О. К. пятый ровъ. Мѣнялы (355—356).—О. К. шестой ровъ. Лицемеры (356). — О. К. седьмой ровъ. Тапи (356—357). — О. К. осьмой ровъ. Злые совѣшники (357—358). — О. К. девятый ровъ. Сѣятели расколовъ и несогласій (358—359).—О. К. девятый ровъ. Алхимики и дѣлатели фальшивой монеты (359—360).—Девятый кругъ или дно вселенной: измѣна (360—362). — Центръ земли. Люциферъ (362—363).—ЧИСТИЛИЩЕ (No VI. стран. 508). — Прибытіе къ горѣ Чистилища и восшествіе на оную (508—511). — Встрѣча съ Лѣннымы (512—513). — Долина кающихся Венценосцевъ (514).—Врата Чистилища (515).—Первый уступъ: гордые (515—516). — Второй уступъ: завистливые (517).—Третій уступъ: гнѣвные. Четвертый: малодушные (517). — Пятый: скупые. (518).—Шестой: жадные (519—520).—Седьмой: сладострастные (520). — Земной Рай (521—522).—Миссическая процессія (523).—Сшествіе Беатрисы (524—525). — Видѣніе на Западную церковь (526—527). — РАЙ (527). — Первая планета: Луна (528—529).—Вторая: Меркурій (529—530). Третья: Венера (530).—Четвертая: Солнце (531—532). — Пятая: Марсъ (532—

534).—Шестая: *Юпитеръ* (534—535).—Седьмая: *Сатурнъ* (536). — Осьмый кругъ неба (536—540). — Девятое небо (540).—Рай въ видѣ Розы (541).—Созерцаніе Бога (542—543).—

О Т Д Ъ Л Е Н І Е III.

ДАНТЪ ФІЛОСОФЪ.

УЧЕНІЕ ДАНТА, ИЗВЛЕЧЕННОЕ ИЗЪ БОЖ. КОМЕДИИ.

(Часть III. № VII Ученыхъ Записокъ).

Богословское направленіе XIII вѣка и его зародышъ (снран. 119—120). — Курсъ Наукъ (121). — Богословіе въ Полиптикѣ и первомъ ея вопросѣ. (122—123). — Религіозное чувство въ народѣ составляетъ исключительное единство раздробленной Италіи (124—126).—Религія приняла форму науки (127). — Міръ языческій входитъ въ міръ Христіанскій (127—128). — Иное значеніе сего міра въ среднемъ вѣкѣ (129).—Аристотель богословствуетъ (129).—Виргилій средняго вѣка, и въ лицѣ его значеніе древней Поэзіи (130—132). — Значеніе Мифологіи историческое (132—135). — Значеніе древней Истории, освященное Христіанскими понятіями и преданіями (136—141).—Міроученіе Данша (141—144). — Мистическая форма земли (144).—Іерусалимъ въ серединѣ земной поверхности: ученое мнѣніе (145—147).—Земной Рай ему противоположенъ: другое ученое мнѣніе (147—152).—Богословская Геологія и Географія (153).—Система міра (154).—Первый законъ движенія—любовь: Христіанское начало (155).—Богъ и твореніе міра (157—158).—Твореніе человека и паденіе его (159).—Рожденіе существъ подѣ влияніемъ вѣчной силы и ея посредниковъ — звѣздъ. Астрологія (159—161). — Рожденіе человека во всѣхъ степеняхъ его отъ души растительной до самопознанія (161—165). — Существованіе души

по смерти (165). — Смѣсь богословскихъ понятій съ поэтическими представленіями (166—168). — Мнѣніе современныхъ фапалистовъ (168—169). — Первый законъ Иѣнки: свободная воля, начало Христіанское (169). — Любовь—начало добра и зла (170).—Распредѣленіе пороковъ (170—172). — Причина зла современнаго. Связь мнѣній полиптическихъ съ началами Нравственной Философіи (172—173).—Нарушеніе обѣщаній—одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ (173). — Пессимизмъ Данша (174). — Разсѣянные познанія изъ Естественныхъ Наукъ (174—177). — Наблюдательность Философа (177—178). — Б. Комедія есть Поэма энциклопедическая (178). — Стихія Даншова ученія (179). — Сія система ученія есть плодъ многихъ спольпій (179). — Б. Комедія, какъ обнародованіе науки, есть подвигъ въ пользу народной мысли (179—180).

О Т Д Ъ Л Е Н І Е І V.

Д а н т ь Х у д о ж н и к ъ.

Эстетическій Разборъ Божественной Комедіи.

(Ученыхъ Записокъ Часть III. No VIII и IX).

Мысль о будущей жизни была мыслию вѣка. Зародышъ сей мысли (спран. 337). — Явленіе оной въ художествѣ (338—340). — Явленіе оной въ Поэзіи (340—342). — Даншъ сочеталъ съ сею мыслию идею нравственнаго подвига: сказать истину міру (342—345). — Увѣренность въ своемъ призваніи свыше (345). — Подвигъ нравственный совершается на самомъ Поэтѣ (346). — Иносказательный характеръ Поэмы (347). — Аллегорія въ духѣ времени и начало ея (348—350). — Пружины религіозныя. Новый родъ чудес-

наго (351). — Подвигъ поэтический: живописатьъ міръ невидимый красками видимаго міра (352—363). — Характеръ сравненій въ Поэмѣ Данта, служащихъ сильнѣйшею краскою къ олицетворенію невидимаго міра (364—366). — Два дѣятели, участвовавшихъ въ созданіи двуспихійной Поэмы: Вѣра и Фантазія (367). — Свидѣтельство о томъ самого Поэта (367—371). — Въ этомъ явленіи совершается общій законъ развитія Поэзіи всего человѣчества (371). — Божественная Комедія содержишь въ себѣ всѣ роды Поэзіи подъ преимуществомъ символическаго и лирическаго рода (372—373). — Эпическая стихія (№ IX стр. 550—551). — Драматическая стихія (552—555). — Дидактическая стихія (556). — Лирическая стихія (557—564). — Божественная Комедія представляетъ особый типъ *Лиросимволической Поэмы* (565—567). — Стиль Поэмы (566). — Виргилій, Библия (566—567). — Молодой языкъ Италіанской (567—571). — Галерея образовъ изъ Поэмы Данта (571—575).

О Т Д Ъ Л Е Н І Е V.

ДАНТЬ ТВОРЕЦЪ ЯЗЫКА ИТАЛІАНСКАГО.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ЯЗЫКѢ БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ.

(Ученыхъ Записокъ Часть IV. № X и VI).

Разныя мнѣнія касательно происхожденія Италіанскаго языка. Мнѣніе Леонардо Бруни и Маффеи (117—120). — Мнѣніе Мурашори (120—121). — Мнѣніе Першикари (121). — Языкъ Латинскій — основа языковъ западныхъ (121—123). — Преобразование Латинскаго языка въ новые языки Западной Европы учинено варварами (123—124). — Стихія, вложенная варварами въ новые языки

(124—126). — Языкъ Романскій (126—127). — По мнѣнію Ренуара, онъ былъ общимъ языкомъ Запада Европы (127—129). — Раздѣленіе сего языка на нарѣчія (129—130). — Время образованія новыхъ языковъ Западной Европы (130—131). — Примѣненіе всего сказаннаго къ Италіянскому языку (131—133). — Первые звуки народной Поэзіи въ Италіи (133—135). — Поэты Италіянскіе, предшествовавшіе Данту (135—139). — Ограниченность мыслей (139—140). — Нужна обширная идея для созданія языка. Сія идея является Данту (140). — Трудность его подвига: выразить сію идею въ народномъ словѣ (141—142). — Бореніе Лашинскаго языка съ Италіянскимъ (142—147). — Этимъ объясняется характеръ главныхъ произведеній Италіянской Словесности въ отношеніи къ языку (147—152). — Божественная Комедія представляетъ *первое высвобожденіе Италіянскаго языка* (152—153). — Смѣлый подвигъ народного слова выражалъ подвигъ въ пользу народного просвѣщенія (153—155). — Единый языкъ Италіи есть плодъ ея словеснаго образованія (№ XI. стран. 365—366). — Состояніе языка Италіянскаго при Дантѣ: множество нарѣчій (366—36) — Онъ опровергаетъ каждое изъ нихъ порознь и изъ всѣхъ вмѣстѣ извлекаетъ единый языкъ (367—369). — Матеріалы народные, вошедшіе въ языкъ Данта (369—370). — Провинціализмы (370—372). — Народныя выраженія (372—373). — Народные обороты (373—375). — Пословицы (375—377). — Лашинская (377—379). — Созданіе глаголовъ опъ именъ существительныхъ и прочая художественная спихія языка (379—389). — Существительныя имена изъ глаголовъ (389—390). — Народъ создаетъ матеріалъ языка; Поэтъ оживляетъ его душою (390—391).

IV. С М Ъ С Ъ.

8. Ученыя извѣстія.

О спрямленіи окружности (*).

Опредѣленіе линіи, равной окружности даннаго круга, ведущее къ превращенію круга въ квадрашъ, подъ громкимъ названіемъ изысканія *квадратуры круга* было предметомъ усилія математическихъ умовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, начиная отъ ученыхъ Платоновой школы до нашихъ временъ.

Новѣйшіе Математики доказали аналитически, что отношеніе окружности къ діаметру есть величина несоизмѣримая (**) и сіе обстоятельство сдѣлалось камнемъ преткновенія для разума человѣческаго; вопросъ оставленъ какъ невозможный.

Какъ бы то ни было, но даже приближительное рѣшеніе онаго чрезвычайно полезно въ чертежахъ Начертательной Геометріи, геодезическихъ проэкціяхъ, при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ военныхъ наукъ и въ приложеніяхъ Математики къ ремеслахъ и устройенію машинъ.

Со всѣмъ тѣмъ въ курсахъ Геометріи мы не встрѣчаемъ прямаго Геометрическаго рѣшенія

(*) Соч. Члена-Корреспондента С.-Петербургской Академіи Наукъ, Доктора Философіи и Кавалера Н. Н. Навроцкого.

(**) См. Elements de Geometrie par Legendre.

онаго, кромѣ возможности по извѣстной числовой величинѣ діаметра найти такое же выраженіе окружности, помощію безконечнаго ряда или употребляя которое-либо изъ извѣстныхъ болѣе или менѣе приближительныхъ отношеній окружности къ діаметру.

Самое употребительное, по причинѣ краткости, содержаніе доселѣ *Архимедово* $7 : 22$; оно точно только до третьей десятичной цифры, т. е. до тысячныхъ долей.

Цейленово содержаніе 100 къ 314 даетъ вѣрность также только до третьей десятичной цифры.

Меціево содержаніе 113 къ 355 всѣхъ болѣе приближается къ истинной величинѣ, но неудобно къ употребленію по причинѣ большихъ чиселъ въ коихъ оно представлено.

Изысканія Англійскихъ Ученыхъ въ Индіи открыли еще одно содержаніе діаметра къ окружности, подъ названіемъ содержанія *Браминовъ*, а именно 1250 къ 3927 . — Оному содержанію приписываютъ древность далѣе временъ Архимеда, и оно точнѣе содержанія сего Геометра; ибо даетъ вѣрность до 4 десятичной цифры, но также не удобно какъ и Меціево.

Впрочемъ какое бы содержаніе мы ни взяли, въ практикѣ не можемъ получить вѣрности даже далѣе второй десятичной цифры: ибо ни по какому масштабу не можно или очень трудно взять болѣе сотыхъ долей единицы.

Изложивъ все сіе, я намѣренъ теперь описать способъ, по коему можно графически найти

непосредственно линею, представляющую развернушую окружность, не употребляя ни одного изъ вышеупомянутыхъ содержаній, и несравненно почтѣе, нежели помощію оныхъ. — Объясненіе сего способа мнѣ не случалось встрѣчать въ извѣстныхъ Математическихъ курсахъ. — Оный состоишь въ нижеслѣдующемъ:

Пусть будетъ данъ кругъ, коего центръ означимъ чрезъ О; АВ и СD суть два взаимно перпендикулярные діаметра (Черт. 3).

Изъ точки А, радіусомъ круга АО, на дугѣ АС, заставимъ точку S и соединивъ S съ О, получимъ уголъ SOC равный трети прямого.

Изъ точки С возставимъ перпендикуляръ, который продолжимъ до пересѣченія съ продолженнымъ радіусомъ SO въ точкѣ Т.

Наконецъ, если на продолженіи касательной ТС оплложимъ, начиная отъ точки Т, при радіуса до Z и точку Z соединимъ съ точкою діаметра D; то получимъ линею DZ, которую, можемъ принять за развернушую полуокружность даннаго круга.

Доказательство сего очень легко: ибо для сего стоишь только найти выраженіе линіи DZ въ частяхъ радіуса. Изъ прямоугольнаго треугольника DCZ будетъ:

$$DZ^2 = DC^2 + CZ^2.$$

Подставивъ 2 вмѣсто DC, и $3 - \tan. 30^\circ$ вмѣсто CZ, получимъ

$$DZ = \sqrt{4 + (3 - \tan 30^\circ)^2};$$

но $\tan. 30^\circ = 0,577305 \dots$ посему

$$DZ = 3,14152 \dots$$

Взявъ первые пять цифръ изъ истиннаго выраженія полуокружности по вычисленію Лани,

чрезъ разложеніе въ рядъ дуги 30° полученнаго, найдемъ

$$\text{полу-окружность} = 3,14159.$$

И такъ разниа только въ 5-десятичной цифрѣ, ш. е. во сто-тысячныхъ доляхъ единицы, а слѣдовательно ближе, нежели содержаніе Архимеда, Цейлена и Браминоу, что даетъ точность болѣе, нежели достаточную для всѣхъ приложений и копирой въ практикѣ мы бы никогда не могли достигнуть даже и тогда, когда бы существовала возможность найти и употребить истинное отношеніе діаметра къ окружности.

Присемъ долгомъ почиаю замѣтить, что означенное рѣшеніе есть *чистое Геометрическое*, независимое отъ измѣренія величины діаметра и не требующее никакихъ орудій, кромѣ линейки и циркуля.

А дабы оное можно было доказать въ Начальной Геометріи, въ коей еще неизвѣстно употребленіе и величина тангенсовъ, линею СТ можно опредѣлить помощію общаго выраженія бока описаннаго многоугольника по извѣстному боку вписаннаго: ибо по сему она линея, какъ половина бока описаннаго шести - угольника, будетъ равна $\frac{1}{\sqrt{3}}$; а посему:

$$DZ = \sqrt{4 + \left(3 - \frac{1}{\sqrt{3}}\right)^2},$$

подставивъ 1,7320508 вмѣсто $\sqrt{3}$, получимъ

$$DZ = 3,14152$$

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію обратнаго вопроса, ш. е. опредѣленія діаметра такого

круга, коего полуокружность имѣла бы данную длину, равную на пр. линіи pq .

Изъ разсмаприванія предъидущаго рѣшенія едва ли возможно вывести непосредственно рѣшеніе обратнаго вопроса, имѣющаго также много полезныхъ приложений. Впрочемъ сіе можно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Сначала возьмемъ какой либо произвольный кругъ, помощію вышеизложеннаго способа найдемъ линію DZ , представляющую величину его развернутой полу-окружности (черт. 4); за симъ отложивъ на DZ отъ D линію DM равную pq : если изъ M опустимъ перпендикуляръ kM , то получимъ линію kD , которая и будетъ діаметромъ искомаго круга.

Доказательство сего основано на томъ, что окружности или полу-окружности двухъ круговъ содержащаяся между собою какъ діаметры оныхъ; а посему:

$$\text{полу-окр. } OD : \text{полу-окр. } kD = OD : kD$$

$$DZ : \text{полу-окр. } kD = OD : kD$$

$$\text{Но } DZ : DM = OD : kD$$

$$\text{слѣд. } DZ : \text{полу-окр. } kD = DZ : DM$$

$$\text{Отсюда } DM = \text{полу-окр. } kD.$$

Что и надлежало доказать.

Въ заключеніе сего надобно замѣнить, что при изложеніи рѣшенія сихъ двухъ вопросовъ, я имѣлъ цѣлью дополнить недоспапокъ оныхъ въ Геометрическихъ курсахъ, и желаніе, дабы объ сихъ рѣшеніяхъ упомянуто было во вновь выходящихъ Математическихъ и военныхъ учебныхъ книгахъ.

О сочиненіяхъ Лежандра.

Адріанъ - Марія Лежандръ родился въ Парижѣ 1752 года, умеръ 10 Генваря 1833. Онъ началъ учись въ Коллегіи Мазарина и кончивъ съ отличными успѣхами курсъ *ученія классическаго*, перешелъ на лекціи Математики, преподаваемой тогда извѣстнымъ Аббатомъ *Мари*. Сей опытный Профессоръ, открывъ въ ученикѣ своемъ необыкновенныя дарованія, приложилъ особенное попеченіе къ ихъ усовершенствованію. Труды его были вознаграждены: въ 1774 г. Аббатъ *Мари* издалъ *Механику* (*Traité de mécanique*), въ которой замѣчательнѣйшія статьи принадлежали *Лежандру*; при томъ труднѣйшія изъ нихъ, именно объ ускорительныхъ силахъ, отличались необыкновенною ясностью и строгостью изложенія. Статьи сіи были уважаемы самымъ *Лагранжемъ*.

Вскорѣ потомъ *Лежандръ* познакомился съ *Даламбертомъ*, который умѣлъ оцѣнить будущаго преемника своего и доставилъ ему мѣсто Профессора Математики въ военной Парижской школѣ. Здѣсь, въ продолженіе многихъ лѣтъ, *Лежандръ* свободно изучалъ творенія великихъ Геометровъ, и особенно *Ейлера*, котораго принималъ за образецъ во всѣхъ ученыхъ трудахъ своихъ. Плодомъ сихъ занятій были два разсужденія (1782 г.), возвысившія его на степень нѣхъ знаменитыхъ мужей, коихъ сочиненія способствовали къ усовершенствованію его дарованій. Въ первомъ разсужденіи *Лежандръ* разрѣшилъ вопросъ изъ *Балистики*, предложенный Бер-

линскою Академію наукъ; между судьями сего разсужденія находилъся *Лагранжъ*, и оно было удостоено полной награды. Предметъ впрочемъ сочиненія состоялъ въ изслѣдованіяхъ о *притяженіи сфероидовъ*. Парижская Академія наукъ напечатала оное въ X томѣ Записокъ *постороннихъ ученыхъ*, а сочинителя приняла (1783 г.) въ число своихъ членовъ, по смерти *Даламберта*, котораго потерю *Лежандръ* вознаградила совершенно. Въ кругу сего славнаго сословія открылось обширное поприще дарованіямъ *Лежандра*: разнообразныя и обширныя труды его въ продолженіе пятидесяти лѣтъ составляли лучшее украшеніе Академіи.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія швореній *Лежандра*, предметы оныхъ раздѣляемъ на пять классовъ: 1. Притяженіе сфероидовъ и фигура планетъ; 2. Теорія эллиптическихъ функцій; 3. Различныя изысканія касательно анализа, Геометріи и Механики; 4. Вопросы Астрономическіе и изъ высшей Геодезіи; 5. Теорія чиселъ.

1. Притяженіе сфероидовъ и фигура планетъ.

Нютонъ опредѣлилъ притяженіе сфероида вращенія на точку, находящуюся на общей оси круглыхъ сѣченій; *Маклоренъ* распространилъ Нютоново изслѣдованіе на всякую точку, лежащую на поверхности или внутри шѣла, и даже на точки внѣшнія, упадающія на продолженіе оси или на плоскость экватора. Сверхъ того послѣ *Маклореня* оспалась теорема, но безъ доказательства, относящаяся до точекъ, принадлежащихъ одной изъ прехъ осей сфероида, котораго всѣ сѣченія суть эллиптическія. Сія теорема въ

первый разъ была доказана *Даламбертомъ*; потомъ глубокой *Маклореновъ* синтезисъ *Лагранжъ* выразилъ Аналитически.

Съ сей почки началъ *Лежандръ*, и 1782 г. нашелъ выраженіе для припаяженія сфероидовъ вращенія на *всякую внѣшнюю* почку. Пришомъ разсужденіе *Лежандра* досшопримѣчательно по своему анализу: въ предварительномъ введеніи сочинитель предложилъ новый родъ функций, показалъ возможность разлагать ихъ почно и правильно, и объяснилъ особенныя свойства ихъ интеграловъ, взятыхъ между назначенными предѣлами. Послѣ сего чрезъ два года *Лапласъ* возвысился до общаго случая припаяженія эллиптическихъ сфероидовъ на внѣшнія почки: способъ его рѣшенія весьма оспроумень, но непрямою; онъ состоиптъ въ томъ, что оное припаяженіе приведено въ зависимость отъ двухъ производиселей, изъ коихъ одинъ есть масса эллипсоида, а другой соспавленъ изъ его эксценсрицишетовъ и координатъ припаягиваемой почки. Посему ежели два эллипсоида имѣютъ одинаковыя эксценсрицишеты и главныя ихъ сѣченія находящіяся въ одной плоскости, то они одну и ту же почку должны припаягивать пропорціонально ихъ массамъ. Потомъ предположивъ, что поверхность одного изъ двухъ эллипсоидовъ проходитъ чрезъ припаягиваемую почку, общій вопросъ приведемъ къ тому извѣстному уже случаю, когда сія почка находится на поверхности эллипсоида.

Основаніе сей счастливой мысли, которою чрезъ 25 лѣтъ съ успѣхомъ воспользовался *Айвори* (Ivory), было уже изложено *Лежандромъ* въ

первомъ его разсужденіи; но онъ не сдѣлалъ изъ него никакого употребленія. За то 1789 года въ *Запискѣ о двойныхъ интегралахъ*, посредствомъ остроумнѣйшихъ разложеній и прямого интегрированія, онъ воспоржествовалъ надъ всѣми затрудненіями и общую теорему доказалъ съ совершенною спрөгостью. Затрудненія сего вопроса столь велики, что *Лагранжъ* удивлялся успѣхамъ *Лежандра*, и потому отъ перваго рѣшенія нельзя было требовать той простоты, которой (1809 года) достигъ *Айвори*: воспользовавшись мыслію *Лапласа*, онъ такъ счастливо измѣнилъ аналитическое выраженіе вопроса, что случай почекъ внѣшнихъ прямо привелъ къ случаю почекъ на поверхности (*). *Лежандръ* чистосердечно одобрилъ сей неожиданный успѣхъ, снова обработалъ всю теорію и довелъ ее до высочайшаго совершенства относительно изящества анализа; такъ что не смотря на трудность предмета, вопросъ сей можетъ быть предложенъ нынѣ почти элементарно (**), что и сдѣлалъ *Пуассонъ* въ новомъ изданіи своей *Механики*.

Вопросъ о фигурѣ планетъ имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о приращеніи сфероидовъ. *Клеро* (1737 г.) доказалъ справедливостъ Ньютонова предположенія о сжатости земли, находившейся въ началѣ въ жидкомъ состояніи; потомъ

(*) См. примѣчаніе.

(**) Во предварительныхъ замѣчаніяхъ къ новому своему разсужденію *Лежандръ* указываетъ на прекрасное и также весьма простое рѣшеніе того же вопроса, произведенное *Біотомъ* за нѣсколько лѣтъ прежде *Айвори*.

(1740 г.) *Маклоренъ* объяснилъ, что еллиптическая фигура жидкой массы совершенно удовлетворяетъ условіямъ ея равновѣсія. *Лежандръ* шелъ далѣе: онъ открылъ, что если фигура оной массы немногимъ отклоняется отъ сферической, то она можетъ быть только эллипсоидомъ вращенія. При сихъ (1784) изысканіяхъ, согласно съ *Ньютономъ* и *Маклореномъ*, *Лежандръ* сперва предполагалъ сфероиды однородными; но потомъ (1799) распространилъ свою теорему и на разнородные сфероиды, соображая ихъ разнородность съ *данными*, полученными изъ наблюдений надъ землею; наконецъ глубокая сія теорія привела его къ тому прекраснѣйшему заключенію о плотности земли, которое потомъ было доказано знаменитымъ опытомъ *Кавендиша* (*): *Лежандръ* нашелъ, что плотность сія въ 5 разъ болѣе плотности морской воды.

Ученые всегда будутъ уважать два упомянутыхъ разсужденія *Лежандра* по ихъ новостямъ и изяществу анализа. Особенно замѣчательны въ нихъ многія новыя свойства тѣхъ функцій, которыя въ первый разъ употребилъ онъ при изысканіяхъ о притяженіи сфероидовъ; также интегралъ уравненія, весьма часто употребляемый въ вопросахъ физико-математическихъ; наконецъ этотъ законъ о составѣ земныхъ слоевъ, на основаніи коего *Лапласъ* опредѣлилъ ихъ плотность, происходящую отъ постепеннаго давленія сихъ слоевъ самихъ на себя.

(*) Поелику опытовъ сей мало извѣстны въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Уч. З. предложимъ его съ надлежащими подробностями.

Примѣзаніе.

Для объясненія, въ чемъ состоятъ оспро-
умная мысль Англійскаго Геометра, должно сказать
нѣсколько словъ о самомъ вопросѣ. Пусть

$$\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} + \frac{z^2}{c^2} = 1 \dots (m).$$

будетъ уравненіе эллипсоида, и ∂m одна изъ его
частницъ, которая находится въ разстояніи r
отъ прищипываемой точки, опредѣляемой ко-
ординатами α, β, γ .

Употребивъ извѣстное преобразованіе поляр-
ныхъ координатъ, получимъ

$$\left. \begin{aligned} \frac{\alpha - x}{r} &= \cos p, \\ \frac{\beta - y}{r} &= \sin p \cos q, \\ \frac{\gamma - z}{r} &= \sin p \sin q \end{aligned} \right\} \dots (n),$$

гдѣ p означаетъ уголъ между r и осью x , d —
уголъ, составляемый проложеніемъ r на плос-
кость yz съ осью y — въ. При этомъ въ однород-
номъ эллипсоидѣ, коего плотность=1, имѣемъ

$$\partial m = r^2 \cdot \partial r \partial q \partial p \sin p.$$

Итакъ изобразивъ чрезъ A, B, C прищипленіе парал-
лельное съ осями x — въ, y — въ, z — въ, величину
 A опредѣлимъ тройнымъ интеграломъ отъ
 $\partial r \partial q \partial p \sin p$; изъ подобныхъ же выраженій опре-
дѣляются B, C . Но какъ интегрированіе относи-

тельно r производится непосредственно, по A зависитъ только отъ двойнаго интеграла отъ выраженія $(r'' \pm r')$ $\partial q \partial p s n p c s p$, гдѣ r'' и r' суть предѣлы количесва r , и знакъ $(+)$ относится къ почкамъ внутреннимъ, а $(-)$ ко внѣшнимъ.

По исключеніи x, y, z изъ уравненій (m) и (n) , и разложеніи составной силы, дѣйствующей по r , найдется $r = \frac{\theta + \sqrt{\lambda}}{\mu}$, $r' = \frac{\theta - \sqrt{\lambda}}{\mu}$, гдѣ θ , λ , μ означаютъ раціональныя функціи отъ $a, b, c, \alpha, \beta, \gamma, p$ и q . Отсюда: когда почка находится внутри эллипсоида, тогда A опредѣляется двойнымъ интеграломъ отъ $\partial q \partial p s n p c s p \frac{2\theta}{\mu}$, что не представляетъ никакихъ затрудненій; но для внѣшней почки интегралъ отъ $\partial p \partial q s n p c s p \frac{2\sqrt{\lambda}}{\mu}$ можетъ быть полученъ только шѣми чрезвычайно шрудными средствами, которые *Лежандръ* упошребилъ въ своемъ разсужденіи 1788 г. — Вычисленіе B и C производится подобнымъ же образомъ.

Наконецъ *Лежандръ* предложилъ слѣдующую теорему безъ доказательсва: припяженіе всякаго эллипсоида на внѣшнюю почку равняется припяженію другаго эллипсоида, имѣющаго такую же массу, и въ кошоромъ главныя эллиптическія сѣченія имѣли бы шѣже фокусы, а поверхность проходила бы чрезъ припягиваемую почку; *Лапласъ* же доказалъ: 1) припяженія на внѣшнюю почку отъ эллипсоидовъ, имѣющихъ одинъ центръ, одинаковое положеніе осей и одинаковые эксценц-

риципеты, относясь между собою какъ массы сихъ эллипсоидовъ. 2) При тѣхъ же условіяхъ всегда поверхность одного изъ эллипсоидовъ можеть проходить чрезъ притягиваемую точку.

Имѣя предъ собою вопросъ въ семь состояніи, *Айвори* уравненіе (m) представилъ въ такомъ видѣ: $x'^2 + y'^2 + z'^2 = 1 \dots (m')$; а вмѣсто уравненій (n) взялъ

$$\left. \begin{aligned} x' &= csp, \\ y' &= snpcsq, \\ z' &= snpsnq \end{aligned} \right\} \dots (n').$$

Син уравненія удовлетворяють отношенію (m') и два новыя переменныя p и q дѣлають независимыми. Изъ сего выходитъ драгоценное слѣдствие: A опредѣляется тройнымъ интеграломъ отъ $2m \cdot \frac{\alpha - ax'}{r^3}$, гдѣ

$$\begin{aligned} 2m &= abc \cdot \partial x' \partial y' \partial z', \\ r^2 &= (\alpha - ax')^2 + (\beta - by')^2 + (\gamma - cz')^2; \end{aligned}$$

потомъ если предѣлы количества x' суть $\pm x_0$, и если чрезъ v и u означимъ величины r , соответствующія $+x_0$ и $-x_0$; то A будетъ равно

разности двойныхъ интеграловъ отъ $bc \cdot \frac{\partial y' \partial z'}{v}$

и отъ $bc \cdot \frac{\partial y' \partial z'}{u}$.

Теперь пусть другой эллипсоидъ будетъ имѣть тотъ же центръ и оси a_1, b_1, c_1 въ одномъ направленіи съ осями a, b, c . Приращеніе A_1 сего эллипсоида также выразится разностью двойныхъ интеграловъ отъ $b_1 c_1 \cdot \frac{\partial y'_1 \partial z'_1}{v}$ и отъ $b_1 c_1 \cdot \frac{dy'_1 dz'_1}{u}$,

гдѣ v_1 и u_1 соотвѣствуютъ количествамъ v и u . Ежели предположимъ, что сей второй эллипсоидъ имѣетъ одинаковые фокусы съ первымъ и поверхность его проходитъ чрезъ первую точку (α, β, γ) ; касательно же второй точки $(\alpha_1, \beta_1, \gamma_1)$ вообразимъ, что она находится на поверхности перваго эллипсоида; то общее уравненіе (m') превратится въ

$$\frac{\alpha^2_1}{a^2} + \frac{\beta^2_1}{b^2} + \frac{\gamma^2_1}{c^2} = 1, \quad \frac{\alpha^2}{a^2_1} + \frac{\beta^2}{b^2_1} + \frac{\gamma^2}{c^2_1} = 1;$$

и также изъ уравненій (n') выйдушь

$$\frac{\alpha_1}{a} = \frac{\alpha}{a_1} = csp,$$

$$\frac{\beta_1}{b} = \frac{\beta}{b_1} = snpcsq,$$

$$\frac{\gamma_1}{c} = \frac{\gamma}{c_1} = snpsnq.$$

И такъ если въ v и u вмѣсто α, β, γ внесемъ ихъ величины: $\alpha = a_1 csp$, и пр.; и въ v_1 и u_1 вставимъ величины $\alpha_1, \beta_1, \gamma_1$; то найдемъ $v = v_1, u = u_1$; а поселику сверхъ того предѣлы интегрированія одинаковы въ обоихъ случаяхъ, слѣд. необходимо $A_1 b_1 c_1 = A_1 b c$. Подобное же вычисленіе даетъ $B_1 a_1 c_1 = B_1 a c$ и $C_1 a_1 b_1 = C_1 a b$.—Послѣ сего рѣшеніе вопроса оканчивается какъ въ *Небесной механикѣ*, и такимъ образомъ теорема *Лежандра* и первая изъ двухъ теоремъ *Лапласа* доказываются прямо и строго.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ОБЗРѢНІЕ УСПѢХОВЪ НАУКЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ ВЪ 1832
ГОДУ.

Адъюнктъ - Профессора Ювскаго.

Въ *Физикѣ* электричество было предметомъ важныхъ изслѣдованій и открытій; но когда оно не было таковымъ со времени открытій Франклина, Вольты и Гальвани? Указанное Ершендомъ явленіе не только послужило къ выясненію теоріи магнитности и электричества, но и раскрыло совершенно новое поле для изслѣдованій. Имена Маріанини, Дея Рива, Ринчи, Фехнера, Бекреля, Маттеучи (Matteucci), Нобили, Ампера, Фарадея, достаточно напоминающъ, чѣмъ обогащено сіе новое, пространное поле. Скажемъ нѣсколько словъ о термомагнитномъ мультипликаторѣ Нобили, который можно назвать предшественникомъ открытій Фарадея, сообщенныхъ имъ прошедшаго 1831 года Королевскому обществу наукъ въ Лондонѣ. Сей мультипликаторъ Нобили состоитъ изъ шести вѣтвей спаянныхъ паръ пластинокъ висмута и сурьма, расположенныхъ, какъ фигуры показываетъ:

Первая пластинка *ab* сурьмяная а вторая *bc* висмутовая и такимъ образомъ попеременно до висмутовой конечной пластинки *de*. Вообразишь весь сей снарядъ на плоскости такъ, что *a* и *e* находятся близко одинъ подлѣ другаго и что весь онъ утверждень въ коробочкѣ, въ которой

покрытъ непроводящею электричествою маспичною съ оставленіемъ верхней части *bd* свободною. Но напередъ концы *a* и *e* спаиваются съ мѣдною пластинкою, посредствомъ коей сообщаются съ мультипликаторомъ. Самый мультипликаторъ наилучше устроится изъ крѣпкой мѣдной проволоки въ нѣсколько оборотовъ сообразно извѣстнымъ началамъ, и снабженъ чувствительною магнитною стрѣлкою, имѣя же Нобили предложенною. Какъ скоро сей мультипликаторъ сообщенъ будетъ со снарядомъ, въ коробочкѣ помѣщенномъ: по малѣйшее измѣненіе въ температурѣ онаго производить уже отклоненіе магнитной стрѣлки. При измѣненіи температуры на 2° отклоненіе стрѣлки бываетъ до 40. Какъ самый чувствительный термоскопъ, Нобили предлагаетъ сей снарядъ для опредѣленія теплоты при сжатіи воды, для измѣренія неравноѣрной силы тепла въ различныхъ призматическихъ лучахъ, и для изслѣдованія лучистой теплоты. И такъ здѣсь магнитная стрѣлка служила показателемъ самыхъ малыхъ различій въ сепеняхъ теплоты. Снарядъ сей сравненъ былъ съ термометромъ Брегеа. Когда сего послѣдняго стрѣлка отклонялась на 10° ; по отклоненію магнитной стрѣлки въ мультипликаторѣ было на 150. Мы должны бы сказать здѣсь объ утвержденіи Мунке, что чрезъ измѣненіе температуры возбуждается электричество; но, кажется, должно согласиться съ Берцелиусомъ, что въ опытахъ Мунке не электричество опалкиваетъ опъ разгорячаемой поверхности легкія шѣла, но сжимающийся разгорячаемый воздухъ.

Фарадей, представивъ записку Лондонскому обществу наукъ о произведеніи гальваническаго электричества, сообщилъ чрезъ Гашепша и Французскому институту свои наблюденія и открытія, кои состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Теченіе гальваническаго электричества, происходящее въ металлической проволоцѣ, производить другое теченіе въ смежной съ нею проволоцѣ, но противное оному и при томъ продолжающееся только мгновеніе.

2. Приближая улиткообразно согнутыя магнитныя проволоки, Фарадей производить электрическія теченія; съ отдаленіемъ же сихъ проволокъ, теченіе совершается въ противоположную сторону. Сии теченія сильно дѣйствуютъ на гальванометръ, проходятъ сквозь соленую воду и другіе растворы, хотя и слабо. Но въ одномъ случаѣ Фарадей замѣтилъ даже искру. Изъ сего слѣдуетъ, что употребляя одни только магниты, можно производить электрическія теченія, открывши Амперомъ.

3. Объ обращеніи металлическаго кружка подъ вліяніемъ магнитнымъ. Фарадей думаетъ, что явленіе, обнаруживающееся въ семъ опытѣ, находится въ тѣсной связи съ явленіемъ магнитнаго вращенія, открываго имъ за 10 лѣтъ тому. Онъ дозналъ, что чрезъ обращеніе металлическаго кружка подъ вліяніемъ магнита можно производить по направленію радіусовъ сего кружка электрическія теченія въ значительномъ числѣ такъ, что весь кружокъ сдѣлается новою электрическою машиною (a metallic plate-electrical machine).

Упомянемъ еще о замѣчаніи, достойномъ изложенія, Док. Каспля относительно теплоты и электричества.

1. Въ гальваническихъ опытахъ, прилипіе раствора нѣкоторыхъ солей благоприятствуетъ дѣйствию снаряда. Но какимъ образомъ? вопрошаетъ Каспель. Сии растворы совокупно съ металлами способствуютъ разрыву сродства теплотворнаго съ другими началами, составляющими воду. Такимъ образомъ наибольшее количество теплотворнаго отдѣляется изъ воды, поглощается и переносится проводниками. По настоящей теоріи электричество производитъ разложеніе воды. По теоріи, предлагаемой Докт. Каспелемъ, разложеніе воды производитъ отдѣленіе теплотворнаго, который есть ничто иное, какъ самое электричество, и потому тѣ явленія, кои до сихъ поръ относили къ электричеству, должны, по его мнѣнію, отнесены быть къ теплотвору.

2. Дѣйствіе гальванической цѣпи уничтожается, когда высохнутъ бумажные кружки, помещаемые между металлическими кружками. Окисленіе металлическихъ кружковъ производитъ тоже явленіе: въ первомъ случаѣ нѣтъ вещества, изъ котораго металлъ могъ бы получать теплотворъ; во второмъ случаѣ окисленіе превращаетъ металлъ въ худой или слабый проводникъ теплотворнаго.

3. Таковое явленіе пребудетъ до тѣхъ поръ необъяснимымъ, пока примутъ то, что теплота и электричество совершенно тождественны. Когда мы дѣлаемъ опыты съ электрическою машиною; то электричество тѣмъ труд-

нѣе возбуждается и собирается, чѣмъ влажнѣе атмосфера. Въ *Гальванической цѣпи* сухость бумажныхъ кружковъ препятствуетъ возбужденію онаго. Въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Г. Касшеля, при опытахъ съ электрическою машиною мы заимствуемъ теплошворъ изъ атмосферы, а въ опытахъ съ гальваническимъ снарядомъ мы отдѣляемъ его изъ воды. Таково изложеніе объ электричествѣ и теплотѣ Док. Касшля.

Чѣмъ поразительнѣе явленіе, тѣмъ обширнѣе представляется поле для изслѣдованія его: сіе примѣняется во всей точности къ электричеству.

До сихъ поръ тѣло можно было сдѣлать фосфорическимъ или свѣтящимся, когда его подвергнуть или дѣйствию солнечныхъ лучей, или дѣйствию теплоты; послѣднее въ особенности мы замѣчаемъ въ одномъ различіи полевого шпата. Пирселль, пропуская электрическія искры на известковый шпатель, алмазь и хлорофанъ, сдѣлала ихъ фосфорическими. Съ полевымъ шпатомъ всегда удавался опытъ, съ известковымъ шпатомъ не такъ хорошо, а съ алмазомъ произведеніе было различно такъ, что нѣкоторые куски опъ 12—15 искръ дѣлались фосфорическими, а другіе нѣтъ.

Машпеучи удостовѣрялъ, что когда онъ подвергалъ электрометръ яркости солнечныхъ лучей, то золотые листки онаго расходились. Барлоца другимъ опытомъ изумляетъ насъ и именно: онъ подвергалъ дѣйствию солнечныхъ лучей магнитъ, который могъ удерживать не болѣе 22 унцовъ желѣза, но полежавши 3 часа на солнце, онъ удерживалъ 24 унца, находясь подъ влія-

ніемъ солнечнымъ лучей 24 часа, онъ могъ уже удерживать 44 унца.

Перешедши къ свѣту, я къшапи скажу объ открытіи Плато (Plateau), который опредѣлилъ продолженіе впечатлѣнія различныхъ лучей свѣта. Онъ нашелъ, что впечатлѣніе отъ бѣлаго и желтаго свѣта продолжается 0,35 секунды; отъ краснаго 0,34, а отъ синяго 0,32.

Наполните двѣ стеклянки различными соляными растворами и одну изъ нихъ, обвязавъ пузыремъ, опрокиньте обвязаннымъ мѣстомъ на другую; спустя нѣсколько времени вы найдете, что соль нижней стеклянки будетъ находиться въ верхней стеклянкѣ, и на оборотъ.

Преложеніе нагаль, — явленіе, едвали справедливое, первымъ наблюдателемъ онаго Дюпроше — названное *endosmose*, какъ новизна, было принимаемо за дѣйствіе впечатлѣнія электрическаго. Дѣйствительно, достойное вниманія явленіе, открытое Порретомъ, повидимому имѣетъ связь съ явленіемъ, замѣченнымъ Дюпроше. Въ опытѣ Поррета два объема чистой воды отдѣляются оболочкою изъ пузыря: одна часть воды сообщается съ полюсомъ положительнымъ, а другая съ отрицательнымъ полюсомъ Гальваническаго снаряда. Въ это время вода процѣживается сквозь оболочку отъ положительнаго полюса къ отрицательному и шупъ возвышается постепенно даже выше своего уровня. Но въ наблюдаемомъ Дюпроше явленіи не замѣчается нисколько электричества, при всѣхъ условіяхъ открытыя слѣды онаго. Посему Поасонъ относитъ оное къ явленіямъ волосообразныхъ сосудовъ. Дюпроше

сначала предполагалъ, что сіе явленіе зависить отъ излишка густоты одного изъ растворовъ такъ, что ежели растворъ будетъ въ два раза гуще, то и преломленіе началъ должно быть въ два раза большее. Но опыты показали, что различіе густоты двухъ жидкостей не можетъ быть условіемъ сего явленія. Такимъ образомъ алкоголь, аммоній и пр., кои имѣютъ меньшую густоту, нежели вода, относительно сего явленія точно въ такомъ находящаяся положеніи, какъ густѣйшія жидкости; а сіе, по мнѣнію Дюпроше, происходитъ отъ того, что сіи жидкости, подобно густымъ жидкостямъ, мало восходятъ въ волосныхъ трубкахъ. Посему онъ принимаетъ, что когда двѣ жидкости отдѣлены одна отъ другой пузыремъ, то преломленіе началъ ихъ, даже самое восхожденіе жидкостей, зависить отъ степени волоснаго выходненія. Жидкость менѣе восходящая въ волосныхъ трубкахъ всегда уступаетъ мѣсто той, которая болѣе восходяща. Теперь слѣдовало еще увѣришься въ томъ, точно ли преломленіе началъ или переходненіе жидкостей зависить отъ различія волоснаго выходненія двухъ разнородныхъ жидкостей. Различные опыты рѣшили утвердительно сей вопросъ. Вошъ одинъ изъ сихъ опытовъ: растворъ солянокислой соды и растворъ сѣрнокислой соды — каждый въ особыхъ сосудахъ приведенъ былъ въ сношеніе съ чистою водою, отдѣленною пузыремъ: найдено, что въ одно и то же время растворъ сѣрнокислой соды производитъ вдвое большее преломненіе, нежели растворъ солянокислой соды. Дюпроше нашелъ, что въ трубкѣ во-

лосной вода восходила до 12 линій; въ той же трубкѣ растворъ солянокислой соды, коего густота была 1,085, поднялся только до 10 линій; а растворъ сѣрнокислой соды одинаковой густоты простирался только до 8 линій. Но сіе любопытное открытіе заслуживаетъ большей подробности, которею оплагаю до другаго времени.

(Будетъ продолженіе.)

MANAVA - DHARMA - SASTRA. LOIS DE MANOU, PUBLIÉES EN SANSKRIT, AVEC DES NOTÉS CONTENANT UN CHOIX DE VARIANTES ET DE SCHOLIÉS, PAR AUGUSTE LOISELEUR DESLONGCHAMPS. 1830 XVI и 576 с. in 8 и тамъ же, того же сочинителя: LOIS DE MANOU, TRADUITES DU SANSKRIT ET ACCOMPAGNÉES DES NOTES EXPLICATIVES. 1833 VIII и 482 с. съ 8 с. SUPPLÉMENT IN 8.

Сообщено отъ Профессора Погодина.

Текстъ законовъ Ману съ подробными крипическими примѣчаніями Кулука-Башпы былъ напечатанъ уже въ Калькуттѣ, а крипическое изданіе одного текста съ немногими крипическими примѣчаніями было издано въ Лондонѣ Гаупономъ. Сей-то Лондонскій текстъ, вновь разсмотрѣнный и кой-гдѣ исправленный, съ вариантами нѣсколькихъ еще несравненныхъ рукописей, съ выбранными крипическими примѣчаніями и поясненіями предлагаетъ намъ упомянутое Парижское изданіе. Вся Европа занимается теперь текстомъ дослопримѣчательной книги, которымъ до сего времени могли пользоваться весь-

ма немногіе, кромѣ находящихся въ самой Англіи. Джонсоновъ переводъ сей Индійской книги, давно признанный за лучший и щцательнѣйшій изъ всѣхъ переводовъ сего основателя изученія Индійской литературы, почпи слово въ слово повшорентъ Г. Дуазелеромъ.

Хотя весьма желательнѣо узнатьъ съ точностію древностъ споль важной книги для того, чтобы съ сей точки обозрѣть въ хронологическомъ порядкѣ всю первоначальную и позднѣйшую духовную жизнь Индійцевъ; но къ общимъ хронологическимъ затрудненіямъ, вспрѣчающимся во всѣхъ древнихъ Индійскихъ книгахъ, присоединяются въ семъ сочиненіи еще особыя. Въ немъ все ошносится къ временамъ древнѣйшимъ, совершенно историческимъ, и возвыщается самымъ Ману или отъ имени его, Бригою; а потому обстоятельства историческія, въ коихъ книга сія дѣйствительно произошла, все болѣе и болѣе теряются у насъ изъ виду. Внимательный взглядъ усматриваетъ подъ покровомъ сокрытыхъ указаній и намеки на времена позднѣйшія, опредѣленные; но для того, чтобы лучше и вѣрнѣе понять ихъ, еще слишкомъ ощущишеленъ недостатокъ въ печатныхъ сочиненіяхъ объ исторіяхъ древнихъ временъ. Мы должны теперь довольствоваться однимъ содержаніемъ сей книги. Здѣсь съ самаго начала возбуждается сильное подозрѣніе, что Ману съ могъ бытъ написанъ только послѣ происхожденія главныхъ отраслей древне - Индійской философіи, Санкіи, Міаніи Веданши. Языкъ, равно какъ и мысли его, носятъ на себѣ рѣзкіе слѣды систематической

Философій. Во всей книгѣ, особенно въ первой и послѣдней частяхъ, встрѣчаются опредѣленные намеки и имена, къ ней относящіяся, отъ чего возникаетъ, по видимому, непоколебимая увѣренность: Мануъ написанъ уже послѣ упомянутыхъ философій. Не должно однако думать, что эпопѣ Мануъ повсюду Сакію безъ всякихъ измѣненій, какъ это въ послѣдствіи было въ видѣ краткихъ стихотвореній; колеблясь, правда, въ философскихъ мысляхъ и выраженіяхъ, онъ, какъ практическій законодатель, не имѣетъ нужды придерживаясь оной со всюю строгою опредѣленностію школы. Но Веданша, котораго Мануидъ такъ часто приводитъ и хвалитъ, коего направленія онъ придерживается какъ правовѣдѣцъ ученія идеальнаго, сей-то Веданша, если только справедливо вышесказанное, — есть послѣдняя изъ всѣхъ древнихъ системъ и безъ предположенія другихъ невообразимъ.

Если станемъ разсматривать образъ представленія, или скорѣе предписанія жизни Брамина: то опять получимъ тотъ же выводъ. Конечно раздѣленіе на касты и Браминовъ въ главѣ оныхъ встрѣчаемъ во времена самыя опдаленныя, и поному допускаемъ, что такого рода законы производятъ преимущественно Браминовъ и различіе кастъ отъ самаго Брами и освящаютъ ихъ самимъ Бравою; но здѣсь это доказывается уже не просто, не съ естественнымъ, спокойнымъ сознаніемъ, а съ сильною полиникою и догматикою, какъ будто это отношеніе уже было когда-то опредѣлено, упорно оспариваемо и нуждается въ новой, силь-

нѣйшей подпорѣ. На сей конецъ предписываются законы споль робкіе, споль подробные, что Рецензентъ, помышляя о нихъ, часто не могъ опклонить отъ себя воспоминаія о Фарисейскораввиническомъ законискусничествѣ и хлопотливости, именно о законахъ Талмуда, опредѣляющихъ преимущества и опличія Раввиновъ. Но древнія постановленія кашъ и Брамновъ могли подвергнуться сильному потрясенію и опасности только происхожденіемъ новыхъ идей философіи Санкіи, которыя рано или поздно должны были породить и Буддизмъ; и шакъ здѣсь опять получаемъ тошъ же выводъ.

Вотъ замѣчанія величайшей важности для вопроса о древности происхожденія шворенія Ману. Мы могли бы сослаться еще на многое, на пр. на указываемыя въ Манундѣ *прибавленія* чотырехъ Ведъ; но по причинѣ большаго недостатка въ опредѣленныхъ историческихъ указаніяхъ о составленіи Ведъ, Философій и ш. д., должны весьма осторожно и медленно поступать при опредѣленіи временъ. Даже и по сполѣтіямъ не лзя вѣрно измѣрять времени сей книги. Совсѣмъ не видно, почему бы Манунду не имѣть одинаковой древности съ Рамаяномъ: съ другой стороны явно на него указывается въ ошрывкахъ Магабараши, равно и въ Сакуншалопакіанамъ. Будущности предоставлено дальнѣйшее изслѣдованіе только такихъ доказательствъ, какія у издателя, не могутъ быть допущены: именно тамъ излагается мнѣніе, что Манундъ древнѣе Александра (чего Рец. ни мало не отвергаетъ), потому что Александръ нашелъ

въ Индіи уже все такъ твердо основаннымъ, какъ предписывается въ Манундѣ. Какъ будто Іудеи не были Іудеями и до Таалмуда. Самое швореніе Ману совсѣмъ не почищается первымъ въ своемъ родѣ; ибо мы знаемъ (Jones preface t. 2. p. XVI), что швореніе древнѣйшее Нарады, отчасти еще сохранившееся въ Индіи, состоящее изъ 12,000 стиховъ, слѣдовательно еще пространнѣе нежели швореніе Ману (упоминающее неоднократно о своей *краткости*), прежде дѣйствительно существовало на письмѣ. А конечно сіи древнѣйшіе законы не могли быть совершенно противоположными позднѣйшимъ; напротивъ, мы можемъ ихъ представить себѣ только сходными съ ними въ главныхъ предметахъ Индійской жизни, и такъ же, какъ и они, основанными на Ведахъ.

Не сомнѣваемся, что новостъ и оригинальность Манавакасатры заключается въ образѣ опредѣленія отношенія Брамниновъ къ другимъ кастамъ и въ поддержаніи безпрестанной полемики противъ всѣхъ вновь происшедшихъ ученій и покушеній. Только здѣсь браманизмъ является въ полномъ торжествѣ своемъ и со всею силою отражаетъ нападенія всѣхъ своихъ противниковъ. Въ этомъ-то и заключается истинная цѣль сего сочиненія. Если же сія книга спользіями, и можетъ быть многими, старъе нашей Эры, то сколь древнѣе должны быть начинанія и цвѣтъ Индійской Философіи. Какъ неосновательно мнѣніе, что какое-то чуждое вліяніе произвело этотъ цвѣтокъ на Индійской почвѣ! Знапокъ ни мало не усумнившись, что Индіи ничто такъ не свойственно и не близко, какъ ея Философія.

Космогоническія воззрѣнія Индійцевъ — Карла Теодора Иоганнсена, Профессора Восп. яз. въ Копенгагенѣ XVI и 88 страницы въ 8.

Книга сія весьма полезна тѣмъ, что въ ней подробно излагается Исторія древне Индійскаго мірозданія; особенно же важна она для тѣхъ, которымъ недоступны Индійскіе источники; потому что въ ней найдутъ они хорошее и вѣрное сравненіе многихъ изъ сихъ источниковъ. При всякомъ изслѣдованіи такого рода дѣло идешь существенно о двухъ предметахъ: во первыхъ должно показать истинное, внутреннее единство и родство, а потомъ уже представить и объяснить дѣйствительное различіе. Первое требованіе сочинитель выполнилъ, сколько позволяли ему Индійскіе источники его, довольно удовлетворительно; но впредь должно будетъ Космогонію сочиненія Ману, очевидно уже принявшую характеръ Индійской, прешедшую чрезъ Философію, развивающую собою великое цѣлое, тщательно оплечать отъ болѣе простыхъ воззрѣній, разбѣянныхъ въ Ведахъ такъ, что начинать должно будетъ не съ Космогоніи Ману, но съ Космогоніи Ведъ.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго
Совѣща. Мая 16 дня, 1834 года. Секретарь
Совѣта Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ X No. УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	<i>Напечатано</i>		<i>должно чит.</i>
Стр. строка			
5	1	m''	m'''
—	13	уравненія	уравненій
6	5	m, m', m''	m', m'', m'''
7	5	уровненія	уравненія
—	8	$P(ls\beta\delta y + csa\delta x)$ $+ P'(cs\beta'\delta y' + cs\beta'\delta y' + csa'\delta x)$	$\left. \begin{array}{l} P(cs\beta\delta y + csa\delta x) \\ + P'(cs\beta'\delta y' + csa'\delta x) \end{array} \right\} + P'(cs\beta'\delta y' + csa'\delta x')$
8	5	можно	можно еще
—	16	разлагаются	суть силы, на ко- торыя $P, P' \dots$ раз- лагаются
9	1	вещественныхъ	собрание веществен- ныхъ
—	5	все	всѣ
—	22	$r'''m$	$r'''m'''$
—	28	(Q)	(Q')
10	11	(O)	(Q')
—	13	$v'm$	$v'm'$
—	17	Деламберту	Даламберту
11	4	v'''	z'''
12	4	$\partial't$	∂t
—	9	$\frac{\partial x'}{\partial i} + \frac{\partial^2 y'}{\partial t}$	$\frac{\partial x'}{\partial t} + \frac{\partial^2 x'}{\partial t}$
13	3	$\frac{\partial^1 y'}{\partial t}$	$\frac{\partial^2 y'}{\partial t}$

Стр. строка.

13	9	правило	правило поступательного
—	11	$\partial y'$	$\delta y'$
—	14	$\frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2} \delta x' + m'(Y' - \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2} \delta y' \dots \frac{\partial^2 x'}{(\partial t)^2}) \delta x' +$	$+ m'(Y' - \frac{\partial^2 y'}{(\partial t)^2}) \delta y'$
14	11	ал	чл.
—	16	множительный . .	множителей
15	1	$\frac{\partial^2 x''}{(\partial t)^2}$	$\frac{\partial^2 x''}{(\partial t)^2}$
—	2	$\frac{\partial^3 y''}{(\partial t)^2}$	$\frac{\partial^2 y''}{(\partial t)^2}$
—	3	$\frac{\partial^2 z''}{(\partial t)^2}$	$\frac{\partial^2 z''}{(\partial t)^2}$
—	11	движенія	уравненія
—	15	$M \frac{\partial^3 z}{(\partial t)^2}$	$M \frac{\partial^2 z}{(\partial t)^2}$
16	20	$y + C'$	$y = C'$
17	2	$\frac{z - B}{c}$	$\frac{z - C''}{c}$
18	3	$P''_{cs\alpha}$	$- P''_{cs\alpha}$
—	13	$y' = y''$	$y' - y''$
—	14	$z' = z''$	$z' - z''$
—	16	$y'' = y'$	$y'' - y'$
—	17	$z'' = z'$	$z'' - z'$
19	2	$m'X' + m''X''$	$m'Y' + m''Y''$
20	10	$m, Y' x'$	$m'Y' x'$
—	какъ	когда	

Сверхъ сего во всѣхъ мѣстахъ вмѣсто Е должно разумѣть Σ.

Въ XI No.

На стр. 233 послѣ таблицы, содержащей распределение Наукъ надлежало напечатать слѣдующее :

„Природа, говоритъ Г. Профессоръ Павловъ (*), какъ предметъ Естественныхъ Наукъ или Естествовѣдѣнія, можетъ разсматриваема быть только въ двухъ состояніяхъ :

1) Въ состояніи бытія, или со стороны произведеній.

2) Въ состояніи дѣйствія, или со стороны явленій.

Посему Естественныя Науки раздѣляются на два различные рода : на *Описательныя* и *Объяснительныя*.

Предметъ первыхъ — *Тѣла* :

а) *Небесныя* — *Космографія* (Описание міровъ).

б) *Земныя* — *Естественная Исторія*.

Предметъ вторыхъ — *Явленія* :

а) Въ пространствѣ неба — *Астрономія*.

б) На планетѣ нашей — *Метеорологія*.

с) Въ тѣлахъ живыхъ — *Физиологія*.

При разсматриваніи явленій, цѣлю поставляюща объясненіе оныхъ. Объяснивъ явленіе значить опыскавъ производителей онаго и показавъ ходъ дѣйствія ; другими словами : составивъ теорію Производители явленій суть : силы и вещество.

(*) См. Земледѣльческую Химію.

Понятія о силахъ и веществѣ между собою разнородны; посему и должно составить двѣ особыя науки: одну о *силахъ*, другую о *веществахъ*.

Приличнѣйшее названіе первой — *Физика*, второй — *Химія*.“

Сравнивая вышеозначенныя раздѣленія Наукъ и опыскивая въ оныхъ мѣсто, занимаемое Химіею, мы находимъ ее у Г. Декандоля въ ряду Наукъ динамическихъ, а у Г. Павлова — въ ряду Наукъ вещественныхъ. По такому противорѣчію въ назначеніи мѣста Химіи, съ перваго взгляда можно бы заключить, что или Г. Декандоль или Г. Павловъ ошеступилъ оцѣнку истины; но вникнувъ болѣе въ предметъ сей науки, въ способы, коими она достигается своей цѣли и въ настоящее оной значеніе, — должно согласиться, что хотя ея предметъ преимущественно составляетъ познание вещества, однако для нея необходимы также динамическія свѣдѣнія; а потому мнѣнія обоихъ ученыхъ совершенно оправдываются.

И такъ Химія, при настоящемъ ея состояніи, должна — по мнѣнію моему — занимать въ Естественнѣйшій мѣсто науки *вещественно-динамической*.

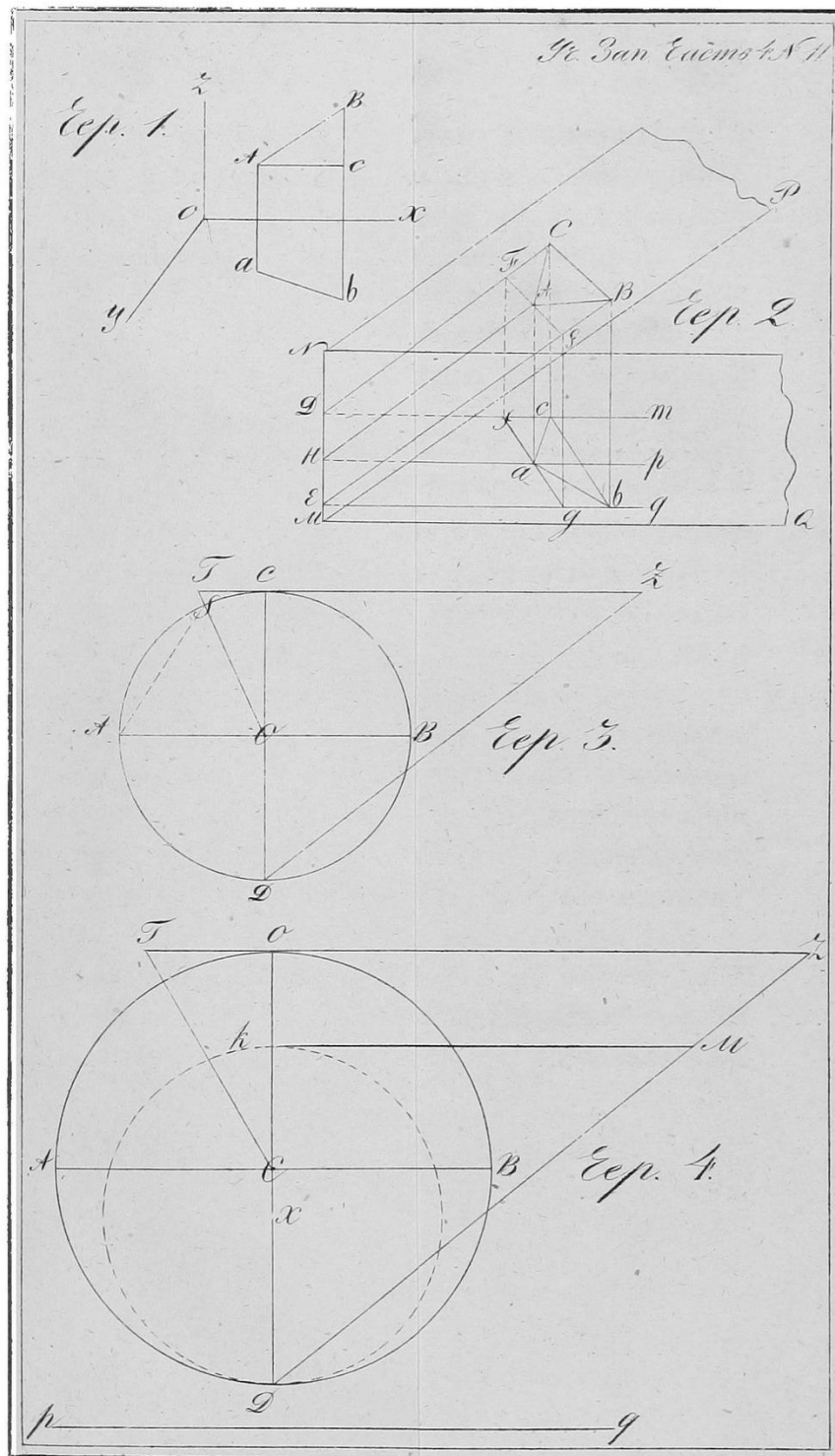

Image ID: 31684509

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1834. Іюнь. № XII.

I. НАУКИ.

А. Ф И З И К А.

1. О ЦВѢТѢ ВОЗДУХА И ГЛУБОКИХЪ ВОДЪ , и о
НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ СХОДНЫХЪ ПОДВИЖНЫХЪ
ЦВѢТАХЪ (*).

Соч. *Графа Местра.*

Для объясненія голубаго цвѣта воздуха полагають, что солнечный свѣтъ, отраженный землею поверхностью и проходящій чрезъ атмосферу, не весь теряется въ пространство: воздушныя частицы отражаютъ и разсѣваютъ голубой лучъ. Но, принявъ

(*) Сообщено отъ Пр. Перевощикова.
Уч. Злп. Часть IV.

сіе, мы должны еще объяснить, почему эіотъ лучъ отражается преимущественно предъ синимъ и фіолетовымъ, которые болѣе преломляются и поітому могутъ удобнѣе отражаться.

Такое же отраженіе голубаго луча замѣчается на глубокихъ и прозрачныхъ водахъ морскихъ, озерныхъ и рѣчныхъ. Приітомъ явленіе сіе не принадлежитъ исключительно только симъ двумъ жидкостямъ: мы усматриваемъ его во многихъ тѣлахъ различныхъ свойствъ — въ тѣлахъ, неимѣющихъ между собою никакого сходства.

Опаловидныя вещества опливаютъ голубой цвѣтъ, болѣе или менѣе примѣтный: радужная игра цвѣтовъ, возвышающая цѣну благороднаго опала, приписывается естественнымъ трещинкамъ (1); минераль сей отражаетъ общій голубой цвѣтъ, который замѣчается также въ нѣкоторыхъ другихъ кремнистыхъ камняхъ, и который еще примѣннѣе въ опаловомъ стеклѣ. Явленіе сіе весьма явственно въ жидко распущенномъ мылѣ, въ спудени рыбьаго клея, и въ настойкѣ каштановой корки, которая совершенно походитъ на опаль. *Нютонъ* упоминаетъ объ

(1) Это мнѣніе знамениаго Гаю. См. У. 3. Но XI, стр. 266 и пр.

одномъ деревѣ, называемомъ имъ *néphrétique*, котораго насройка также опаловидна. Въ морѣ, около Сициліи, въ устьѣ рѣки Гіаррепы попадающія куски амбры, весьма любопытныя по ихъ опаловидности (2).

Голубой опливъ замѣчается еще въ нѣкоторыхъ шѣлахъ, имѣющихъ бѣловатую непрозрачность, когда они бывають превращены въ тонкія пластинки, пропускающія лучи свѣта. Обыкновенный примѣръ сего можно видѣть въ кожѣ, покрывающей вены; она голубовата, хотя отдѣльно ни кожа, ни кровь не имѣють сего цвѣта. Наконецъ смѣшеніе бѣлаго съ чернымъ и съ прозрачными красками доставляетъ въ живописи безчисленные примѣры произведенія голубой опаловидности, какъ упомянемъ ниже.

Явленіе голубаго цвѣта можно бы объяснить изъ теоріи тонкихъ пластинокъ, предположивъ, что частицы опаловиднаго шѣла имѣють толщину, потребную для отраженія онаго; и объясненіе сіе подтверж-

(2) Рѣка Гіаррепа течетъ при подножьи горы Этны; безъ сомнѣнія отъ сей огнедыщущей горы зависитъ упомянутое видоизмѣненіе амбры. Тамъ встрѣчается также прозрачная амбра рубиноваго, зеленаго и чернаго цвѣта.

дается шѣмъ , что желтый цвѣтъ , пропускаемый чрезъ такіа шѣла , отражается совершенно голубымъ : но въ сей запискѣ мы намѣрены только указать на вещества , производящія рассматриваемое явленіе , не принимая ни одной изъ теорій , представляющихъ великіа затрудненія.

Испытаніе опаловидныхъ веществъ и дѣйствія оныхъ на отраженный и пропущенный свѣтъ представляетъ очевидное сходство , существующее между ихъ цвѣтами , видимыми въ воздухѣ и въ водахъ , и доказываетъ , что одна причина производитъ сіе явленіе во всѣхъ шѣлахъ , гдѣ оно имѣетъ мѣсто.

Для составленія опаловаго стекла , въ расплавленную массу обыкновеннаго бѣлаго стекла примѣшиваютъ такое количество косяной золы , которое можетъ произвести въ массѣ легкіа голубоватыя туманныя пятна , не слишкомъ повреждающія его прозрачность. Порошокъ сей представляется намъ въ состояніи чрезвычайнаго дѣленія , или въ состояніи полураспущенномъ , не разсѣвающимъ пропускаемый свѣтъ.

Цвѣтъ пропущеннаго чрезъ опаловидныа шѣла свѣта измѣняется вмѣстѣ съ ихъ мас-

сою : онъ является желтымъ , если шѣло тонко , и переходить послѣдовательно въ оранжевый и красный , по мѣрѣ приращенія толщины шѣла.

Сходство воздуха съ опаловидными шѣлами оказывается не только въ голубомъ опливѣ , но также въ его дѣйстви на пропущенный свѣтъ , который становится послѣдовательно желтымъ , оранжевымъ и краснымъ , смотря по объему воздуха и роду водяныхъ паровъ , коими онъ бываетъ насыщенъ. Когда солнечный свѣтъ , достигающій облаковъ , проходитъ только самую чистую и рѣдкую часть атмосферы , тогда они кажутся бѣлыми съ легкимъ желтымъ опшѣнкомъ ; но они представляются желтыми и оранжевыми по мѣрѣ пониженія солнца ; наконецъ являются красными и даже багрянаго цвѣта , когда солнечный свѣтъ скользитъ по землѣ и проходитъ чрезъ плотнѣйшую часть воздуха , наполненную парами. Впрочемъ весьма часто случается , что при захожденіи солнца цвѣты сіи не появляются. Посему опаловидность атмосферы не должно приписывать исключительно чистому воздуху , но смѣси его съ водяными парами , разсѣянными въ немъ въ особенномъ состояніи , производящемъ дѣйствіе , подобное

порошку изъ костяной золы въ опаловомъ спеклѣ. Припомъ только по количеству воды, которое можешь растворяться въ воздухъ, производить сіи цвѣты; ибо слишкомъ влажный воздухъ прозрачнѣе сухаго. Когда опдаленныя горы видимы ясно, тогда надобно ожидать дождя. Въ это время солнце садится, не производя цвѣтовъ; оно кажется бѣлымъ въ туманѣ и водяныхъ парахъ. Но если при захожденіи солнца облака представляются красными, вообще должно надѣяться на хорошій слѣдующій день, пошому что сей цвѣтъ доказываетъ высшую сухость воздуха, содержащаго только нѣкотоыя пары, отъ коихъ происходитъ его опаловидность. При такомъ состояніи воздуха солнце иногда имѣетъ видъ краснаго, огненнаго шара, лишеннаго лучей. Также, смотря по свойству паровъ, распространенныхъ въ воздухъ, небо имѣетъ весьма различный голубой цвѣтъ, хотя объемъ воздуха бываетъ всегда одинъ и тотъ же; и пошому надобно принять, что сей цвѣтъ производится парами, и что высшая часть небснаго свода кажется темнѣе по недостатку оныхъ.

Отъ внутренности прозрачныхъ водъ, имѣющихъ достаточную глубину, отражается голубой цвѣтъ, который темнѣе воздуш-

наго, потому что не смѣшивается съ бѣлымъ свѣтомъ; даже весьма часто его невидно: отраженія отъ поверхности, въ которой какъ въ зеркалѣ, изображаются небо и окружающіе предметы, обыкновенно уничтожаютъ внутренній ея цвѣтъ, или образуютъ съ нимъ цвѣты сложные.

Поелику свойство воздуха производить цвѣты зависитъ отъ присутствія водяныхъ паровъ; по аналогіи можно думать, что сіе самое свойство въ водѣ зависитъ отъ ея смѣшенія съ воздухомъ, которымъ она всегда болѣе или менѣе насыщена.

Хотя обыкновенный голубой цвѣтъ воды уничтожается во многихъ случаяхъ; но иногда онъ обнаруживается во всей своей силѣ. Примѣръ сего можно видѣть въ наблюденіяхъ надъ Роною подъ мостами въ Женевѣ, гдѣ рѣка сія печетъ подобно ультрамарину (лазурику). Наблюдатель находится тогда въ самомъ благопріятномъ положеніи для разсматриванія внутренняго цвѣта воды, будучи отдѣленъ, сколько возможно подъ открытымъ небомъ, отъ отраженій на ея поверхности.

Колебаніе воды и разность въ формѣ волнъ производятъ перемѣну въ ея цвѣтъ;

иногда спокойное море отражаетъ опъ горизонта живые цвѣты и всѣ оппѣнки свѣпозарнаго неба представляеъ споль совершенно, что море и небо кажутся слпными: ежели въ это время легкій въперокъ покроеъ рябью его поверхность, то голубыя оппѣнки быстро мѣняются на блестяще цвѣты; въ колеблющихся частяхъ только наклоненныя поверхности маленькихъ зыбей, отражающія немного небснаго свѣга, показываютъ внутренній (настоящій) цвѣтъ воды. Опъ той же причины печеніе Роны далеко замѣпно въ водахъ Лемана; поступательное движеніе рѣки въ неподвижномъ озерѣ должно произвести колебаніе и мелкія зыби, и слѣдовательно уменьшить блестящее отраженіе неба и обнаружить цвѣтъ воды.

Зеленый оппѣнокъ, принимаемый часто морскими водами, кажется, наводитъ сомнѣніе на ихъ свойство отражать голубой цвѣтъ, принимаемый за существенный водѣ: но зеленый цвѣтъ бываетъ видимъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ море неглубоко, т. е. когда дно его отражаетъ проникнуый свѣтъ. Наблюдая море съ мѣста, возвышеннаго около 50 фузовъ, на берегу острова Капри, я примѣчалъ пространства, которыя были зеленѣе и свѣтлѣе, нежели прочія темно голу-

быя чашни моря; для открытія причины, я перемѣнилъ мѣсто наблюденій: спустившись къ самому морю, увидѣлъ, что зеленый цвѣтъ происходитъ отъ бѣлыхъ камней, которые, не смотря на большую глубину, ясно отличались отъ темнаго песчанаго дна. Чтобы увѣриться въ это, я прямою опытомъ, я приготовилъ квадратную пластинку изъ жести, имѣющую 14 Англійскихъ квадратныхъ дюймовъ, окрашенную бѣлилами; повѣсилъ ее горизонтально на веревкѣ и спускалъ въ море въ глубокомъ мѣстѣ, въ которомъ вода подъ моею баркою казалась голубою безъ примѣси зеленого цвѣта: на 25 фузахъ глубины пластинка приняла очень замѣтный зеленый оттѣнокъ; сей цвѣтъ сдѣлался явственнѣйшимъ на глубинѣ 40 фузовъ; онъ былъ ярокъ и переходилъ въ желтый; на 60 фузахъ цвѣтъ сей казался такимъ же, но темнѣе; квадратная фигура пластинки была уже невидима; наконецъ на 80 фузахъ я видѣлъ только слѣпый, непостоянный зеленый цвѣтъ, исчезнувшій весьма скоро.

И такъ солнечный свѣтъ, пропускаемый чрезъ морскую воду и отражаемый бѣлою поверхностью, производитъ зеленый цвѣтъ. Причина сего будетъ очевидною, когда допустимъ въ глубокихъ водахъ то же свойство

опаловидности, какое замѣчаемъ въ воздухѣ. Свѣтъ, проникнувъ массу воды во 100 футовъ, для достиженія пластинки и для возвращенія на поверхность, долженъ сдѣлаться желтымъ, подобно пропущенному чрезъ опаловидную жидкость; сей отраженный пластинкою цвѣтъ, смѣшавшись со внутреннимъ голубымъ, доходящимъ до глазъ со всѣхъ сторонъ, составляетъ зеленый цвѣтъ. Ежели бы морское дно было совершенно бѣлое, то вода близъ береговъ представляла бы потъ же зеленый цвѣтъ, какой производитъ бѣлая пластинка на разныхъ глубинахъ; но сіе дно имѣетъ обыкновенно темно-сѣрый цвѣтъ, и потому можетъ производить только цвѣтъ темно-зеленый сомнительный. Для уничтоженія всякаго сомнѣнія относительно сего предмета, я выплылъ на баркъ въ открытое море въ ясный Іюльскій день, въ 11 часовъ утра, и внимательно наблюдалъ измѣненіе цвѣта воды, смотря подъ барку со стороны противоположной солнцу. На 50 шазахъ отъ берега вода имѣла несомнѣнный зеленый цвѣтъ, который былъ видимъ въ продолженіе четверти часа плаванія; потомъ она сдѣлалась голубовато-зеленою. Подаваясь далѣе, я увидѣлъ, что голубой цвѣтъ становился болѣе и болѣе явственнѣе; наконецъ чрезъ часъ

плаванія вода подъ баркою была прекраснаго голубаго цвѣта, безъ примѣси зеленаго. Возвращаясь къ берегу, я старался замѣнить вновь появленіе зеленаго цвѣта, и усмотрѣвъ его явственно, вымѣрилъ глубину моря и нашель 150 футовъ. И такъ солнечный свѣтъ, окрашивающій море зеленымъ цвѣтомъ, долженъ, кажется, проходить 300 футовъ; но въ сей части Неаполитанскаго залива другая причина способствовала къ произведенію зеленаго цвѣта, именно нечистота воды, проспирающаяся на нѣсколько миль отъ берега; потому что Неаполитанское море не принимаетъ никакой рѣки, которая могла бы сообщать движеніе его водамъ, въ которыя выбрасываются всѣ нечистоты многолюднаго города. При берегахъ острова Капри море имѣетъ совершенно голубой цвѣтъ на 80 футовъ по причинѣ его чистоты. Впрочемъ вода можетъ быть голубою на меньшей глубинѣ, нежели на 80 фусахъ; для сего достаточно, чтобы дно имѣло черный или очень темный опшѣнокъ, и чтобы оно не отражало пропущеннаго свѣта. Сверхъ того положимъ, что нѣкошорое препятствіе останавливаетъ прямые солнечные лучи, и дно воды остается въ тѣни: тогда вода будетъ казаться голубою; потому что не будетъ

окрашивался опраженнымъ опъ дна желтымъ цвѣтомъ; это можно видѣть въ глубокихъ рѣкахъ, когда берега ихъ бросающъ тѣнь, проспирающуюся до дна.

Такимъ образомъ глубина дна и его цвѣтъ могутъ измѣнять цвѣтъ морской воды, и можно принять за несомнѣнное правило, что когда солнечный свѣтъ, пропущенный чрезъ воду, не теряется въ глубинѣ оной, а отражается дномъ, тогда море принимаетъ зеленый цвѣтъ. Въ глубокомъ морѣ явленіе сіе можетъ происходить опъ морскихъ распеній, и опъ мириадъ микроскопическихъ моллюсковъ.

Цвѣтъ, пропущенный чрезъ глубокія воды, не лзя наблюдать прямо, какъ въ воздухѣ. На сей предметъ существуетъ только одно наблюденіе. *Галлей*, рѣшившись опуститься для опыта въ море, посредствомъ водолазнаго колокола, наблюдалъ, что солнечный лучъ, проникнувшій къ нему чрезъ небольшое опверстіе, закрытое стекломъ, окрашивалъ поверхность его руки розовымъ цвѣтомъ. Опытъ былъ бы рѣшительнѣе для нашего вопроса, ежели бы лучъ унадалъ на бѣлую поверхность: болѣе или менѣе красный цвѣтъ руки необходимо долженъ имѣть вліяніе на замѣченную имъ краску. Невѣро-

яшно, чтобы сей ученый опускался глубже 30 или 40 футовъ; но на сей глубинѣ, цвѣтъ пропущеннаго свѣта можетъ происходить только отъ едва замѣтнаго измѣненія желтаго, смѣшеннаго съ измѣненіями бѣлаго, который съ цвѣтомъ руки, могъ ему представиться розовымъ. Въспомъ съ симъ *Галлей* замѣтилъ, что нижняя часть его руки окрашивалась зеленымъ цвѣтомъ, который есть отраженный отъ дна. Разность сихъ двухъ цвѣтовъ можно, какъ я думаю, приписать обману.

Причина зеленовато-голубаго цвѣта въ разсѣлинахъ ледяныхъ горъ, есть та же самая, которая окрашиваетъ зеленымъ прибрежныя воды. Если бы масса ледяной горы была такъ велика и однородна, какъ масса моря: то внутреннія трещинки казались бы голубыми; но ледъ состоитъ изъ воздушныхъ пузырьковъ снѣжныхъ частицъ и трещинокъ, которыя, отражая свѣтъ, передаютъ его отъ одной поверхности разсѣлины до другой до тѣхъ поръ, пока онъ дойдетъ до отверстія: сіи непрозрачныя частички оказываютъ въ ледяныхъ горахъ дѣйствіе бѣлой пластинки и дна морскаго.

На берегахъ острова Капри находится пещера, которая, кажется, произведена при-

родою для показанія голубаго цвѣта моря во всемъ его блескѣ, и называется по сей причинѣ: *лазуревою пещерою* (grotte d'azur); она расположена подъ скалою прямо на сѣверь острова. Какъ не лѣзя было входить въ нее на обыкновенной баркѣ; но она оставалась неизвѣстною до Августа 1826 года, когда два Прусскихъ художника, *Коплихъ* и *Фризи*, проникли въ оную вплавъ и сдѣлали ее извѣстною. Описаніе ихъ возбудило любопытство публики, для удовлетворенія котораго начали строить удобнаго размѣра лодки, употребляемыя нынѣ для переезда любопытствующихъ. Высота входа въ пещеру простирается до 4 футовъ и 5 дюймовъ Англійскихъ, при той же ширинѣ, и образуетъ почти равносторонній треугольникъ, имѣющій одною спороною морскую поверхность. Сводъ пещеры и поддерживающія его стѣны весьма правильны; длина ея, измѣряемая отъ входа до противоположнаго мѣста отдохновенія, единственной точки, гдѣ можно сойти съ лодки, имѣетъ 125 Англ. футовъ по направленію отъ Сѣвера къ Югу; пространство же отъ Востока къ Западу содержитъ 145 ф.; глубина воды при самомъ входѣ 67, среди пещеры 62, а близь пристанища 58 футовъ.

Скала состоитъ изъ известняка, въ разломѣ свѣтло - сѣраго ; въ немъ не замѣчено никакого признака слоистаго расположенія.

Для входящихъ въ пещеру свѣтны кажутся темными , а вода свѣтлою и блестящаго голубаго цвѣта, противоположнаго темнотѣ. Постоянная привычка видѣть свѣтъ, идущій съ неба , безъ сомнѣнія, есть одна изъ причинъ обмана, производимаго симъ единственнѣмъ голубымъ свѣтомъ , возникающимъ изъ глубины моря. Въ то время , какъ лодка находится при входѣ , концы бѣлыхъ веселъ , погружаясь ко дну , блестятъ живымъ голубымъ цвѣтомъ , который исчезаетъ тотчасъ по поднятіи ихъ изъ воды. Вотъ единственное явленіе, принадлежащее лазуревой пещерѣ; ибо трудно понять, почему предметы, столь живо освѣщаемые въ водѣ , невидимы непосредственно на ея поверхности. Когда рука или полотенно погружаются въ воду , тогда кажется, что они опущены въ растворъ голубой краски; вся погруженная часть освѣщена и окрашена , а находящаяся внѣ воды темна и сохраняетъ свой цвѣтъ.

Изъ лодки выходятъ на маленькое сухое пространство въ уровнѣ съ водою ; одно только сіе мѣсто заставляетъ подозрѣвать человѣческій трудъ : оно выстѣчено четверо-

угольно съ перпендикулярными сторонами, всегда находящимися въ водѣ. Потомъ всходящъ на вѣпорой уступъ скалы, возвышающійся около 3 футовъ, и на копоромъ многіе могутъ стоять спокойно. Отсюда можно свободно изслѣдывать явленія голубой пещеры (1).

Свѣтъ, проникающій чрезъ небольшой входъ, представляется бѣлымъ сіяніемъ, подобнымъ отблеску луны въ морскихъ водахъ; все же остальное пространство до самаго мѣста наблюдателя кажется голубымъ. Сей цвѣтъ уменьшается мало по малу на правой сторонѣ, гдѣ стѣны пещеры далѣе отстоятъ отъ входа. Упомянутое бѣлое сіяніе сколько освѣщаетъ сводъ, что можно видѣть его природный цвѣтъ. Но когда входъ закроется плывущею лодкою, или еще лучше, когда онъ бываетъ завѣшенъ ковромъ, тогда сводъ

(1) Сверхъ того отсюда пещера сообщается съ естественною галлереею, имѣющею около 100 шаговъ длины до мѣста, гдѣ она дѣлается весьма узкою. При влѣдѣ сей галлерей, чрезъ двѣ арки, раздѣленные столбомъ, видѣтъ голубой водяной порогъ; весьма темныя изображенія оныхъ на сводѣ, покрытомъ парами, производящъ живописное явленіе; посему многіе художники срисовывали оный.

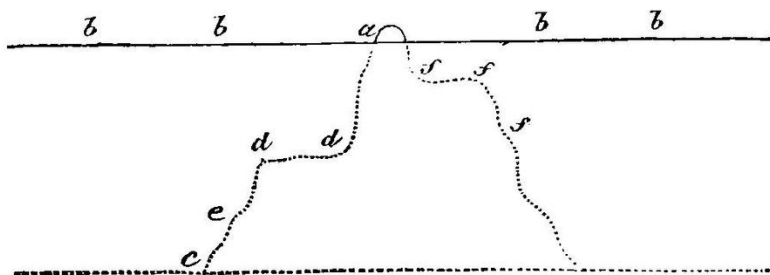
кажется голубоватымъ подобно темной комнатѣ, освѣщенной пламенемъ виннаго спирта. Сей простой опытъ открываетъ зрѣлище пещеры во всей его красотѣ.

Когда въ пещерѣ смотрятъ съ пристани на приближающуюся лодку, тогда она не представляеть ни опсвѣчиванія, ни тѣни въ водѣ. Ежели въ это время поставяшъ передъ глазами руку такъ, чшобы видны были только вода и лодка; то сія послѣдняя представляется висящею въ воздухѣ. Для того, кто въ первый разъ наблюдаетъ сіе явленіе, кажется оно столь разительнымъ, чшо не можешъ не ощутишь соболѣзнованія о людяхъ, сидящихъ въ лодкѣ.

Наблюдатель, перейдя вправо, въ темную впадину, видитъ воду уже не голубою, но прозрачною. Часть скалы подъ водою освѣщается слабымъ свѣтомъ, который позволяетъ замѣнить неровности стѣнъ на значительной глубинѣ, между тѣмъ какъ стѣны надъ водою кажутся темными. Линия морскаго уровня, въ соприкосновеніи со скалою, также замѣчательна: она напоминаетъ явленіе весель, освѣщаемыхъ въ водѣ и темныхъ на ея поверхности; но здѣсь очень слабый свѣсъ желтоватъ, вмѣсто того, чшобы бытъ живымъ и голубымъ, какъ на вес-

лахъ. Съ бѣльшимъ вниманіемъ взоръ проникаетъ глубже, и вскорѣ усматривается дно на глубинѣ 40 футовъ. Бѣлая плавни-ка, опущенная на оное, очень ясно опи-сывается отъ темнаго песку; ея цвѣтъ, вмѣ-сто зеленаго, какъ было въ опытѣ на солнцѣ, представляется бурымъ.

Слабый желтый свѣтъ, освѣщающій стѣны подъ морскою водою, производится отраженіемъ отъ дна и противоположныхъ стѣнъ, получающихъ вѣншній свѣтъ, который, проходя большую массу воды, долженъ быть желтымъ, какъ и пропущенный чрезъ опало-видныя жидкости. Такимъ образомъ опало-видное свойство моря удовлетворительно объясняетъ главныя явленія, зависящія отъ особеннаго устройства пещеры, для объясне-нія котораго прилагается здѣсь чертежъ, изображающій части скалы, покрытыя мо-ремъ и находящіяся надъ водою.

Въ *a* представленъ небольшой входъ, выше уровня *bbbb*. Восточная сторона сего

входа продолжается почти перпендикулярно до 30 или 40 футовъ; тамъ она кажется пересѣченной горизонтально въ *dd*, и висящею надъ темно-голубою морскою водою; *dec* есть предполагаемое продолженіе восточной стороны до дна, которое при входѣ имѣеть, 67 футовъ глубины. Западная сторона отъ входа *fff*, образуя уголъ на 10 или 12 футахъ глубины, продолжается горизонтально на пространство отъ 20 до 25 футовъ, и потомъ нисходитъ косвенно, вѣроятно, также до дна моря, гдѣ зрѣніе не можетъ простирается далѣе 30 или 40 футовъ.

Сіе устройство открываетъ обширный проходъ свѣту, проникающему въ пещеру чрезъ воду даже и тогда, когда небольшой входъ надъ уровнемъ закроется. Такимъ образомъ по большой массѣ воды распространяющія голубые лучи, свойственные глубокимъ и прозрачнымъ водамъ, и которые съ большею ясностію представляются въ пещерѣ, потому что не смѣшиваются ни съ какими другимъ свѣтомъ.

Разсмотрѣвъ опаловидное свойство въ воздухѣ и въ водѣ, изслѣдуемъ теперь происхожденіе голубаго цвѣта въ непрозрачныхъ тѣлахъ.

Прежде упомянуто было о голубомъ опшѣнкѣ, который принимаетъ наружная

кожа, покрывающая вены. *Леонард-де-Винчи* первый обратил вниманіе на сіе явленіе, происходящее единственно отъ опаловиднаго свойства кожи; посмотримы сперва на пошребныя для сего условія.

Вопервыхъ нужно, чтобы вена имѣла значительную толщину и могла поглощать весь свѣтъ, проходящій чрезъ кожу; пошомъ надобно, чтобы кожа, по своей тонкости, пропускала большую часть свѣта. Если вена тонка, то она отражаетъ цвѣтъ крови (1) и кажется красною; сей цвѣтъ, смѣшавшись съ голубымъ цвѣтомъ кожи, представляетъ тѣ фіолетовыя опшѣнки, кои замѣчаются на людяхъ блѣднлицыхъ. Ежели вена еще тонше и ближе къ верхней кожицѣ, то прозрачность кожи увеличивается и красный цвѣтъ оказывается явспвеннѣе; наконецъ сплетеніе тончайшихъ венъ и самыхъ близкихъ къ поверхности кожи, окрашиваетъ щеки и губы молодыхъ людей, имѣющихъ здоровый цвѣтъ лица, однообразнымъ краснымъ цвѣтомъ. Но можно замѣшшть,

(1) Подобно какъ широкая, барометрическая трубка, наполненная краснымъ виномъ густаго цвѣта, представляется черною, тогда какъ термометрическая трубка, наполненная пою же самою жидкостію, имѣетъ прекрасный пурпуровый цвѣтъ.

что сіи прекрасные цвѣты не имѣють совершенной кровяной краски, которая ихъ производить; она смѣшивается здѣсь съ опаловидною голубою, которая дѣлаетъ сей цвѣтъ слегка алымъ и окрашиваетъ иногда багровымъ и фіолетовымъ цвѣтами губы многокровныхъ людей.

Такимъ образомъ разность, существующая въ толщинѣ кровяныхъ сосудовъ и въ близости ихъ отъ наружной кожи, достаточна для произведенія всѣхъ оппѣнковъ голубаго, фіолетоваго, краснаго и пурпуроваго цвѣтовъ, видимыхъ на лицѣ человека, посредствомъ смѣшенія опаловидной голубой краски кожи съ краскою крови.

Красный цвѣтъ крови не есть причина голубаго оппѣнка вень; онъ можетъ быть чернымъ, или зеленымъ, не производя въ цвѣтъ вень измѣненія; надобно только, чтобы кровь поглощала весь пропущенный кожею свѣтъ. До сего можно достигнуть искусственно, посредствомъ весьма тонкой изъ слоновой кости пластинки, которая производитъ почти тѣ же дѣйствія, какъ и кожа. Если на одну изъ ея сторонъ, накопится тушь, Берлинская лазурь, кошениль, или зеленая краска изъ крушины (*vert de ves-*

sie) (1), приготовленные съ растворомъ ка-
меди, и довольно густыя, дабы не просвѣчи-
вали; то сѣи краски равномерно произведуть
голубоватый оппѣнокъ на противоположной
поверхности, потому что они одинаково по-
глощаютъ весь свѣтъ, проходящій чрезъ сло-
новую кость. Но ежели въ семь опытъ,
вмѣсто красокъ, поглощающихъ свѣтъ, упо-
требятся непрозрачныя отражающія краски;
то выйдетъ сложный цвѣтъ изъ оцаловид-
ной голубой и употребленной краски. Вотъ
нѣкоторые примѣры:

Красная свинцовая окись (сурикъ), по-
ложенная на слоновую пластинку, произво-
дитъ на противоположной поверхности сла-
бый оппѣнокъ алаго цвѣта. Нѣкоторые жи-
вописцы пользуются симъ свойствомъ сло-
новой кости при изображеніи щекъ и губъ
на ихъ картинахъ, помѣщая слой сурику на
соотвѣтствующихъ частяхъ противополож-
ной стороны. Но если вмѣсто сурика упо-
треблена будетъ Неаполитанская желтая
краска (du jaune de Naples), то на прошиво-

(1) Въ живописи употребляютъ жидкую зеленую
краску, получаемую выпариваніемъ сока, выжа-
таго изъ зеренъ особаго кустарника, извѣст-
наго подъ именемъ *крушины* (ramnus infectoria).
Сія-то краска называется vert de vessie.

положной споронѣ выйдетъ зеленоватое пятно. Изъ сихъ двухъ примѣровъ видно, что опаловидный голубой цвѣтъ слоновой пластинки смѣшивается съ оппѣнкомъ собственнаго цвѣта непрозрачной отражающей краски.

Смѣшеніе цвѣтовъ въ живописи масляными красками еще очевиднѣе представляетъ произведеніе опаловиднаго голубаго цвѣта. Извѣстнѣйшій примѣръ усматривается въ смѣшеніи бѣлизы съ распыленнымъ углемъ, производящимъ голубоватый оппѣнокъ.

Индиго и Берлинская лазурь въ массѣ приближаются къ черному цвѣту: посему нѣкоторые изъ древнихъ физиковъ думали, что голубой цвѣтъ есть смѣсь свѣта со сѣмью; но голубой цвѣтъ въ семъ случаѣ зависитъ исключительно отъ бѣлаго, а не отъ чернаго цвѣта; доказательство сего въ слѣдующемъ опытѣ. Двѣ пластинки изъ слоновой кости окрашиваютъ сѣрымъ цвѣтомъ: одну масляною смѣсью бѣлизы и истершаго угля; другую же, окрашенную прежде бѣлизой, покрываютъ легкою угольною чернью. При опытѣ найдется, что краски ихъ различны; первая будетъ голубовата, а вторая — сѣрая безъ примѣси голубаго. Прозрачныя краски въ маслѣ теряютъ почти

все цвѣтное отраженіе , которое они имѣютъ въ состояніи порошка; и въ массѣ приближающія къ черному цвѣту; смѣшеніе ихъ съ бѣлыми производить также опаловидную голубую краску, которая измѣняетъ естественный ихъ цвѣтъ.

Всѣ живописцы знаютъ замѣчательную разность между цвѣтомъ, происходящимъ отъ смѣси кармина съ бѣлыми, и тѣмъ, который производить та же краска, наведенная тонкимъ слоемъ на приготовленный бѣлый грунтъ; первый кажется слабымъ фіолетовымъ, а второй имѣетъ всю чистоту и ясность, которую сей прекрасный цвѣтъ способенъ принимать. Такимъ образомъ живописцы, желая получить самый высокій красный цвѣтъ изъ кошенили, или изъ красильной марены (*de garance*), всегда употребляютъ сіи краски въ видѣ тонкихъ слоевъ, наведенныхъ сверху. Непрозрачныя отражающія краски, какъ Неаполитанская желтая, хромокислый свинецъ, свѣтложелтая охра, производятъ также, какъ бѣлыя, голубой опаловидный цвѣтъ, чрезъ соединеніе ихъ съ углемъ. Сіи составы, по теоріи, должны произвести только желтые, болѣе или менѣе темныя краски; между тѣмъ выходятъ изъ нихъ яркія зеленныя, которыя часто употреб-

ляются для наведенія зеленыхъ групповъ въ ландшафтахъ, гдѣ непрозрачная отражающая краска опаловидна.

Здѣсь предложены замѣчательнѣйшія явленія особеннаго свойства, которое имѣютъ нѣкоторыя цвѣты, производящіе въ смѣшеніи голубой цвѣтъ; но есть безконечное множество другихъ измѣненій, менѣе замѣтныхъ, выходящихъ изъ смѣси сложныхъ цвѣтовъ, описаніе которыхъ невозможно; но ихъ всегда можно предвидѣть изъ слѣдующаго правила :

Когда смѣшиваются бѣлыя, или непрозрачные отражающіе цвѣты съ черною краскою, или съ прозрачными цвѣтами, то произойдетъ голубой цвѣтъ, и слѣдовательно получится измѣненіе оттенка первоначальной краски.

Сии измѣненія часто очень слабы; но они не скрываются отъ внимательнаго взора.

Въ изложенныхъ наблюденіяхъ описаны явленія, безъ сомнѣнія, весьма извѣстныя, но которыя казались не имѣющими между собою никакой зависимости; и потому я хотѣлъ доказать, что всѣ они суть слѣдствіе особеннаго свойства голубаго луча, котораго преимущественное отраженіе предъ дру-

гими лучами , болѣе или менѣе преломляемыми, происходишь опъ простаго механическаго сопротивленія часпицъ тѣла, пропускающаго свѣтъ. Сіе сопротивленіе имѣетъ мѣсто въ большихъ массахъ прозрачныхъ жидкостей, каковъ естъ воздухъ , смѣшенный съ водяными парами, и вода, смѣшенная съ воздухомъ. Оно замѣчается также въ просвѣчивающихъ тѣлахъ , но въ маломъ видѣ , и наконецъ въ непрозрачныхъ бѣлыхъ или окрашенныхъ тѣлахъ , наприм. въ наружной кожѣ, покрывающей вены , и въ смѣшеніи красокъ.

В. ФИЗИОЛОГІЯ.

2. О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ ФИЗИОЛОГІИ И УСПѢХАХЪ ВЪ ОНОЙ М. БЕЛЯ.

Адъюнктъ-Профессора Никифора Лебедева.

Физиологія есть наука, изслѣдывающая явленія жизни. Посему первое ея дѣло изслѣдывать, что значатъ сіи явленія сами въ себѣ, и второе, что значатъ органы, производящіе ихъ. Для ней мало еще изучать сіи явленія и органы отдѣльно, но требуется познать и тѣ и другія въ связи ихъ между собою. Какъ всякое явленіе составляется изъ простѣйшихъ, называемыхъ *свойствами, способностями, силами жизни*: такъ всякій органъ состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, *органическими элементами* именуемыхъ. И такъ надобно разлагать каждое явленіе на его простыя свойства, всякій органъ на его отдѣльныя элементы и показывать отношеніе всякаго свойства къ его элементу. Такова должна быть исключительная цѣль, къ которой должна стремиться безпрестанно Фи-

зіологія, и такава должна бытъ великая проблема, копорую рѣшаетъ цѣлая наука—Физиологія.

Физиологія, разсматриваемая сама въ себѣ, есть обозначеніе свойствъ, или способностей, или силъ жизни и различныхъ органическихъ ея элементовъ. — Древніе, изъяснявшіе все своими скрытыми силами, или лучше словами, принимаемыми опъ нихъ за силы, никогда не думали разлагать ни явленій, ни органовъ, ни понимать между сполькими органами и явленіями истинныя отношенія, связующія ихъ между собою, ш. е. древніе мало знали искусство дѣлать опыты и въ семъ искусствѣ первое ихъ правило состояло въ разбирагельствѣ, опдѣленіи и различеніи простыхъ фактовъ и наконецъ не поняли они, что въ семъ же самомъ различеніи простыхъ фактовъ совершенно заключаеися и окончательная цѣль сего искусства и вся шайна ихъ важности.

Напослѣдокъ, самые новѣйшіе дошли, и то весьма поздно, а наипаче въ Физиологіи, до сего опытнаго анализа, копорый разлагаетъ всякое явленіе на его простѣйшія обстоятельства и опредѣляетъ наслоящія основанія каждаго изъ нихъ.

Долгое время, какъ всякому извѣстно, Физиологія была не что иное, какъ пустое соединеніе неправильныхъ гипотезъ, попеременно взимаемыхъ то изъ Химіи, то Механики, то изъ Психологіи и—только усиленные труды Галлера, предшесствуемые нѣкоторыми щасливыми попытками Глиссона и Фридрика Гофмана, дали новую форму Физиологіи, форму положительную, опытную, которая соспоишь, какъ сказано выше, въ разборъ силъ свойственныхъ каждому органическому элементу.

Раздражимельность, открытая Глиссономъ, безъ сомнѣнія есть великое событіе; ибо она есть первый идеаль, соразмѣрный съ настоящею силою организма: она по была основою всей Физиологіи 18 вѣка; съ неѣ начинается анализъ силъ, свойственныхъ каждому органу—попъ самый анализъ, который восходитъ даже до самаго Глиссона, который продолжаема былъ Фридрихомъ Гофманомъ и споль высоко возведенъ геніемъ Галлера.

Но ни Глиссонъ, открывшій раздражимельность, ни Гофманъ, ни Горниеръ, изучавшіе ее послѣ него, не назначили ей истинныхъ органовъ. Древніе не умѣли видѣть раздражимельности ни въ какой части. Глис-

сонъ, Фридрихъ Гофманъ, Горштеръ видѣли ее напрошивъ всюду. Галлеръ первый назначилъ ей мѣсто въ одной мышечной волокну. Назначеніе столь важное и неожиданное было начальнымъ звеномъ въ сей цѣпи мѣстоназначеній и почтѣйшихъ органиченій мѣстности, которымъ Физиологія обязана всѣми своими успѣхами.

Показавъ, что раздражимельность принадлежитъ только мышцамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Галлеръ опредѣлялъ мѣсто чувствительности въ нервахъ. Онъ такимъ образомъ отдѣлялъ раздражимельность отъ чувствительности, часты раздражимельныя отъ чувствительныхъ, движеніе отъ чувствованія, систему мышечную отъ нервной, т. е. два главныхъ свойства и двѣ основныя системы экономіи.

Но чрезмѣрно занявшись и прельстившись идеею отдѣленія раздражимельности отъ чувствительности, или мышечной системы отъ нервной, Галлеръ видѣлъ только, что дѣйствіе нервовъ всюду болѣе или менѣе нужно для дѣйствія мышцъ, и что въ самой же системѣ нервной столь обширной и многосложной собственно такъ называемая чувствительность составляетъ только од-

но отдѣльное, но не единственное свойство.

Галлеръ, какъ и всѣ Физиологи, ему предшествовавшіе, видѣлъ въ нервной системѣ одно только свойство, всюду распространившееся, и вездѣ одно и то же, и никакъ недогадывался, чѣмъ она могла имѣть столько отличительныхъ свойствъ и столько своихъ частей, что въ наше только время сей новый анализъ, самый дробный и глубокий въ нервной системѣ, получилъ истинное свое направленіе.

Нервная система состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, т. е. изъ нервныхъ центровъ и собственно нервовъ. Сіе дѣленіе сдѣлано вскорѣ послѣ введенія сего опытнаго анализа въ изученіи сихъ двухъ частей, что весьма замѣчательно. Потомъ въ то же время, какъ во Франціи старались опыскать мѣсто находящихся управленій въ различныхъ точкахъ нервныхъ центровъ, въ Англіи Бель усиливался опредѣлить мѣсто и различить истинныя управленія въ различныхъ родахъ нервовъ.

Изъ сего видно, каковъ былъ ходъ сей науки. Глиссонъ открываетъ раздражительность, т. е. первый намекъ о силѣ, въ самомъ дѣлѣ свойственной нашимъ органамъ;

Галлеръ помѣщаетъ раздражимельность въ мускулахъ, включаетъ чувствительность въ нервы, а чрезъ сіе опредѣляетъ дѣйствіе нервовъ отъ дѣйствія мышцъ, и наконецъ самъ останавливается на разбирапельствѣ различныхъ отправленій нервной системы, которое предпринимають продолжать во Франціи въ частяхъ центральныхъ, а въ Англіи въ периферической части нервной системы.

Нервы безъ всякаго сравненія болѣе опредѣльны и много болѣе различны между собою, нежели нервные центры, коихъ различные точки составляютъ неразрывное цѣлое; но запутанность и сложность въ самыхъ нервахъ еще по сіе время оставалась столь велика, что ни одинъ Физіологъ прежде Беля не смѣлъ разбирать ихъ.

Всѣмъ извѣстна сія обширная сѣть нервовъ, проникающихъ и одушевляющихъ всѣ наши органы. Общею ошибкою, даже до сего времени, было то положеніе, что всѣ сіи нервы имѣютъ одно и то же свойство. Бель напропивъ доказалъ, что всякій нервъ имѣетъ свое особенное отправленіе, что каждая нервная ниточка имѣетъ свое отличное свойство и что такимъ образомъ, если два или болѣе нерва, двѣ или болѣе ниточки нервныя идутъ къ органу; то онѣ не для того

входящъ въ него , чшобы повпорящъ одно и то же опправленіе или прибавлящъ его, но для того , чшобы снабдищъ органъ сполькими опправленіями и новыми свойствами, сколько сихъ родовъ нипочекъ. Всеобщимъ плодомъ розысканій Бея было то, чшо независимо опъ нервовъ обонянія, слуха и зрѣнія, сущесгвуютъ нервы совершенно опдѣльные, и чшо частныя ихъ опправленія заставляють на- всегда разсмащриващъ ихъ за особенные нервы, кошорыхъ имѣется толькo чешыре главныхъ порядка, или, выражаясь словами Бея, чешыре системы нервовъ , кои сущесгвенно различаються между собою по ихъ свойствамъ и опправленіямъ.

Сіи нервы суть :

1. Нервы чувсгвованія.
2. Нервы произвольнаго движенія.
3. Нервы дыхательнаго движенія , и
4. Нервы большаго симпатическаго.

Сіи различные порядки нервовъ являющся, или опдѣльно, или соединенно , и не содѣйсгвуютъ одинъ другому. Если многіе изъ нихъ идуць къ одному и тому же органу, то не для чешо другаго, какъ для снабженія его споль же многими опправленіями и опдѣльными свойствами.

Но чтобы яснѣе понять назначеніе всякаго нерва и собственное его оппавленіе, надобно замѣнить сначала, что называемое обыкновенно однимъ нервомъ, не есть одинъ простой нервъ и весьма далека опп того, чтобы даже быть такимъ: ибо всякій нервъ составленъ изъ особенныхъ нервныхъ нипей и настоящимъ образомъ сіи только особенныя нипочки нервовъ имѣють каждая свое собственное дѣйствіе: одна назначена для чувствованія, другая для произвольнаго движенія, третья для дыхательнаго движенія. Изъ сего слѣдуетъ, что въ нервѣ, составляющемъ изъ себя отдѣльное существо, нѣтъ взятаго нераздѣльно нерва, но всякая нервная нипочка, взятая только сама въ себѣ, составляетъ цѣлый нераздѣльный нервъ.

Если изслѣдывать такую нервную нипочку, которая есть собственно первоначальный или самостоятельный нервъ, то увидѣть можно, что она представляетъ чистое продолженіе кашицеобразной матеріи, начиная опп ея соприкосновенія къ нервнымъ центрамъ до окончанія, и во всемъ его протяженіи видно, что хотя она сообщается съ другими, не менѣе того всегда составляетъ особенный органъ и сохраняетъ всюду свое особенное оппавленіе.

іе. То же, что обыкновенно называютъ нервомъ, т. е. пучекъ, происходящій отъ соединенія извѣснаго числа нервныхъ нипочекъ; имѣетъ столько различныхъ отправленияхъ, сколько находится сихъ нервныхъ нипочекъ различныхъ порядковъ.

Итакъ то, что называемъ нервомъ, есть органъ весьма сложный: органъ же простой есть нервная нипочка. Посему недоспадно дѣлать опыты надъ цѣлымъ нервомъ; ихъ должно производить надъ каждою нервною нипочкою, изъ которыхъ цѣлый нервъ составляется; ибо въ сихъ только нервныхъ нипочкахъ и обнаруживаются отдѣльныя ихъ свойства.

Вопъ собственно великія заслуги Беля: онъ не ограничился въ опытномъ своемъ анализѣ цѣлымъ нервомъ, но касался поспешенно каждаго изъ элементарныхъ нервныхъ нипочекъ. Сей анализъ его сдѣлался источникомъ всѣхъ важныхъ и большею частію новыхъ результатовъ, коими обогащена имъ Физиологія.

Посему одинъ разъ обративъ вниманіе свое на первоначальныя или составныя нервныя нипочки, тотчасъ понять можемъ важность изученія, особенно корней нервовъ; т. е. тѣхъ самыхъ почекъ, гдѣ всѣ сіи нервы

ныя нити появляются совершенно отдѣльными и изолированными.

Очевидно, что каждый изъ сихъ корней подвергнутъ былъ отдѣльно испытаніямъ и каждый изъ нихъ далъ отдѣльный результатъ. Если перерѣзать цѣлый нервъ, напр. нервъ спиннаго мозга, то вдругъ пропадаетъ и чувство, и движеніе въ тѣхъ частяхъ, въ кои идетъ сей нервъ, пошому что весь сей нервъ состоитъ изъ нервныхъ ниточекъ, назначенныхъ для чувствованія и для движенія. Но если разрѣзать отдѣльно который нибудь изъ корешковъ сего нерва, то пропадаетъ одно что нибудь, или чувство, или движеніе отдѣльно, ибо каждый изъ сихъ корешковъ составляетъ исключительно изъ однихъ только ниточекъ, или движенія, или чувствованія.

Чтобы различить движеніе отъ чувствованія, не должно дѣйствовать на цѣлый нервъ: ибо цѣлый нервъ есть сложный органъ и слѣд. вмѣщаетъ въ себѣ различныя свойства, но на каждый корешокъ въ особенности: ибо сей только корешокъ есть органъ простой, т. е. органъ, имѣющій одно только исключительное въ себѣ свойство.

Сии корешки не все одинаковы во всехъ нервахъ. Одни изъ нервовъ имѣютъ два ко-

решка, другіе только по одному; припомътъ и другіе не всегда выходящъ изъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ или споронъ нервныхъ ценстровъ, къ копорымъ они соприкасаются.

Такимъ образомъ всѣ нервы спиннаго мозга имѣютъ два корешка; одинъ изъ нихъ соприкасается переднему его лицу, а другой заднему. Между нервами мозга одинъ только нервъ пятой пары имѣетъ соотвѣспвенный двойной корешокъ передній и задній, всѣ же прочіе по одному переднему, какъ напр. нервы 12 й, 6 й и 3 й пары, или боковому, какъ нервы 11, 10, 9, 7, 4 пары. Замѣлпть надобно, что здѣсь счесть веспи надобно по Земмерингу, принявшему 12 нервовъ мозговыхъ. По сему споль различному способу происхожденія можно раздѣлпть нервы на три порядка, п. е. на нервы или съ двойнымъ корешкомъ переднимъ и заднимъ, или съ однимъ только переднимъ, или съ однимъ только боковымъ. Опытъ доказываетъ, что всякой изъ сихъ шрехъ порядковъ нервовъ имѣетъ особенное оплпчное опправление.

Всѣ нервы съ двойнымъ корешкомъ—переднимъ и заднимъ, служатъ вмѣстѣ для чувствованія и произвольнаго движенія; всѣ тѣ,

кои съ однимъ переднимъ корешкомъ, служатъ для произвольнаго только движенія, а всѣ съ однимъ боковымъ корешкомъ определены только для дыхательныхъ движеній. Но это еще не все: ихъ стороны, или колонны спиннаго и продолговаатаго мозга, къ которымъ соприкасаются различные порядки нервовъ, участвуютъ въ тѣхъ же свойствахъ нервовъ, или лучше—корешковъ тѣхъ нервовъ, кои въ нихъ входятъ. Такимъ образомъ заднее лицо спиннаго и продолговаатаго мозга служитъ для чувствованія, а переднее для произвольнаго движенія.

Слѣдовательно найдено три лица, три пучка, три колонны въ нервныхъ центрахъ, смотря по тому, корни нервовъ соприкасаются ли къ шей, или другой изъ сихъ колоннъ, и смотря по тому, нервы составлены ли изъ того, или другаго рода корешковъ. Опшуда видимо рождаются три оппращенія, или оппличительныя свойства, т. е. чувствованіе, произвольное и дыхательное движеніе. Въсѣ что показали опыты Беля.

Если дѣлая опытъ надъ живошнымъ живымъ коснуться задней части спиннаго мозга, то оно пошчасъ обнаруживаетъ боль; если же передняго лица дошпрунуться, то жи-

вошное шмало не спрадаеть; если перерѣжеться задній корень котораго нибудь изъ нервовъ, идущихъ отъ спиннаго мозга, то животное шощасъ шеряеть чувство во всѣхъ частяхъ, къ которымъ идеть сей нервъ, но движеніе остається еще невредимо; если же перерѣзать передній корешокъ, то напрошивъ движеніе пропадаеть, а чувство остається; наконецъ если въ мускулъ, получающемъ вмѣстѣ нервы произвольнаго и нервы дыхательнаго движенія, перерѣзать нервы сего послѣдняго движенія, то мускулъ продолжаетъ бытъ движимымъ волею, но не пособляетъ уже дыханію, и выйдуть явленія обратныя, если перерѣжеться нервъ произвольнаго движенія. Судя и по колоннамъ нервныхъ центровъ, къ которымъ соприкасаются нервы, и по корнямъ, чрезъ которые они сообщаются съ колоннами, и по отправлениямъ, которыя нервамъ свойственны, нервы раздѣляются на три большіе порядка. Первый порядокъ вмѣщаетъ всѣ нервы спиннаго мозга, сверхъ того пятую пару изъ мозговыхъ. Всѣ сіи нервы имѣють два корешка, передній и задній, и во всѣхъ одинъ только задній корешокъ содержишь въ себѣ узелъ. Всѣ они равно служатъ для чувствованія чрезъ свои

задніе корешки, а для движенія — чрезъ передніе, и опть перерѣзыванія опдѣльно одного изъ нихъ, пропадаетъ опдѣльно или чувствованіе или движеніе въ часпяхъ, снабженныхъ сими нервами. Впорой порядокъ заключаецъ въ себѣ двѣнадцатую, шестую и претью пару мозговыхъ нервовъ. Всѣ сїи нервы имѣють шолько одинъ корешокъ, передній. Также всѣ сїи нервы исключительно назначены для произвольнаго движенія, и когда ихъ перерѣжущъ, тогда часпи, получающія сїи нервы, перяють движеніе, зависящее опть воли. Третій порядокъ вмѣщаецъ одиннадцатую, десятую, седьмую и четвертую пару нервовъ мозга. Всѣ сїи нервы соприкасаются къ боковой колоннѣ нервныхъ центровъ, и всѣ они опредѣлены для одного шолько дыхательнаго движенія, и если ихъ перерѣзаць, то пропадаетъ въ часпяхъ, сими нервами снабженныхъ, дыхательное движеніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для большаго поясненія занимательныхъ результатовъ, выведенныхъ изъ розысканій М. Бея.

Два главные нерва идуць на лице: одинъ естъ нервъ пятой пары, а другой седьмой пары мозга. Если у живаго живошпаго перерѣзаць пятую пару, то вся чувствительность и всякое произвольное движеніе въ ли-

цѣ потчасъ пропадаетъ, а между тѣмъ движенія въ лицѣ, соотвѣствующія дыхательнымъ движеніямъ, какъ то движеніе ноздрей, еще остаются; а если разрѣжеть седьмая пара, то чувствительность и произвольныя движенія въ лицѣ остаются, а только прекращаются однѣ дыхательныя.

Двѣ мышцы, которыя содѣйствуютъ возвышенію груди въ напряженномъ усиліи дыханія, и слѣдовательно расширяють грудь, суть трапеція и ключично - грудо - сосковая (*trapezius et sternocleidomastoideus*). Независимо отъ нервовъ спиннаго мозга, которые сіи мышцы получаютъ, какъ и всѣ прочія мышцы спина, идетъ еще къ нимъ особенный нервъ спинной или придапочный, который раздѣляется исключительно въ сихъ мышцахъ. Всѣ знаютъ особенный ходъ сего нерва, который произойдя отъ шейной части спиннаго мозга и всегда съ боковой его линіи, какъ и всѣ нервы, названные М. Белемъ дыхательными, восходитъ въ черепъ чрезъ затылочное отверстіе и потомъ возвращается назадъ чрезъ то же отверстіе, чрезъ которое и нервъ блуждающій. Теперь если у живаго животного перерѣжеть сей нервъ, то два мускула, къ которымъ идетъ онъ, сохраняють еще свое движеніе, отъ воли зависящее, поелику

они получают сіи нервы отъ спинныхъ паръ, но они не содѣйствуютъ болѣ дыхательному движенію: они тогда теряютъ способность, въ соединеніи съ другими, поднимать грудь.

Языкъ получаетъ до трехъ паръ отдѣльныхъ нервовъ: одну въпвь отъ пятой, девятую пару или нервъ языкоглоточный и двѣнадцатую пару или большой нервъ подъязычный, и изъ всякой пары сихъ нервовъ онъ получаетъ особенныя способности: чувствительность отъ пятой, произвольное движеніе отъ двѣнадцатой, а движеніе глотанія, относящееся къ дыхательнымъ, отъ девятой.

Наконецъ есть еще движеніе круговращательное яблока глазнаго — движеніе, чрезъ которое глазъ поднимается и заводится подъ верхнее вѣко. Сіе движеніе есть совершенно отличное отъ произвольнаго движенія глаза, и болѣ связано съ дыхательными движеніями; ибо наиболѣ происходитъ оно при сильныхъ вздохахъ и при послѣднихъ усиліяхъ дыханія. Теперь для сего отдѣльнаго движенія, отличнаго отъ произвольныхъ, но связаннаго съ движеніями дыхательными, есть еще особенный нервъ, отличный отъ прочихъ сподъ

многочисленныхъ , глазной впадины — это нервъ , который беретъ свое начало отъ той же боковой линіи, отъ которой начинаются всѣ дыхательные нервы , и сей нервъ есть нервъ четвертой пары мозга. — Я бы могъ войти въ подробности о семъ важномъ дѣлѣ, но я особенно хотѣлъ коснуться здѣсь только великихъ открытій , коими Бель обогатилъ науку , ш. е. замѣчательнаго открытія , отличительныхъ отправленій двухъ нервовъ лица, а еще болѣе замѣчательнаго , что всѣ дыхательныя движенія зависятъ отъ порядка нервовъ , отъ обыкновенныхъ различнаго , открытія , что всѣ сіи нервы дыхательнаго движенія берутъ свое начало отъ боковой колонны мозговыхъ центровъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе нервы, служащіе къ чувствованію, или произвольному движенію , берутъ свое начало отъ колоннъ заднихъ или переднихъ, и сверхъ сихъ еще открытія , сколько новаго , столько важнаго, которое приписываетъ нервамъ отличительныя свойства , ш. е. не столько цѣлому нерву, сколько каждой ниточкѣ, каждому корешку, каждому первоначальному элементу нервовъ.

Въ самомъ дѣлѣ , большая часть анапомическихъ случаевъ, на которыхъ основывается

ся Бель, извѣстны были прежде: знали уже послѣ Монро, что узлы нервовъ спинныхъ принадлежатъ къ заднимъ корнямъ, — послѣ Санкторія и Вризберга, что пятая пара мозга имѣетъ два корешка, какъ и нервы спинные. Прохаска и Земмерингъ показали большое сходство, по которому подходить близко первый къ прочимъ, и замѣчено было, что извѣстные нервы мозга начинающіяся однимъ переднимъ корешкомъ, а другіе боковымъ; но всѣ сіи обстоятельства, изъ которыхъ или ничего не было выведено, или выведены были однѣ пустыя и даже ошибочныя догадки, какъ напр. приписывали нервнымъ узламъ свойство преграждать нервамъ путь къ обнаруживанію произвольныхъ движеній и чувствительности, послужили Белью къ открытію, что корни съ узлами единственно служатъ для чувствованія.

Хотя справедливо, что опыты Беля не распространили еще равнаго свѣта на оппавленія, свойственныя каждому изъ нервовъ, такъ напр. Бель ничего не присоединилъ къ тому, что знали оппосительно первой пары нерва обонятельнаго, оппосительно второй, или нерва зрительнаго, оппосительно третьей и шестой,

или нервовъ , движущихъ глаза , относительно осьмой пары, или слуховаго десятой пары, или нерва скипающагося и проч. Онъ оставилъ большой симпатическій нервъ въ совершенной темнотѣ и даже для прочихъ нервовъ его опыты не всегда чисты и точны. Такъ въ седьмой парѣ онъ вѣрно не оплечилъ роль его , зависящую отъ воли , приписываемую для извѣстныхъ движеній , отъ роли произвольной , въ другихъ случаяхъ замѣченной имъ же , такъ въ четвертой парѣ много еще не доказано, что нервъ сей дѣйствуетъ на мускуль, въ который онъ входитъ , чрезъ ослабленіе его , а не чрезъ напряженіе. Сверхъ того не довольно еще прояснено все то, что касается до относительной безчувственности нервовъ при боковыхъ ихъ корешкахъ; то же должно сказать и о нервныхъ нипочкахъ , о грудобрюшномъ нервѣ, о наружномъ дыхательномъ и прочихъ спинныхъ нервахъ ; ибо все сіе одолжено сообразно его теоріи , гипотезѣ , которая впрочемъ не имѣетъ еще противоположнаго , гипотезѣ той самой , что всѣ нервы дыхательныхъ движеній берутъ свое начало отъ боковой колонны спиннаго мозга , и открытію, что всѣ вышеозначенные мною нервы берутъ свое начало отъ передней и

задней колонны спинного мозга. Съ одной стороны М. Бель весьма много соглашается съ догадками и выводами, взятыми изъ одной Анапомии. Вирочемъ ни одинъ ученый не понялъ лучше его замѣшательства, въ которомъ оставляли Анапомии даже до сего времени характеры, свойственные различнымъ нервамъ. Съ другой стороны онъ соглашается весьма мало съ опытносцію, и много довѣряетъ Французскому Физиологу Мажанди, который раздѣляетъ съ нимъ славу одного изъ самыхъ блистательныхъ его открытій, открытія отдѣльнаго опшравленія переднихъ и заднихъ корешковъ спинного мозга.

М. Бель имѣетъ самую постояннѣйшую методу доходить до открытій чрезъ соглашеніе познанныхъ уже фактовъ и опыскивать въ семь соединеніи, всегда болѣе или менѣе смѣшенномъ съ догадками, опчесы, кои ему кажутся вѣрными и точными, что-бы начинать дѣлать опыты и опъ нихъ восходить до опытныхъ открытій. Но ходъ несравненно вѣрнѣйшій былъ бы придержи-ваться однихъ только данныхъ и пускаться въ догадки, или по крайней мѣрѣ употреб-лять ихъ для того, чтобы быстрѣе дохо-дить до новыхъ открытій, а считать за фак-

ты только то, что доказалъ опытъ. Конечно важна услуга наукъ выдумать догадку, и догадку счастливую, т. е. такую, которая подтверждается опытностію; но несравненно большая будетъ заслуга наукъ изыскать опыты, приводящіе къ догадкѣ.

Но каковы бы ни были несовершенства метода, мною предложеннаго здѣсь, совокупность изслѣдованій М. Беля считалъ должно за величайшій шагъ, сдѣланный имъ относительно анализа оппавленій, свойственныхъ различнымъ нервамъ; и его твореніе останется какъ одно изъ рѣдчайшихъ въ Медицинской литературы и составитъ эпоху въ лѣтописяхъ Физиологіи.

С. О Ж И З Н И.

3. ПИСЬМО КЪ ОДИНАРНОМУ ПРОФЕССОРУ, МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МАКСИМОВИЧУ,

отъ Адъюнктъ-Профессора Козьмы Лебедева.

Ничего такъ мало люди не знаютъ, ничего лучше не любятъ продолжать и ничего столь мало не берегутъ, какъ собственную жизнь, говоритъ Ла - Бруйеръ.

Въ физиологическомъ отношеніи жизнь была разсмащиваема двоякимъ образомъ :

1. Какъ причина жизненныхъ дѣйствій. Съ сей точки зрѣнія смотрѣли на нее Гиппократъ, принимавшій существованіе въ тѣлѣ человѣческомъ особенной силы, названной имъ *Энормонъ*; Галенъ, — послѣдователь Спиритуальнаго ученія, кромѣ *пневмы*, допускавшій еще три главныхъ силы: *жизненную*, находящуюся въ сердцѣ — *животную*, имѣющую мѣстопробываніе свое въ мозгу, и *натуральную*, которой удѣломъ назначена печень; Парацельсъ и Гельмонтъ, называвшіе сію силу *археемъ*, котораго главное мѣсто-

пребываніе есть желудокъ; Эрнестъ Шпаль, пневму и архея замѣнившій названіемъ *душа*; Робинзонъ, полагавшій причиною жизни *эвиръ*; Глиссоній — *жизненные духи*; Плапнеръ — *нервный духъ*; Дарвинъ — *силу чувственную*.

2. Какъ самыя жизненные дѣйствія. Въ семь отношеніи разсматривали жизнь Биша, Ленгоссека, Аделонъ и многіе другіе.

Жизнь, говоритъ Биша, есть совокупность оппращеній, которыя прошивустоятъ смерти.

Но такъ опредѣлять жизнь, замѣчаетъ, и весьма справедливо, Кайлью, значить говорить: жизнь не есть смерть, или: жизнь есть совокупность оппращеній, поддерживающихъ жизнь; ибо оппращенія прошивустоятъ смерти. Коротко, значить говорить: жизнь есть жизнь.

По мнѣнію Ленгоссека, жизнь есть такая дѣятельность (*operatio*) организма, въ которой всѣ доселѣ извѣстныя и еще неизвѣстныя встрѣчающіяся измѣненія (*modifications*) силъ, и совокупнымъ согласнымъ дѣйствіемъ сихъ силъ производится то, что мы называемъ жизненнымъ процессомъ. Символъ самымъ процессомъ, который возбуждается безпрестаннымъ дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній, кромѣ невѣсомыхъ, свойствен-

ныхъ цѣлой природѣ, производима особое не-
вѣсомое, повинующееся собственнымъ зако-
намъ и извѣстное подъ названіемъ *жизненна-*
го невѣсмага (*imponderabile bioticum*). Поч-
тенный Профессоръ Е. О. Мухинъ называ-
етъ оное *Biodinamia*.

Жизнь, говоритъ Аделонъ, есть образъ
существованія, по которому человекъ сохра-
няетъ себя какъ *особь* (*individuum*) чрезъ
питаніе, какъ *родъ*, чрезъ воспроизведеніе,
и который онъ проходитъ въ продолженіе
своего бытія, разграниченнаго разными, но
постоянными эпохами, извѣстными подъ на-
званіемъ *возрастовъ*.

Но сіе понятіе о жизни справедливо въ
обширномъ только его значеніи и никакъ не
можетъ быть опнесено къ жизни каждой
особи порознь: жизнь особи можетъ продол-
жаться безъ воспроизведенія. Припомъ по-
нятіе сіе описываетъ только наружныя яв-
ленія жизни, не выражая ея сущности.

Гумбольдтъ, Шпренгель, Рихтеръ, Про-
хаска и другіе полагаютъ, что жизнь есть
явленіе, однозначнаштельное съ явленіями
гальванпческаго снаряда.

Профессоръ Ловецкій, разбирая мнѣнія о
жизни, говоритъ, что теорія, допускающая
сходство жизненнаго процесса съ дѣйствіями

гальваническаго снаряда, имѣеть болѣе вѣроятія, слѣдовательно ближе къ истинѣ.

По мнѣнію Дюпроше, жизне-дѣятельность, или жизнь есть электричество.

Если жизнь разсматривать какъ причину жизненныхъ дѣйствій, то опредѣленіе сіе отчасти справедливо. Но такое разсматриваніе не даетъ точнаго понятія о сущности жизни.

Кайльо полагаетъ для жизни животныхъ необходимыми слѣдующія условія :

1. Особенную организацію, или строеніе тѣла.
2. Опправленія, зависяція отъ сей организаціи.
3. Начало движущее и сохраняющее первую и послѣднія.

Но сихъ условій для жизни животныхъ недоспапочно; ибо при совершенной организаціи, слѣдовательно и нормальныхъ опправленіяхъ, безъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліаній, жизнь въ короткое время угасаетъ. Опнимите у животного воздухъ, и оно тотчасъ умираетъ.

Полныя условія для жизни животныхъ суть:

1. Опредѣленный составъ животного тѣла.
2. Организація, сообразная роду животного.

3. Внѣшнія вліянія, также приличныя роду живошного вообще, и свойственныя, необходимыя въ особенності для нѣкопрыхъ органовъ порознь.

Но и сіи условія еще не объясняютъ, въ чемъ состоить сущность жизни, или опличительная черта, опредѣляющая границы между живошнымъ шѣломъ живымъ и мертвымъ.

Что же составляетъ сущность жизни?

Вопросъ сей представляетъ главную фізіологическую задачу.

Я не беру на себя рѣшить сію задачу, сполько вѣковъ занимающую великихъ мыслителей. Мое намѣреніе, при наспоящемъ случаѣ, изложить слѣдующія положенія, принимаемая мною въ основаніе фізіологическихъ изслѣдованій.

1. Вещество, составляющее видимую нами вселенную, живо, и причина дѣятельности его заключается въ немъ самомъ, или другими словами, въ его свойствахъ, съ копорыми оно создано Творцемъ.

2. Жизнь или дѣятельность не иначе можешь обнаруживаться, какъ сполько между двумя или многими разнородными веществами.

Изъ сихъ двухъ главныхъ положеній вытекающихъ слѣдующія :

3. Сколько различно вещество дѣйствующее , столько же различны и самыя дѣйствія.

4. Чѣмъ разнороднѣе между собою вещества дѣйствующія , тѣмъ жизнь явственнѣе.

Вотъ почка зрѣнія, съ которой будешь разсмаприваться предметъ насшоящаго разсужденія.

Чтобы убѣдился въ истинности перваго положенія, бросимъ общій бѣглый взглядъ на всѣ царства природы , въ ихъ восходящемъ порядкѣ.

Воздухъ , по видимому вещество недѣятельное, или безжизненное, при тщательномъ изслѣдованіи , дѣйствительно оказываетъ явственные признаки жизни. Въ его дѣятельности не лзя сомнѣваться , потому что все растворимое , поступаая въ него , чрезъ непродолжительное время пресуществляется въ его природу. Смѣшайте съ воздухомъ какой-либо газъ , напр. селитротворъ , углетворъ (разумѣется до извѣстнаго количества : ибо чѣмъ больше будетъ примѣси , тѣмъ болѣе потребно времени для пресуществленія оной въ природу воздуха), и попомъ

сдѣлайте испытаніе эвдіометромъ; ничего не найдете, кромѣ обыкновеннаго воздуха.

Въ минералахъ самодѣятельность вещества гораздо очевиднѣе. Определенное, всегда постоянное строеніе внутреннее и образованіе внѣшнее минерала доказываютъ дѣятельность вещества, изъ котораго онъ состоитъ.

Самодѣятельность веществъ растительныхъ и животныхъ не подвержена сомнѣнію.

Теперь предлежитъ рѣшить важнѣйшій по многимъ отношеніямъ вопросъ: почто ли дѣйствуетъ во всѣхъ царствахъ природы само вещество, или въ веществахъ находится особенная дѣйствующая сила, совершенно отъ онаго отличная и по сущности противоположная, которая приводитъ вещество въ движеніе?

Отвѣтомъ на сіе будутъ слѣдующія разсужденія о послѣднихъ трехъ положеніяхъ.

Разсматривая движенія, совершаемыя веществомъ, видимъ, что онъ имѣетъ многообразіе и многосложнѣе, чѣмъ разнороднѣе и вмѣстѣ многосложнѣе вещество. Однородныя вещества не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ движенія. Доказательствомъ сему служитъ соединеніе нашатыря съ нашатыремъ; соединеніе же щелочи съ кислотою обнаруживается явственнымъ движеніемъ.

Образованіе кристалловъ сопровождается болѣе разнообразными и продолжительными движеніями. Растворъ нашатыря, помѣщенный между стеклами солнечнаго микроскопа, представляетъ занимательное зрѣлище. Въ бѣломъ кругѣ, опраженномъ на спѣнкѣ, вскорѣ показывающіяся почки, мало по малу увеличивающіяся и принимающія опредѣленныя формы — игольчатыя. Вещество въ однихъ мѣстахъ присоединяется въ болѣе, въ другихъ — меньшемъ количествѣ, и превращается въ кристаллы. Точно также образуются кристаллы на шлѣ, погруженномъ въ крѣпкій растворъ поваренной соли. Первоначально на погруженномъ шлѣ появляющіяся плѣнки, которыя потомъ возрастають, увеличивающіяся въ одинаковой формѣ и составляють опредѣленные кубическіе кристаллы. Представимъ еще примѣръ: растворъ какой-либо соли вливается въ стекла солнечнаго микроскопа и выпаривается посредствомъ солнечныхъ лучей. Растворъ сей мало по малу сгущается и осаждаетъ видимымъ образомъ кристаллы въ слѣдующей постепенности: сперва видна только шуманная масса, потомъ пятна, которыя кажутся еще неразграниченными, наконецъ являющіяся маленькіе кристаллы, чрезъ присоеди-

неніе шуманнаго вещества болѣе и болѣе увеличивающіяся. Процессъ сей обыкновенно до шѣхъ поръ продолжается, пока или стекла помѣщаютъ образованію кристалловъ, или изъ раствора испощается все вещество, для сего нужное.

Образованіе плѣсени представляетъ еще болѣе любопытное и занимательное явленіе. Положите персикъ въ мѣсто сырое, безсвѣтное, температурѣ 17 градусовъ, и вы увидите, какъ онъ въ короткое время покрывается растительнымъ веществомъ — плѣсенью. Сіе вещество образуется въ видѣ волоконъ или трубочекъ, которыя высовывающіяся наподобіе иголокъ. Трубочки сіи съ удивительною быстротою и почти молніеобразно показываются въ большомъ количествѣ и совершаютъ особаго рода движенія, совсѣмъ не по направленію печенія воздуха. Упадая, онѣ ломаются въ видѣ различныхъ фигуръ, и такимъ образомъ составляютъ различные сплетенія. Если дунуть на онія слишкомъ теплымъ воздухомъ, то процессъ рращенія останавливается; при должныхъ же условіяхъ плѣсень вырастаетъ на шри и чешыре линіи.

Ежели будемъ перебирать всѣ вещества растительныя и животныя: то вездѣ

увидимъ, что движенія шѣмъ разнообразнѣе и многосложнѣе, чѣмъ разнороднѣе и многосложнѣе вещество. Слѣдовательно причины движенія должно искать не въ иномъ чемъ, какъ въ самомъ веществѣ. И если бы въ самомъ дѣлѣ всѣ движенія, замѣчаемыя при образованіи веществъ въ извѣстныя опредѣленныя, каждому веществу особенно свойственныя, формы, зависѣли отъ такъ называемой образовательной силы (*vis formativa*), которая по сущности своей должна бытъ одна и та же во всѣхъ шѣлахъ; то неминуемо встрѣялись многіе неразрѣшимые вопросы. Такъ, на примѣръ, почему одна и та же образовательная сила одному веществу даетъ такую форму, а другому совсѣмъ иную? При томъ, отъ чего образовательная сила не производитъ одинаковыхъ движеній при составленіи каждаго вещества, но движенія сіи видимо подчинены качеству веществъ? Это явно показываетъ, что образовательной силы, отдѣльной отъ вещества, нѣтъ. Тоже должно сказать и о жизненной силѣ (*vis vitalis*), которой бытіе доселѣ ничѣмъ не доказано, и которая не иное что есть, какъ свойство растительнаго и животнаго вещества. Въ доказательствахъ сего мнѣнія недоспадка нѣтъ. Разсмотримъ. Расте-

пелльное и животное вещество коль скоро измѣняется въ своемъ соспавѣ и организаціи, пошчасъ измѣняется и въ жизненныхъ явленіяхъ или дѣйствіяхъ. Возьмемъ въ примѣръ воспалительную горячку — болѣзнь, состоящую въ усиленномъ кровотовореніи и плотоотво- реніи, обнаруживающихся увеличенными полношю, плотиношю и теплошю тѣла. По мѣрѣ возрастанія упомянутыхъ процессовъ всѣ жизненные обнаруживанія увеличиваются. Въ истинѣ сего убѣдиться не- труднo и съ другой, болѣе еще опытной стороны. Удалише отъ спраждающаго сею горячкою всѣ условія, при которыхъ кровото- твореніе и плотоотво- реніе усиливаются, какъ-то: сухой и избытокъ кислотоворомъ воздухъ, животною и вообще питательною и раздражающую пищу и питье; окружише больного атмосферою сыровою и холодно- вагою до 12 и даже 10 градусо- вь выше нуля, малоокислотоворенною и малоосвѣщенною; дай- те для питья воду, которая препятствуетъ переходу влаги въ плотный соспавъ; употребише растительныя кислоты, избы- токъ углешвомъ, раскисляющимъ животно- органическое вещество; дай- те щелочи, разрушающія плотоотво- реніе: вы пошчасъ увидите, что кровототвореніе и плотоотво- реніе

начнутъ мало помалу ослабѣвать, а въ слѣдъ за симъ неминуемо уменьшающагося количества, плотности и теплота, съ уменьшеніемъ коихъ уменьшаются и всѣ жизненные обнаруживанія. А это ясно показываетъ, что жизненная сила не управляетъ веществомъ, но совершенно подчинена ему, или справедливѣе сказать, жизненной силы нѣтъ, а дѣйствующее вещество по своей сущности.

Слѣдовательно *жизненная сила* не иное что есть, какъ проявленіе дѣйствіи вещества. Если же такъ, то по какому праву предполагать существованіе силъ, дѣйствующихъ въ вещество? На чемъ основывается мысль, будто животное тѣло состоитъ изъ веществъ и силъ, какъ двухъ раздѣльных, другъ другу противоположныхъ, (substantia) сущностей?

Подъ именемъ *силъ* я здѣсь разумѣю такъ называемыя жизненные силы, а не высшую силу, которая въ человѣкѣ составляетъ другую его природу духовную, безсмертную, божественную, и для которой живое тѣло его служитъ орудіемъ, посредствомъ коего она обнаруживаетъ свои дѣйствія въ мірѣ физическомъ. Сія духовная природа человѣка, чувствуемая нами въ своемъ бытіи и непостижимая въ своей сущно-

спи, есть предметъ, изслѣдованіемъ котораго занимается особенная наука — Психологія, и находящаяся внѣ сферы нашихъ пеперешнихъ разсужденій, ограничивающихся однимъ живымъ живошнымъ вещеспвомъ.

Положимъ, нѣтъ силъ, дѣйспвующихъ въ вещеспвѣ; что же приводитъ вещеспво въ движеніе? Отвѣтъ простой: сущность вещеспва такова, что онъ, дѣйспвуя одно на другое, другъ друга или притягивающъ, или отталкивающъ.

Какія же первоначальныя вещества, изъ соединенія коихъ произошли всѣ прочія? Многіе отвѣчаютъ: свѣтопворъ и теплопворъ, копорые, соединяясь между собою, соспавляютъ элекспричеспво. Опытность подтверждаетъ сіе мнѣніе. Дѣйспвительпо, элекспричеспво у своихъ полюсовъ разрѣшается на сіи два вещества, т. е. на свѣтопворъ и теплопворъ. Свѣтопворъ спремится къ полюсу сѣверному, а теплопворъ къ южному. При семъ спремленіи свѣтопвора и теплопвора въ видѣ элекспричеспва къ полюсамъ происходитъ образованіе новыхъ веществъ, именно: у полюса сѣвернаго образуется кислпворъ, а у южнаго водопворъ. Изъ

предыдущаго видно, что кислоторъ одного значенія съ свѣшотворомъ, а водотворъ съ теплотворомъ. Такъ какъ сѣверный полюсъ имѣетъ свойство припягивать, а южный оппалкивать: то кислоторъ дѣйствуетъ по закону припяженія, а водотворъ оппалкиванія. Въ слѣдствіе сего тѣла, образующіяся у сѣвернаго полюса, имѣютъ свойство сокращаться, сжимаются; а у южнаго — расширяются. Распеніе на споронѣ, обращенной къ свѣшу, бываетъ обыкновенно плотнѣе и сгѣбается; слѣдовательно свѣшъ видимо есть свойства сократительнаго. Тѣла, образовавшіяся собственно въ значеніи свѣшотвора, кислотора, припяженія, при образованіи формъ своихъ принимаютъ направленіе къ полюсу сѣверному, а въ значеніи теплотвора, водотвора, оппалкиванія — къ южному. Такъ нашатырь, состоящій изъ аммонія, соляной кислоты и воды, при образованіи своихъ кристалловъ имѣетъ направленіе къ полюсу сѣверному, а аммоній, который состоитъ изъ водотвора и селитротвора, стремится къ полюсу южному.

Сія теорія о первоначальныхъ веществахъ, при всей строгой послѣдовательности излагаемыхъ ею понятій, подтверждаемыхъ опытомъ, не имѣетъ общей справедливости:

ибо, кромѣ принимаемыхъ ею первоначальныхъ веществъ неразложенныхъ, есть много другихъ, которыя также должны быть приняты, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, за первоначальныя или основныя.

Только то оспается несомнѣннымъ, что образованіе тѣлъ явственнo происходитъ по законамъ притяженія и отталкиванія, которыя извѣстны также подъ названіемъ силъ притягательной (*vis attractiva*) и отталкивательной (*vis repulsiva*).

По закону притяженія вообще всѣ тѣла составляются, а по закону отталкиванія онѣ другъ отъ друга отдѣляются и производятъ особи (*individua*). Почему каждая особь принимаетъ ту, а не другую форму, сего доказать не лзя: по несовершенству нашихъ орудій, мы не въ состояніи сдѣлать точнаго различія между веществомъ одной особи и другой, хотя таковое различіе должно быть.

Въ томъ однако, кажется, не лзя сомнѣваться, что разность тѣлъ, имѣющихъ особенную форму, зависитъ: 1. отъ различной пропорціи основныхъ первоначальныхъ веществъ, коихъ считается семь: при невѣсомыхъ, свѣтотворъ, теплотворъ и электричество; и четыре вѣсомыхъ. кисло-

творъ, водотворъ, селипротворъ и углетворъ. Мнѣніе сіе подтверждается опытомъ. Возьмите пять частей кислотвора и столько же водотвора: вы получите вещество, отличное отъ воды, которая для своего состава пребуесть двухъ частей водотвора и одну кислотвора. Тоже подтверждаетъ и простое наблюденіе: пропорція первоначальныхъ веществъ тѣла человеческого совсѣмъ не та, какова у животныхъ нисшихъ. Не безъ основательности можно думать, что даже особи рода человеческого, относительно различныхъ поколѣній и членовъ одного и того же поколѣнія, зависящъ отъ той же причины.

2. Отъ различной постепенности въ соединеніи основныхъ и вторичныхъ веществъ между собою. Такъ, пять частей кислотвора и пять водотвора составляютъ вещество другое, нежели пять частей кислотвора, и три, а пошомъ двѣ водотвора.

Теперь перейдемъ къ царствамъ растительному и животному.

Ежели разсмотримъ составъ тѣла, относящихся къ симъ двумъ царствамъ, видимо и сіи тѣла образуются по тѣмъ же двумъ законамъ. Только многосложное строеніе сихъ тѣлъ осложняетъ сіи законы, или иначе, законы сіи повтораются во многихъ органи-

ческих процессахъ. Такъ законъ припаяженія ясно видѣнь въ способности органическихъ тѣлъ принимать въ себя постороннія тѣла и уподоблять оныя себѣ, а законъ опшпалкиванія выражается опшпорженіемъ и изверженіемъ ненужнаго.

Положимъ, всѣ тѣла составились по вышеупомянутымъ двумъ законамъ; теперь спрашивается, что производитъ движеніе влагъ въ тѣлахъ органическихъ, котораго нѣтъ въ минералахъ? Сіе движеніе не отличается ли въ нихъ особенную какую-либо силу? Движеніе влагъ зависить опъ усшроенія содержащихъ оныя сосудовъ и совершается по закону припаяженія. Доказательствомъ сему опытъ: поставьте волосную трубочку въ жидкость, и вы увидите, что жидкость пойдетъ сама собою вверхъ по внутренности трубочки. Какая же причина сего явленія? Физики опвѣчаютъ: припаяженіе стѣнокъ трубочки. Сверхъ сего по же самое можно доказать непосредственнымъ опытомъ надъ распеніемъ. Возьмите вѣшвы, опдѣленную опъ своего цѣлаго и даже въ семь состояніи уже нѣсколько времени находившуюся (только чтобы составъ и спроеніе ея были не повреждены); поставьте оную въ воду, и вы легко замѣтите можете, что вѣшвы

вбираетъ въ себя сію жидкость, копорой нѣ-
копорая часть потѣмъ извергается чрезъ ис-
пареніе. Чему приписать сіе дѣйствіе опдѣ-
ленной вѣщви? Жизненной силѣ? Но ее можно
предположить только въ живомъ растеніи.
Могутъ сказать: вѣщвь опдѣленная еще жива.
Положимъ, но опытъ съ волосными трубками
оспаются неопровержимымъ. Въ стеклянныхъ
трубкахъ нельзя уже предположить жизнен-
ной силы; а между тѣмъ движеніе жидкости
совершается безъ всякой посторонней ме-
ханической помощи. Если же явленія совер-
шенно одинаковы, то и причина, оныя про-
изводящая, должна быть одна и та же.

Но есть другаго рода движенія, оп-
носящіяся къ движенію, замѣчаемому въ
цѣлыхъ частяхъ, или даже въ цѣломъ органи-
ческомъ тѣлѣ. Такъ, ночная красавица цвѣ-
теть только ночью, или въ темномъ мѣстѣ;
опъ малѣйшаго прикосновенія къ ней свѣта
она сжимается и процессъ цвѣтенія остано-
вливается. Такъ *hedysarum gyrans* ночью по-
койно, но въ свѣтлый день листы сего ра-
стенія одинъ за другимъ поднимаются и опу-
скаются. Если, хошя слегка, пронутъ ли-
стки растенія Непронь-меня: то всѣ они и
съ черешкомъ сгибаются внизъ. То же самое

замѣчается и въ берберисѣ: поколите тонкою иглою какой-либо изъ половыхъ его органовъ, и цѣлый цвѣтокъ приходитъ въ сокращеніе.

Чѣмъ объяснить сіи явленія? Сокращеніе распеній обыкновенно приписываютъ *силѣ раздражительной* или *раздражительности*, коей сущность, говорятъ, не извѣстна. Но какая польза объяснять не извѣстное другимъ, еще болѣе неизвѣстнымъ? Для изъясненія упомянутыхъ явленій сократительности должно обратить вниманіе на строеніе распеній и вещественныя измѣненія, при сихъ явленіяхъ въ распеніи бывающія. Посмотримъ, что производить уколъ иглою въ берберисѣ? Видимо разрушаетъ его строеніе. Здѣсь замѣтимъ, что органическія тѣла оплывающія въ составѣ опъ неорганическихъ тѣмъ, чію вещество ихъ не просто кристаллизовано, но находящаяся клѣпчатка, покрывающая и связывающая ихъ часпи. По разрушеніи клѣпчатки всѣ часпи въ положеніи своемъ измѣняются и опъ разрушенія первой явно происходитъ сотрясеніе послѣднихъ; нбо если поколотъ стволъ или корень, цвѣтокъ не измѣняется въ своемъ положеніи.

Симъ объясняются тѣ движенія, которыя происходятъ въ слѣдствіе непосред-

свеннаго прикосновенія къ растенію или даже опъ разрушенія его вещественности. Но опъ чего происходитъ сокращеніе цвѣтка ночной красавицы во время дня и при свѣтѣ? Опъ чего листы растенія *hedysarum gyrans* ночью покоятся, а днемъ, соотвѣстственно движенію солнца, послѣдовательно одинъ за другимъ поднимаются и опускаются? Какая причина сихъ движеній? Видимо свѣтъ и безъ сомнѣнія другія первоначальныя вещества, находящіяся въ атмосферномъ воздухѣ; къ сему послѣднему заключенію ведетъ простое наблюденіе: чѣмъ суше, теплѣе и наэлектризованнѣе воздухъ, тѣмъ явственнѣе и быстрѣе движенія совершаются. Слѣдовательно свѣтъ, теплота сухая и электричество въ отношеніи къ движеніямъ ночной красавицы, *hedysari gyrantis* и подобныхъ тоже, что прикосновеніе для Нептрона и разрушеніе клѣтчатки для бербериса. Дѣйствіе упомянутыхъ трехъ первоначальныхъ веществъ различно. Электричество натягиваетъ волокна, чрезъ что онѣ выпрямляются, и ускоряетъ движеніе соковъ; свѣтъ имѣетъ свойство сокращительное и увеличиваетъ приращеніе; теплота расширяетъ органическое вещество.

Но опъ чего при однѣхъ и тѣхъ же вліяніяхъ обнаруживаются нерѣдко противоположныя явленія? Такъ, всѣ почти растенія при свѣтѣ цвѣтуть, а ночная красавица не иначе можетъ цвѣсти, какъ ночью и въ темнотѣ. Такая противоположность въ явленіяхъ, можетъ быть, послужила поводомъ къ противоположнымъ сужденіямъ о дѣйствіи свѣта. И дѣйствительно, одни принимаютъ свѣтъ за начало сокращительное, а другіе за расширительное. Какъ же рѣшить сей споръ? Истина на сторонѣ первыхъ. Чѣмъ это можно доказать, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ приведенному примѣру? Тѣмъ, что цвѣтокъ ночной красавицы закрывается опъ сокращительнаго дѣйствія свѣта и напряженія электричества, соотвѣтственно устройству спиральныхъ его волоконъ; ибо расположеніе волоконъ цвѣтка таково, что чѣмъ болѣе онъ напрягается, тѣмъ болѣе цвѣтокъ долженъ сжиматься.

Изъ предъидущаго видно, что движенія въ растеніяхъ происходятъ по слѣдующимъ премъ условіямъ:

1. Движеніе соковъ по закону приптяженія въ слѣдствіе устройства сосудовъ.
2. Движеніе плотныхъ частей опъ вліянія электричества, свѣта и теплоты.

3. Разнообразныя движенія, происходящія отъ одного и того же вліянія, зависятъ отъ особеннаго строенія и расположенія волоконъ частей растенія.

Теперь надлежало бы приступить къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: какимъ образомъ совершаются движенія, споль многообразныя и многосложныя въ тѣлахъ животныхъ? Можно ли объяснить оныя по тѣмъ же двумъ законамъ: приращенія и оппалкиванія?

Но чѣмъбы рѣшеніе сихъ вопросовъ было удовлетворительнѣе, напередъ должно изслѣдовать, изъ чего состоятъ и какъ образуются животныя тѣла?

Разсмапривая составъ животнаго вещества, находимъ, что всѣ органы и части животнаго тѣла состоятъ изъ волоконъ, волокны изъ пучковъ, сіи изъ бляшекъ, похожихъ на снѣговья, а бляшки изъ кристалловъ въ видѣ усѣченныхъ пирамидъ. И въ ихъ образованіи соблюдается своя постепенность, какую мы видѣли въ образованіи соляныхъ кристалловъ и плѣсени.

Плодъ въ употребѣ матерней, по первоначальному соединенію основныхъ его веществъ: кислотвора, водоввора, углеввора и селитроввора, совершенно намъ неизвѣстному,

въ первое время своего бытія представляеть каплю жидкости, которая по законамъ физическимъ приспаетъ къ стѣнкамъ матки и какъ постороннее тѣло, раздражаетъ сосуды ея, оплагающіе въ слѣдствіе сего органическое вещество, — и капля растетъ постепенно, какъ минераль. Далѣе — опъ поглощенія всасывающими сосудами жидкихъ частей капля сія огустѣваетъ и представляеть, въ видѣ движущейся почки, мѣшечекъ наполненный буровато-красною жидкостью, опъ котораго въ послѣдствіи пропигиваются, наподобіе нитей, сосуды, содержащіе такую же жидкость. Въ семь періодъ развитія животный зародышъ представляеть распеніе, образовавшееся по закону соединенія и разложенія, или, что одно и то же, по закону приращенія и опшаккиванія. Опъ опложенія изъ маточныхъ сосудовъ тѣхъ же органическихъ окисловъ, но опъ различнаго присоединенія ихъ во времени, мало по малу образуются внѣшнія и внутреннія части, и въ половинѣ беременности, изъ растенія, имѣющаго видъ червя, зародышъ принимаетъ форму человека и получаетъ способность двигаться цѣлымъ тѣломъ. Но движеніе сіе мало опличаетъ опъ движенія полна. Наконецъ при дальнѣйшемъ

развитіи частей начинается образоваться нервная система и общее чувствительное. И чѣмъ болѣе образуется тѣло, тѣмъ явственнѣе и совершеннѣе обнаруживаются жизненные явленія.

Явствуетъ, что тѣло человѣческое преемственно проходить всѣ степени жизни видимой природы, и, въ полномъ своемъ образованіи, живетъ своею особою жизнью.

Посмотримъ теперь, точно ли опть тѣхъ же условій, какъ въ растеніяхъ, зависятъ всѣ движенія, замѣчаемыя въ животныхъ? Условія движеній въ тѣлахъ животныхъ дѣйствительно тѣ же самыя; только по причинѣ болѣе разнородности веществъ, входящихъ въ составъ животного тѣла, движенія въ немъ болѣе сложныя, болѣе скорыя и сильныя.

Чтобы увѣриться въ сего, изслѣдуемъ строеніе животныхъ тѣлъ, начиная съ самыхъ низшихъ, составляющихъ соединительное звено между царствами растительнымъ и животнымъ, и оканчивая совершеннѣйшими животными.

Полипъ, коихъ составъ есть студень, по точномъ изслѣдованіи, представляютъ однокачественную массу самой простой организаціи, имѣющую внутри полость,

которая служитъ вмѣсто пищеварительнаго канала. Другихъ орудій, кромѣ усовъ, въ полипахъ не замѣчено. По сему простому составу и организаціи, движенія сего животно-растенія чрезвычайно ограничены, такъ что всѣ онѣ обнаруживаются въ слѣдующихъ пяти видахъ: 1 й движеніе усами колебательное или круговращательное, явнымъ образомъ употребляемое полипами для добыванія себѣ пищи; 2 й движеніе расширительное всей его массы; 3 й сократительное, происходящее въ слѣдствіе вѣшняго на него впечатлѣнія, болѣе или менѣе сильнаго; 4 й всасывательное, посредствомъ котораго поступаютъ въ него вещества, нужныя для его питанія; 5 й извергательное, чрезъ которое полипъ освобождаетъ себя отъ ненужныхъ веществъ, въ немъ находящихся.

Всѣ сіи движенія совершаются чрезвычайно слабо по причинѣ мягкаго состава полипа; и всѣ онѣ зависятъ отъ тѣхъ же условій, при которыхъ совершаются движенія въ растеніяхъ. Разность ихъ происходитъ: 1 е отъ первоначальныхъ веществъ: въ полипѣ преизобилуетъ, какъ и вообще во всемъ животномъ царствѣ, селитропворъ, а въ растеніяхъ углетворъ; 2 е отъ организаціи.

Въ червяхъ , по составу своему весьма близко подходящихъ къ полипамъ , но представляющихъ видимо болѣе сложную организацію , является новое движеніе , котораго нѣтъ ни въ растеніяхъ , ни въ полипахъ. Посредствомъ сего движенія животное перемѣняетъ мѣсто.

По принятому нами способу объясненія движеній должно предположить , что въ червяхъ есть особенное вещество , котораго нѣтъ въ растеніяхъ и полипахъ. И дѣйствительно. Изъ анатомическихъ изслѣдованій извѣстно , что на пищеварительномъ каналѣ червя находится бѣлая нить , которая не иное что есть , какъ начальное появленіе въ животныхъ нервной системы. Сіе вещество видимымъ образомъ есть условіе мѣстоперемѣнительнаго движенія червя : по вырѣзаніи упомянутой бѣлой нити , всякое движеніе въ сѣмъ животномъ прекращается , не смотря на всѣ возможныя раздраженія.

Разсматривая другихъ животныхъ въ восходящемъ порядкѣ , легко можемъ видѣть , что чѣмъ болѣе находится въ нихъ нервныхъ нитей , узловъ и нервныхъ соединеній или сплетеній , тѣмъ многосложнѣе и совершеннѣе обнаруживаются движенія.

Подробное изслѣдованіе сего дѣла потребуетъ слишкомъ много времени, и пошому оно теперь не возможно. Остановимъ разсужденіе наше на разсмотрѣніи слѣдующихъ вопросовъ: что есть раздражительность, отъ которой зависятъ всѣ движенія въ животныхъ тѣлахъ, нервами одаренныхъ? И что есть чувствительность, отъ которой зависятъ разнаго рода ощущенія?

Раздражительность (irritabilitas) есть свойство живаго животного тѣла, по которому оно, при дѣйствіи внѣшнихъ вліяній, приходитъ въ состояніе движенія. Движеніе сіе двойное: 1 е частичное, совсѣмъ неподлежащее нашему чувствованію; 2 е движеніе массою, обнаруживающееся укороченіемъ или сжатіемъ животного вещества. Въ слѣдствіе сего раздражительность, которая въ сущности своей есть движеніе живаго животного вещества, представляется съ полною справедливостію въ двойномъ видѣ: 1 раздражительность сокровенная, 2 явственная. Внутреннее движеніе или сокровенная раздражительность начинается вмѣстѣ съ зачатіемъ животного и вообще органическаго вещества; движеніе внѣшнее или раздражительность явственная появляется уже при значитель-

номъ совершенствѣ образованія животнаго шѣла.

Галлерова раздражимельность однознача-
тельна съ упомянутою нами явственною
раздражимельностію, съ тою однако разницею,
что Галлеръ несправедливо приписываетъ
раздражимельность однимъ мышцамъ, точно
такъ какъ чувствительность (*sensibilitas*)
принимаетъ за особенную нервную силу. Но
чувствительность въ сущности своей есть
та же раздражимельность — свойство, ис-
ключительно нервной системою принадлежа-
щее; и посему можетъ и, кажется, должна
быть названа *раздражимельностію нервною*;
ибо въ существованіи чувствительности мы
увѣряемся только тогда, когда сдѣлано и
принято впечатлѣніе, т. е. когда произошло
въ первомъ веществѣ движеніе, доходящее
до общаго чувствилища; гдѣ же нѣтъ сего
движенія, тамъ и чувствительности нѣтъ и
быть не можетъ.

По различію сущности и формы живот-
наго вещества раздражимельность является
въ разныхъ степеняхъ. Мышечное вещество
преимущественно одарено ею; и пошому при-
рода употребляетъ сіе вещество въ значи-
тельныхъ массахъ тамъ, гдѣ нужно произво-
дить сильныя движенія. Кожа, клѣшчатка,

всѣ ткани сыворопочныя и слизистыя также не лишены раздражительности. Въ другихъ частяхъ живошнаго тѣла раздражительность менѣе замѣтна, а въ нѣкоторыхъ и совершенно не обнаруживается въ здоровомъ состояніи, какъ то: въ хрящахъ, особенно костяхъ. Впрочемъ питаіе, необходимое для поддержанія бытія сихъ частей, соотвѣтственно назначенію ихъ въ живомъ тѣлѣ, и чувствительность ихъ въ болѣзняхъ, чего безъ движенія живошнаго вещества, по крайней мѣрѣ внутренняго, быть не можетъ, — не оставляющъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и сіи части одарены раздражительностію сокровенною.

Для поддержанія сихъ движеній въ живомъ живошномъ тѣлѣ необходимы внѣшнія вліянія и пріемлемость (*receptivitas*), т. е. способность тѣла измѣняться отъ внѣшнихъ вліяній. Измѣненіе сіе первоначально бываетъ или со стороны формы живошнаго вещества, или со стороны его смѣшенія, смотря по тому, дѣйствуютъ ли внѣшнія вліянія механически или химически.

Вмѣстѣ съ сими измѣненіями всегда происходитъ отпорженіе живошнаго электрическаго и самаго вещества, за которымъ въ

то же мгновѣніе слѣдуетъ приливъ соковъ и самаго электричества.

Слѣдовательно актъ раздражимельности есть химико-электрическій процессъ.

Чтобы увѣриться въ сей истинѣ, обратимъ вниманіе на наблюденіе Г. Дюпроше, котораго знаменитый Кювье называетъ наблюдателемъ почнымъ и гениальнымъ. Дюпроше наблюдалъ, посредствомъ микроскопа и подъ водою водяную плѣсень, образовавшуюся на ранѣ, причиненной маленькой рыбѣ, которой онъ отрубилъ хвостъ, и замѣтилъ, что внѣшняя вода входила съ силою въ клѣточки, составляющія плѣсень, и вытѣсняла вещество, которое прежде въ нихъ находилось. Наблюденіе сіе подало ему мысль, что всякій полый органъ, когда онъ бываетъ погруженъ въ водѣ, имѣетъ свойство вбирать внутрь себя окружающую его жидкость, и вытѣснять изъ своей полости вещества, прежде сего въ ней находившіяся. Дюпроше старался подтвердить сіе опытомъ надъ опростковою кишкою цыпленка, которую наполнялъ молокомъ и погружалъ въ дождевую воду. Изъ сего опыта, нѣсколько разъ повтореннаго, Дюпроше замѣтилъ, что вода всегда проникаетъ сквозь стѣнки кишки внутрь ея. Явленіе сіе продолжается, пока

молоко начнетъ гнить ; и шѣмъ явственнѣе происходишь, чѣмъ жидкость, вливая въ кишку, болѣе густа, относительно къ жидкости виѣшней. Теченіе всегда начиналось жидкостью менѣе густою къ жидкости болѣе густой. Дюпротье также изъ опыта узналъ, что химическое свойство жидкостей столько же имѣетъ вліянія, какъ и густота ихъ, на направленіе теченія. Такъ, присутствіе щелочной жидкости въ полость органа постоянно производило теченіе внутрь; напротивъ, присутствіе кислой жидкости въ полости органа производило теченіе изнутри, іпакъ что теченіе всегда устанавливалось отъ кислой жидкости къ щелочной.

Въ томъ и другомъ случаѣ обѣ жидкости въ одно и то же время проникають стѣнки полого органа, только въ противоположномъ направленіи и съ неравною силою, такъ что стремленіе жидкости, виѣ полого органа находящейся, сильнѣе въ теченіи, начавшемся извиѣ внутрь, и напротивъ, жидкость, заключенная въ полости органа, сильнѣе стремится, когда начинается теченіе изнутри наружу.

Въ доказательство, что чисто электричество заставляетъ течъ, сквозь органическую ткань, жидкость менѣе густую, на-

правляя ее къ жидкости болѣе густой, Дюпроше приводитъ слѣдующія сужденія: 1е прикосновеніе тѣлъ, имѣющихъ различную плотность, всегда есть причина электричества; 2е электричество ускоряетъ теченіе жидкостей и обращеніе ихъ въ пары; 3е опытъ Поррета, который разградилъ сосудъ на два отдѣленія, посредствомъ тонкой ткани, и одно изъ отдѣленій наполнилъ водою, а въ другое влилъ только нѣсколько капель жидкости; потомъ приведши въ соприкосновеніе положительный полюсъ гальваническаго столбика съ отдѣленіемъ, наполненнымъ водою, а полюсъ отрицательный съ содержащимъ только нѣсколько капель жидкости, замѣнилъ, что вода проходила сквозь ткань изъ перваго отдѣленія во второе; 4е Порретъ производилъ попеременно явленія, и теченіе извнѣ и извнутри, сообщая въ первомъ случаѣ отрицательный полюсъ столбика гальваническаго съ жидкостью, наполняющею полый органъ, а полюсъ положительный съ внѣшнею жидкостью; во второмъ случаѣ напротивъ, полюсъ положительный съ внутреннею жидкостью, а отрицательный со внѣшнею. Такимъ образомъ теченіе электрическое устанавливается и начинается съ поверхности, находящейся въ положитель-

номъ электричествѣ, къ поверхности съ электричествомъ отрицательнымъ. Следовательно печеніе извнѣ бываетъ, если внутренняя поверхность полаго органа находится въ состояніи отрицательнаго электричества, а наружная — положительнаго; и наоборотъ, печеніе бываетъ изнутри, ежели наружная поверхность имѣетъ электричество отрицательное, а внутренняя — положительное. Для большаго доказательства сей теоріи Дюпроше дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: ежели возвышенная температура съ большею силою производитъ печеніе извнѣ; то извѣстно также, что возвышенная температура усиливаетъ печеніе электрическое, происходящее отъ взаимнаго прикосновенія двухъ металловъ.

Такимъ образомъ Дюпроше объясняетъ обращеніе влаги, процессы всасыванія и испаренія, отдѣленія и питанія, какъ въ растеніяхъ, такъ и въ животныхъ.

Мнѣніе Дюпроше, кажется, не несправедливо. Есть много доказательствъ опытныхъ, что всѣ движенія въ животномъ мѣстѣ дѣйствительно совершаются печеніемъ электричества. Но о семъ будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Здѣсь же предлежитъ къ рѣшенію слѣдующій вопросъ : какимъ образомъ при одномъ и томъ же двигателѣ — электричествѣ , животноныя, начиная съ червей, имѣютъ способность перемѣнять мѣсто , а въ растеніяхъ сего нѣтъ; при томъ движенія въ животноныхъ однѣ совершаются по ихъ произволу, а другія напротивъ ?

Способность или свойство животнонаго тѣла перемѣнять мѣсто обнаруживается первоначально въ червяхъ. У сихъ же животноныхъ, какъ выше было замѣчено, въ составѣ ихъ тѣла появилось вещество , котораго нѣтъ ни въ растеніяхъ , ни въ животно-растеніяхъ. Вещество сіе есть нервное , содержащее въ себѣ электричество ; тѣ только внѣшнія вліянія , которыя своею силою способны опшорганъ нервное электричество червя , производятъ въ немъ мѣсто-перемѣнятельное движеніе , которое по простому спроенію нервнаго вещества у червей имѣетъ только почти одно волнообразное направленіе. Таковое движеніе, исключая мало-важныя разности , производится всѣми животноными суславчатоногими. Въ бѣльшей обширности развила нервная система у слизняковъ; главная связь нервовъ находится у нихъ вообще въ брюшной полости, а центральныя

части лежатъ при желудкѣ. Мѣсто перемѣнительное движеніе сихъ животныхъ обнаруживается гораздо въ большихъ видоизмѣненіяхъ.

Но въ животныхъ, у которыхъ нервная система развита въ обширнѣйшую сферу, распространена почти по всему тѣлу и образовались высшіе центры: мозгъ, мозжечекъ, и спинной мозгъ, движенія обнаруживаются чрезвычайно разнообразныя, и припомъ многія изъ нихъ совершаются по произволу животного.

Ясно, что съ образованіемъ мозга обнаруживаются произвольныя движенія. Доказательствомъ, что произвольныя движенія зависятъ отъ мозга, нервовъ и спинного мозга, служатъ еще наблюденіе и опытъ. Различныя поврежденія мозга, прекращенное дѣйствіе нервовъ и спинного мозга, посредствующихъ между мозгомъ и мышцами, видимымъ образомъ нарушаютъ и совершенно прекращаютъ произвольныя движенія. Роландо, Флуренсъ и другіе Физіологи вынимали у живыхъ животныхъ довольно значительную часть мозга — и сіи животные совершенно лишались произвольныхъ движеній.

Реди, Фонтана видѣли черепахъ, бѣгающихъ по отсѣченіи головы. По сказанію Геродіана, спроусы, которыхъ заспавляли

бѣгають въ циркъ предъ Императоромъ Коммодомъ, опсѣкавшимъ у нихъ головы, пробѣгали нѣсколько минутъ безъ головы. Есть много и другихъ подобныхъ симъ наблюдений, изъ которыхъ видно, что животныя и по отнятіи головы продолжаютъ движенія. Но таковыя наблюденія не могутъ служить опроверженіемъ предложеннаго мнѣнія: ибо движенія въ представленныхъ примѣрахъ весьма безпорядочны и кратковременны.

Сверхъ двухъ упомянутыхъ видовъ раздражительности сокровенной и явственней, но произвольной, есть третья — раздражительность явственная произвольная.

Какимъ же средствомъ совершаются произвольныя движенія? Теченіемъ электричества, образующагося въ центральныхъ частяхъ нервной системы, и потому естественно долженствующаго называться электричествомъ нервнымъ или животнымъ. Что такое нервное или животное электричество? Оно есть вещество, подобное электричеству воздушному. Доказательствомъ сему, между многочисленными опытами, служитъ открытіе, сдѣланное Вейнгольдомъ, который замѣтилъ, что сближенные между собою концы разрезаннаго нерва издають искры. Отличается отъ воздушнаго электричества

пѣмъ, что не сообщается изъ внѣшней природы, но образуется въ самомъ живомъ организмѣ, и собирается не на поверхности пѣла, а въ центральныхъ частяхъ нервной системы, протекая по нервамъ. Откуда же оно происходитъ? Изъ волосообразныхъ сосудовъ артеріальной системы, точно такъ, какъ и прочія органическія вещества, служащія для питания пѣла: ибо количество его всегда находится въ прямомъ содержаніи съ питательнымъ качествомъ крови. Какимъ образомъ оно производитъ движенія? Теченіемъ своимъ отъ центральныхъ частей нервной системы въ подлежащія ей системы и органы, служащія для движенія. Что заставляетъ его имѣть такое теченіе? Вопервыхъ дѣйствіе внѣшнихъ вліяній; во вторыхъ дѣйствіе воли, совершенно сокрытое отъ нашего преслѣдованія.

Слѣдовательно два закона теченія нервнаго электричества отъ центра къ окружности. По одному закону теченіе нервнаго электричества слѣдуетъ за сдѣланнымъ отъ внѣшнихъ вліяній на окружные концы нервовъ впечатлѣніемъ. На семь законѣ основывается раздражительность непроизвольная. По другому закону теченіе нервнаго электричества происходитъ въ слѣдствіе дѣйствія

воли на центральный органъ нервной системы — мозгъ. На семь законѣ основывается раздражительность произвольная.

Впрочемъ сіи законы существенно другъ отъ друга не отличаются: въ томъ и другомъ совершается оппорженіе и вознагражденіе нервнаго электричества.

Чтобы яснѣе выразумѣть печеніе нервнаго электричества по упомянутымъ двумъ законамъ, слѣдуетъ разсмотрѣть строеніе нервовъ.

Центральныя части нервной системы, какъ единственный источникъ животноаго электричества, и нервы, состоящіе изъ безчисленнаго множества шариковъ, плавающихъ въ слизеобразномъ веществѣ ихъ, есть истинный гальваническій снарядъ въ живомъ животномъ тѣлѣ. Сходство нервовъ съ цѣпью наэлектризованныхъ шариковъ весьма разительна. Прикосновеніе къ крайнему изъ сихъ шариковъ производитъ во всѣхъ движеніе, очевидно по причинѣ опята электричества у перваго шарика и занятія симъ отъ слѣдующаго, и такъ преемственно. Отъ дѣйствія вѣшнихъ вліяній на концы нервовъ, копорые представляютъ въ цѣлой нервной системѣ крайніе шарики, также происходитъ въ живомъ животномъ веществѣ движеніе. И

чѣмъ соприкосновеніе другъ къ другу въ цѣпи находящіеся шарики, тѣмъ быстрѣе совершается движеніе ихъ: точно такъ и въ нервной системѣ: въ нервахъ, состоящихъ подъ непосредственно близкимъ вліяніемъ мозга, коихъ шарики ближе другъ къ другу, нежели въ другихъ нервахъ, теченіе электричества совершается съ чрезвычайною быстротою. Далѣе, какъ въ наэлектризованной цѣпи отъ прикосновеній электричество уменьшается и движеніе шариковъ становится слабѣе: такъ и отъ продолжительнаго раздраженія тѣло слабѣетъ по мѣрѣ истощенія и малаго приготовленія нервнаго электричества. Какъ въ цѣпи одно сильное прикосновеніе можетъ извлечь въ одинъ разъ все электричество, и движенія шариковъ останавливаются: такъ и въ тѣлѣ животномъ сильные удары въ голову, уколъ въ желудочное сплетеніе, или въ спинной мозгъ, внезапное сильное душевное потрясеніе, производя чрезвычайное опшорженіе нервнаго электричества, мгновенно повергають человека въ совершенное бездѣйствіе, причиняють смерть.

Воля, подобно внѣшнимъ вліяніямъ, опшоргается изъ мозга электричество; только опшорженіе сіе происходитъ прямо отъ дѣй-

ствія воли на мозгъ , а не въ слѣдствіе предшествовавшаго ошпорженія элекпричества изъ окруженныхъ концовъ нервовъ.

Въ первомъ случаѣ произвольнымъ движениемъ , происходящимъ опъ дѣйствія воли , опредѣляемой или инстинктомъ , или разсудкомъ , предшествуетъ или внутреннее побужденіе , что свойственно и животнымъ и человѣку , или сужденіе , которое исключительно принадлежитъ человѣку.

Во второмъ случаѣ предшествуетъ движение , въ слѣдствіе котораго образуется или побужденіе , или понятіе. Первое всегда обнаруживается соотвѣшственнымъ себѣ движениемъ , если только движение сіе не будетъ остановлено внѣшнимъ препятствіемъ ; а второе , т. е. понятіе , можетъ оставаться , не обнаруживаясь такимъ движениемъ. Такъ совершается актъ чувствительности , или раздражительность нервная.

Изъ предложенныхъ разсужденій видно , что чувствительность , которая обнаруживается въ слѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній , подѣйствовавшихъ на нервную систему и , чрезъ преемственное опнятіе элекпричества нервного , произведшихъ въ мозгу измѣненіе , которое рождаетъ , непосредственнымъ для насъ образомъ , или ощущение , или

понятіе, есть раздражимельность центра нервной системы.

Разсмапривая движеніе во всѣхъ органическихъ тѣлахъ, съ полною, кажется, справедливостію должно принять слѣдующіе три вида раздражимельности: 1 й видъ раздражимельность сокровенная; 2 й р. явспвенная произвольная, копорою одарены всѣ живопные, нервами снабженныя; 3 й р. явспвенная произвольная, копорая исключительно принадлежитъ живопнымъ, имѣющимъ мозгъ. Первые два вида извѣстны подъ тѣми же названіями у писателей, а послѣдній нерѣдко обозначается именемъ чувспвительности.

Впрочемъ раздражимельность произвольная или произвольныя движенія и чувспвительность или способность ощущенія, одинаковыя въ своей сущности, въ нѣкопрыхъ случаяхъ обнаруживаются другъ ошь друга ошдѣльно, шакъ что часши тѣла при ошсупспвіи въ нихъ чувспвительности, совершають произвольныя движенія. Примѣромъ для сего служишь солдатъ, у котораго рука совершенно была нечувспвительна, даже къ сильнымъ механическимъ вліаніямъ, каковы: уколь, порѣзь и с. п., между тѣмъ сею рукою онъ свободно производилъ разнообразныя движенія ружьемъ.

Сколь разительный примѣръ не доказываетъ ли существенной разности между раздражительностію произвольною и чувствительностію? Нимало. Это доказываетъ только такое состояніе нервовъ руки, что наружныя вліянія не производили оппорженія изъ нихъ электричества, или хотя и производили изъ концевъ ихъ, но за симъ оппорженіемъ не слѣдовало дальнѣйшее оппорженіе, а посему и не было вознагражденія оппорженного. Одна только воля могущественнымъ своимъ дѣйствіемъ, оппоргая изъ мозга электричество, которое протекало по нервамъ нечувствительной руки, производила движенія оною. Впрочемъ должно замѣтить, что представленный примѣръ, по чрезвычайной рѣдкости, можетъ почесться только исключеніемъ изъ общаго правила, которое, относительно разсматриваемаго теперь нами предмета, состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ частныя тѣла, совершающія произвольныя движенія, чувствительны.

Въ одной ли нервной, или и въ подлежащихъ ей системахъ находится животное электричество?

Оплагаясь изъ волосообразныхъ артерій, оно скопляется въ двухъ центральныхъ частяхъ нервной системы: мозгу и нервныхъ

уздахъ. Изъ сихъ частей, подъ вліяніемъ воли, внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ органическихъ процессовъ, по направленію нервныхъ нитей, течетъ къ другимъ системамъ тѣла. При избыткѣ оно можетъ накапливаться и внѣ нервной системы въ такомъ количествѣ, что сего внѣнервнаго электричества нерѣдко бываетъ достаточно для вознагражденія опшорженного, безъ занятія онаго изъ главнаго источника. Симъ объясняется, отъ чего крѣпкіе люди, вообще говоря, малочувствительны.

Присутствіе электричества внѣ нервной системы доказывается тѣмъ, что преніе по волосамъ и даже по кожѣ у нѣкоторыхъ особъ производитъ прескъ и искры. Сіе излившееся внѣ нервной системы электричество называется *сферическимъ*. Гумбольдтъ, болѣе 20 лѣтъ предъ симъ, предлагалъ о семь электричествѣ; но онъ принималъ малѣйшую только его сферу. Профессоръ Дядьковскій, которому я обязанъ большею частію излагаемыхъ мною понятій (*), распространилъ кругъ дѣйствія сферическаго

(*) За исключеніемъ однако тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ оказаться несправедливыми, или неясными. Всѣ таковыя понятія принадлежатъ единственно мнѣ.

электричества, подъ вліяніемъ котораго, по его мнѣнію, состоить раздражительность сокровенная, или другими словами, всѣ движенія органическія, необходимо нужныя для совершенія процесса всасыванія, движенія лимфы, питанія, отдѣленія. Отъ сего электричества зависитъ движеніе въ отрѣзанныхъ членахъ, рожденіе волосъ у умершихъ. Дѣйствіе шанской мушки, приложенной къ груди, при воспаленіи легкихъ, при всемъ несходствѣ и далекой связи грудной кожи съ легкими, объясняется отвлеченіемъ сферическаго электричества легкихъ на поверхность груди.

Заключаемъ, что при вида, или, справедливѣе, при степени живошнаго электричества: 1 сферическое, 2 нервныхъ узловъ и 3 мозга. Подъ вліяніемъ перваго состоить раздражительность сокровенная; теченіемъ втораго совершается раздражительность явственная произвольная, управляющая процессами дыханія, кровообращенія, пищеваренія и дѣйствіемъ произвольныхъ мышцъ. Раздражительность явственная произвольная, которой подчинены всѣ произвольныя движенія, зависитъ отъ отторженія электричества мозговаго по одному изъ упомянутыхъ законовъ. Числныхъ границъ между всѣми тремя раздражительностями

нѣтъ , какъ нѣтъ существеннаго различія между тремя видами электричества: раздражительность сокровенная, при извѣстныхъ условіяхъ, переходить въ явственную непроизвольную и даже произвольную. Пояснимъ примѣромъ. Движеніе кишекъ состоитъ подъ вліяніемъ сферическаго и нервныхъ узловъ электричества; но дайте раздражающее вещество внутрь — и движеніе сдѣлается ощутительнымъ. Какъ же это объяснить? Принятое раздражающее вещество до того испощается сферическое и нервныхъ узловъ электричество, что для вознагражденія онаго необходимо приращеніе электричества мозговаго. Другой примѣръ. Кость расщепъ и продолжаетъ бытіе свое подъ вліяніемъ сферическаго электричества, имѣетъ раздражительность сокровенную; въ болѣзненномъ состояніи часто дѣлается чрезвычайно чувствительною. Опъ чего и какъ, объясненіе то же.

Количество живописнаго электричества различно въ каждомъ организмѣ вообще и въ частности въ каждомъ органѣ. Такъ, люди крѣпкаго сложенія болѣе, если можно такъ сказать, наэлектризованы, и потому производятъ движенія сильныя и продолжительныя, нежели люди слабаго пѣдосложенія.

Такъ нѣкоторыя органы принимаютъ электричества много, другіе мало, а третьи еще менѣе; отсюда различная дѣятельность органовъ. Отъ чего же происходитъ такое различіе? Отъ различнаго состава и устройства животнаго вещества. Отъ чего разность въ составѣ и устройствѣ? Отъ первоначальнаго образованія, при которомъ животное вещество, по неизвѣстной для насъ причинѣ, получаетъ то, а не другой составъ, то, а не другое устройство; въ слѣдствіе сего и дѣйствуетъ своимъ определеннымъ образомъ. Такъ составляютъ всѣ тѣла; такъ составляется и животное тѣло и его органы. Отсюда наследственные расположенія и самыя болѣзни.

Поэтому раздражительность во всѣхъ упомянутыхъ видоизмѣненіяхъ свойственна живому и здоровому человѣческому тѣлу точно такъ, какъ теплоша огню, какъ зеленый цвѣтъ прозябающимъ растеніямъ и вообще какъ всякому существу его свойство, безъ котораго оно не можетъ быть тѣмъ, что есть.

Является, что различныя явленія какъ въ цѣлой видимой нами природѣ, такъ и въ тѣлѣ человѣческомъ зависятъ отъ разности вещества, по свойственнымъ ему законамъ дѣй-

спвующаго. Вполнѣ вырази́тъ сущность
 того или другаго явленія въ живомъ чело-
 вѣческомъ и вообще животномъ тѣлѣ ина-
 че нельзя, какъ прежде узнать самое ве-
 щество въ его составѣ и отношеніяхъ съ
 другими веществами, съ которыми оно
 имѣетъ болѣе или менѣе взаимностей. Изъ
 сего открывается очевидно, что изученію
 Физіологіи должно предшествовать изуче-
 ніе Естественной Исторіи, Анатоміи, Химіи
 и Физики. Тогда только возможно объ-
 яснить явленія животного тѣла, когда во-
 обще тѣла природы будутъ изслѣдованы со
 стороны формы, строенія, состава, и когда
 явленія въ цѣлой видимой природѣ, ко-
 торой тѣло человеческое представляетъ
 полное сокращеніе, будутъ изложены въ
 настоящемъ своемъ значеніи. Но и сего
 еще не достаточно для объясненія всѣхъ
 процессовъ животного тѣла: они такъ со-
 сокровенны, такъ уединены отъ процессовъ
 общей жизни природы, что познаніе ихъ не
 иначе возможно, какъ чрезъ непосредствен-
 ное изслѣдованіе сихъ процессовъ въ самомъ
 актѣ ихъ совершенія. Здѣсь - по откры-
 вается вся важность и совершенная необ-
 ходимость въ опытахъ и наблюденіяхъ, про-
 изводимыхъ при разнообразномъ разсѣченіи

различныхъ частей тѣла живыхъ животныхъ. Сіи опыты и наблюденія ведутъ во внутреннее святилище жизни, гдѣ она, какъ причина жизненныхъ въ тѣлѣ дѣйствій, представляется въ тончайшей, свѣтлой одеждѣ и парящей быспрогѣ—въ животномъ электричествѣ, которое есть необходимое условіе всѣхъ въ живомъ тѣлѣ движеній. Опыты Мажанди, Вильсона Филиппа, Кримера и многихъ другихъ, а преимущественно Вейнгольда, достаточно утверждаютъ сію истину (*).

Всѣ движенія животного тѣла совершаются, какъ замѣчено выше, или видимымъ, или невидимымъ для насъ образомъ, постигаемымъ только чрезъ тщательное изслѣдованіе. Отсюда произошли понятія о жизни явственной и жизни сокровенной.

И такъ въ чемъ же состоитъ жизнь? Въ движеніи, отвѣчаетъ Прохаска (**).

И дѣйствительно. Гдѣ нѣтъ движенія, тамъ нѣтъ и жизни, или тамъ смерть. Впрочемъ для большей опредѣлительности,

(*) См. Новѣйшія фізіологическія наблюденія, изданныя Докторомъ Иваномъ Венецкимъ. Москва 1853.

(**) Фізіологія, соч. Прохаски, стр. 46. С.-Петербург. 1822.

кажется, должно выразить данное Прохаскою
понятіе о жизни въ слѣдующихъ словахъ :
жизнь живошнаго шѣла есть *самостоятель-*
ное движеніе живошнаго вещества. Чрезъ
слово *самостоятельное движеніе* исключает-
ся всякое механическое движеніе , поспоро-
нею , внѣ шѣла находящуюся силою про-
изводимое ; каковое движеніе возможно и въ
мершвомъ шѣлѣ.

Таково мое вѣрованіе , Милоспивый Го-
сударь , въ сущность жизни , фізіологически
понимаемой.

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

A. ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

4. СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА и ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ.

Изъ Лекцій Профессора Давыдова.

По изслѣдованіи Орапорскихъ рѣчей и Доѣмашинскихъ сочиненій, приступаемъ мы къ разсмотрѣнію шретьяго рода Краснорѣчія — *Исторіи*. Обогащенные опытами нѣсколькихъ спольтій, мы любимъ повѣрять размышленія наши съ размышленіями Древнихъ, пользовапья ихъ наставленіями; но, по превосходству опытноспи нашей, мы то же предъ Древними, что мужеспвенный возрастъ предъ юноспью: опъ того Исторія въ наше время получила иное направленіе въ сравненіи съ Исторією Грековъ и Римлянъ. По сей самой причинѣ, говоря объ Исторіи, мы уже не сполько спанемъ ссылапья на Оукидида и Типпа Ливія, сполько ссылались на Димос-
Уч. Зап. Часть IV. 7

еена и Цицерона въ бесѣдахъ собственно о Вишійствѣ.

Показать отношеніе Исторіи, какъ изящнаго произведенія, къ другимъ родамъ Краснорѣчія, опредѣлить ея содержаніе, форму и изложеніе, вывести условія для Историческаго писателя—вошъ предметъ нынѣшняго чтенія. За симъ перейдемъ къ разсмотрѣнію Исторіи Отечественной.

Древніе принимали Исторію за приятное повѣствованіе; не дорожа истиной, они рассказывали краснорѣчиво слышанное или переданное имъ отъ другихъ; желали изображать соотечественниковъ великими, всѣ событія изъ отечественной Исторіи необыкновенными; они не знали ни свидѣтельствъ, ни ссылокъ на ученыя изслѣдованія. Короче, Исторія казалась Древнимъ прозаическою Эпосею: отъ того Аристошель ставилъ Исторію ниже Эпопеи. Иродотъ признается, что онъ повторяетъ или писателей Персидскихъ и Финикійскихъ, или рассказы Египетскихъ священнослужителей, или ссылается на Омира и Эсхила. Въ Фукидидѣ не встрѣчаемъ никакихъ указаній. Типъ Ливій обыкновенно оправдывается выраженіемъ: »такъ повѣствуютъ шѣхъ временъ писатели.« Болѣе отчепливъ Тацитъ. Вообще Гре-

ческіе и Римскіе Историки не занимались разсмотрѣніемъ народа въ отношеніи религіозномъ, гражданскомъ и умственномъ; какъ путешественники, рассказывали все, что видѣли или слышали. »Кліо« говоритъ Шатобріанъ: „совершала путь свой на-легкѣ, безъ грузнаго обоза, какой нынѣ за ней тянется.«

Не таковы условія Исторіи въ наше время. Объяснишь законы, управляющіе человѣчествомъ, возсоздашь тотъ или другой народъ по вѣрнымъ памятникамъ, покажешь развитіе идей народныхъ и различныя степени образованія, откроешь извѣстныя направленія обществъ, въ разныя времена появляющіяся — опредѣлишь мѣсто, занимаемое народомъ въ ряду другихъ народовъ — опредѣлишь въ человѣкѣ два стремленія, одно общее всѣмъ временамъ, другое особенное, свойственное одному какому-либо вѣку: вотъ требованія отъ нынѣшней Исторіи. Такимъ образомъ каждый почти вѣкъ, каждое новое направленіе умственное ставили людей на особую почву зрѣнія Исторіи; отъ того столько различныхъ измѣненій въ воззрѣніи на Исторію, каковы: религіозное, политическое, философское и другія.

Чтожъ Исторія въ отношеніи къ прочимъ произведеніямъ Словесности? Направ-

леніе воли изображеніемъ идеаловъ добродѣтели, убѣжденіе — это предметъ собственно *Витійства*. Озареніе ума истинною, открываемою въ возможности и назначеніи вещей, составляетъ предметъ *Догматическихъ* сочиненій, или *Философін*. Для *Исторіи* остается изслѣдованіе дѣйствительной, временной, конечной жизни. Орапорская рѣчь представляетъ совокупность возможнаго съ дѣйствительнымъ, умозрѣнія съ опытомъ, *Философін* съ *Исторіей*. Випія, показавъ, что и какъ происходило, долженъ еще раскрыть, какъ что-либо бытъ долженствуесть. Отъ того рѣчь, какъ развитіе полнаго умозаключенія, пребуесть и изложенія *Историческаго*, и доводовъ *Философскихъ*. Сін двѣ стипіи, сливающіяся въ рѣчи Орапорской, являюся разрозненными въ *Исторіи* и *Философії*. Дѣйствительное и возможное составляютъ два различныхъ вопроса: одинъ *Историческій*, другой *Философскій*. Въ *Исторіи* мы преслѣдуемъ обнаруженіе идеи въ явленіяхъ природы или человѣчества; въ *Философії* стараемся открыть ту идею, по которой являюся предметы природы или дѣйствія человѣчества. *Историкъ* возводитъ воззрѣнія свои до идеи; *Философъ* низводитъ идею въ живыя созерцанія. Не смотря на

то, что Историческія сочиненія и Философскія представляють два противоположныя направленія, онѣ имѣють потребность во взаимномъ содѣйствіи: Исторія безъ Философскихъ соображеній — несвязное изображеніе случайности; Философія безъ Историческихъ, опытныхъ изслѣдованій — шемная опвлеченность.

Исторія, какъ и самая жизнь, можетъ быть разсмаприваема въ двоякомъ отношеніи: въ себѣ самой и въ частности, иначе, можетъ изображать или жизнь всеобщую, или жизнь въ проявленіяхъ частныхъ — согласно съ идеею человѣчества, или вѣчности единою, и согласно съ проявленіемъ идеи человѣчества въ народахъ, съ условіями мѣста и времени. Отсюда слѣдуетъ необходимость *Исторіи всеобщей и частной*.

Сверхъ того жизнь разсмапривается или со стороны вещества, разнообразно обнаруживающагося, или со стороны стремленія духа; предметъ перваго разсмаприванія природа; втораго — человѣкъ: еще новое различіе Исторіи природы, и человѣка, или Исторіи собственно называемой. Жизнь человѣка, или духовная часть всеобщей жизни вселенной, настоящій предметъ Исторіи, какъ художественнаго словеснаго произведе-

нія, какъ вѣнецъ творенія Всемогущаго, представляеть въ себѣ совокупность и природы, и духа. Опъ того въ ея изображеніи встрѣчаюшся гораздо большія трудности, нежели въ изображеніяхъ природы. Здѣсь, въ событіяхъ человѣчества и народовъ, должно различать двѣ силы, дающія движеніе и направленіе судьбамъ народнымъ: силу высшаго Разума, Творца и Зидишедя, и силу воли, дарованной человѣку, какъ образу и подобію Творца. Опъ взаимнаго согласія сихъ двухъ силъ и опъ уклоненія второй силы опъ первой, происходятъ различныя событія Историческія. По сей же причинѣ въ народахъ и человѣкѣ усмаприваемъ мы какъ бы двѣ жизни: *всемірную*, по которой онъ одинаковъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, и *особенную*, по которой онъ различествуетъ по странамъ и вѣкамъ. Вотъ, почему Исторія человѣчества, при всемъ безконечномъ разнообразіи лицъ и народовъ, представляетъ единство дѣйствія, свыше предначертаннаго.

Здѣсь мы не будемъ говорить о возможности Исторіи, какъ науки. Каждый вѣкъ, каждый народъ осуществляетъ идею человѣчества, особеннымъ, ему шолько свойственнымъ образомъ; но какъ проявленіе общей

жизни, каждый вѣкъ и каждый народъ сверхъ того касается всеобщей жизни; сего условія всеобщей и частной жизни человѣчества въ совокупности достаточно для Исторіи, какъ науки. Въ настоящемъ же случаѣ взглянемъ на *Исторію*, какъ на *изящное словесное произведеніе*.

Умѣнье располагать дѣйствительностью точно такъ же, какъ воображеніе располагаетъ своими вымыслами, припомъ со всею точностью въ отношеніи къ самымъ событіямъ, умѣнье спавить чинашеля на шаковую почку, съ которой бы онъ удобно и легко обзрѣвалъ всѣ происшествія въ связи и послѣдовательности; присоедините къ этому искусство живописать прошедшее настоящимъ, въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ дѣйствіи уловлять рѣзкія опличительныя черты: вотъ, въ чемъ состоитъ высокое искусство Исторіи, какъ изящнаго словеснаго произведенія. Народы представляють намъ свои религіи, языки, творенія гениевъ, законы, науки, искусства: во всѣхъ сихъ памятникахъ скрывается непреложный законъ пош жизни человѣчества, которая не перестаетъ развиваться, подобно непреложнымъ законамъ мірозданія, по коимъ движутся небесныя свѣтила. Открыть сей законъ въ неполныхъ

лѣтописяхъ народа, большею частію искаженныхъ, ложно исполкованныхъ — озаришь оныя свѣтомъ критики и покажешь событія такъ, какъ онѣ могли бы и должны были произойти въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ: въ этомъ первый подвигъ писателя — Историка. Такъ ученый Нибуръ, осмотрѣвъ развалины Рима, преслѣдовавъ развитіе идеи человѣчества въ пространствѣ первыхъ вѣковъ, послѣ созданія сего колосса сличивъ показанія его Историковъ съ извѣстіями другихъ писателей, разгадалъ причину событий, коихъ выполненіе составляло блистательную жизнь Римлянъ въ Исторіи человѣчества. За симъ ожидаетъ Историка новый трудъ критическій. Съ теченіемъ времени число историческихъ памятниковъ умножается; вмѣстѣ съ симъ увеличивается трудность извлечь истину изъ сравненія нѣмыхъ свидѣтелей древности, каковы памятники, и вѣроятность возвести на степень достоверности. Такъ проницательный Шлецеръ въ нашей Отечественной Исторіи отдѣлилъ драгоцѣнные перлы историческіе, и лѣтописямъ нашимъ придавъ значеніе историческое. Въ этомъ состоитъ *изобрѣтеніе* Историка и *содержаніе* Исторіи,

Когда такимъ образомъ памятники древности невѣрные, противорѣчащіе, темные, различены, соглашены, освѣщены; когда Историкъ вступаетъ въ область печальныхъ, неумолкающихъ свидѣтельствъ, гдѣ ни одна изъ добычъ ума человѣческаго не гибнетъ — въ періодъ жизни народной, уже опечаливой въ дѣйствіяхъ: тогда начинается историческое *расположеніе* — *Исторія* получаетъ *форму*. Съ перваго взгляда нѣтъ ничего легче представить картину жизни, которую мы обыкновенно съ жадностью созерцаемъ; но исполненіе эпической живописи есть дѣло особеннаго таланта. Смотрите, сколько любопытныхъ спекается на всякое ежедневное приключеніе: о чемъ же снѣ самыя приключенія, перенесенныя въ книгу, иногда бывають скучны, незанимательны? Именно о томъ, что онѣ перескажутъ занимать насъ, подобно живымъ и съ нами разговаривающимъ событіямъ. Слѣдуетъ, что все искусство исторической занимательности состоитъ въ живописи, въ представленіи событій предъ нашими глазами, въ воссозданіи цѣлаго народа изъ происшествій. Историкъ не лѣтописецъ; онъ долженъ умѣть изъ безчисленнаго множества событій избрать по

преимущественно, которое состоитъ въ связи и соотношеніи съ природою человѣка вообще и съ природою людей той или другой страны, того или другого времени; онъ долженъ выразить, какъ сказали мы выше, жизнь всеобщую человѣчества и жизнь частную народную. Тогда узнаемъ мы въ народѣ членовъ одного большого семейства, каково человѣчество; тогда понятно будетъ отношеніе народа къ другимъ народамъ, и всѣ дѣйствія его покажутся вразумительны; тогда каждая частная Исторія послужитъ дополненіемъ Исторіи всеобщей.

Каковожъ должно быть историческое *расположеніе*? Оно въ Исторіи, какъ и въ прочихъ твореніяхъ ума, бываетъ или синтетическое или аналитическое; только въ совокупности того и другого метода заключается методъ истинный. По первому образовалась школа Историковъ философическая, которая утверждаетъ, что умъ человѣческій шворитъ событія; по второму—школа чисто историческая, по ученію которой самый умъ приводится въ движеніе отъ событий. Сверхъ сихъ школъ третья—теософическая, изслѣдуя происшествія, зависящія отъ воли человѣка, признаетъ въ порядкѣ событий законы Провидѣнія, и представляетъ сово-

купность метода синтетического и аналитического. Въ новыя времена два великихъ писателя озарили Историю новымъ свѣтомъ, открывая въ человѣчествѣ соединеніе и закона высшей необходимости, направленіе невидимаго, и закона свободной дѣятельности духа, отражающей въ себѣ и мѣсто, и время: я разумѣю *Вико* и *Гердера*. Начертать всемірную Историю, которая является во времени подъ формою частныхъ Исторій; обвести идеальный кругъ, въ которомъ обращается міръ дѣйствительный: вопль предметъ *Новой Науки Вико*, изложенной аналитически; это Философія и вмѣстѣ Исторія человѣчества.—Мысль, что измѣненія историческія рождаются не отъ одной чьей-либо воли, но что основаніе оныхъ находится въ самой внутренности вселенной, отражающей въ душѣ человѣка; что степени образованности человѣчества въ извѣстной спираль, въ извѣстномъ вѣкѣ, оппечатавшая на себѣ условія мѣста и времени, заключающія въ законахъ міра; что сіи различныя явленія входятъ въ общую область природы и составляютъ часть ея характера; что дѣянія человѣческія составляютъ міръ, гдѣ, какъ и въ мірѣ физическомъ, есть своя гармонія, свои развитія: сія мысль служить

основаніємъ *Исторіи челоѣчества* Гердера, представленной синтетически. — Наконецъ Боссюэзъ и Балланшъ излагають Исторію въ видѣ Христіанской Теософіи. По ихъ ученію, общій и неизмѣнный законъ управляетъ всѣми судьбами челоѣческими; въ семь законъ, думаетъ Балланшъ, развивающа два догмата — паденіе и возстановленіе. Челоѣкъ въ сей жизни ищетъ пупи, по которому могъ бы надежно шепствовати опъ паденія къ возстановленію — и только въ лонѣ Христіанства, Божественнаго Ошкровенія, можетъ найсти искомое блаженство; въ этой жизни онъ только предвкушаетъ сладость бытія будущаго, жизни безсмертной, въ соединеніи созданія съ своимъ Создателемъ, въ сіяніи лучей съ Свѣтомъ свѣтовъ.

Что сказать объ историческомъ изложеніи? Обыкновенно говорятъ, что историческій слогъ отличаетъ опъ Орапорскаго умеренностью и хладнокровіемъ; но правильность и красота ему также необходимы. Нѣсколько разъ имѣлъ я случай упоминаеть, что словесное изящное произведеніе представляетъ собою *духъ въ явленіи*, въ слово облеченную мысль: ясно, что слогъ въ опношеніи къ мыслямъ то же, что пѣло въ опношеніи къ душѣ. Въ пѣлѣ мы

видимъ душу; безъ оживленія души, тѣло грубое вещество; душа даетъ тѣлу значеніе, выразительность. Душа свѣтлая, рѣзко и ясно получающая впечатлѣнія, сочувствующая событіямъ и съ ними какъ бы сливающаяся—такая душа опразится въ живописи слова. Душа гармоническая, сама съ собою согласная, во всѣхъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ своихъ спростная, огласится въ *благозвучіи*. Мы видѣли, какъ Опцы Православной Церкви нашей подвизали Христіанъ словомъ своимъ на величайшее дѣло — на самопожертвованіе жизнию за Вѣру, Пресполю и Опецество. Чѣмъ совершалось столь сильное убѣжденіе? Они не опдѣляли ни слога, ни мыслей опъ всего ихъ сущесствованія; въ словѣ были они сами. Такъ и въ Исторіи изложеніе зависить опъ показанныхъ опличительныхъ ея свойствъ: истина въ малѣйшихъ подробностяхъ, разнообразіе знаній, живое представленіе событій въ связи и послѣдовательности, теплота души ко всему, что касается человѣка—вопъ опъ чего зависить изящество изложенія историческаго; только въ совокупности съ сими предметами изъясняется его достоинство.

Кпожъ изъ Историковъ наиболѣе удовлетворяетъ симъ требованіямъ Искусства? Про-

дошъ любитьъ разсказывать все слышанное; лица у него всѣ говорятъ однимъ языкомъ. Оукидидъ проникателенъ, вѣренъ въ представленіяхъ характеровъ; но въ немъ не находимъ живости красокъ. Ксенофонтъ обиленъ, подробно высказываетъ себя, говоря о людяхъ; но онъ не даетъ имъ жизни, не представляетъ дѣйствій предъ нашими глазами. Плутархъ и Титъ Ливій повѣствуютъ объ историческихъ лицахъ, какъ эпические Поэты повѣствуютъ о герояхъ; во всѣхъ одинаковое величіе духа, всѣмъ приданы великолѣпныя названія. Тацитъ между древними Историками не имѣетъ себѣ соперника ни въ умѣнны опште́нны характеры, ни въ вѣрности выбирать положенія своимъ лицамъ, ни въ глубокости изслѣдованій сердца человѣческаго, ни въ яркости и живости описаній. А новые образцы Исторіи? Во всѣхъ новыхъ Историкахъ мѣсто исторической живописи заступила истина, плодъ зрѣлаго опыта и большихъ познаній. Въ новыхъ Исторіяхъ истинныя событія не украшаются вымышленными описаніями; вмѣсто дѣйствующихъ лицъ, самъ Историкъ не вытѣсняется; всѣ прикрасы фантазіи замѣнены вѣрнѣйшимъ воззрѣніемъ на человѣчество, глубокою ученостію и строгою разборчивостію въ суж-

деніяхъ. Таковы достоинства Юма, Робертсона, Миллера, Шиллера, Гизо.

Но для насъ драгоцѣннѣе труды историческіе соотечественниковъ. Съ уваженіемъ вспоминая о попыткахъ въ семь родъ сочиненій Хилкова, Тапищева, Щербатова и нѣкоторыхъ другихъ, мы должны сознаться, что въ Историческихъ писателяхъ нашихъ истекшаго столѣтія не видимъ ни истиннаго понятія объ Исторіи, ни даже необходимыхъ приготовленій къ столь важному труду, каковъ трудъ Историка. Привести въ порядокъ разбѣянные матеріалы, оживить мерзвые памятники, возсоздать народъ изъ преданій лѣтописей: слава такого подвига, свидѣтельствующаго о высокомъ умѣ, непреодолимой волѣ и чувствѣ изящномъ—сія, говорю, слава принадлежитъ *Карамзину*. Уже не однажды упоминали мы съ гордостью о немъ; не однажды произносили сужденія наши о его твореніяхъ съ подобающею почти-тельностью: теперь приступаемъ къ разсмотрѣнію одной изъ важнѣйшихъ книгъ нашихъ—его Исторіи Государства Россійскаго. Тотъ, кто первый между нами началъ говорить на родномъ языкѣ, общепонятномъ, всякому вразумительномъ; кто первый обратилъ вниманіе наше на предметы отече-

ственные , заставилъ полюбитьъ оныя ; кого милліоны соотечественниковъ начали съ удовольствіемъ читать ; кто съ самоотверженіемъ прудился для нашего поученія , для нашей славы , для нашего безсмертія народнаго : тому принесемъ въ даръ лучшую жертву — почтительное разсмотрѣніе гениальнаго его творенія. Всѣ разсужденія наши объ Исторіи вообще приложимъ къ Исторіи Государства Россійскаго въ отношеніи къ изобрѣтенію — въ цѣломъ и частяхъ, къ расположенію и изложенію. Это будетъ предметомъ слѣдующей нашей бесѣды.

Въ заключеніе же нынѣшняго чтенія совокупимъ въ нѣсколькихъ словахъ всѣ наши изслѣдованія *содержанія, формы и изложенія Исторіи*, какъ изящнаго словеснаго произведенія. Прежде, нежели начнетъ Историкъ воздвигать зданіе свое , ему необходимо ознакомиться со всѣми матеріалами, изъ коихъ долженъ онъ создать изящную картину прошедшаго — изъ противорѣчащихъ преданій, обычаевъ, мнѣній, изъ мерквыхъ харпій и безмолвныхъ памятникъ извлечь истину. Потомъ представится другой подвигъ — показать прошедшее , какъ оно было, оживить представившелей, заставить ихъ дѣйствовать , говорить , какъ

они дѣйствовали, говорили — обставили всѣ изображенія тѣми отношеніями царствъ и народовъ, коими сивались онѣ съ человѣчествомъ въ дѣйствительной жизни. Наконецъ слово, въ которое преобразится жизнь прошедшая, должно быть проникнуто истинною и благомъ челоуѣчества; тогда только будетъ оно изящно; тогда, согласно съ назначеніемъ Исторіи, оживетъ въ немъ возсозданный древній міръ.

В. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

5. О ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Профессора Снегирева ().*

Познаніе успавовъ, обычаевъ и нравовъ всякаго народа, безъ сомнѣнія, необходимо тому, кто хочеть слѣдовать за теченіемъ его жизни умственной, нравственной и политической, судить объ немъ правдиво. Но чѣмъ долговѣчнѣе народъ, чѣмъ обширнѣе кругъ его дѣйствія на поприщѣ міра и чѣмъ болѣе онъ дѣйствовалъ на судьбу другихъ націй, тѣмъ познаніе сіе важнѣе, полезнѣе и занимательнѣе. Таковы Римляне, владыки двухъ сотъ милліоновъ разныхъ племенъ, вышедшіе изъ мрака древности и обхватившіе столь обширное поприще на свѣтѣ, которое они занимали сполько вѣковъ. Изъ бездны ихъ могущества, поглотившей множество древнихъ племенъ, произникла большая часть новыхъ народовъ, усвоившихъ себѣ законы всемірныхъ господъ и образовавшихъ свой языкъ

(*) Извлечено изъ сочиненія Барона A. de Théis : Voyage de Polyclète, ou Lettres Romaines. 2 ed. 2 t. á Paris, 1822. 8.

но ихъ сильному, звучному и живущему слову, въ коемъ сперва проявился *письменный разумъ*, а потомъ Божественная истина и Европейское просвѣщеніе. Исторія *вѣснаго града* сдѣлалась какъ бы общою формулою для всѣхъ исторій и особенно необходимою тогда, когда Древность вызывается на судъ наукъ, когда ею подкрѣпляются и усиливаются современные намъ идеи, когда въ наступающихъ событіяхъ видимъ повтореніе древнихъ.

При всѣхъ великихъ трудахъ, посвященныхъ учеными Римской Древности, еще оставалась дѣлашелямъ жатва для обработанія частей и для соединенія оныхъ въ гармоническое цѣлое. Еще казалось недоспапочноымъ изложеніе частей огромной и многосложной машины; надобно было привести ихъ въ движеніе, чпобы дать точное понятіе о самой машинѣ. Для сей цѣли А. de Theis опважился въ своихъ Римскихъ письмахъ представить людей, народъ, происшествія и относителные къ нимъ предметы въ порядкѣ времени. Образцами ему служили Анахарсисъ Бартелеми и Аѳинскія письма (*). Онъ выводилъ на сцену юнаго

(*) Оба сіи сочиненія переведены на Русскій языкъ въ Московскомъ Университетѣ—одно Г. Страховымъ, а другое Г. Каченовскимъ.

Аѳинянина Поликлета, сына Кранпора, который, послѣ взятія и разграбленія Аѳинъ Суллою, путешествуесть въ Римъ, напоминая ему объ Аѳинскѣхъ памятниками искусствъ, похищенными въ Греціи, сходствомъ обычаевъ и языка. Тогда была заря золотого вѣка Словесности Римской и вечеръ Республики, раздираемой крамолами гражданъ. Въ письмахъ къ обществу своему Поликлеть сообщаетъ свои мысли и чувства о тогдашнемъ Римѣ, изображая все, что могло занять и поразить вниманіе просвѣщеннаго Аѳинянина: религію, правленіе, нравы, обычаи, однимъ словомъ, Римскія древности въ живой картинѣ.

Сочиненіе сіе по содержанію, цѣли и изложенію заслужило уваженіе въ отечествѣ сочинителя, который не вездѣ впрочемъ указываетъ свои источники и не всегда согласуется съ критическими изысканіями Нибуровъ и Вахсмюховъ. Чтобъ познакомиться съ нимъ, мы здѣсь предложимъ письмо о *Латинскомъ языкѣ*.

Великое множество Римскихъ и знаменитыхъ писателей, какихъ Греція производила во все времена, служило образцами Римлянамъ и писателямъ всехъ народовъ; все они заимствовали отъ Грековъ даже термины Орааторскаго искусства. Въ Латинскомъ языкѣ

открывается много слѣдовъ Греческаго. Въ воспочныхъ частяхъ Италіи, называемой у Грековъ *Гесперією*, по ихъ мѣстоположенію, давно жили Греческія колоніи, и по необходимому слѣдствию превосходства просвѣщеннаго народа надъ непросвѣщеннымъ, обычаи Греческіе мало по малу распространились въ этой обширной странѣ. Другія Греческія колоніи, во времена опдаленныя поселившіеся на островахъ Эолійскихъ, водворили между народами, занимавшими нижнюю Италію, свой языкъ въ свойственномъ имъ нарѣчій: все опзывается симъ происхожденіемъ. Первыя буквы у Римлянъ были сходны съ Греческими (1). Въ храмѣ Діаны, сооруженномъ при Сервіѣ Туллѣ на Авентинскомъ холмѣ, хранился договоръ союза между Латинами и Римлянами, вырѣзанный на мѣдной колоннѣ; письма сего договора представляють совершенное сходство съ Греческими, какое находится и въ законахъ XII Таблицъ, хотя они относятся къ эпохѣ не столь опдаленной. Въ подтвержденіе еще приводится мирный договоръ между Римлянами и Габійцами при

(1) *Dionys. Hal. IV, 26. ed. Reiske: γραμμάτων ἔχοντα χαρακτῆρας Ἑλληνικῶν, οἷς τὸ παλαιὸν ἢ Ἑλλάς ἐχρᾶτο*—начертанія письменъ Эллинскихъ, какія Эллада прежде употребляла.

Тарквиніѣ Гордомъ : оный писанъ словами Латинскими , но буквами Греческими , на деревянномъ щитѣ , обтянутомъ кожею вола , принесеннаго на жертву при эпомъ случаѣ . Наконецъ Грекъ , хорошо знавшій Римскія древности , сказалъ слѣдующее : „Римскій языкъ совершенно ни варварскій , ни Греческій ; но смѣсь того и другаго ; большая часть онаго Эолійская съ испорченнымъ произношеніемъ (а).“ Сродство сіе нѣкогда было ощутительнѣе . По мѣрѣ же того , какъ совершенствовался Латинскій языкъ , постепенно очищался отъ сей чужестранной примѣси , такъ что напоследокъ остались въ немъ только нѣкоторыя слѣды оной (b). Но все заимствованное Римлянами отъ Грековъ испытало великія измѣненія ; они замѣнили особенными буквами различныя придыханія Греческаго алфавита . Сіи-то перемѣны часто уничтожали сходство Греческихъ словъ съ Латинскими , которое могутъ только открыть и доказать глубокія изслѣдованія .

Языкъ Латинскій въ устахъ Орапора имѣетъ достоинство , силу и выразительность — онъ быстръ и сжатъ , въ немногихъ

(а) *Dionys, Halic. A. R. IV, 58.*

(b) *Plutarch. vita N. Pomp.*

словахъ выражаешь много, и по дѣйствию, ему сродному, чего не выразишь, на то намекаетъ; за то онъ лишенъ сладости, приятности и гармоніи Греческаго слова. Буквы, произносимыя съ усиленіемъ, всего чаще встрѣчающіяся въ составленіи, или въ окончаніи словъ, особливо тѣхъ, кои служатъ къ соединенію различныхъ частей рѣчи и споль часто даютъ ошъ себя новыя опрасли (2). Такъ какъ почти всѣ онѣ замѣтны по своей жесткости: то большаго требуется искусства въ размѣщеніи словъ для избѣжанія непріятныхъ спеченій, и только непрерывное вниманіе можетъ довести Римлянина до удачнаго сочетанія чистоты съ изящесствомъ въ слогѣ. Римскіе писатели въ эпосѣ отношеніи имѣютъ значительное преимущество надъ випіями; тщательно обрабатывая періоды, они придаютъ имъ всѣ прелести благозвучія, тогда какъ випія, спѣсенный временемъ, едва можетъ держаться строгихъ правилъ

(2) Напр: буква *r*, которую Римляне называли собачьею (*littera canina*) и нерѣдко замѣняли ее *s*, напр: въ словѣ *jura*, которое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ *jousa*; ошъ сего многія сущесств. оканчивающіяся и на *s* и на *r*, напр: *navos*, *honos*, *arbos*. Буква *r* введена въ Латинскую азбуку А. Клавдіемъ. *Пр. С.*

словосочиненія. На Греческомъ спѣишь только бытъ точнымъ , чтобы сохранить гармонию , которая на Латинскомъ приобретается постоянными усиліями.

Изобиліе дwoегласныхъ придаетъ Греческому языку особенную приятность , а произношенію его мягкость и плавность. Латинскій отличается краткостію , твердостію и силою ; но съ трудомъ поддается на выраженіе прелести и легкости предметовъ. Впрочемъ какія бы ни были преимущества Греческаго и недостатки Латинскаго языка, нельзя отвергать того, чтобы послѣдній не произвелъ высокаго и прекраснаго, если бы управляемъ былъ умомъ превосходнымъ. И бѣднѣйшій языкъ беретъ первенство надъ другими подъ перомъ Генія. Я даже скажу, что едва ли есть такой языкъ , который бы не имѣлъ преимущества въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ надъ другими.

Для иностранца одно изъ величайшихъ затрудненій въ Латинскомъ языкѣ составляетъ свойство онаго подразумѣвать такіа слова , кои всякой другой почелъ бы необходимыми для ясности рѣчи ; отъ сего происходятъ шемноша, двусмысліе и непрестанные споры о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ. Даже Римляне обвиняются въ томъ,

что они неоднократно пользовались темною своего языка, включая въ свои договоры съ различными народами условія и оговорки, похожія на сфинксовы загадки, кои обращались въ пагубу принявшимъ оныя. Такимъ образомъ Эполійцы, по силѣ торжественнаго договора, отдавшись на вѣру побѣдителей, весьма поздно узнали изъясненіе, данное сему слову (с). Такой недостатокъ положительнаго значенія вмѣстѣ съ опущеніями, столь частыми, встрѣчается и въ обыкновенномъ разговорѣ, и въ судебной рѣчи. Тонъ Орапора, измѣненіе голоса, самое движеніе, или мановеніе досказывали догадливости слушающаго, что не выражалось словами.

Существенная разница между двумя языками есть та, что въ Греческомъ одно слово можетъ состояться изъ многихъ, сливающихся одно съ другимъ для того, чтобы передать слуху цѣлое, легко произносимое и удерживаемое по гибкости и плавности самыхъ частей составныхъ. На примѣръ, слово *Циклопъ* (*κύκλωψ*) сперва представляетъ воображенію Грека существо съ круглымъ окомъ, по буквальному его знаменованію — и хотя это

(с) *Polyb. reliq. XI. c. 6. (σώματα καὶ τὰ ἐπιπλάττωμα ὑπαρχεῖν).*

слово сложное, но не менѣ того ясное и определенное. Чпожъ касается до Латинскаго языка, то слова въ немъ не легко сблизаясь, никогда почти не сливаются. Разница сія даже находишся въ самыхъ знакахъ, служащихъ къ изображенію словъ. Греческія письма легки, красивы и скоропечны, удобно соединяюща одиъ съ другими; напротивъ того, Латинскія письма прямы, тверды и всегда отдѣльны. Опъ изобилія мыслей у Грековъ слова писались сокращенно и бѣгло; величіе выраженія у Римлянъ требовало прямош. Переходя опъ знаковъ къ самымъ предметамъ, мы должны сказать, что сія прямоша, особенно отличавшая Римлянъ, внушала имъ скромность въ употребленіи ихъ фигуръ, коими Греки роскошничали, можешъ статься, и до излишества. Краснорѣчіе Квиришовъ благородно, иногда возвышенно и всегда ознаменовано чрезвычайною простотош. Они весьма удачно пользовались въ рѣчи апострофомъ, прозопопеею, аллегоріей; но чуждаясь гиперболы, антитезы и перифраза, въ рѣчи важной они никогда не употребили бы ироніи (antiphrases) — этой смѣлой фигуры, кошорая фурий называется *доброжелательными* потому толькo, что онѣ представляющъ совершенно противное

понятіе. Но если здравый смысл, сродный Римлянамъ, предохранялъ ихъ отъ погрѣшностей, въ какихъ упрекають большую часть Греческихъ писателей: за то они имѣють другого рода недоспапки, имъ свойственные. Отъ частаго злоупотребленія эллипсиса чтеніе писателей ихъ весьма затруднительно. Сію принужденность въ выраженіи можнобъ было приписать собственному ихъ пристрастію къ краткости, еслибъ ихъ періоды не были слишкомъ растянутыми. Вѣроятно, что вкусъ, столь рѣдко сопутствующій генію, научить ихъ соединять изящество выраженія съ блескомъ мыслей; но сколь еще они отъ эшаго далеки!

Впрочемъ какія имѣють надъ нами преимущества Римляне! Въ Греціи различіе происхожденія, многообразіе областей, неизбежно возникшее изъ того соперничество ввели въ языкъ ея народовъ особенные оппѣнки и оппичія. Аѳины, Лакедемонъ, Милетъ имѣють свои нарѣчія. Тщетно Аппика беретъ надъ ними верхъ своими знаменитѣйшими писателями. Національная ревность освящаетъ самыя ошибки. Лучшіе писатели, будучи вѣрными блюстителеми сихъ различій, часто удерживали оныя въ своихъ сочиненіяхъ: если они выводять на сцену разговариваю-

щія лица изъ разныхъ областей Греціи: то
каждаго изъ нихъ заставляють объясняться
своишвеннымъ ему нарѣчіемъ. Они думали,
что нарушаютъ истину, когда у нихъ Іоній-
скій жипель такъ будетъ выражаться, какъ
Лонининъ; языкъ Греціи есть эмблема по-
литическаго ея положенія: соединенный, онъ
давалъ бы законы вселенной—раздробленный,
упрашилъ все свое могущество. Напрошивъ
того, въ Римъ все сосредоточивается, изъ
него все исходитъ; онъ самодержавно влады-
чествуетъ надъ племенами Италіи, или луч-
ше сказать, всѣ сіи племена суть Римляне.
Для нихъ Римъ чадолюбивый отецъ, геній
хранитель: могли ли они не признать его
языка? Онъ распространяетъ слово свое
сколько побѣдами, столько же законами и
обычаями своими. Сенатъ его даетъ отвѣ-
ты чужестраннымъ посланникамъ только на
Латинскомъ языкѣ, на коемъ заставляеть
ихъ объясняться посредствомъ толмачей.

Хотя Римскій языкъ менѣе Греческаго
представляетъ трудностей; но въ Римъ ма-
ло людей, которые говорили бы совершенно
чисто. Онъ, такъ сказать, сосредоточень
между гражданами нѣкотораго класса; осталь-
ная часть народа до того не знаетъ правиль-
наго, что перѣдно въ простомъ восклица-

нии обнаруживаетъ ошибки противъ правилъ Грамматики (3). Сей недостатокъ болѣе зависить отъ народнаго характера. Римляне приспрасны къ зрѣлищамъ, но любятъ только тѣ, которыя дѣйствуютъ на однѣ выѣшнія чувства. Греки, болѣе нѣжные, предпочипають выраженіе, дѣспящее слуху и прогающее душу: они умѣють цѣнить величественныя сцены Софокла, прогашельныя положенія въ Эврипидѣ и тонкія шулки въ Аристофанѣ. Напишанные красотами драматическими, привыкшіе къ прелестямъ выраженія чистаго, изящнаго, они нечувствительно приобръпають сродную себѣ тонкость и оспроуміе. Лучшіе ихъ писатели нерѣдко принимали замѣчанія тѣхъ, которые въ другихъ спрапахъ даже не въ состояніи были бы ихъ понимать. Теофрастъ могъ бы родиться во всѣхъ другихъ странахъ свѣта; но одишь только Аѳинскій народъ умѣлъ судить объ его словѣ (4).

(3) Это подтверждаетъ Квинтилианъ 1, 6, 45 :
Nam ut transeam, quemadmodum vulgo imperiti loquuntur; tota saepe theatra et omnem circi turbam exclamasse barbare scimus.

(4) Но во времена Цицерона и по его свидѣтельству: „если одишь слогъ будешь произнесенъ нѣсколько длиннѣе и короче: то весь театръ поднимаетъ крикъ, хотя народъ не знаетъ

Недостатокъ народныхъ школъ можно также пославить въ числъ причинъ, кои поддерживающъ сіе незнаніе правилъ собственнаго языка, замѣтное въ послѣднихъ классахъ народа Римскаго. Между тѣмъ, какъ въ Греціи, во многихъ школахъ учился народъ всѣмъ частямъ Словесности, отъ первыхъ началъ Грамматики до тонкостей Діалектики; въ Римѣ, гдѣ народъ удаленъ отъ вельможъ, богатый гражданинъ самъ выбираетъ учителя для дѣтей своихъ, которые учатся у него въ домѣ. Напротивъ того, тамъ бѣдный гражданинъ долженъ былъ прибѣгать къ плохимъ школамъ, гдѣ получалъ образованіе, едва достаточное ему для необходимыхъ потребностей общества. И сіи немногочисленныя заведенія относяся не къ отдаленной эпохѣ. Въ Римѣ болѣе прехъ вѣковъ не было общественныхъ училищъ (5). Лѣтописи его мол-

ни стопъ, ни количественнаго размѣра и не понимаетъ, что именно и почему не нравится ему. Сама природа вложила въ слухъ нашъ сужденіе о всѣхъ долгихъ и краткихъ, высокихъ и низкихъ звукахъ въ словахъ.“ *Cic. Orat. c. 51.*
 (5) Что у Римлянъ до временъ Императоровъ не было заведеній для публичнаго воспитанія, доказалъ въ ученомъ разсужденіи своемъ Д. Геревинъ: *Ob bei den Alten öffentliche Erziehung war?* Alton. 1811. 8. *Пр. С.*

часть объ эптомъ необходимомъ заведеніи, и только въ первый разъ упоминается около 304 г. Децемвирь Аппій увидѣлъ Виргинію тогда, когда ее провожала въ школу кормилица.

Геній воспоржесшвовалъ надъ симъ препятствіемъ; можетъ спашься, онъ сдѣлалъ болѣе, обративъ въ свою пользу недоспашки языка Латинскаго, и съ первыхъ вѣковъ сего государства свободнаго, онъ внушилъ людямъ, чуждымъ всякаго образованія, высокія идеи, выраженные ими въ рѣчи благородной (*). Позднѣе еще, Историки, Поэты, Драматическіе писатели съ истиннымъ талантомъ открывъ просвѣщеннымъ людямъ все богатство ихъ языка, наконецъ удачно воспользовались онымъ (6). Римъ имѣетъ

(*) Безъ сомнѣнія, малое число Латинскихъ писателей.

(6) Вразсужденіи обылія Латинскаго языка, Цицеронъ самъ себѣ противорѣчитъ, какъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: *de finib.* I, 10. *Latinae linguam locupletiore esse quam Graecam sentio. Tusc.* 2: *Linguam Graecam Latina copiosiore esse fateor.* Но какъ обиліе (copia) языка бываетъ вышнее, состоящее въ словахъ, изображающихъ

многихъ знаменитыхъ Орапоровъ. Но языкъ Римлянъ еще не доспигъ до той степени совершенства, къ какому онъ способенъ: онъ безпрестанно обогащается и очищается (7). Значенія словъ еще непо-

предметы чувственные, и внутреннее, содержащее въ себѣ слова отвлеченныя: по съ одной стороны Цицеронъ правъ; ибо Греческій языкъ богаче послѣдними, а Латинскій первыми. Пр. С.

- (7) Но у древнихъ Латинскихъ писателей, особливо у Поэшовъ Еннія, Луцилія, Плавша, Лукреція и Капулла встрѣчается болѣе Грецизмовъ и соспавныхъ словъ, нежели у писателей золотого вѣка; изъ сложныхъ словъ извѣстны: *poplicola*, *plebicola*, *senatusconsultum*, *plebiscitum*, *monticola*, *ruricola*, *agricola*, *canalicola*. Даже Горацій отваживался на такія составленія, предложивъ *таυρίμορφος* въ *tauriformis*, волообразный. Во времена Цицероновы, Латинскій языкъ почти утратилъ способность составлять слова; ибо тогда болѣе старались о внѣшнемъ блескѣ выраженія, нерѣдко ослаблявшемъ внутреннюю его силу. Новыхъ словъ для изображенія новыхъ идей вводилось мало, а если какія и вводились по необходимости, то съ обыкновенными оговорками (*ut ita dicam*, *si dicere licet*, *quasi*); онѣ у Цицерона встрѣчаются болѣе въ философскихъ сочиненіяхъ. Объ

стоянны. Можно полагать, что въ такомъ состояніи онъ пребудетъ дошолъ, пока первоклассные писатели не дадутъ ему той неподвижности, какой ему недостаешь и которую должно почитать послѣднею степеню совершенства языка. Удивительно различіе, замѣтное въ сочиненіяхъ писателей древнихъ въ промежутокъ нѣсколькихъ годовъ. Даже увѣряють, что едва понятны для ученыхъ людей молитвы и священныя пѣснопѣнія, сохраненныя преданіемъ. Ромуль не понималъ бы своего народа и не узналъ бы своего города.

Если я смѣю сказать: языкъ Римлянъ тогда только будетъ шѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, и приобрететъ то, чего ему недостаешь, когда они хорошо познакомятся съ Греческимъ. Эллинскіе Поэты, Философы, Орапоры приуготовяютъ имъ царство Поэзій, Философій и Краснорѣчій. Они почерпнутъ у своихъ учителей правила и об-

этомъ Квинтилианъ говоритъ слѣдующее: Quae verba cur tantopere aspernemur, nihil video, nisi quod iniqui iudices inter nos sumus, ideoque paupertate sermonis laboramur. *Пр. С.*

разцы; не бывъ подражателями, приспособявъ ихъ къ своему духу, и тогда блестящая собственнымъ своимъ свѣтомъ, они могутъ оставить попомству памятники долговѣчнѣ своей Капитоліи.

6. ОБЗРѢНІЕ ИСТОРИИ ДАТСКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Переводъ изъ Лекцій Профессора Вольфа.

Языкъ и Изыщная Словесность въ Даніи поздно стали обрабатываться съ охотою и пользою. За блистательнымъ періодомъ Вальдемара, ознаменованнымъ столь знаменитыми мужами, каковы *Саксонъ Грамматикъ*, *Аагезенъ*, *Сунезенъ*, слѣдовало время невѣжества и варварства. Только въ половинѣ XV столѣтія начали по немногу, весьма медленно, рѣдѣть густые туманы, носившіеся надъ сею странюю. Реформація, не будучи въ Даніи такою народною потребностію, какъ въ другихъ земляхъ, не могла, проникнувъ въ нее, произвести большаго дѣйствія. Въ Поэзіи долго довольствовались богатымъ сокровищемъ *героическихъ пѣсней* (*Kjæmpe-Viseo*), и только въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія стали появляться поэтическіе опыты, которые были еще весьма рѣдки и незначительны, состояли по большей части въ рифмованныхъ поговоркахъ или

въ духовныхъ пѣсняхъ. *Андерсъ Христензенъ Арребозъ* (род. въ 1587, въ Аррескѣпингѣ на Аарѣэ, бывшій въ 1616 году Проповѣдникомъ въ Копенгагенѣ, въ 1617 Епископомъ въ Дроннгеймѣ, и въ 1622 году лишившійся своего мѣста), признается опцемъ новой Датской Поэзіи. Онъ написалъ Дидактическое стихотвореніе подъ названіемъ *Гекземеронъ*, героическимъ размѣромъ, которое впрочемъ не имѣетъ никакого поэпическаго достоинства. Его примѣру послѣдовали *Андерсъ Бордингъ*, написавшій газету въ стихахъ и многія духовныя стихотворенія; Епископъ *Томасъ Кинге*, равно занимавшійся духовными пѣснопѣніями, которыя донинѣ еще уважаются, но въ поэпическомъ отношеніи также не много значатъ. Послѣ эпикъ порывовъ снова наступилъ періодъ оцѣпенѣнія въ правленіе Фридриха IV (1700—1730), продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока наконецъ явился мужъ споль же самостоятельный, сколько геніальный, положившій разнообразными трудами своими первое начало самобытности Пзящной Словесности и имѣвшій значительное вліяніе на свое время. Это *Людвигъ Гольбергъ*, превосходящій всѣ похвалы и заслуживающій того, чтобы мы остановились на немъ нѣсколько времени.

Людвигъ Гольбергъ родился въ Норвегѣ, въ Бергенѣ, въ 1684 году. Совершивъ продолжительныя путешествія по большей части Европы, онъ былъ назначенъ, въ 1718 году, Профессоромъ Метифизики въ Копенгагенскій Университетъ. Въ 1720 г. опредѣлили его въ Ассессоры Консисторіи, потомъ въ Профессоры Исторіи, а въ 1737 г. въ Квесторы Университета. Въ 1747 году дано было ему достоинство Барона. Онъ окончилъ дѣятельную жизнь свою въ 1754 г. Гольбергъ дѣлалъ опыты въ разныхъ родахъ Поэзіи; но самая блистательная сторона его таланта — Сатиры въ различныхъ формахъ. Получивъ образованіе въ чужихъ краяхъ, исполненный свѣдѣній и учености, онъ умѣлъ усвоить все хорошее чуждыхъ народовъ, способное служить къ образованію его народа и вѣка. Онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ отецъ Датской Комедіи и какъ основатель Датской прозы; ибо и въ той, и въ другой онъ проложилъ новый путь, и заслуги его въ семъ отношеніи до сихъ поръ остаются неподражаемыми, не смотря на тѣхъ превосходныхъ мужей, на коихъ можетъ указать Данія. Комическая Эпопея Гольберга — *Петръ Паарсъ*, есть образцовое и остроумнѣйшее произведеніе въ Са-

пирическомъ родѣ : но блистательнѣе всего является онъ въ Драмахъ, тѣмъ болѣе, что всѣ сдѣланные до него опыты въ этомъ родѣ не заслуживали вниманія , и онъ первый произведеніями своими подвинулъ къ образованію вкусъ Датскаго народа. Гольбергъ съ разительною вѣрностью представлялъ жизнь преимущественно мѣщанскаго и ремесленнаго сословія , и тѣмъ сильнѣе поражалъ нелѣпости и пороки своего времени и живѣе выказывалъ смѣшныя черты его. »Въ эпихъ изображеніяхъ,« говоритъ гениальный его соотечественникъ и переводчикъ , Эленшлегеръ (1), »Гольбергъ неистощимъ и болѣе равенъ самому себѣ, нежели Мольеръ , который иногда былъ слишкомъ шутливъ , иногда же слишкомъ поучителенъ. Въ богатствѣ остроумія, въ ироніи и комической силѣ , по качеству Гольбергъ не уступитъ Мольеру , по количеству онъ выше его ; ибо написалъ вдвое больше Мольера столь же хорошихъ Комедій ; папешическое и эрошическое было чуждымъ для обоихъ, Честнымъ образомъ мыслей , глубиною разсудка , любовью къ справедливости они были весьма близки одинъ

(1) Holbergs Lustspiele. Uebersetzt von Oehlenschläger. Leipzig 1822. 4 Bde. — Ч. I, XXII.

къ другому. Никогда Гольбергъ не упопрѣбилъ во зло бича сатиры; никогда шутка его не переходить въ насмѣшку или злые сорказмы. Онъ болѣе преданъ веселой ироніи, забавному юмору, нежели сатира, и въ эпихъ свободныхъ, геніально комическихъ твореніяхъ является онъ однороднымъ съ безсмертными творцами Фальстафа и Санхо-Пансы. Онъ никогда не бываетъ щещеславень, мелочень, желчень. Съ возможнымъ опеческимъ снисхожденіемъ, если можно такъ сказать, обращается онъ съ своими комическими характерами, придаетъ имъ, гдѣ только есть возможность, нѣкоторое приятное добродушіе, и ш. п. Кромѣ этого, онъ имѣетъ еще достоинство какъ Историкъ, и сочиненія его по этой части по всей справедливости донинѣ уважаются.

Какъ Сатирикъ, изъ Гольберговыхъ современниковъ заслуживаетъ быть упомянутымъ *Христіанъ Фальстеръ* (род. 1690, ум. 1752), умѣвшій съ легкостью и приятностью владѣть языкомъ и стихомъ своимъ, но плоскій и грубый. *Тегеръ Реенбергъ* хотѣлъ обратить вниманіе на Англійскую Словесность переводами ея произведеній, особенно религіозныхъ, и имѣлъ счастливый успѣхъ. Вообще въ это время обнаружива-

лась живая наклонность къ искусствамъ и наукамъ, нашедшая покровительство въ Даніи уже гораздо позднѣе. *Граммъ, Лангебекъ, Понтонниданъ и Сумъ* вышли на поприще Историками и ревностно пользовались каждымъ случаемъ дѣйствовать въ пользу опечесвленной Словесности. Были учреждены многія ученые общества, и старанія людей умныхъ и любящихъ опечество начали болѣе и болѣе приносить пользы.

Примѣчательнѣйшій Поэтъ сего времени *Христіанъ Брауманъ Туллинъ* (род. 1728, ум. въ 1765 г.). Онъ особенно успѣлъ въ Лирическомъ и Элегическомъ родахъ, хотя нѣкоторые Датскіе Критики не совсѣмъ безъ основанія упрекаютъ его въ томъ, что онъ пренебрегъ языкомъ и слѣшкомъ слѣдовалъ Французскимъ образцамъ. Впрочемъ нельзя отказать ему въ многосторонности. — Но преемникъ его, въ порядкѣ времени, *Іоаннъ Эвальдъ*, скоро превзошелъ его славою, какъ самостоятельный, творческій умъ, исполненный богатства чувствъ и фантазій, глубокій въ ощущеніяхъ, приятный и блестящій въ описаніяхъ. Эвальдъ (род. въ Копенгагенѣ въ 1743, умеръ въ 1781 г.) палъ въ борьбѣ съ обстоятельствами; странная судьба влачила его изъ одной страны

въ другую и не давала ему приобрести умственного богатства, необходимаго Поэту нашего времени. Какъ Драмагическій писатель, достигъ онъ до такой степени, до какой никто еще не достигалъ въ его отечествѣ. — Его Трагедія: *Рольфъ Краге*, его *Смерть Бальдера* и Опера: *Рыбакъ*, суть образцовыя произведенія въ своемъ родѣ. Аллегорія его, *Храмъ Славы*, явилась когда аллегоріи были во вкусъ времени; заслуживъ по справедливости великія похвалы, она обнаруживала гениальнаго писателя. Достойны также большаго одобренія Лирическія и Элегическія его стихотворенія.

Къ числу писателей этого времени и послѣдующаго за нимъ принадлежатъ: *Иог. Герм. Вессель* (род. въ 1742, ум. 1783 г.), уроженецъ Норвежскій, превосходный комическій разскащикъ и сочинитель драматическихъ шутокъ. Его шутка: *Любовь безъ шулокъ* (*Kjoerligheden uden Strömper*) будетъ всегда высоко цѣнима его соотечественниками; *Едвардъ Штормъ* (род. 1749, ум. 1792) можетъ по справедливости славиться большимъ талантомъ писателя Балладъ и Басень. *Кл. Тоде*, изъ Гамбурга (род. 1736, ум. 1806.), оказалъ услуги въ литературномъ

образованіи Даніц множествомъ сочиненій; какъ пѣснопѣвецъ, онъ не безъ способностей.

Въ этомъ отношеніи приобрѣлъ себѣ гораздо большую славу весьма извѣстный въ Германіи и по справедливости славящійся писатель *Кундъ Лине Рабекъ*. Окончательное свое образованіе получилъ онъ въ Нѣмецкихъ Университетахъ, и во все продолженіе своей дѣятельной жизни неуслыно старался о томъ, чтобы дать истинное направленіе вкусу своихъ соотечественниковъ. Замѣчательны его народныя Драмы и Лирическія стихотворенія; какъ крипикъ, онъ показалъ себя весьма остроумнымъ и замысловатымъ; какъ прозаикъ, онъ представляетъ собою классическій образецъ. Въ области Поэзіи онъ имѣлъ соперника въ *Томасъ Таарупъ* (род. 1749, ум. 1821 г.), отличномъ Лирикѣ, счастливомъ переводчикѣ и сочинителѣ небольшихъ Оперъ; *Нордалъ Бруунъ* (ум. въ 1816 г.) оказалъ большіе успѣхи въ Лирическихъ стихотвореніяхъ; *Христофоръ Бруунъ* замѣчательнъ какъ Саширикъ; *Гоегъ Гульдбергъ* удачно писалъ Элегіи и Сапиры; замѣчательнѣе же всѣхъ *Клавсъ Фриманъ*, писатель Балладъ и народныхъ Пѣсенъ. Въ области Трагической музы оставили цо

себѣ воспоминаніе *Оле Иог. Самсёе* (род. 1759, ум. 1796 г.) и *Л. К. Зандеръ*.

Замѣчательнѣйшія явленія новѣйшихъ временъ въ Датской Изыщной Словесности, *Йенсъ Баггезенъ*, *Адамъ Эленшлегеръ* и *Б. С. Ингеманнъ*. На двухъ первыхъ Германія имѣетъ почти такое же право, какъ и Данія, пошому что они большую часть своихъ сочиненій или перевели на Нѣмецкій языкъ, или первоначально писали по-Нѣмецки. Между прѣмя сими геніальными писателями, Эленшлегеръ является какъ звѣзда первой величины.

Йенсъ Баггезенъ (род. въ Корсерѣ, въ Зеландіи, 15 Февр. 1764, ум. въ Гамбургѣ, возвращаясь въ свое отечество, 3 Окт. 1826 года) одинъ изъ пріятнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ Датскихъ писателей, но не равно счастливый во всѣхъ опытахъ. Легкая Лирика, Эпистола, Сапира и комическій рассказъ были преимущественнымъ поприщемъ, на которомъ онъ подвизался съ искусствомъ и пріятностію; блестящая остроша, удачная способностъ наблюденія, образовавшаяся многочисленными путешествіями и непостоянною жизнію, гармоническое построеніе стиховъ на языкъ благозвучномъ и обработанномъ — вотъ что особенно ха-

рактеризуешь его произведенія. Но быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, шщеславіе, не знающее почти границъ, и происпекающая отсюда раздражительность, препяшствують Баггезену быть глубокомысленнымъ, а посему и творенія его не имѣють того вліянія на Датскую Словесность, котораго по справедливости можно бы было ожидать отъ его талантовъ. Въ немъ видѣнь образцовый прозаикъ. Онъ старался усвоить Даніи Итальянскія произведенія, и въ Поэзіи былъ преимущественно соперникомъ съ Эленшлегеромъ, на котораго съ коварствомъ нападалъ и котораго послѣдокъ старался предсавить въ смѣшномъ видѣ, въ осипроумныхъ шщсмахъ, писанныхъ къ нему же самому; но голосъ народа возсталъ за сего послѣдняго, и стрѣлы обратились на самого же Баггезена. Многія пѣсни сего Поэта, писавшаго столь же много по-Датски, какъ и по-Нѣмецки, заслужили въ обѣихъ шщранахъ право гражданства. Напрошивъ, двѣ Эпическія поэмы его, *Парѳенаксъ*, эпосъ идиллическій, и *Адамъ и Ева*, послѣднее его произведеніе не имѣли продолжительнаго успѣха: первая нынѣ уже забыта, а вторая принята было сухо съ самаго начала. Между твореніями музы Баггезена

удачнѣйшія его комическія повѣствованія и продолженія оныхъ (Kom. Fortaelinger 1785 г.; Eventyrer og Kom. Fort. 1807 г., Zus. 3 Bde.). Недавно напечатана одна часть его писемъ, въ которыхъ индивидуальность Баггезена обнаруживается, если не всегда въ привлекательномъ, по крайней мѣрѣ въ яркомъ свѣтѣ.

Адамъ Эленслегеръ по справедливости можешь быть названъ однимъ изъ до-стопримѣчательнѣйшихъ Драмаическихъ писателей не только своего отечества, но и всей нынѣшней Европы. Онъ родился въ Копенгагенѣ 14го Ноября 1779 года; имѣлъ сначала намѣреніе вступить на поприще актера, но отказался отъ сего званія и занялся изученіемъ Правъ въ своемъ отечественномъ городѣ. Потомъ, вспомошествоемый любознательнымъ Дашскимъ Правительствомъ, путешествовалъ онъ по Германіи, Франціи и Италіи, и по возвращеніи былъ опредѣленъ Профессоромъ Эстетики въ Копенгагенскій Университетъ. Полное собраніе своихъ сочиненій, писанныхъ по-Нѣмецки или переведенныхъ имъ же самимъ съ Дашскаго, издалъ онъ, въ 1829 году, въ 18 частяхъ, изъ коихъ первыя двѣ, вполне обнаруживаю-

щія любезность характера Баггезена, содержащя его автобіографію.

Объ Эленшлегеръ, какъ Поэтъ, весьма остроумно говоритъ одинъ Критикъ въ *Blättern für litterarische Unterhaltung* (1) : »Достоинство Эленшлегера всего яснѣе обнаруживается въ произведеніяхъ, почерпнутыхъ имъ изъ Скандинавской Исторіи и Мифологіи. Онъ посвященъ въ тайны Одина; струны его арфы издають по временамъ звуки Вальгаллы, и млатомъ Тора ударяетъ онъ во врата радужной Симпатіи. Эвальдъ, Фриманъ, Таарупъ и другіе, почерпали изъ того же источника вдохновенія; но ему одному предоспавлено было очистить и утончить одушевленіе и силу древняго Романса. Онъ соединяетъ фантазію Менеспрея съ чувствительностію даровитаго пѣвца нашихъ временъ. Картины его услаждаютъ зрѣніе искуснымъ сліяніемъ красокъ, а въ религіозныхъ пѣснопѣніяхъ своихъ онъ возноситъ чувство, не оглушая разсудка, въ страны незримаго.«

Во всѣхъ стихотвореніяхъ Эленшлегера вѣетъ веселый, дѣтскій духъ, который, будучи совершенною собственностію Поэта,

(1) 1830 годъ, стран. 934 и слѣд.

лежащею во глубинѣ его природы, мгновенно оковываешь сердце читателя. Онъ былъ особенно склоненъ къ лиризму, что нѣкоторымъ образомъ препятствовало драматическимъ его занятіямъ; ибо похищало, или по крайней мѣрѣ уменьшало объективную ясность изображенія и развитія описываемыхъ имъ характеровъ. Послѣ *Аладина*, произведенія гения, исполненнаго юношеской свѣжести, я почитаю лучшею Драмою *Гаконъ Ярла*, одно изъ величественнѣйшихъ твореній въ области сѣверной Поэзіи; самъ Гаконъ и Торъ — характеры истинно классическіе. Въ Корреджіо Эленшлегера — при всѣхъ его красотахъ, недостаетъ (не смотря на жаркое за него заступленіе Автора) внутреннего достоинства; слишкомъ изысканная чувствительность великаго живописца Ночи скорѣе отпалкиваетъ, нежели привлекаетъ насъ, а другія лица, расположенныя около него Поэтомъ, недостаточно значительны для увеличенія занимательности главнаго лица и недостаточно отпличены для возбужденія въ насъ участія къ нимъ самимъ. Эленшлегерь, чуждый истиннаго остроумія, незамѣяемаго простодушіемъ, подвизался безуспѣшно въ области Комедіи; здѣсь онъ всегда достигаетъ своей цѣли, если ему нужно пронуть сердце; но

онъ не въ состояніи удовлетвориительно и надолго занять разсудка. — Прозаическіе рассказы его превосходны, особенно небольшой Романъ: *Король Хроаръ въ Ленрѣ*; также и между Лирическими его стихотвореніями находится много прекраснаго. — Одно изъ гениальныхъ произведеній Эленшлегера есть рядъ Лирико-эпическихъ стихотвореній: *Боги Сѣвера*, переведенныя на Нѣмецкій языкъ Тормондомъ - Легисомъ.

Б. С. Ингеманъ не оправдалъ впоследствии ожиданій, возбужденныхъ первыми его сочиненіями. Съ одной стороны ему свойственны богатство фантазіи, внутреннее чувство, благозвучіе языка и стиха; съ другой же онъ лишенъ творческой силы. — Романтический его эпосъ: *Черные рыцари*, не безъ достоинствъ. — Въ послѣднее время онъ болѣею частію подражалъ Е. Т. А. Гофманну и Вальтеру Скотту: попытки въ родъ перваго были совершенно неудачны; историческіе же романы Ингеманна, особенно его *Вальдемаръ*, хотя и не имѣютъ глубокости, однако же показываютъ дарованіе. Многія изъ его сочиненій удачно переведены на Нѣмецкій языкъ.

Сергій Строевъ.

III. К Р И Т И К А.

7. ОПЫТЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА АНАЛИТИЧЕСКУЮ МЕХАНИКУ ЛАГРАНЖА.

(Продолженіе).

(Сост. Проф. Перевощиковымъ).

46. Послѣ предложеннаго въ NO IV Уч. З., слѣдовало бы разсмотрѣть *Отдѣленіе четвертое*: но какъ оно не можетъ быть затруднительнымъ для читателей, вникнувшихъ въ первую статью нашего *Опыта*; по не останавливаясь, приступаемъ къ *Отдѣленію V* и послѣднему въ теоріи равновѣсія силъ, дѣйствующихъ на системы тѣлъ твердыхъ. Сіе *Отдѣленіе* содержитъ въ себѣ приложенія общихъ правилъ равновѣсія къ разрѣшенію многихъ механическихъ вопросовъ, размѣщенныхъ въ слѣдующихъ четырехъ главахъ:

Уч. Зап. Часть IV.

1. *О равновѣсіи многихъ силъ , приложенныхъ къ одной точкѣ , и о составленіи и разложеніи силъ.*

2. *О равновѣсіи многихъ силъ , приложенныхъ къ системѣ тѣлъ, принимаемыхъ за точки , и соединенныхъ между собою нитями или прутьями.*

3. *О равновѣсіи гибкой или негибкой , упругой и вѣствъ растяжимой или неразтяжимой нити , коей всѣ точки влекутся произвольными силами.*

4. *О равновѣсіи тѣла твердаго , имѣющаго опредѣленную величину и фигуру , и на точки коего дѣйствуютъ силы произвольныя.*

Припомъ главы сіи подраздѣльны на §§; первая изъ нихъ состоишь изъ двухъ §§ , коихъ объясненіе здѣсь предлагаемъ.

47. Въ началѣ сей Главы, общее уравненіе умозрительныхъ скоростей

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = 0 ,$$

сочинитель преобразовываетъ въ правило равновѣсія силъ , приложенныхъ къ одной точкѣ M , опредѣляемой въ пространствѣ

координатами x, y, z . Правило сіе заключається въ уравненіи.

$$X\partial x + Y\partial y + Z\partial z = 0, \dots (37)$$

въ которомъ

$$\left. \begin{aligned} X &= \frac{x-a}{p}P + \frac{x-f}{q}Q + \frac{x-l}{r}R + \dots \\ Y &= \frac{y-b}{p}P + \frac{y-g}{q}Q + \frac{y-m}{r}R + \dots \\ Z &= \frac{z-c}{p}P + \frac{z-h}{q}Q + \frac{z-n}{r}R + \dots \end{aligned} \right\} \dots (38)$$

Сверхъ того здѣсь предположено, что силы $P, Q, R \dots$ влекутъ данную точку M къ точкамъ, опредѣляемымъ координатами $a, b, c; f, g, h; l, m, n$; и пр., и лежащимъ на направленіяхъ силъ въ разстояніяхъ $p, q, r, \dots$ отъ M . Пошомъ, поелику сія точка M принимается совершенно свободною, т. е. не назначается никакого условнаго уравненія между координатами x, y, z ; слѣд. уравненіе (37) должно удовлетворяться независимо отъ величинъ $\partial x, \partial y, \partial z$; а пошому для равновѣсія данныхъ силъ, приложенныхъ къ M , получаемъ при уравненіи

$$X = 0, Y = 0, Z = 0 \dots (39).$$

48. Анализъ, приводящій къ урав. (37) и (38), не требуетъ никакого объясненія; но слѣдствіе, выведенное изъ ур. (39), неопытнымъ читателямъ можетъ показаться не совсемъ понятнымъ. Для объясненія, обращаемся къ урав. (33) (У. З. NO IV), выражающему величину координатъ центра тяжести системы шѣлъ. Положимъ, что сія система состоитъ изъ μ шѣлъ, имѣющихъ равныя массы $M = M' = M'' = \dots$; тогда упомянутыя уравненія примутъ такой видъ:

$$a = \frac{M(x_1 + x_{11} + x_{111} + \dots)}{\mu M}$$

$$= \frac{x_1 + x_{11} + x_{111} + \dots}{\mu},$$

$$b = \frac{M(y_1 + y_{11} + y_{111} + \dots)}{\mu M}$$

$$= \frac{y_1 + y_{11} + y_{111} + \dots}{\mu},$$

$$c = \frac{M(z_1 + z_{11} + z_{111} + \dots)}{\mu M}$$

$$= \frac{z_1 + z_{11} + z_{111} + \dots}{\mu}$$

Потомъ перемѣнимъ a, b, c на x, y, z , и x, y, z , на a, b, c ; x_{II}, y_{II}, z_{II} на f, g, h ; $x_{III}, y_{III}, z_{III}$ на l, m, n , и пр. получимъ

$$\left. \begin{aligned} x &= \frac{a + f + l + \dots}{\mu}, \\ y &= \frac{b + g + m + \dots}{\mu}, \\ z &= \frac{c + h + n + \dots}{\mu}, \end{aligned} \right\} \dots (40).$$

Наконецъ пусть число силъ $P, Q, R, \dots$ дѣйствующихъ на данную точку M , будетъ μ , и примемъ, что $p, q, r, \dots$ выражаютъ величины дѣйствія сихъ силъ, т. е. $p = P$, $q = Q$, $r = R$, $\dots$; тогда уравненія (38) дадутъ

$$X = \mu x - (a + f + l + \dots),$$

$$Y = \mu y - (b + g + m + \dots),$$

$$Z = \mu z - (c + h + n + \dots),$$

откуда, уже по условіямъ урав. (39), выведемъ урав. (40). И такъ, ежели силы P, Q, R , и пр. приложенныя къ какой нибудь точкѣ M , находятся въ равновѣсіи; то M есть центръ тяжести точекъ, лежащихъ на на-

правленіяхъ силъ въ разстояніяхъ, выражающихъ дѣйствія тѣхъ же самыхъ силъ.

Доказанная теорема принадлежитъ Лейбницу; частный ея случай, относящійся къ четыремъ силамъ, составляетъ теорему Роберваля, выражающую положеніе центра тяжести треугольной пирамиды. См. Спатакии Пуансо чл. 154 и 159.

49. Въ уравненіи

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = 0,$$

дифференціалы $\partial p, \partial q, \partial r, \dots$ выражаютъ движеніе точки, считаемое по линейямъ $p, q, r, \dots$ п. е. сіи дифференціалы суть проложенія онаго движенія на $p, q, r, \dots$. Посему когда $\partial p = 0$, или $\partial q = 0$, или $\partial r = 0; \dots$, тогда точка, повинующаяся силамъ $P, Q, R, \dots$, движется по направленію, перпендикулярному къ направленію той или другой силы. Основываясь на семъ замѣчаніи, не трудно разрѣшить вопросъ, содержащійся въ чл. 4 разсматриваемаго Отдѣленія. Симъ вопросомъ пребудетъ *опредѣлить условія равновѣсія между силами, приложенными къ точкѣ не свободной, но принужденной оставаться на данной поверхности.*

Ежели S есть сила, удерживающая точку на поверхности; то искомое условие равновѣсія выразится уравненіемъ

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots + S\partial s = 0 \dots (41)$$

Но сила S не можетъ иначе дѣйствовать, какъ перпендикулярно къ оной поверхности, слѣд. $\partial s = 0$, отъ чего уравненіе (41) опять превращается въ

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = 0.$$

Съ другой стороны, поелику ∂s уничтожается отъ необходимости оставаться на поверхности, коей дифференціальное уравненіе можно вообще представить чрезъ $\partial u = 0$; слѣд. ∂s и ∂u становящіяся равными нулю въ совокупности, такъ что между ∂s и ∂u должно быть уравненіе

$$\partial s = n.\partial u \dots (42).$$

Изобразивъ чрезъ t , t' , t'' координаты постоянной точки, лежащей на направленіи силы S , получимъ

$$s^2 = (x-t)^2 + (y-t')^2 + (z-t'')^2,$$

и

$$\frac{\partial s}{\partial x} = \frac{x-t}{s}, \quad \frac{\partial s}{\partial y} = \frac{y-t'}{s}, \quad \frac{\partial s}{\partial z} = \frac{z-t''}{s},$$

откуда

$$\left(\frac{\partial s}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial s}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial s}{\partial z}\right)^2 = \frac{(x-t)^2 + (y-t')^2 + (z-t'')^2}{s^2} = 1.$$

Если въ сіе уравненіе внесемъ величину ∂s изъ урав. (42), то получимъ

$$n^2 \left\{ \left(\frac{\partial u}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial z}\right)^2 \right\} = 1,$$

и

$$n = \frac{1}{V \left[\left(\frac{\partial u}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial z}\right)^2 \right]}.$$

И такъ *умозрительный* моментъ силы S будетъ

$$S \partial s = \frac{S \partial u}{\left[\left(\frac{\partial u}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial z}\right)^2 \right]} = \lambda \partial u,$$

когда положимъ

$$\lambda = \frac{S}{\left[\left(\frac{\partial u}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial z}\right)^2 \right]}.$$

Изъ сего слѣдуетъ, что условія равновѣсія точки, принужденной оспаваться на данной поверхности, заключаются въ уравненіи

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots + \lambda\partial u = 0,$$

или въ уравненіи

$$X\partial x + Y\partial y + Z\partial z + \lambda\left(\frac{\partial u}{\partial x}\partial x + \frac{\partial u}{\partial y}\partial y + \frac{\partial u}{\partial z}\partial z\right) = 0 \dots (45),$$

потому что

$$\partial u = \frac{\partial u}{\partial x}\partial x + \frac{\partial u}{\partial y}\partial y + \frac{\partial u}{\partial z}\partial z.$$

Присоединяя такимъ образомъ къ урав. (37) условіе постояннаго пребыванія точки на поверхности, составляемъ урав. (43), которое должно удовлетворяться независимо отъ величинъ дифференціаловъ $\partial x, \partial y, \partial z$; такъ что уравненіе сіе по необходимости раздѣляется на три :

$$X + \lambda \frac{\partial u}{\partial x} = 0, \quad Y + \lambda \frac{\partial u}{\partial y} = 0, \quad Z + \lambda \frac{\partial u}{\partial z} = 0 \dots (44),$$

изъ коихъ получаемъ

$$\lambda = - \frac{X}{\frac{\partial u}{\partial x}} = - \frac{Y}{\frac{\partial u}{\partial y}} = - \frac{Z}{\frac{\partial u}{\partial z}}, \dots (45)$$

что даетъ три новыя уравненія

$$\frac{\partial u}{\partial y}X - \frac{\partial u}{\partial x}Y = 0, \quad \frac{\partial u}{\partial z}X - \frac{\partial u}{\partial x}Z = 0, \quad \frac{\partial u}{\partial z}Y - \frac{\partial u}{\partial y}Z = 0;$$

но какъ каждое изъ сихъ уравненій есть слѣд-
ствіе двухъ прочихъ, то для искомага рав-
новѣсія доспапочно только двухъ:

$$\frac{\partial u}{\partial z}X - \frac{\partial u}{\partial x}Z = 0, \quad \frac{\partial u}{\partial y}X - \frac{\partial u}{\partial x}Y = 0 \dots (46).$$

Припомъ поелику урав. (45) даетъ

$$\lambda^2 = \frac{X^2 + Y^2 + Z^2}{\left(\frac{\partial u}{\partial x}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial y}\right)^2 + \left(\frac{\partial u}{\partial z}\right)^2},$$

слѣд.

$$S = \sqrt{X^2 + Y^2 + Z^2}.$$

50. Сіе прямое рѣшеніе предложеннаго
вопроса, заимствованное изъ Небесной Ме-
ханики *Лапласа*, наилучшимъ образомъ объ-
ясняетъ *Лагранжевъ* способъ произвольныхъ
множишелей, и вмѣстѣ съ симъ чл. 12, 13 и
14 Отдѣленія II Аналитической Механи-
ки (*). Сіи при члена, какъ заключающіе

(*) Можно сдѣлать возраженіе, что *Лапласово*
доказательство предполагаетъ теорію разло-
женія силъ, необходимую для объясненія пер-
пендикулярнаго дѣйствія силы *S*: но *Опытъ*
нашъ не есть систематическое изложеніе Ме-
ханики, и имѣетъ цѣлью одно только желаніе
объясненіемъ способовъ *Лагранжа* привлечь
начинающихъ къ изученію знаменитаго со-
творенія.

въ себѣ существенныя основанія Стапики, подведенной подъ общее правило умозрительныхъ скоростей, помѣщаемъ здѣсь въ буквальный переводъ :

„(Чл. 12). Вообще, какая бы ни была система силъ и какимъ бы образомъ почки ихъ приложенія ни были между собою соединены, число переменныхъ количествъ, определяющихъ положенія сихъ почекъ въ пространстве, всегда можно превратить въ небольшое число новыхъ переменныхъ независимыхъ: для сего посредствомъ условныхъ уравненій, выражающихъ свойства системы, должно исключивъ столько переменныхъ, сколько дается условій, т. е. число всѣхъ данныхъ переменныхъ, коихъ сумма равняется тройному числу почекъ, должно или сократить, или замѣнить другими переменными, копорыя, не будучи подчинены никакому условію, остаются независимыми и неопредѣленными. Тогда равновѣсіе будетъ имѣть мѣсто относительно каждаго изъ сихъ переменныхъ независимыхъ, пошому что опъ нихъ происходящъ различныя переменны въ положеніи системы.

„(Чл. 13). Дѣйствительно, ежели чрезъ ξ, ψ, φ , и пр. изобразимъ оныя независимыя

переменных, и примемъ, что количества p, q, r ,
и пр. суть ихъ функции ; то получимъ

$$\partial p = \frac{\partial p}{\partial \xi} \partial \xi + \frac{\partial p}{\partial \psi} \partial \psi + \frac{\partial p}{\partial \varphi} \partial \varphi + \text{и пр.},$$

$$\partial q = \frac{\partial q}{\partial \xi} \partial \xi + \frac{\partial q}{\partial \psi} \partial \psi + \frac{\partial q}{\partial \varphi} \partial \varphi + \text{и пр.},$$

$$\partial r = \frac{\partial r}{\partial \xi} \partial \xi + \frac{\partial r}{\partial \psi} \partial \psi + \frac{\partial r}{\partial \varphi} \partial \varphi + \text{и пр.},$$

и ш. д.,

отъ чего уравненіе равновѣсія

$$P \partial p + Q \partial q + R \partial r + \dots = 0.$$

приметъ такой видъ :

$$\left. \begin{aligned} & \left(P \frac{\partial p}{\partial \xi} + Q \frac{\partial q}{\partial \xi} + R \frac{\partial r}{\partial \xi} + \text{и пр.} \right) \partial \xi \\ & + \left(P \frac{\partial p}{\partial \psi} + Q \frac{\partial q}{\partial \psi} + R \frac{\partial r}{\partial \psi} + \text{и пр.} \right) \partial \psi \\ & + \left(P \frac{\partial p}{\partial \varphi} + Q \frac{\partial q}{\partial \varphi} + R \frac{\partial r}{\partial \varphi} + \text{и пр.} \right) \partial \varphi \end{aligned} \right\} = 0,$$

въ которомъ величины дифференціаловъ $\partial \xi$,
 $\partial \psi, \partial \varphi, \dots$ остаются неопредѣленными ; а по-

тому сіе уравненіе по необходимости раздѣ-
ляется на частныя уравненія :

$$P \frac{\partial p}{\partial \xi} + Q \frac{\partial q}{\partial \xi} + R \frac{\partial r}{\partial \xi} + \dots = 0 ,$$

$$P \frac{\partial p}{\partial \psi} + Q \frac{\partial q}{\partial \psi} + R \frac{\partial r}{\partial \psi} + \dots = 0 ,$$

$$P \frac{\partial p}{\partial \varphi} + Q \frac{\partial q}{\partial \varphi} + R \frac{\partial r}{\partial \varphi} + \dots = 0 ,$$

и пр.

коихъ число равняется числу переменныхъ ξ, ψ, φ , и пр., и слѣд. всѣ сіи переменныя могутъ быть опредѣлены.

„Очевидно, что каждое изъ сихъ уравне-
ній выражаетъ условіе частнаго равновѣсія,
въ которомъ умозрительныя скорости имѣ-
ютъ опредѣленные между собою отношенія:
совокупность сихъ частныхъ равновѣсій со-
ставляетъ общее равновѣсіе системы.

„(Чл. 14). Когда сумма $P \partial p + Q \partial q + R \partial r +$
и пр. не превращается въ нуль относительно
всѣхъ независимыхъ переменныхъ; тогда
между силами P, Q, R , и пр. не можетъ быть
равновѣсія, и каждое изъ повинующихся имъ
тѣлъ получитъ движеніе, зависящее отъ са-
мыхъ силъ и отъ ихъ взаимнаго дѣйствія.

„Положимъ, что другія силы P', Q', R' , и пр. направлены по линеймъ p', q', r' , и пр., дѣйствуя на тѣла той же системы, сообщаютъ имъ одинаковое движеніе: силы сіи будутъ *равнодѣйствующія* (*équivalentes*) съ первыми и во всякомъ случаѣ могутъ замѣнять ихъ совершенно: ибо тѣ и другія производятъ совершенно одинаковыя дѣйствія. Если же силы P', Q', R' , и пр., сохраняя свои величины, примутъ направленія прямопротивныя; то явно, что и движенія тѣлъ сдѣлаются также противоположными прямолинейно. Отсюда слѣдуетъ, что когда въ томъ новомъ положеніи силы P', Q', R' и пр. будутъ дѣйствовать въ одно время съ P, Q, R , и пр., тогда система останется въ покоѣ: движенія, сообщенныя тѣламъ по одному направленію, уничтожатся движеніями прямопротивными. Происходящее отъ сего равновѣсіе выразишь уравненіемъ

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \text{и пр.} - P'\partial p' - Q'\partial q' - R'\partial r' - \text{и пр.} = 0,$$

или

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = P'\partial p' + Q'\partial q' + R'\partial r' + \dots$$

„Сіе уравненіе представляетъ необходимое условіе равнодѣйствія силъ P', Q', R' и пр., по направленію линей p', q', r' ,

и пр., съ силами P, Q, R , и пр., дѣйствующими по линейамъ p, q, r , и пр. Припомъ, поелику двѣ системы силъ могутъ быть равнодѣйствующими только однимъ образомъ, потому что всякое тѣло можетъ имѣть одно опредѣленное движеніе, слѣд. и обратное заключеніе должно быть справедливо; т. е. когда силы P, Q, R , и пр. P', Q', R' и пр. какъ вообще, такъ и въ особенности относительно всѣхъ независимыхъ переменныхъ, удовлетворяють уравненію

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = P'\partial p' + Q'\partial q' + R'\partial r' + \dots,$$

тогда сіи двѣ системы силъ суть равнодѣйствующія и во всякомъ случаѣ могутъ замѣнить одна другую.“

51. Послѣ сихъ теоремъ не трудно уже понять, что тождественное уравненіе (чл. 47)

$$P\partial p + Q\partial q + R\partial r + \dots = X\partial x + Y\partial y + Z\partial z \dots \quad (47)$$

выражаетъ равнодѣйствіе силъ P, Q, R , и пр. по линейамъ $p, q, r, \dots$ съ силами X, Y, Z , коихъ дѣйствіе направлено по линейамъ x, y, z . А какъ уравненія (38) показываютъ, что X, Y, Z суть суммы проложеній силъ $P, Q, R, \dots$ на оси координатъ или на параллельныя съ ними линии: то явно, что

всякая система силъ, приложенныхъ къ одной точкѣ, всегда можетъ быть замѣнена тремя взаимно перпендикулярными силами.

52. Поеліку въ выраженіяхъ X, Y, Z дроби

$$\frac{x-a}{p}, \frac{x-f}{q}, \frac{x-l}{r}, \dots$$

$$\frac{y-b}{p}, \frac{y-g}{q}, \frac{y-m}{r}, \dots$$

$$\frac{r-c}{p}, \frac{z-h}{q}, \frac{z-m}{r}, \dots$$

суть косинусы угловъ $\alpha, \alpha', \alpha'', \dots$; $\beta, \beta', \beta'', \dots$; $\gamma, \gamma', \gamma'', \dots$, составляемыхъ силами $P, Q, R, \dots$ съ осями координатъ; слѣд. когда силы сіи будутъ находиться въ одной плоскости, на пр. въ плоскости xy ; тогда

$$\gamma = \gamma' = \gamma'' = \dots 90^\circ,$$

$$c\gamma = c\gamma' = c\gamma'' = \dots 0.$$

Отъ сего въ урав. (47) членъ $Z\partial z$ исчезнетъ самъ по себѣ, и система данныхъ силъ $P, Q, R, \dots$, приложенныхъ къ одной точкѣ, превратится въ двѣ силы X, Y , дѣйствующія по взаимно перпендикулярнымъ осямъ. Припомъ ежели точка приметъ свободною, то условія равновѣсія будутъ

$$X = 0, Y = 0,$$

или

$$Pcs\alpha + Qcs\alpha' + Rcs\alpha'' + \dots = 0,$$

$$Pcs\beta + Qcs\beta' + Rcs\beta'' + \dots = 0,$$

или

$$\left. \begin{aligned} Pcs\alpha + Qcs\alpha' + Rcs\alpha'' + \dots &= 0, \\ Psn\alpha + Qsn\alpha' + Rsn\alpha'' + \dots &= 0 \end{aligned} \right\} \dots (48),$$

потому что для силъ, находящихся въ одной плоскости,

$$\beta = 90^\circ - \alpha, \beta' = 90^\circ - \alpha', \text{ и пр.}$$

53. Изъ уравненій (48) нешрудно вывести теорему о параллелограммъ силъ. Положимъ, что на точку дѣйствуютъ только три силы P, Q, R ; тогда для удовлетворенія оныхъ уравненій должно быть

$$Pcs\alpha + Qcs\alpha' = -Rcs\alpha'',$$

$$Psn\alpha + Qsn\alpha' = -Rsn\alpha''.$$

Сверхъ того примемъ, что P и Q дѣйствуютъ по самымъ осямъ; такъ что $\alpha = 0$, $\alpha' = 90^\circ$. Отсюда выйдетъ

$$-Rcs\alpha'' = P, -Rsn\alpha'' = Q,$$

и

$$R^2 = P^2 + Q^2.$$

Сии уравненія показываютъ, что при дѣйствіи двухъ взаимно перпендикулярныхъ силъ P и Q , равновѣсіе можетъ произойти только въ томъ случаѣ, когда третія сила R по величинѣ будетъ выражаться діагональю прямоугольника, составленнаго изъ линей, представляющихъ величины P и Q , по направленію же — прямопротивна сей діагонали. И такъ двѣ взаимно перпендикулярныя силы можно замѣнять одною, выражаемою по величинѣ и по направленію діагональю онаго прямоугольника.

54. Теперь неспрудно уже доказать, что при взаимно перпендикулярныхъ силахъ могутъ быть замѣнены одною, которой величина и направленіе выражается діагональю параллелепипеда, коего ребрами служатъ линей, пропорціональныя тремъ даннымъ силамъ. Если данныя силы изобразимъ чрезъ X, Y, Z , а составную чрезъ Z , то будетъ

$$R^2 = X^2 + Y^2 + Z^2,$$

и въ случаѣ равновѣсія $R=0$, что требуетъ уравненій

$$X=0, Y=0, Z=0,$$

показывающихъ, что *сила, дѣйствующая перпендикулярно къ плоскости, не можетъ по сей плоскости сообщить движенія.*

Примѣч. Послѣ общей теоріи разложенія силъ, *Лагранжъ* касается (чл. 9 и 10) изслѣдованій о приращеніи сфероидовъ, одного изъ любопытнѣйшихъ приложений *Спапикки*; предметъ сей со всѣми подробностями будетъ разсмотрѣнъ въ особой спашѣ.

IV. С М Ъ С Ъ.

А. Ученыя извѣстія.

8. О сочиненіяхъ Лежандра.

(Окончаніе).

2. Теорія Эллиптическихъ функций.

По изобрѣшеніи логарифмовъ *Неперомъ* и *Бриггемъ*, по составленіи таблицъ оныхъ какъ для чиселъ, такъ и для тригонометрическихъ линий, и наконецъ по введеніи *Эйлеромъ* въ аналитическія исчисленія синусовъ и косинусовъ, открылся способъ вычислять, подобно количествамъ *алгебраическимъ*, всѣ дифференціальныя формулы, коихъ интегрированіе приводитъ къ *количествамъ трансцендентнымъ*, каковы суть логарифмы, или дуги круга. При этомъ успѣхи, сдѣланные въ искусствѣ преобразованія функций, увеличили число тѣхъ выраженій, которыя могутъ быть приводимы къ упомянутымъ формуламъ. Но всѣ средства преобразованія оказывались недостаточными, какъ скоро ирраціональныя выраженія были выше второй степени. Для вспоможенія сему недостатку *Маклоренъ*, *Даламбертъ* и *Эйлеръ* начали заниматься методическою классификаціею сихъ выраженій, чтобъ вычисленіе оныхъ можно было подвести подъ правила выпрямленія эллипсиса или гиперболы, коихъ величины получаются изъ правильныхъ и доста-

шочно сходящихся рядовъ. Обращивъ вниманіе на топъ же предметъ, *Ланденъ* нашель (1775 г.) прекрасную теорему: онъ доказаль, что всякую дугу гиперболы можно выпрямлять посредствомъ двухъ дугъ эллипсиса. Наконецъ *Лагранжъ* въ 1785 г. издалъ достопримѣчательное Разсужденіе, въ кошоромъ изложилъ оспроумнѣйшіе способы опредѣлять величину ирраціональныхъ формулъ прешей и четвертой степени помощію правильнаго и симетрическаго анализа. — Сіе краткое обозрѣніе показываесть, что хопя и сдѣланы были весьма важныя отккрытія; однако для вычисленія упомянутыхъ формулъ еще недоспавало полной и почной теоріи. Одинъ только *Эйлеръ* провидѣль ея возможность; но не распространиль своихъ идей, и оспался при одномъ замѣчаніи о потребности новаго вычисленія (*). Чпожъ касается до другихъ Геометровъ, современныхъ *Лежандру*, то предметъ неусыпныхъ его занятій и изысканій не обращаль ихъ вниманія, не смотря на его блестящіе успѣхи и неисчерпаемость самаго предмета; шакъ чпо въ шеченіе сорока лѣтъ *Лежандръ* занимался шрудомъ своимъ совершенно свободно и безъ соперниковъ. Сіе странное равнодушіе Геометровъ возвысило славу *Лежандра*, позволивъ ему воздвигнуть новое великое зданіе собственными силами, безъ поспороннаго участія.

(*) Inprimis autem hic idoneus signandi modus desiderari videtur, cujus ope arcus elliptici aequè commode in calculo exprimi queant ac jam logarithmi et arcus circulares, ad insigne analyseos incrementum, in calculum sunt introducti. Talia signa novam quandam calculi speciem suppeditabunt... Novi comm. Ac. Petropol. T. X, стр. 4.

Въ обширномъ сочиненіи, которое *Лежандръ* издалъ (1825—1832) въ трехъ томахъ, въ четвертку, подъ названіемъ *Трактата объ эллиптическихъ функціяхъ*, заключающагося въ его изысканія, приведенныя въ превосходный порядокъ. Здѣсь изложены средства превращающія въ три главныя формы, названныя сочинителемъ *Эллиптическими функціями перваго, втораго и третьаго рода*, множество ирраціональныхъ дифференціальныхъ формулъ, которыя могутъ вступать въ приложенія. Функціи двухъ первыхъ родовъ содержатъ только одно постоянное, модуль, но въ третій родъ входитъ еще другое, подъ именемъ *параметра*; самое же независимое переменное, принадлежащее къ количествамъ углолинейнымъ, названо *амплитудою* функціи. По разсмотрѣніи взаимнаго отношенія всѣхъ сихъ функцій, *Лежандръ* предлагаетъ необходимыя способы опредѣленія ихъ интеграловъ съ произвольнымъ приближеніемъ, помощію быстро и правильно сходящихся рядовъ.

Въ эллиптическихъ функціяхъ разсматриваются или пространство амплитуды, или величина модуля и параметра; въ первомъ случаѣ изслѣдованіе бываетъ обращено на каждую функцію особенно; во второмъ же — на многія функціи одного или различныхъ родовъ. Любопытныя теоремы *Графа Фаньяно* (Fagnano), сдѣлавшіяся известными чрезъ Италіянскіе журналы 1718 года, относящаяся къ первому случаю, къ которому принадлежитъ и столь важный интегралъ, который найденъ былъ *Эйлеромъ* въ 1761 г. какъ бы по вдохновенію. Изъ счастливаго преобразо-

ванія сего интеграла, превращеннаго въ простую формулу Сферической Тригонометріи, не смотря на первоначальную его сложность, вывелъ *Лежандръ* множество слѣдствій, полезныхъ для сравненія и вычисленія алл. функций. Припомъ замѣчательно, какимъ образомъ пышливый умъ *Эйлера* не открылъ, что переменны постояннаго количества или модуля приводятъ къ различнымъ преобразованіямъ многихъ формулъ, полученныхъ имъ при распространеніи теоремъ *Фаньяно*. Сіе было сдѣлано *Ланденомъ* для частнаго случая, и попомъ *Лагранжемъ*, въ прекрасномъ его Разсужденіи 1775 г. Но *Лежандръ*, разсмотрѣвъ попомъ же вопросъ со всѣми подробностями, успѣлъ извлечь изъ него все необходимое для своей цѣли, и наконецъ открылъ впорую *лествицу модулей*, посредствомъ которой можно дѣлать многоразличныя преобразованія одной и той же функции. Наконецъ, по случаю блестящихъ открытій, сдѣланныхъ въ попомъ же предметѣ *Абелемъ* (къ несчастію, умершимъ на 27 году отъ рожденія), въ прешьемъ попомъ своего творенія *Лежандръ* помѣстилъ изслѣдованіе свойствъ новыхъ трансцендентныхъ функций, которыя назвалъ онъ *ультра-эллиптическими*, и раздѣлилъ также на три рода. Сіе изслѣдованіе открываетъ Геометрамъ обширное поприще; попому что новыя функции разнообразны до безконечности.

3. *Различныя изысканія касательно анализа, Геометріи и Механики.*

Между трудами *Лежандра* касательно анализа первое мѣсто занимаютъ его изслѣдованія

объ *опредѣленныхъ интегралахъ*, особенно же о тѣхъ, копорые назвалъ онъ *Эйлеровскими*, и копорые имѣютъ многія отношенія къ эллиптическимъ функціямъ: такъ что сочинитель часпъ своего вышеупомянутаго *Трактата* посвящилъ симъ изслѣдованіямъ.

Извѣстно, что *опредѣленные интегралы* суть величины интеграловъ, заключаемыхъ въ извѣстные предѣлы съ пою цѣлю, чпобы получить формулы, способныя для удобнѣйшаго вычисленія. *Эйлеръ*, во многихъ своихъ разсужденіяхъ, открылъ свойство двухъ классовъ сего рода интеграловъ, но не составилъ общей теоріи, копорую *Лежандръ* достигъ совершенно. Посему онъ переработалъ всѣ изысканія *Эйлера*, назвавъ именемъ сего великаго Геометра два вида транцендентныхъ функцій, наиболѣе встречающихся въ высшемъ анализѣ; припомъ онъ открылъ общее выраженіе перваго вида, чего не достигъ знаменитый его предшественникъ. Послѣ сего *Лежандръ* показалъ средство вычислять первый видъ оныхъ функцій и составилъ для нихъ таблицы, свидѣтельствующія о его необыкновенномъ трудолюбіи. Къ симъ таблицамъ онъ присоединилъ еще другія, посредствомъ копорыхъ опредѣляющія приближенно величины *неопредѣленныхъ* интеграловъ втораго вида, необходимыхъ для многихъ приложений. Сверхъ того, занимаясь сими послѣдними функціямъ, *Лежандръ* нашелъ полный интегралъ дифференціальнаго уравненія, подобнаго уравненію *Риккати*, но болѣе общаго. Здѣсь должно еще упомянутьъ объ открытыхъ имъ полныхъ интегралахъ дифференціальныхъ уравненій

второго порядка, выражающихъ свойство эллиптическихъ функций перваго и втораго рода.

Определенные интегралы представляютъ обширное поле для изслѣдованій Геометровъ, и *Лежандръ* весьма часто обращался къ онымъ по случаю изысканій о томъ же предметѣ, предпринимаемыхъ *Лапласомъ*, *Пуассономъ*, *Коши* (*) и *Бидономъ*. Въ III, IV и V частяхъ его *Упражненій въ интегральномъ исчисленіи* находится распространіе главныхъ ихъ открытій, подведенныхъ подъ однообразные аналитическіе способы, и дополненныхъ весьма важными прибавленіями. Тутъ же помѣщены многія замѣчательныя суммированія весьма употребительныхъ трансцендентныхъ рядовъ, и новые способы, необходимые для настоящаго состоянія анализа. Нельзя также умолчать о полезнѣйшихъ идеяхъ *Лежандра* относительно квадратуръ и выпрямленій вообще; причемъ сочинитель обращается къ первымъ трудамъ своимъ о праекторіи шѣла, брошеннаго въ сопротивляющейся срединѣ: совершенствуя

(*) Въ § 1 Разсужденія объ определенныхъ интегралахъ между *мнимыми* предѣлами, *Коши* вычисляя труды Ученыхъ, занимавшихся симъ предметомъ, говоритъ: „молодой Русскій ученый, Г. *Остроградскій*, одаренный глубокой проникаемостью и весьма опытный въ неопределенномъ анализѣ, помощію сихъ интеграловъ и преобразованія оныхъ въ обыкновенные, открылъ новое доказательство для формулъ, на которыя указывалъ я прежде, и вмѣстѣ съ шѣмъ распространилъ другія формулы, предложенныя мною въ 19 тетради журнала Политехнической школы.“

рѣшеніе сего вопроса, съ необыкновенною про-
ницабельностію разсматриваетъ онъ необходи-
мое ограниченіе остроумнаго *Лапласова* спо-
соба вычислять приближенно формулы, содержа-
щія весьма большія числа. Въ семъ разсмотрѣніи
достойны особеннаго вниманія мнимые предѣлы
интеграловъ. Наконецъ должно упомянуть, что
въ прибавленіи ко второму тому *Трактата*
объ эллиптическихъ функцияхъ разсмотрѣно
со всѣми подробностями разложеніе корня функ-
ціи, относящейся къ возмущенію планетъ: здѣсь
видно счастливое приложеніе всѣхъ новыхъ спо-
собовъ, изобрѣшенныхъ *Лежандромъ*, и безъ
сомнѣнія прудъ сей всегда будетъ уважаемъ Гео-
метрами по его почини и изыществу.

Приступая къ вычисленію другихъ сочиненій
Лежандра, надобно возвратиться къ прежнимъ
годамъ его занятій. Въ 1786 г. онъ показалъ, ка-
кимъ образомъ въ Варіаціонномъ изчисленіи долж-
но находить признаки наибольшихъ и наимень-
шихъ величинъ интегральныхъ формулъ, и вмѣстѣ
съ симъ приложилъ свою теорію ко многимъ труд-
нымъ и любопытнымъ задачамъ. *Лагранжъ* воз-
ражалъ противъ сего способа, считая его недо-
статочнымъ въ томъ случаѣ, когда въ назначен-
ныхъ предѣлахъ дифференціальный коэффициентъ
можетъ сдѣлаться безконечнымъ: но сіе обстоя-
тельство подразумѣвается во всѣхъ подобныхъ
вопросахъ и составляетъ исключеніе изъ общихъ
правилъ. Изъ общаго способа Варіацій *Лагранжъ*
первый нашелъ интегралъ уравненія съ частными
разносными второго порядка, принадлежащаго
къ поверхности, имѣющей наименьшую площадь;

спустя 20 лѣтъ, *Монжъ* получилъ пошъ же интегралъ изъ соображеній, которыя подлежали сомнѣніямъ; но *Лежандръ* въ 1787 г. достигъ до сего интеграла прямымъ и замѣчательнымъ преобразованіемъ, и тѣмъ разрѣшилъ упомянутыя сомнѣнія. Въ Разсужденіи его предложены еще интегралы многихъ классовъ того же самаго уравненія, принадлежащихъ къ высшимъ порядкамъ, и распространеніе счастливой идеи *Лагранжа* объ интегрированіи таковыхъ уравненій перваго порядка, когда они не суть линейныя.

Въ 1790 г. *Лежандръ* открылъ новое начало въ теоріи интеграловъ или въ особенныхъ рѣшеніяхъ: онъ доказалъ, что онъ всегда содержится въ опредѣленномъ выраженіи, въ которомъ число произвольныхъ постоянныхъ меньше, нежели въ полномъ интегралѣ. Впрочемъ онъ объяснилъ, что сіе заключеніе есть непосредственное слѣдствіе изъ истинныхъ началъ сего вопроса, ясно изложенныхъ *Лагранжемъ* въ 1774 г. — Въ Мартѣ 1805 г. *Лежандръ* сдѣлалъ извѣстнымъ изчисленіе *наименьшихъ квадратовъ*, посредствомъ котораго получается вѣроятнѣйшій выводъ изъ даннаго числа наблюденій. — Наконецъ въ 1816 г. *Лежандръ* предложилъ два способа числоваго рѣшенія уравненій; по симъ способамъ дѣйствительныя и мнимыя корни находятся весьма скоро.

Изъ Геометрическихъ трудовъ *Лежандра*, должно упомянуть о задачахъ, относящихся къ поверхностямъ конуса наклоненнаго, конуса эллипсическаго двояко-косвеннаго, и эллипсоида. При изслѣдованіяхъ о семъ послѣднемъ предметѣ

Лежандръ подвелъ подъ изящное вычисленіе спрое-
нiя *Монжа*, произведенныя посредствомъ проло-
женій наибольшей и наименьшей кривизны линей,
проводимыхъ на поверхности онаго шѣла. Сверхъ
того нельзя умолчать объ его извѣстной *Гео-*
метріи, хотя она принадлежитъ къ сочиненіямъ
элементарнымъ. Не смотря на древность и из-
вѣстность предмета, *Лежандръ* успѣлъ найсти
въ немъ нѣкоторыя новыя стороны, какъ на при-
мѣръ, *равенство тѣлъ по симетріи* (*). Но
главнѣйшее достоинство сей книги составляютъ
примѣчанія къ Геометріи и дополненіе къ Триго-
нометріи (см. Бриссельское изданіе 1832 г.).

Къ числу замѣчательныхъ изысканій *Ле-*
жандра касательно Механики относится прило-
женіе эллиптическихъ функцій къ свободному
обращенію шѣла, къ движенію шѣла,
привлекаемаго двумя постоянными центрами, и
къ опредѣленію орбиты, производимой данною
центральною силою. Сіи вопросы были обрабо-
тываемы и другими Геометрами, которые успѣ-
ли подвесити ихъ рѣшенія подъ способъ квадра-
туръ: но оставалось еще опредѣлить съ надле-
жащею точностью положеніе шѣла и всѣ об-
стоятельства движенія въ концѣ даннаго време-
ни; сіи требованія весьма трудны, потому что
формулы, приспособленныя къ первому обраще-

(*) Полное понятіе о достоинствахъ и недосмазкахъ *Гео-*
метріи Лежандра можно получить изъ сочиненія *Гурье-*
ва: Опытъ объ усовершеніи элементовъ Гео-
метріи.

нію, оказывающіяся недостаточными, какъ скоро надобно распространить вычисленіе на всякое время и на неопредѣленное число обращеній. Все сіе разрѣшилъ *Лежандръ* совершенно удовлетворительно. Припомъ, разсматривая движеніе къ двумъ поспояннымъ центрамъ, онъ показалъ чудесную обширность сего любопытнаго вопроса, и ограничившись главнѣйшими случаями, особенно тѣмъ, когда траекторія бываетъ двоякой кривизны, предложилъ многія новыя идеи, копоры могутъ имѣть обширное приложеніе въ теоріи движенія планетъ.

4. *Вопросы Астрономическіе и изъ Высшей Геометріи.*

Опредѣленіе кометныхъ орбитъ изъ малаго числа наблюденій составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ. *Нютонъ* сдѣлалъ первый шагъ къ ея рѣшенію. Здѣсь видѣнъ его геній, но современное состояніе Науки не позволило ему совершенно удовлетворить Астрономовъ, а потому вопросъ сей сдѣлался предметомъ изслѣдованій многихъ Геометровъ. *Эйлеръ* и *Ламбертъ* присоединили къ Нютонову рѣшенію весьма полезныя теоремы; *Лагранжъ*, съ обыкновенною своею принципальностью, опредѣлилъ свойства всѣхъ извѣстныхъ тогда рѣшеній и показалъ, чего недостаетъ для полнаго успѣха; но, кромѣ *Лапласа*, основавшаго свою теорію на счастливыхъ и простыхъ соображеніяхъ, ни одинъ изъ Геометровъ не отвѣчалъ требованіямъ Астрономовъ, копоры въ продолженіе 35 лѣтъ предпочтительно употребляли непрямые способы

Лакаля. Въ сіе время Док. *Ольберсъ* издалъ въ свѣтъ новый остроумный способъ, удобнѣйшій для вычисленій. Послѣ сего и *Лежандръ* въ 1805 г. сдѣлалъ извѣстнымъ свой способъ, къ коему присоединилъ (1806 г.) существенное дополненіе, желая уничтожить неудобства онаго въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упростилъ и доставилъ бѣльшія выгоды для вычисления. Не смотря на высокое достоинство и ясность *Лежандрова* анализа, кажется, рѣшеніе его не было оцѣнено надлежащимъ образомъ, хотя вообще признавали пользу онаго для поправленія элементовъ по предварительномъ изчисленіи. Посему *Лежандръ* въ претѣй разъ возвращался къ тому же предмету, и въ 1820 г. предложилъ Астрономамъ два другихъ способа, изъ коихъ одинъ приближается къ *Ольберсову*, а другой къ *Лапласову*.

Въ 1787 г. *Лежандръ* былъ опредѣленъ помощникомъ *Мешеню* и *Кассинію*, которые занимались тригонометрическимъ соединеніемъ Обсерваторій Парижской и Гринвичской. Сія важная работа заставила *Лежандра* посѣтить Лондонъ, гдѣ приняли его въ число Членовъ Королевскаго Общества Наукъ, и попомъ за участіе въ оной дали ему мѣсто въ Комитетѣ, составленномъ изъ претѣхъ Членовъ, для введенія во Франціи *метрической системы*: отправляя сію должность, онъ передѣлалъ и пересмотрѣлъ всѣ вычисленія части меридіана, заключающейся между *Дункирхеномъ* и *Барцелоною*. Таковы были общіяпелельства, побудившія сего великаго ученаго заниматься *Геодезіею*, въ кошорой сдѣлалъ

онъ важнѣйшія открытія. Посредствомъ прекрасной теоремы, носящей его имя, сферическіе и даже сфероидальные треугольники можно вычислять просто и единообразно, какъ треугольники прямолинейные. Кромѣ другихъ многихъ теоремъ, облегчающихъ вычисленіе необходимыхъ поправокъ въ геодезическихъ работахъ, Астрономы обязаны ему новыми формулами для опредѣленія съ точностью географическихъ широтъ и долготъ, величинъ градусовъ меридіана и перпендикулярныхъ къ оному дугъ. Наконецъ, рассматривая треугольники, начерченные на сфероидѣ, и свойства крапчайшихъ линий на той же поверхности, *Лежандръ* издалъ въ 1806 г. полнѣйшій анализъ главныхъ геодезическихъ вопросовъ, и такимъ образомъ способствовалъ къ возведенію сей науки на высшую степень совершенства.

5. *Теорія чиселъ.*

Ферматъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ Французскихъ Математиковъ, былъ основателемъ трудной теоріи чиселъ. Судя по многимъ теоремамъ, оставшимся послѣ него безъ доказательства, должно заключить, что онъ сдѣлалъ въ сей теоріи удивительные успѣхи. Весьма жаль, что по неизъяснимому случаю всѣ его рукописи погибли; изъ нихъ можно было бы получить понятіе о свойствахъ анализа, который употреблялъ онъ для своихъ открытій. По смерти *Фермата* прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, и ни одинъ изъ Геометровъ не испытывалъ своихъ силъ въ томъ же предметѣ, ис-

полненномъ многихъ затрудненій. Наконецъ *Эйлеръ* открылъ поприще, на которое чрезъ 30 лѣтъ вступилъ и *Лагранжъ*. Сии знаменитые аналиты доказали многія изъ теоремъ *Фермата*, изобрѣли новыя, и съ равнымъ успѣхомъ обрабошывали теорію чиселъ и тѣсно соединенный съ нею неопредѣленный анализъ. *Лежандръ* началъ заниматься тѣми же изысканіями въ 1785 г., и первымъ его открытіемъ было общее предположеніе, содержащее законъ взаимности (*reciprocité*) между двумя первоначальными числами, — законъ, признанный нынѣ за основаніе всей теоріи. Хотя не *Лежандръ*, а *Гаусъ* доказалъ справедливость сего закона во всѣхъ случаяхъ, однако не переспаюшъ называть его именемъ изобрѣшателя: точно такъ же подъ теоремою *Лагранжа* разумѣютъ общую формулу обращенія рядовъ, открытую симъ Геометромъ, но доказанную *Лапласомъ*.

Кромѣ сего важнаго закона и многихъ его приложений, первое Разсужденіе *Лежандра* содержишь еще доказательство теоремы, посредствомъ которой можно судить о возможности всякаго неопредѣленнаго уравненія второй степени, и начало совершенно новой теоріи о разложеніи чиселъ на три квадрата. Съ этого времени до 1798 г. не выходило ни одного важнаго сочиненія о числахъ; но въ семь году *Лежандръ*, подъ скромнымъ названіемъ *Опыта*, издалъ большое швореніе, коимъ занимался онъ весьма много, и которое было первою книгою, гдѣ во всей полнотѣ излагалась теорія оныхъ; шунъ же собраны были систематически и всѣ шруды *Эйлера* и

Лагранжа. Вскорѣ потомъ (1801 г.) явились *Арифметическія изслѣдованія* (Disquisitiones arithmeticae) *Гауса*, копорыя доказали Европѣ, что она имѣетъ еще одного великаго Математика. *Лежандръ*, одушевляемый благороднымъ соревнованіемъ, въ новомъ изданіи (1808 г.) своего *Опыта* помѣспилъ всѣ опскрытія Брауншвейгскаго ученаго; потомъ, когда *Коши* успѣлъ доказать одну изъ замѣчательнѣйшихъ теоремъ *Фермата* о разложеніи чиселъ на многугольники, *Лежандръ* объяснилъ сіе трудное доказательство и вывелъ изъ него многія слѣдствія. Наконецъ въ 1830 г. онъ сдѣлалъ претіе изданіе своего творенія въ двухъ томахъ, въ четвертую долю листа, и уже не подъ именемъ *Опыта*, но подъ полнымъ названіемъ *Теоріи чиселъ*. Сіе изданіе, прошивъ втораго, опличаеся многими прибавленіями и новымъ расположеніемъ предметовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены при первыи части всего творенія, во второмъ же содержащія при послѣднія и большое дополненіе. Читатели замѣтятъ, что великій трудъ *Лежандра* не посвященъ исключительно одной теоріи чиселъ и прямо къ ней относящимся предметамъ; но найдутъ въ немъ полное хранилище аналитическихъ шайнъ, собранныхъ такимъ Ученымъ, копорый былъ изъ первыхъ усовершенствователей анализа — сего удивительнаго орудія ума человеческого.

9. О температурѣ морской воды.

Въ одномъ изъ засѣданій Парижскаго Географическаго Общества извѣстный Капитанъ *Дурвиль* читалъ записку о температурѣ морской воды въ разныхъ глубинахъ. Сочинитель высчитывалъ сперва всѣхъ наблюдателей, которые до него и послѣ него старались опредѣлять температуру морей и большихъ озеръ въ разныхъ состояніяхъ отъ ихъ поверхностей: отсюда выходилъ заключеніе, что всѣ труды сихъ наблюдателей составляютъ рядъ, содержащій 421 наблюдение, изъ коихъ 138 даютъ температуру морской воды на глубинѣ 200 брассовъ (*). Послѣ сего Г. *Дурвиль* объясняетъ, что онъ составилъ двѣ таблицы, коихъ *координаты* суть географическія широты отъ экватора до полюса и число брассовъ глубины до тысячи. Въ сіи таблицы вписаны всѣ наблюдаемыя температуры, такъ что въ одно мгновеніе и для каждой параллели можно найти отношеніе температуры поверхности къ температурѣ въ различныхъ глубинахъ.

Изъ соображенія чиселъ сихъ таблицъ Г. *Дурвиль* выводитъ слѣдующія заключенія:

I. Въ моряхъ свободныхъ.

1) Общая температура нисшихъ слоевъ, въ глубинѣ 600 брассовъ и болѣе, почти постоянна и приближается къ предѣлу, содержа-

(*) Брассъ — мѣра Голландская, содержащая 6 футовъ.
См. Геогр. *Бальби* стр. 1511.

щемуся между 4° и 5° , и кошорый, кажется, равенъ $4^{\circ},4$.

2) По мѣрѣ возвышенія къ поверхности моря температура сія измѣняется постепенно, приближаясь къ температурѣ верхнихъ слоевъ, соотвѣствующей времени года.

3) Въ ближайшемъ поясъ къ экватору, т. е. между 10° сѣв. и 10° южной широты, слои, углубленные на 100 брассовъ, отъ особенной причины охлаждаются болѣе, нежели сколько надлежало бы ожидать.

II. Въ моряхъ, окруженныхъ землею.

1) Здѣсь температура на глубинѣ 150 брассовъ, кажется, зависитъ отъ температуры верхнихъ слоевъ, при томъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе сія послѣдніе были нагрѣваемы.

2) Далѣе 150 брассовъ температура нижнихъ слоевъ постоянно равняется почти 13° .

III. Въ озерахъ.

3) Въ сихъ водохранилищахъ температура также уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ поверхности, и наибольшее охлажденіе простирается до $4^{\circ},4$; между тѣмъ верхніе слои сохраняютъ наибольшее тепло. При томъ упомянутое охлажденіе никогда не бываетъ болѣе низшей температуры верхнихъ слоевъ.

Для объясненія сего распредѣленія тепла въ огромныхъ массахъ воды, покрывающей земной шаръ, Г. Дурвиль счищаетъ нужнымъ допустить, что воды Океана получаютъ наибольшую площ-

ность при $4^{\circ},4$, какъ и вода прѣсная. Единственно посредствомъ сего предположенія можно объяснить постепенное охлажденіе нисшихъ слоевъ Океана при экваторѣ, нагрѣваніе оныхъ при полюсахъ и постоянную температуру водъ Средиземныхъ на большихъ глубинахъ.

В. ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

10. Отрокъ — Математикъ.

Поспѣшаемъ сообщить читателямъ Ученыхъ Записокъ любопытный отрывокъ изъ донесенія Г. Абашурова, Директора Коспромскихъ Училищъ, Училищному Комитету.

„1834 Года, Мая 10 дня, по словесному предложенію Г-на Коспромскаго Гражданскаго Губернатора, А. Г. Приклонскаго, въ Коспромской Губернской Гимназіи, въ общемъ присутствіи Совѣта, производимо было испытаніе въ рѣшеніи практическихъ задачъ изъ Арифметики и Алгебры представленному Коспромской Губерніи Кологривскаго уѣзда помѣщицею Г-жею Волташиной, деревни Рагозина крестьянскому сыну, Ивану Петрову, имѣющему отъ роду одиннадцать лѣтъ, по замѣченной въ немъ особенной способности къ Арифметическимъ выкладкамъ. Этого мальчика, вовсе не зная ни читать, ни писать и не имѣя понятія о нумераціи, единственно силою соображенія и памяти, разрѣшаетъ не только простыя, но и довольно многосложныя задачи, не прибѣгая ни къ какимъ употребительнымъ въ подобныхъ случаяхъ пособиямъ.

Задачи :

1. Сложись : $143 + 27 + 38 + 29$
2. Сложись : $427 + 28 + 7 + 20 + 652$.
3. Чрезъ 15 лѣтъ мнѣ будетъ столько же лѣтъ , сколько теперь брату моему ; копорый же ему годъ , если мнѣ 14 лѣтъ ?
4. Купецъ , продавши нѣкоторый шоваръ за 4548 руб. , имѣлъ ошъ продажи убытку 452 руб. ; сколько же стоишъ шоваръ ?
5. Изъ 1600 вычесь 1248.
6. Изъ 40,004 вычесь 30,005.
7. Найши число , къ копорому надлежишъ прибавишъ 3456 , чшобы получишъ 10,000.
8. Сколько разъ изъ 12,425 получишся по 25?
9. Издержано 5 мѣшковъ съ 875 руб. пшаканми въ каждомъ , на покупку холста по 35 коп. аршинъ ; сколько куплено аршинъ холста ?
10. Между двумя селеніями поставлено на дорогѣ 1658 деревъ въ разныхъ расшояніяхъ ; какъ велико расшояніе между упомянутыми селеніями , если середина одного дерева ошъ середины другаго стоишъ на 8 аршинъ ?
11. Въ извѣстное время 12 человекъ употребили на содержаніе свое 136 руб. ; сколько издержашъ въ шакое же время 69 человекъ ?
17. Сколько будетъ разныхъ способовъ для уплаты 78 руб. , имѣя двухъ родовъ монеты : однѣ въ 5 руб. , а другія въ 3 руб. ; разрѣшилъ всѣми шесшью способами.

На рѣшеніе всѣхъ вообще задачъ упошреблено часъ и 17 минутъ, считая и то время, которое пребовалось на самое назначеніе и повтореніе задачъ. Задачи, предложенныя просто-народными словами и не въ отвлеченныхъ числахъ, испытуемый понималъ и рѣшалъ быстрѣе; а касательно способа разрѣшенія, надобно замѣнить, что онъ приводилъ числа сперва въ круглыя, ш. е. въ пяшки, или десятки, и попомъ или прибавлялъ къ онымъ, или отнималъ, смотря по надобности.“

Желательно, чѣмъ этому примѣчательному мальчику даны были средства образовать свои способности. — Судя по участию, какое принялъ въ немъ Коспромской Гражданской Губернаторъ, должно надѣяться, что онъ и получитъ ихъ. Учебное Начальство съ своей стороны упошребишь также все свое стараніе для содѣйствія къ дальнѣйшему ихъ развитію.

С. Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

11. *Lineamenta Historiae Romanorum litterariae*, exposita a H. Harless. Mosquae, 1834, in 8°.

Сіе руководство Гарлесово къ Исторіи Латинской Словесности во всѣхъ иностранныхъ Университетахъ служило настольною книжкою для занимающихся чтеніемъ Римскихъ писателей. Систематическій порядокъ изложенія, краткое и вмѣстѣ вѣрное изображеніе отличительныхъ свойствъ cadaго писателя, указаніе на лучшія

изданія, об'ясненія и переводы Лашинскихъ писателей, чистый и легкий языкъ — вошъ доспосинства сего прекраснаго руководства. Профессоръ Лашинской Словесности въ здѣшнемъ Университетѣ, П. М. *Снегиревъ*, издалъ нынѣ оное для употребленія слушателей своихъ, присоединивъ къ Гарлесову сочиненію свѣдѣнія о прудахъ Русскихъ Ученыхъ по частии Лашинской Словесности. Опъ шого это изданіе стало для насъ, Русскихъ, полезнѣе и любопытнѣе изданій иностранныхъ. Благодаря почтеннаго Издашеля за Спуденшовъ, для коихъ собспвенно эша книга назначена, благодаримъ и за себя; пошому что она принадлежиптъ къ пособіямъ и Опечесшвенной Словесности.

Вошъ содержаніе Гарлесовой Исторіи Лашинской Словесности. — Введеніе заключаешъ въ себя слѣдующіе предметы: Воззрѣніе Римлянъ на Словесность. Возраспы Римской Словесности. Пособія для Исторіи Словесности Римлянъ. О Лашинскомъ языкѣ. *Первый вѣкъ Словесности*. (до 78 года предъ Р. Х.). I. Поэзія. Древнѣйшія стихотворенія. 1) Драма. Драмашическія произведенія Греческія — подражательныя и Римскія — народныя. А. Трагедія. Ливій Андроникъ, Эній, Пакувій, Апшій. В. Комедія. Невій, Плавпъ, Цецилій, Стацій, Теренцій, Афраній. Драмашическія представленія мѣщанскія. 2) Сашира. — II. Краснорѣчіе. 1) Исторія, 2) Вишійство, 3) Философія и Законовѣдѣніе.

Второй вѣкъ (78 г. до Р. Х. по 14 г. послѣ Р. Х.). I. Поэзія. 1) Драма, 2) Дидактическія

спихотворенія : Лукрецій, Виргилій, Овідій, Луцилій младшій, Грацій, Мацеръ, Манилій. 3) Элигическія спихотворенія: Капуллъ, Виргилій, Овідій, 4) Лирика, 5) Элегія: Тибуллъ, Проперцій, Овідій. — Героиды. 6) Сашира. — Посланія. II. Краснорѣчіе. 1) Випійство и Философія: Цицеронъ. 2) Исторія: Цесарь, Саллюстій, Корнелій Непотъ, Ливій. 3) Грамматики, 4) Науки Математическія и Естествовѣдныя.

Въкъ третій (14—138 по Р. Х.). — Характеръ Словесности сего періода. I. Поэзія. 1) Эпоея: Луканъ, Силій Италикъ, Валерій Флаккъ, Спаций. 2) Сашира: Персій, Ювеналъ. 3) Эпиграмма, 4) Апологъ, 5) Драма. II. Краснорѣчіе. 1) История и Географія: Веллей Патеркулъ, Валерій Максимъ, Курцій, Тацитъ, Светоній, Флоръ, Помпоній Мела. 2) Випійство и Теорія Краснорѣчія: Сенека, Квинтилианъ, Плиній младшій. 3) Философія, 4) Науки Естествовѣдныя и Математическія, 5) Законовѣдѣніе, 6) Грамматика.

Въкъ четвертый (138—476 по Р. Х.). Объ упадкѣ Словесности. — I. Поэзія. 1) Спихотворенія Дидактическія и Пастушескія, 2) Эпоея, Апологъ, Гимны, Сашира. II. Краснорѣчіе. 1) История и Географія: Юстинъ, Аврелій Викторъ, Эвтропій, Руфъ, Аммианъ Марцеллинъ, Орозій. 2) Богословіе, 3) Математика и Физика, 4) Випійство — Письма, 5) Законовѣдѣніе, 6) Грамматика.

Lineamenta Historiae Graecorum litterariae, exposita a
H. Harless. Mosquae, 1834, in 8°.

Руководство къ Исторіи Греческой Словесности того же Гарлеса, сочиненіе одинаковаго достоинства съ выше упомянутымъ. Профессоръ Греческой Словесности въ здѣшнемъ Университетѣ, С. М. *Иваиловскій*, издалъ оное также для слушателей своихъ; а приобщивъ къ Гарлесову сочиненію собственныя замѣчанія о Русскихъ переводахъ Греческихъ Классиковъ, сдѣлалъ сіе руководство полезнымъ для каждаго любителя древней Словесности. Съ благодарностью воспрѣчаемъ сей новый трудъ почтеннаго Издашеля.

Вотъ содержаніе Руководства къ Исторіи Греческой Словесности. Введеніе заключаетъ слѣдующіе предметы: Объ Исторіи Словесности вообще. О превосходствѣ Словесности Греческой и Римской. Опличительныя свойства Словесности Греческой. Періоды Исторіи Греческой Словесности. Пособія для оной. О Греческомъ языкѣ.

Въкъ первый (540 лѣтъ до Р. Х.), Древнѣйшія преданія о Греціи. Троя. Прорицалища. Мистеріи. Первые Поэты: Орфей, Музей. I. Поэзія. 1) Эпосъ: Омиръ, Поэты Циклическіе, Гезіодъ. 2) Элегія, 3) Лирика: стихотворенія Эолическія, Дорическія, Ионическія, Дионирамбы. 4) Апологъ. II. Краснорѣчіе. 1) Исторія, 2) Законовѣдѣніе, 3) Философія: А) Школа Ионическая, В) Пифагоръ, С) Элеатики.

Въкъ второй (540—336). I. Поэзія. 1) Драма: А. Трагедія: Эсхиль, Софокль, Эврипидъ.

В. Сатпира. С. Комедія—Аристофанъ. 2) Лирика, 3) Элегія, 4) Дидактическія стихотворенія: Ксенофанъ, Парменидъ, Эмпедоклъ, 5) Эпопея Героническая. II. Краснорѣчіе. 1) Исторія: Продотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ. 2) Витѣйство. О началѣ судебного витѣйства. Вятин: Горгій, Алкидамъ, Аншифонъ, Андокидъ, Лизій, Исократъ, Изей, Ликургъ, Димосеенъ, Эсхинъ, Динархъ, Гиперидъ, Демадъ. 3) Философія: Ионическая школа, Пифагорейцы, Элеатическая школа, Софисты, Сократъ и его послѣдователи, Мегарическая школа, Киренейская, Циники, Академія — Платонъ. 4) Математика и Медицина.

Въкъ третій (до 117 до Р. Х.). I. Поэзія. 1) Драма, 2) Стихотворенія Пастушескія, 3) Ода и Элегія, 4) Эпосъ, 5) Дидактика, 6) Эпиграммы. II. Краснорѣчіе. 1) Языкоученіе, 2) Философія: Аристотель и его послѣдователи, Скептики, Эпикурейцы, Стоики, Академія средняя и новая—Платонники, 3) Науки Естественныя и Математическія, 4) Исторія: Тимей, Верозъ, Манетонъ, Полибій, Посидоній, Діонисій Галикарнассскій, Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, 5) Географія, 6) Витѣйство, 7) Писатели Мнѳовъ.

Въкъ четвертый (117—1453 по Р. Х.). I. Поэзія. II. Краснорѣчіе. 1) Филологія: Лексикографы, Грамматики; 2) Философія: Стоики, Скептики, Перипатетики, Новоплатонники: Плотинъ, Порфирій, Ямвлихій, Проклъ, Юліанъ, Спобей, Философы Христіанскіе и Богословы; 3) Исторія: Арріанъ, Аппіанъ, Діонъ Кассій, Геродіанъ, Эліанъ, Историки Византійскіе,

Историки Церкви; 5) Географія: Арріанъ, Павзаній, Птоломей; 7) Математика и Физика, Астро-
логія, Медицина, Естественная Исторія; 8) Со-
фисты и Риторы: Полемонъ, Геродъ, Аристидъ,
Луціанъ, Филостратъ, Апеней,Themistius, Либа-
ній, Гимерій, Юліанъ; 9) Законовъдѣніе; 10) По-
вѣщи.


~~~~~  
Напечатано по опредѣленію Университетскаго  
Совѣща. Іюня 15 го дня 1834 года. Секретарь  
Совѣща Ордин. Проф. Николай Надеждинъ.  
~~~~~

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

І. НАУКИ.

А. МЕХАНИКА.

№ Стр.

- 1 и 2. О движеніи свободной неизмѣняемой системы тѣлъ. — *Лекція Профессора Перевощикова* X, 3 и XI, 209

В. ФИЗИКА.

3. О цвѣтѣ воздуха и глубокихъ водъ, и о нѣкошорыхъ другихъ сходныхъ подвижныхъ цвѣсахъ. — Сочиненіе Графа *Местра*. — *Сообщено отъ Профессора Перевощикова* XII, 429

С. ХИМИЯ.

4. Значеніе и предѣлы Химіи. — *Лекція Профессора Геймана* XI, 229

Д. МИНЕРАЛОГІЯ.

5. О цвѣсахъ минераловъ. — *Лекція Профессора Ловецкаго* XI, 251

Е. ФАРМАЦІЯ.

6. О золотѣ. — *Лекція Адъюнкта-Профессора Никифора Лебедева* X, 23

ОГЛАВЛЕНИЕ

617

№ Стр.

F. Физиология.

7. О современномъ направленіи Физиологии и
успѣхахъ въ оной М. Беля. — *Адъ-
юнктъ-Профессора Н. Лебедева*. XII, 455
- 8 О жизни. — Письмо Адъюнкта-Профес-
сора *К. Лебедева* къ Профессору *Мак-
симовичу* XII, 476

G. География.

- 9 и 10. Географическія свѣдѣнія Омира. —
Разсужденіе М. Каркунова X, 40 и XI, 277

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУССТВА.

A. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

11. Значеніе, содержаніе, форма и виды Ли-
рической Поэзіи. — *Изъ Лекцій Про-
фессора Давыдова* X, 70
12. Измѣненія Эпопеи въ различные возрасты
человѣчества. — *Изъ Лекцій Профес-
сора Давыдова* XI, 313
13. Содержаніе, форма и изложеніе Исто-
ріи. — *Изъ Лекцій Профессора Да-
выдова* XII, 525

B. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

14. О Венгерской Словесности. — Переводъ
Лекцій Профессора Вольфа . . . X, 95
15. О Латинскомъ языкѣ. — *Профессора
Снегирева* XII, 542

- № Стр.
16. Обзорѣніе Исторіи Датскаго языка и
Словесности. — Переводъ *Лекцій Про-
фессора Вольфа* XII, 559

С. ИСТОРИЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

17. Дѣйствія Московскаго Университета въ
первомъ періодѣ его существованія. —
Профессора Снегирева XI, 330

III. К Р И Т И К А.

А. Изыщная Словесность.

- 18 и 19. Даншъ и его вѣкъ. — *Изслѣдова-
ніе Адъюнктъ - Профессора Шевы-
рева* X, 117 и XI, 365

В. М Е Х А Н И К А.

20. Опытъ объяснительныхъ примѣчаній на
Аналитическую Механику Лагранжа. —
Профессора Первозикова . . . XII, 573

IV. С М Ъ С Ъ.

А. Ученныя извѣстія.

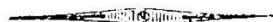
21. О креосотѣ. — Сообщено ошъ *Адъюнктъ-
Профессора Н. Лебедева* X, 156
22. Описаніе минераловъ, при Ненаситин-
скихъ порогахъ находящихся. — *Письмо
И. Х. У. Пр. Криницкаго къ Пр. Мак-
симовиѣ* X, 161

ОГЛАВЛЕНИЕ

619

	№	Стр.
23. Кишайская библіотека въ Москвѣ. — Сообщено отъ Профессора Снеги- рева	X,	167
24. Сапъ, заразившій челоѣка чрезъ слу- чайное привитіе. — Наблюденія Докт. Вилліамса. — Сообщено отъ Профес- с. Лебедева	X,	171
25. О спрямленіи окружности, П. Н. Навроц- каго	XI,	398
26 и 27. О сочиненіяхъ Лежандра. XI, 405 и XII, 592		
28. Обзоръніе успѣховъ наукъ Естество- ныхъ съ 1832. — Адъюнктъ-Профессо- ра Ювскаго	XI,	412
29. О температурѣ морской воды	XII,	606
В. Отечественныя извѣстія.		
30. Отрокъ - Математикъ	XII,	608
С. Афоризмы.		
31. Мысли изъ Новалиса.	X,	177
D. Библиографія.		
32. Исторія древнихъ Италіянскихъ наро- довъ, І. Микали. — Сообщено отъ Про- фессора Погодина	X,	181
33. Lois de Manou. — Сообщено отъ Пр. Погодина	XI,	413
34. Космогоническія воззрѣнія Индійцевъ. — Сообщено отъ него же	XI,	418

35. Lineamenta Historiae Romanorum litterariae ,	
exposita a Harless	XII, 610
36. Lineamenta Historiae Grecorum litterariae ,	
exposita a Harless	XII, 613.

О П Е Ч А Т К И.

Въ № 11 Ученыхъ Записокъ.

Напечатано :

Читай :

Стр. 347 стр.	8 1737	1757.
— 349 —	13 П. И.	П. И.
— 363 —	23 шла	жила.
— 254 —	4 различать	разлагать
— 256 —	10 вещественные	существенные
Стр. 275 вмѣсто перпендикулярно во всѣхъ среднихъ , должно читать : перпендикулярно. Во всѣхъ среднихъ.		

Image ID: 31684702

Image ID: 31684703

Image ID: 31684704

Image ID: 31684705

Image ID: 31684706

3 9002 08523 5621

Image ID: 31684707

